10
Д-18
Данилов Н.
Смешанная
операция...
Л 1927

Д 18

БОРЬБА ФЛОТА ПРОТИВ БЕРЕГА В МИРОВУЮ ВОЙНУ

под редакцией и с введением проф. Б. Б. ЖЕРВЕ.

Том III.

Проф. Н. А. ДАНИЛОВ.

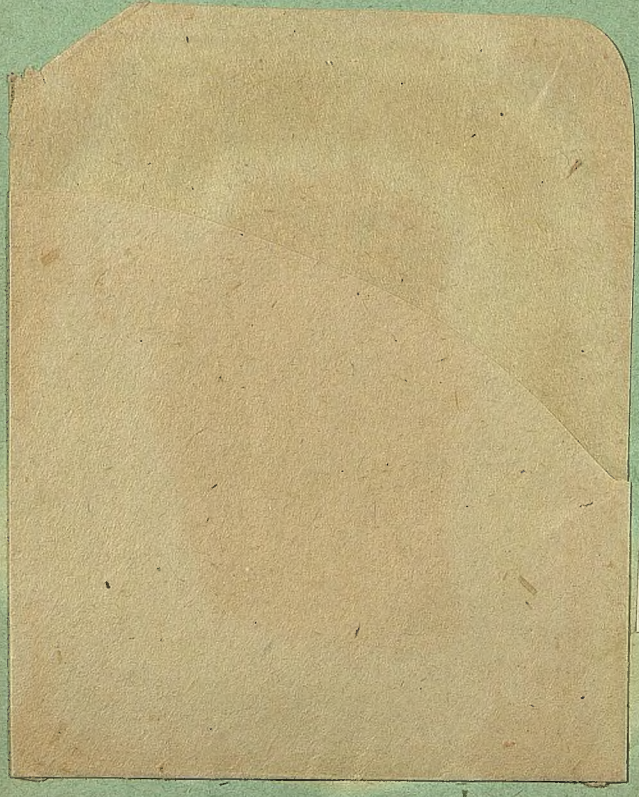
СМЕШАННАЯ ОПЕРАЦИЯ

В РИЖСКОМ ЗАЛИВЕ

в Июне — Августе 1916 г.

Издание В.-Морской Академии РККА.
ЛЕНИНГРАД
1927

67575



13

С. С. С. Р. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

По Военно-Морской Академии РККА.

355.463

БОРЬБА ФЛОТА ПРОТИВ БЕРЕГА В МИРОВУЮ ВОЙНУ

Под редакцией и с введением проф. Б. Б. Жерве.

Том III.

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА КРАСН. ПРОФЕССУРЫ № 67575/8

Проф. Н. А. Данилов.

СМЕШАННАЯ ОПЕРАЦИЯ В РИЖСКОМ ЗАЛИВЕ

в Июне — Августе 1916 г.

Издание В.-Морской Академии РККА.
ЛЕНИНГРАД
1927

Ленинградский Гублит № 48051. Тираж 1000 экз. 24 л. Зак. № 1120.

Тип. Гидрографического Управления Управления В.-Мор. Сил РККА.
Ленинград, зд. Гл. Адмиралтейства.

Инвентарный №
Шифр

ВВЕДЕНИЕ.

Читатель, осведомленный в событиях мировой войны, может задать недоуменный вопрос: зачем понадобилось издавать солидный том научно-исторического исследования операции, которая фактически не состоялась и большая часть подготовки которой выразилась лишь в огромном количестве переписки между соответствующими органами командования и изготовленных ими оперативных документах?

Так как такой вопрос действительно может быть поставлен, то мы и считаем своим долгом на него ответить с должной обстоятельностью. Для этого нам нельзя, однако, ограничиться только общей характеристикой содержания настоящей книги, но следует подвести выводы из тех, большого теоретического и практического значения, вопросов морской войны и совместных операций армии и флота, которые находят в ней весьма яркую иллюстрацию и которые до сего времени недостаточно еще полно освещены в нашей научной литературе.

Из содержания настоящей книги читатель увидит, что намеченная, в июне 1916 года, высшим русским командованием смешанная операция в Рижском заливе не состоялась потому, что как в ее замысле, так и во всем процессе подготовки к ней был допущен ряд существеннейших ошибок; перед читателем раскроется, в то же время поразительная картина отсутствия взаимного понимания между сухопутным и морским командованиями. На ошибках мы учимся. Но, наряду с таким поучением «отрицательного» характера, мы извлекаем из содержания настоящей книги и большей ценности матерьял для поучения «положительного» порядка. Смешанная операция в Рижском заливе замышлялась в весьма оригинальной стратегической обстановке, которая, однако, может повториться и в нашей действительности; изучение произведенной большой оперативной работы по подготовке этой операции имеет, поэтому, практическое для нас значение,— значение тем большее, что вообще вопросы организации и подготовки смешанных операций являются одними из самых сложных и наименее разработанных в оперативном искусстве.

Ценность настоящего исследования увеличивается еще мастерством его выполнения; мы не впадем в преувеличение, если скажем, что настоящий труд профессора Н. А. Данилова является образцом об'ективного и методически правильного, научно-исторического исследования конкретной стратегической операции.

Непосредственным театром выполнения задуманной высшим русским командыванием, в июне 1916 года, смешанной операции являлся Рижский залив, с его юго-западным побережьем, занятым германскими войсками.

Так как существенную часть смешанной операции составляет ее морская сторона, заключающая в себе: перевозку десанта через море, от места посадки к месту высадки, подготовку и производство самой высадки; поддержку высаженного десанта в его действиях на берегу; устройство и обезпечение его морской коммуникации с тылом и, если понадобятся, то и обратную его эвакуацию, — то не только исход, но сама возможность операции в огромной степени зависят от того стратегического режима, который установился, ко времени выполнения этой операции, на морском театре, т. е. в данном случае—на Рижском заливе. Оригинальность этого режима и составляет одну из отличительных особенностей обстановки замышлявшейся операции, — почему нам и следует, прежде всего, на нем остановиться.

Германский флот, в мировую войну, настолько был сильнее русского Балтийского флота, что никакое искусство последнего не смогло-бы уравновесить его шансы, в открытой борьбе в море, с его грозным противником. Исходя из такого соотношения сил, русское морское командование построило свой план войны на Балтийском морском театре на идее обороны наиболее опасных для России операционных направлений на этом театре методами позиционной борьбы: узкий Финский залив и узкие входы в Рижский и Ботнический заливы давали возможности преграждать эти узкости артиллерийско-минными позициями, — не способными, сами по себе, предотвратить прорыв через них неприятельского флота, но благоприятствующими русскому, хотя-бы и гораздо более слабому, флоту занимать за ними выгодное фланговое положение относительно прорывающегося через минное заграждение и поэтому связанного в своем маневрировании противника. До войны и в первоначальный ее период, когда силы русского Балтийского флота были особенно малы (не вошли еще в строй

новые линкоры, эсминцы и подводные лодки),—на него была возложена задача обороны, методами позиционной борьбы, только восточной части Финского залива, как заключающей в себе морские подступы к Петрограду, — для чего и была создана «Центральная» минно-артиллерийская позиция на линии Нарген — Поркаллаудд. В дальнейшем течении войны, когда, с одной стороны, в состав русского Балтийского флота вошли новые линкоры и начали вступать новые эсминцы и подлодки и когда, с другой стороны, выяснилась связанность главных сил германского флота его мощным противником в Северном море,—русское командование начало постепенно раздвигать район позиционной борьбы своих морских сил на запад для обеспечения северного, приморского, фланга своих армий, отодвинувшихся к этому времени на линию р. Зап. Двины.

Таким образом, к весне 1916 года были созданы, сверх Центральной, еще следующие новые позиции: 1) «Передовая», состоявшая из минного заграждения, поставленного между Гангеуддом и м. Такхона (северная оконечность о. Даго), фланги которой должны были защищаться батареями, спешно сооружавшимися на о. Руссарэ (к югу от м. Гангеудд) и на о. Даго, у м. Такхона; 2) вход в Ботнический залив защищался минными банками, поставленными в Оландсгафе, вне территориальных шведских вод, и Або-Оландской укрепленной позицией; 3) вход в Рижский залив защищался минными заграждениями, поставленными в Ирбенском проливе, и Моондзунской укрепленной позицией. Как и болеее сильная Центральная позиция, так, тем более, и ни одна из этих трех позиций не могла, сама по себе, преградить неприятельскому флоту путь в защищавшийся ими залив. Передовая позиция, как защищавшая главное оперативное направление, должна была доставлять выгодное фланговое положение, относительно прорывающегося противника, главным силам Балтийского флота, выдвинувшим свое базирование из Гельсингфорса на запад, в гангеуддские шхеры. Активную силу Або-Оландской укрепленной позиции, как защищавшей вход в Ботнический залив, имевший второстепенное стратегическое значение (только как район морских торговых путей между Швецией и Финляндией), составлял слабый отряд устаревших боевых судов. Более сильный отряд, в состав которого входили, кроме старого линкора «Слава», несколько крейсеров и почти вся минная дивизия, составлял активную силу обороны Рижского залива, непосредственной оперативной целью которой была

защита входа в залив через Ирбенский пролив, пользуясь установленным в нем минным заграждением; северный фланг этого заграждения обеспечивался укрепленный Моонзундской позицией, но, зато южный его фланг упирался в занятое германцами и укрепленное ими побережье Рижского залива.

Вся совокупность созданных к лету 1916 года минно-артиллерийских позиций на Балтийском морском театре составляла единую грандиозную укрепленную систему, центром которой являлась Передовая позиция, с развертывавшимися за ней главными силами Балтийского флота, а флангами в виде позиций Ирбенского пролива и Оландсгафа, за которыми должны были развертываться второстепенные, специально для этого выделенные, части Балтфлота. Тыловой позицией всей этой системы, обусловливавшей ее устойчивость в отношении основной задачи морских сил Балтийского моря, т. е. защиты морских подступов к Петрограду, — являлась Центральная позиция.

Каждое отдельное звено этой единой укрепленной системы было слишком слабо, чтобы выдержать напряженный удар значительных сил неприятельского флота, но устойчивость сопротивления этого звена увеличивалась в большой степени возможностью флангового воздействия морских сил, действующих из соседнего звена. В особенности слабыми звеньями являлись фланговые, т. е. Ирбенская и Оландсгафская, позиции; обе они имели только по одному флангу, упиравшемуся в свои береговые укрепления; другой фланг Оландсгафской позиции упирался в нейтральные шведские воды, открывавшие проход в Ботнический залив; южный фланг Ирбенской позиции упирался в Курляндский берег, занятый и укрепленный германскими войсками; под прикрытием установленных на этом берегу своих батарей (до 8″ калибра включительно), германцы могли поддерживать открытым фарватер для своих кораблей вдоль этого побережья. Только в 1917 году, с готовностью установленной на м. Церель 12″ батареи, перекрывавшей своим огнем всю ширину Ирбенского пролива, до Курляндского берега включительно, работы германских тральщиков на фарватере вдоль этого берега—были в большей степени затруднены (но не прерваны вовсе).

Моонзундская укрепленная позиция, составлявшая промежуточное звено между Ирбенской и Передовой позициями, была, в особенности летом 1916 года, доступна для неприятельского десанта со стороны западного побережья островов Эзеля и Даго; входы в бухты Тагалахта и Лео, а также в Соэло-Зунд были защищены, и то весьма недостаточно,

только к осени 1916 года. Непосредственная оборона островов, таким образом, лежала на их гарнизоне, весьма недостаточном по своему составу для защиты длинной береговой линии, почти всюду доступной высадке. Но, с другой стороны, десантная операция германцев на острова Эзель и Даго также не являлась простой и мелкой операцией; для ее обеспечения необходимо было предварительно завладеть Балтийским морем. Развернутый за минно-артиллерийскими позициями русский флот представлял из себя боевую силу, способную в любой момент выйти в открытое море и напасть на совершающий морской переход, и даже на высаживающийся, десант; с этой силой германское командование не могло не считаться самым серьезным образом. Блокада всей длинной линии русских морских позиций, имевшей несколько удаленных друг от друга выходов в море и занимавшей охватывающее положение по отношению к вероятному району германских десантных операций, была бы трудно осуществима; она потребовала-бы, для своего выполнения, таких огромных сил и средств, которые не смогло-бы сосредоточить германское командование на сколько нибудь длительный срок, в Балтийском море; во всяком случае потребовала-бы предварительного захвата одной или даже нескольких бухт на побережьи о. Эзеля для устройства в них маневренной базы для блокирующих морских сил, что в свою очередь могло явиться только результатом предварительной десантной операции значительного масштаба. Было-бы, конечно, большой теоретической и практической ошибкой возводить в непреложную догму необходимость, для обеспечения десантной операции, предварительного завладения морем (абсолютно,— путем уничтожения неприятельского флота, или хотя-бы условного,—путем его заблокирования). Учет всей обстановки предстоящей десантной операции и в первую очередь, соотношения морских сил; сопоставление важности задачи этой операции, ее размера и срочности ее выполнения — со степенью осуществимости предварительного, для ее обеспечения, завладения морем, могли подвинуть решительное командование на путь непосредственного выполнения десантной операции без предварительного завледения морем, но, конечно, при непременном условии ее непрерывного конвоирования и прикрытия соответственными силами флота. В рассматриваемом случае германскому командованию, по самым оптимистическим для него подсчетам, пришлось-бы выделить для такого обеспечения десантной операции силы, превосходящие силы русского Балтийского флота, по крайней мере

в два раза. Справедливость нашего соображения подтверждается тем составом сил, которые были назначены германским командованием для выполнения Моонзундской операции осенью 1917 года, когда ему было заведомо известно то понижение боеспособности русских вооруженных сил, которое к этому времени явилось неизбежным следствием развивавшегося в России великого революционного процесса.

Эта-же угроза флангового удара со стороны главных сил русского флота должна была придавать устойчивость сопротивлению и Ирбенской и Або-Оландской позиций: для форсирования их германское командование должно было-бы назначить силы, необходимые не только для непосредственного выполнения такой операции, но и для ее обеспечения от флангового удара со стороны главных сил русского Балтийского флота. Что касается, наконец, центрального звена всей позиционно-оборонительной системы, т. е. самой Передовой позиции, то расположение за ней главных сил русского флота делало ее наиболее сильным звеном во всей системе, но все-же недостаточным, чтобы гарантировать эту позицию от превосходных сил германского флота, если только рассматривать эту операцию изолированно от всей обстановки театра. Большая длина этой позиции (40 миль); наличие обширного маневренного пространства для неприятельского флота к западу от нее; обнаженность южного фланга позиции, упиравшегося в неукрепленную еще тогда северную оконечность о. Даго (сооружение 12″ батареи здесь было закончено только к лету 1917 года),—сильно затрудняли оборону этой позиции.

Трудно, однако, было-бы представить себе, учитывая расстояние, отделявшее передовую позицию от операционных баз германского флота, чтобы германское командование решилось приступить к серьезной операции прорыва Передовой позиции, предварительно не захватив и не оборудовав вблизи этой позиции маневренную базу для тех крупных сил своего флота, которые понадобились-бы для выполнения этой операции. Местами для такой базы могли быть избраны бухты и рейды либо у западного побережья о. Эзеля, либо в шхерах Або-Оландского архипелага. Справедливость этого соображения делается еще более несомненной, если мы рассмотрим те стратегические цели, которые могли быть поставлены германскому флоту для прорыва Передовой позиции.

Сам по себе этот прорыв, без последующего реального об'екта для стратегических операций прорвавшегося герман-

ского флота, не мог являться стратегической самоцелью; этот прорыв мог-бы быть лишь первой его операционной целью, по пути к поставленной ему дальнейшей, стратегической цели, т. е. такой цели, достижение которой серьезно влияло-бы на общую стратегическую обстановку войны, хотя-бы только на восточном ее фронте. Прорыв германским флотом Передовой позиции, сам по себе, ни в какой степени не мог повлиять на эту стратегическую обстановку, но только поставил-бы его в опасное положение на плесе между передовой и центральной позициями, при наличии за последней главных сил русского флота, а на флангах—в Моонзунде и в Абоских шхерах—минных его сил. Уничтожение главных сил русского флота или высадка значительного десанта в районах Гангэ или Балтийского порта — могли-бы явиться стратегическими целями такого значения, для достижения которых германское командование могло-бы еще подумать о выделении значительных сил своего флота в эту трудную операцию. Но главные силы русского флота, не вступая в решительный бой с противником за Передовой позицией и использовав ее лишь для возможного ослабления прорывающегося германского флота,—сохранили-бы за собой способность благодаря преимуществу в скорости, оторваться от него и отойти за более сильную Центральную позицию. Прорыв в течение одних суток обоих позиций, разделенных расстоянием около 100 миль,—возможен был-бы лишь в период белых ночей; но далее и такая напряженная и успешно проведенная германским флотом операция еще не обеспечивала уничтожение русского флота, который сохранил-бы за собою возможность—или укрыться в Свеаборге, либо отходить далее к Кронштадту. Опять таки и в этом случае прорыв германским флотом обоих позиций, сам по себе, еще не давал стратегического результата; чтобы его осмыслить, вслед за ним должна была предусматриваться серьезная десантная операция (например, по занятию Ревеля, как исходного плацдарма для дальнейших операций в тылу наших армий и, одновременно, как базы германского флота для дальнейших его операций против русских морских сил в Финском заливе). Следовательно, и в случае прорыва германским флотом обоих позиций, преграждавших вход в Финский залив, — единственной стратегической целью, оправдывающей такую серьезную тактическую операцию,—была-бы операция стратегического десанта значительного размера, имеющая, в этом случае, вероятным своим об'ектом захват Ревеля.

Какой-бы об'ект ни был намечен германским командованием для стратегической десантной операции в западной части Финского залива (Гангэ, Балтийский порт, или Ревель), во всех случаях, до выполнения этой операции, требовались-бы систематические действия германских сил по обеспечению за собою устья Финского залива, что достигалось-бы, по меньшей мере, овладением Моонзундским архипелагом и устройством в нем обширной маневренной базы для своего флота. Эти операции, несомненно, потребовали-бы выделения, на длительный срок, весьма значительного количества германских морских сил и средств в Балтийское море и, следовательно, соответственного обнажения на все это время Северного моря.

В конечном итоге, мы видим, что, несмотря на слабость отдельных звеньев позиционно-оборонительной системы, созданной русскими к лету 1916 года на Балтийском море,— общие ее стратегические свойства были таковы что для серьезных стратегических операций против любого ее звена потребовалось-бы выделение весьма значительной части германских сил и, притом, на неопределенно долгий срок. Только два, одновременно действующих, условия могли-бы подвинуть германское командование на такое решение: 1) полная гарантия безопасности положения на театре Северного моря, не только позволяющая на длительный срок обнажить его от значительной части своих морских сил, но и пойти на риск больших потерь путем выполнения серьезных операций на Балтийском море; 2) весьма серьезные обстоятельства на восточном сухопутном фронте войны (либо угроза мощного русского удара его северному флангу, либо, обратно, возможность, при помощи своего флота, нанести решающий удар стратегическому положению России). Без наличия первого условия, одно второе условие, как-бы важно оно, само по себе, ни казалось, вряд-ли могло заставить германское командование решиться на серьезные и длительные операции на Балтийском море против созданной на нем русскими обширной позиционно-оборонительной системы.

Из произведенного нами анализа стратегического положения на Балтийском морском театре к началу летней кампании 1916 года мы можем сделать заключение, что русское командование имело право считать свои морские силы условно владеющими морем внутри всего пространства, отграниченного от остальной части Балтийского моря

позиционно-оборонительной системой. Только серьезные и решительные операции значительных сил германского флота против этой системы (превосходящие по крайней мере в два раза силы русского флота) могли бы поколебать условное владение русского флота внутри созданного им обширного морского плацдарма. Установившееся на Северном море стратегическое положение делало вообще мало вероятным решимость германского командования на такие операции его морских сил на Балтийском море. Такое решение германского командования можно было-бы сделать еще менее вероятным на определенный период времени, в течение которого, по просьбе русского высшего командования, усилилась-бы активность британского флота на Северном море.

Рижский залив целиком входил в рамки русской позиционно-оборонительной системы и, следовательно, в зону русского условного владения морем. Поскольку условное владение морем обеспечивает производство десантных операций,— постольку занятое германцами юго-западное побережье Рижского залива являлось естественным об'ектом для замыслов русских смешанных операций на этом частном театре морских операций.

Раньше, чем перейти к рассмотрению замысла русского командования о смешанной операции в Рижском заливе—в июне 1916 года,—очертим ту общую стратегическую обстановку, которая создалась к этому времени на мировом театре войны. Это было время величайшего напряжения и кризиса вооруженных сил австро-германской коалиции: под Верденом германцы еще продолжали (до сентября) свои яростные атаки, массируя против него огромные силы и средства; на северном секторе западного фронта союзники готовились к небывалому еще, по количеству сосредоточенных сил и средств, наступлению (вылившемуся в грандиозное сражение на Сомме, длившееся с 1 июля до ноября); начавшееся с большим успехом, в середине мая, австро-германское наступление на итальянском фронте, остановилось в июне, после чего принуждено было к откату, так как все резервы в это время австро-германское командование вынуждено было спешно бросать с западного и южного фронтов на восточный для спасения его южной части, подвергшейся разгрому перешедшими в энергичное наступление армиями Брусилова. Попытки русского центра (армии Эверта) и северного фронта (армии Куропаткина) также перейти в наступление с решительными результатами, успеха не имели, но, тем не менее, сковывали германские силы на восточном

фронте и лишали их возможности широкого маневра. Румыния, в это время, ободренная блестящими результатами Брусиловского наступления, спешно готовилась к своему выступлению, угрожавшему тылу австро-германских армий южной части восточного фронта, и без того приведенной в расстройство Брусиловским наступлением.

На главном морском театре, на Северном море, германский «Флот Открытого моря» встретился, 31 мая, с британским «Grand Fleet'ом, одержав тактические успехи, потерпел стратегическое поражение, вынужденный вернуться в свою базу без надежды в дальнейшем вести борьбу с своим грозным противником за владение морем. Значительная часть германских линейных кораблей и крейсеров, в результате Ютландского боя, встали на долгое время в ремонт (в среднем—на два, три месяца). Сохранивший свою боеспособность британский флот, в это время, остается полным хозяином Северного моря и германское командование вправе ожидать активных его операций, хотя-бы в районе фландрского побережья, для поддержки готовившегося большого наступления англо-французских армий. Представлялось весьма мало вероятным, чтобы в это время, без самой крайней необходимости (например, прорыва британского флота в Балтийское море и угрозы высадки большого стратегического десанта на померанское побережье) германское командование решилось на выделение значительной части своих морских сил для выполнения серьезных и длительных операций на Балтийском море, операций, которые по свойству театра, по свойству созданного на нем русскими обширного, позиционно-оборонительного плацдарма, по составу и выяснившейся хорошей боевой подготовки русского флота, были сопряжены с риском упорной борьбы и больших потерь. Даже вынужденный русскими совместными операциями (т. е. согласованными операциями армии и флота) отход восточного фронта, с очищением занятых русских областей, не мог-бы считаться германским командованием фактором такой важности, который заставил-бы его обнажить в эти месяцы, непосредственно следовавшие за Ютландским боем, Северное море и перейти к решительным операциям на Балтийском море.

Переход русских армий Восточного фронта (называвшегося в России—западным фронтом, но по отношению ко всей обстановке мировой войны являющегося восточным и сохранившего, поэтому, такое наименование в иностранной литературе) в наступление принципиально был решен еще в начале апреля, на совещаниях верховного командования

с главнокомандующимо фронтами. Решающую роль в этом наступлении должны были играть центральная (Эверта) и северная (Куропаткин) группы армий (западный и северный фронты—по официальной русской номенклатуре); что касается южной группы армий восточного фронта (юго-западный фронт—Брусилова), то ей, на этом совещании, предназначалась выжидательная задача—переходить в наступление лишь тогда, когда обе северных группы твердо обозначат свой успех и достаточно выдвинутся к западу» [1]). Только после энергичных настояний Брусилова, ему было разрешено готовиться к одновременному переходу в наступление с двумя другими группами восточного фронта, причем начало наступления было намечено в половине мая.

Таким образом, Куропаткин, главнокомандующий северной группой армий, имел почти полтора месяца для подготовки к задуманной ставкой решительной наступательной операции. Как видно из настоящей книги, за это время ни у него, ни в Ставке не возникало идеи об охвате левого фланга германского фронта посредством десантной операции на занятый германцами берег Рижского залива. Как известно, в мае ни западный, ни северо-западный фронт в наступление не перешли из-за неготовности к таковому; только армии Брусилова оказались готовыми к широким наступательным операциям уже к половине мая. Разгром австро-германцами итальянского фронта заставил союзников для спасения и восстановления этого фронта просить русское командование ускорить переход в наступление хотя-бы на одном австрийском участке восточного фронта, не ожидая готовности всего фронта. Упорное откладывание Эвертом и Куропаткиным сроков перехода их в наступление заставило верховное русское командование согласиться на переход в наступление только одного юго-западного фронта (т.-е. группы армий Брусилова), с тем, однако, чтобы в кратчайший срок это наступление было поддержано соответствующими активными операциями и на двух других секторах восточного фронта. 22 мая Брусилов действительно перешел всем своим фронтом в решительное наступление, сразу-же достигшее большого тактического успеха; с дальнейшим развитием его наступления, прогрессивно росли и размеры его успеха; количество пленных и захватываемых трофеев с несомненностью доказывало

---

[1]) Брусилов: «Прорыв австро-германского фронта в 1916 году»,— статья в журнале «Война и Революция» № 4, 1927 г., стр. 72.

катастрофический разгром австрийского фронта, как это видно из следующей таблицы:

Тактические результаты Брусиловского наступления:

Число и месяц.	ВЗЯТО в ПЛЕН.						
	Офицеров.	Солдат.	Орудий.	Пулеметов.	Бомбовозов.	Ружей.	Прочей боевой добычи.
К 24 мая .	900	40.000	77	134	49		
» 27 мая .	1.240	71.000	94	167	53		
» 10 июня.	4.013	200.000	219	644	196	150.000	
» 30 июля.	8.255	370.153	496	1440	367	огромное количество.	
» 1 ноября.	Свыше 450.000 офицеров и солдат и огромное количество оружия и военной добычи.						

Трудно, однако, было предполагать, что наступление только одного юго-западного фронта, не поддержанное другими частями Восточного фронта, может привести к таким большим стратегическим результатам, которые соответствовали бы его тактическому успеху и понесенным жертвам. Несомненно, наступлением Брусилова были достигнуты крупные стратегические результаты: австрийцы прекратили наступление на итальянском фронте, оттянув значительную часть своих войск на русский фронт; с французского фронта германцы перебросили на русский до 24 дивизий, что не могло не отразиться на их операциях и под Верденом и на Сомме.

Успех Брусиловского наступления побудил Румынию более не колебаться и выступить против Австро Венгрии. Но, собственно, для России одно изолированное наступление юго-западного фронта не могло дать больших стратегических результатов: при неподвижности других секторов Восточного фронта, австро-германское командование, в конце концов, соберет достаточные силы для остановки Брусиловского наступления на благоприятных, по местным условиям, галицийских и карпатских рубежах. При сравнительно небольших и стратегически несущественных территориальных потерях в Галиции, германцы удержат в своих руках несрав-

ненно более важные в стратегическом отношении польские, литовские и курландские области России. Внутреннее политическое положени в последней настоятельно требовало таких крупных военных успехов которые еще раз погасили-бы во вспышке национализма грозно нароставшие социально-классовые противоречия; таким успехом могло-бы быть только освобождение от германцев занятых ими западных губерний и оттеснение их армий за границы империи. Разгром всего Восточного германского фронта, еслибы он был столь же успешен, как Брусиловское наступление, мог привести далее к концу войны, так как германскому командованию было-бы весьма трудно, если не невозможно, тогда, при общем напряжении их сил на всех фронтах, восстановить разрушенный восточный фронт. Таким образом, самые серьезные соображения должны были заставлять в то время Ставку настойчиво требовать от Эверта и Куропаткина скорейшего перехода к решительному наступлению.

Наступление войск Западного фронта, начатое 19 июня против Барановичей, кончилось, как известно, неудачей, при понесенных русскими войсками огромных потерях; на скорый вторичный переход в наступление группы Эверта рассчитывать не приходилось. Надежды высшего русского командования обратились на Северо-Западный фронт. В это-то время и возникает впервые у высшего русского командования, как видно из настоящей книги, идея десантной операции в Рижском заливе, сперва, как операции демонстративной, имеющей целью заставить германцев растащить свои силы по Рижскому побережью и этим ослабить себя на направлении, намеченном русским командованием для главной атаки. Таковым наступлением Куропаткин избрал наступление от Риги на Бауск, которое «обещало самые решительные и благоприятные для нас результаты, ибо при успехе выходило на сообщения 8-й германской армии и армейской группы Шольца, стоявших по р. Двине против войск Северного фронта».

Тем не менее, эта операция сводилась к трудной задаче прорыва неприятельской сильно укрепленной позиции, вследствие чего, естественно, необходимо было принять все меры к тому, чтобы помешать противнику усилить свое расположение на избранном для удара участке, а, если возможно, то и заставить его ослабить себя на этом участке, отвлекая его силы на другие, опасные для него, направления [1]). Одним из способов, ведущих к достижению такой

[1]) стр. 14 и 15 настоящей книги.

цели, и являлась морская демонстрация против занятой германцами части побережья Рижского залива, которая, в свою очередь, могла вылиться—либо в угрозу высадки русского десанта на это побережье, либо в действительную его высадку. Профессор Н. А. Данилов справедливо указывает, что угроза десантом едва-ли отвлекла-бы от сухопутного фронта большое количество германских войск. Далее автор говорит: «Только десант значительными силами мог составить серьезную угрозу тылу германцев и заставить их выделить крупные силы для борьбы против него [1]).

Десантная операция — вообще принадлежит к числу труднейших и сложнейших стратегических операций. Так как, по своей стратегической сущности, она представляет из себя перенос оперативного направления во фланг или в тыл противника, то в случае своего успешного выполнения она может привести к весьма крупным результатам. Владеющая морем сторона свободна в выборе места высадки десанта (поскольку, конечно, местные условия побережья позволяют осуществить саму высадку и благоприятствуют дальнейшим сухопутным операциям высаженного десанта в смысле условий местности, направления и состояния дорог, наличия преград и пр.) и, следовательно, за ней остается свобода выбора этого нового операционного направления — во фланг, в ближний или дальний тыл противника. Сама возможность такой высадки уже заставляет противника выделять часть своих сил для обороны побережья; чем длиннее угрожаемое высадкой (имеющей, конечно, соответственное стратегическое значение) побережье, тем, вообще говоря, большее количестве сил и средств приходится выделять на его оборону. В конкретных случая это количество войск зависит от топографических условий обороняемой пребрежной полосы и от густоты и состояния путей на ней (необходимых для своевременного сосредоточения вооруженных сил к определившемуся месту неприятельской высадки). Пока неприятель фактически не произвел высадки, войска, привязанные к обороне побережья, являются «мертвым капиталом», отнятым от фактического участия в борьбе на вооруженных фронтах. Естественно, с усложнением положения на действующих фронтах, требующем срочного подкрепления их резервами, командование, долго не видя непосредственной угрозы непри-

---

[1]) стр. 15 настоящей книги.

ятельской высадки (хотя-бы в виде приготовлений противника к ней) приучается смотреть на выделенные для обороны побережья войска как на свой резерв, который и использует в случае надобности, замещая его, в лучшем случае, второочередными формированиями, не достаточно подготовленными для боевой службы на активных фронтах. Так, к 1916 году, путем постепенного отправления на фронт боеспособных частей, оборона эстонского побережья Финского залива фактически оказалась возложенной на мало боеспособные ополченские части, сформированные в пехотные дивизии (на самом деле их формирование и боевая подготовка так и не были вполне завершены до конца войны). Текучести и постепенному понижению боевых качеств войсковых частей, расположенных во время войны на морском побережьи, способствуют еще справедливые опасения командования за склонность войсковых частей, долгое время непосредственно не участвующих в боевых действиях, к разложению, даже при благоприятной внутренне-политической обстановке.

В введении нашем к труду П. В. Гельмерсена «Операции флота против берега на Западном фронте» мы уже говорили, что не только достигнутое фактически владение морем (абсолютное или хотя-бы условное) позволяет выполнять десантные операции (конечно, с морской их стороны), но что даже одно только господство на море уже представляет постоянную угрозу противнику в отношении десантных операций на его побережье: во первых, господство на море всегда угрожает перейти во владение морем; во вторых, даже при одном только господстве на море, при определенных условиях обстановки и соотношения морских сил противников, можно решиться на производство десантной операции при риске, не превышающем нормальный элемент риска, связанного вообще со всякой боевой операцией. Выше мы рассмотрели стратегическое положение на Балтийском море и, в частности, на Рижском заливе, созданное к 1916 году общей стратегической обстановкой на всем театре мировой войны и позиционно-оборонительными мероприятиями русских на данном частном театре военных действий; мы пришли к заключению, что это стратегическое положение можно характеризовать, как достигнутое русскими морскими силами условное владение морем внутри их позиционно-оборонительного плацдарма, в границы которого полностью входил и Рижский залив. Отсюда мы приходим к заключению, что германское командование в течение всего времени,—с тех пор, как его войска заняли

юго-западный берег Рижского залива,—должно было учитывать возможность русского десанта на него и, следовательно, принять соответственные меры для его обороны. Таким образом, занятие германцами юго-западной части Рижского побережья,—неизбежное для обеспечения левого фланга их фронта, придвинувшегося, к исходу 1915 года, к Западной Двине,—являлось, при условном владении русского флота Рижским заливом, источником их слабости, так как поглощало часть их вооруженных сил и средств на защиту этого побережья.

Германское командование, под влиянием общего напряжения его вооруженных сил и, в особенности, успехов Брусиловского наступления, не избегло выше охарактеризованного нами отношения командования во время войны к войсковым частям, выделенным для обороны побережья против возможной, но сейчас еще непосредственно не угрожающей высадки неприятельского десанта. Оно, во-первых, стремилось, путем сооружения укреплений береговой обороны (до 8″ батарей включительно) на этом побережьи, вообще уменьшить необходимое количество обороняющих его войск; этого же оно стремилось достигнуть сооружением рокировочных путей в этом районе; наконец, под влиянием успехов Брусиловского наступления, германское командование начало непосредственно уже снимать боеспособные части, отправляя их на юг и частично заменяя ландверными частями, как это видно из разведсводки штаба Северного фронта за период с 15 по 22 июня [1]).

Как должна была реагировать на эти факты русская оперативная мысль, готовившаяся в это время к решительным активным операциям на Северном фронте? Работа этой оперативной мысли вообще могла идти по трем путям. Во-первых, можно было думать о демонстрировании угрозы десантной операции на занятое германцами побережье Рижского залива, не только препятствуя этим германскому командованию снимать и вообще ослаблять войска, выделенные для обороны этого побережья, но даже заставляя его усиливать эти войска за счет сил, сосредоточенных против нашего северного фронта. Мы не только совершенно согласны с проф. Н. А. Даниловым, что такое демонстрирование не могло бы отвлечь от главного участка Северного фронта большого количества германских войск, но думаем, что, вследствие малых расстояний, отделявших занятое германцами побережье Рижского залива от самого Северного фронта (вернее—его левого

[1]) Стр. 12 настоящей книги.

фланга), а—главное—от мест расположения их общевойсковых резервов фронта (Митава и др.), одна только демонстрация десанта, без его фактического выполнения, вообще не притянула бы к угрожаемому побережью никаких германских войск, сверх уже имевшихся на нем; в лучшем случае она могла помешать германскому командованию дальше ослаблять расположенные на побережьи части. Высадка десанта и предварительная подготовка ее артиллерийским огнем флота—операции, требующие времени, — в данном случае достаточного, чтобы за этот срок германское командование могло рассчитывать успеть сосредоточить к определившемуся уже месту высадки необходимые подкрепления из своего резервного фонда.

Во-вторых, русское командование могло задумать фактическое выполнение тактической десантной операции, как более уже действительного средства для облегчения Северному фронту его трудной задачи прорыва неприятельского фронта. Раньше, чем рассмотреть этот возможный путь оперативной мысли русского командования в решении стоявшей перед ним стратегической задачи, нам следует несколько остановиться на терминологии стратегических операций, которая не только в нашей, но и в иностранной литературе не приведена еще в необходимую ясность.

Десантные операции, по их задачам, мы разделяем на два рода: а) операции стратегического десанта и б) операции тактического десанта. Под операциями стратегического десанта мы понимаем такие, в которых высаженный десант, опираясь на морское побережье, имеющее обеспеченную морскую же коммуникацию с его тылом, выполняет самостоятельную сухопутную операцию, достижение цели которой непосредственно влияет, в той или иной степени, на общую стратегическую обстановку на данном театре военных действий, или даже на всем театре войны. Таким образом, существенными признаками стратегического десанта являются *самостоятельная стратегическая цель* операции и *самостоятельный же*, опирающийся на море, *тыл*. Галлипольская и Салоникская операции в мировую войну, десант Улагая на Кубань в гражданскую войну, — примеры стратегического десанта. Под тактическим десантом мы понимаем такую десантную операцию, в которой высаживаемым войскам ставится не самостоятельная стратегическая цель, но более или менее узкие тактические задачи: ударом во фланг или в тыл противнику, сражающемуся с нашими войсками в прибрежном районе, облегчить последним достижение таки-

ческого успеха в этом сражении. В случае успеха, тактический десант может войти в непосредственную связь со своими главными силами, на тыл которых он и перенесет свое базирование. Он нуждается в морской коммуникации постольку, поскольку, во-первых, его тактическая операция на берегу будет самостоятельной, т. е. до соединения высаженных войск с главными, сражающимися на берегу, силами; во-вторых, на случай, если потребуется его эвакуация; в третьих,—вообще, когда, по обстоятельствам данного случая, не предусматривается его соединение с главными силами,

Из данных определений вытекают следующие заключения:

1) Разделение десантных операций на стратегические и тактические вовсе не определяет масштабов этих операций. Стратегический десант может быть весьма малого размера; например, высадка на неприятельском берегу роты, с целью разрушения идущей вдоль побережья железной дороги или вообще какого-либо сооружения, имеющего важное стратегическое значение,—является несомненно стратегической десантной операцией. Галлипольская десантная операция, во время которой на берега Галлипольского полуострова была переброшена большая армия,—также являлась, несомненно, стратегической десантной операцией. С другой стороны, и тактическая десантная операция, в одном случае, может быть размером всего в один батальон, а в другом — до дивизии и больше.

2) Разделение десантных операций на стратегические и тактические имеет большое практическое значение, так как резко разграничивает требования к обстановке, необходимые при том и другом виде десантных операций и, следовательно, указывает условия, в которых можно решаться на тот или иной их вид; самый же вид операции, как указано выше, определяется ее задачами.

а) Тактическая десантная операция является частью общей, ведущейся в прибрежном сухопутном районе, тактической операции; она, поэтому, должна быть тесно связана с ходом развития последней. Отсюда следует, что план тактической десантной операции должен ограничиваться точными рамками места и времени высадки и последующих действий десанта на берегу. Само существо и характер последних требует от тактического десанта весьма высоких боевых качеств,—как его командования, так и состава его войсковых частей. Только первоклассные, обстрелянные войсковые части, отлично организованные и сплоченные,

с решительными, опытными и искусными командирами во главе,—могут назначаться в состав тактического десанта. Если условия обстановки не позволят высадить тактический десант в назначенное время и в назначенном месте, то надобность в нем, по ходу общей тактической операции на берегу, может отпасть и, следовательно, первоклассные войсковые части, назначенные в его состав, окажутся потерянными для участия в тактической операции, в которой они, если бы не были оторваны для десантной операции, могли бы принять видное участие. Поэтому, только тогда можно решаться на операцию тактического десанта, когда имеется полная уверенность в том, что эту операцию удастся выполнить точно в назначенный срок и в назначенном пункте побережья. Если, например, нет полной уверенности, что ветер и волна не помешают высадке в назначенный срок и в назначенном месте побережья, то лучше вовсе не решаться на операцию тактического десанта, а назначенные в нее войска, с большей уверенностью в успехе, использовать в непосредственном выполнении общей тактической операции на берегу. Нельзя также решаться на операцию тактического десанта, если нет полной обеспеченности ее перехода через море и высадки от нападений морских и воздушных сил противника. Нельзя выполнять подход транспортов к месту высадки и самую высадку ночью, если нет полной уверенности в том, что принятые нами меры обеспечат нам высадку тактического десанта точно в назначенном месте и в назначенный срок. Если вся Галлипольская десантная операция являлась стратегической, то отдельные эпизоды высадок в течение ее имели тактический характер. Такой характер, например, имела высадка у Сувлы (7-12 августа 1915 г.); из описания этой операции П. Гельмерсеном, в его книге «Операции флота против берега на западных театрах», мы видим, что в первую же ночь операции произошла задержка на $4^1/_2$ часа в начале наступления частей, имевших своей тактической целью, после высадки, взятие холма № $10_г$—вследствие того, что сама высадка этих частей, из-за темноты, произошла несколько южнее назначенного места; это опоздание явилось одной из существенных причин не полного успеха, достигнутого в первый день операции, что, в свою очередь, явилось причиной неуспеха всей операции у Сувлы, так как лишило ее элемента внезапности, дав возможность туркам сосредоточить к угрожаемому району превосходные силы [1]).

[1]) П. В. Гельмерсен: «Операции флота против берега на западных театрах», стр. 229—237—244.

б) Стратегическая десантная операция, как операция самостоятельная, не связывается непосредственно с тактическими действиями войск, оперирующих в прибрежном районе. Само собою разумеется, что стратегическая согласованность в действиях стратегического десанта и сухопутных войск, действующих в прибрежном районе, совершенно необходима, но, в границах этой согласованности, операция стратегического десанта имеет более широкие рамки, чем операция тактического десанта, в отношении выбора места и времени высадки. Учитывая, конечно, складывающуюся на морском театре и в береговом районе будущих действий десанта стратегическую обстановку, она может выжидать, для своего выполнения, благоприятную погоду; она более свободна в выборе точного места высадки, руководствуясь условиями гидрографическими, в отношении подхода к месту высадки и производства самой высадки, и условиями топографическими, в отношении дальнейших действий высаженного десанта на берегу, по пути к назначенной стратегической цели операции. Но зато стратегическая десантная операция, в общем случае, пред'являет более тяжелые условия для своего обеспечения в морском отношении. Это обеспечение должно длиться столько времени, сколько длится на берегу операция высаженных войск, выполняющих поставленную им самостоятельную стратегическую задачу; в течение всего времени этой операции войска должны получать из тыла пополнения, подкрепления, снабжение и пр.— по морским коммуникациям; по ним же, в обратном направлении, должна производиться эвакуация раненых, больных и всякого рода имущества; наконец, морская сила должна обеспечить эвакуацию и самого стратегического десанта в тот момент, когда этого потребуют обстоятельства.

Поскольку стратегический успех больше влияет на ход войны, чем тактическая победа, постольку стратегический десант является более могучим средством войны, чем тактический: глубокий обход фланга неприятельского фронта, удар в его глубокий тыл, — таковы могут быть широкие цели стратегического десанта, включительно даже до создания нового самостоятельного фронта вооруженной борьбы с противником.

Возвращаясь к нашему рассмотрению путей, по которым могла работать оперативная мысль русского командования, задумавшего помочь решительному наступлению Северного фронта смешанными операциями против занятого германцами побережья Рижского залива, мы, прежде всего, должны вновь

подтвердить наш вывод, что тактическое выполнение десантной операции (как стратегической, так и тактической), во всяком случае, должно было явиться более реальным средством помощи активным операциям Северного фронта, чем только одни морские демонстративные действия против этого побережья. Надо было, однако, сделать определенный выбор между двумя видами десантной операции, — стратегической или тактической, так как планы, организация и подготовка обеих операций должны были бы быть совершенно различны.

Избранное командованием северного фронта направление главного удара—на Бауск,—не благоприятствовало совместным действиям с тактическим десантом; наоборот, необходимость его поддержать и войти с ним в контакт потребовало бы от командования Северного фронта отвлечения части его сил от главного операционного направления, примерно, на Тукум. Только в том случае, еслибы направление главного удара было выбрано на левый фланг германского фронта,—примерно на тот-же Тукум,—можно было бы считать целесообразной совместную операцию с тактическим десантом. Но это направление для главного удара признавалось командованием Северного фронта невыгодным, так как не выводило непосредственно русские армии, прорвавшие германский фронт, на сообщения германских войсковых групп, расположенных у Двинска и Якобштадта. Нельзя, ведь, было подчинять главные идеи операции Северного фронта—прорыв германского фронта, с последующим оттеснением его из пределов России,—вспомогательной операции, каковой, во всяком случае, являлась десантная операция. Обстоятельства обстановки диктуют нам и другие соображения, не благоприятствовавшие тогда идее тактического десанта: предстоявшая армиям Северного фронта операция прорыва весьма сильно укрепленных позиций германского фронта, обладавшего превосходной техникой, являлась задачей очень тяжелой и трудной, требовавшей от командования не только огромной решимости и настойчивости, но и гибкого маневрирования (в пространстве и во времени) всеми находившимися в его распоряжении силами и средствами. При этих условиях, необходимость сочетать свои решения с действиями тактического десанта, который представлял во всей стратегической операции фактор второстепенного значения, но, вместе с тем, требовавший,—под риском своего уничтожения, — поддержки Северного фронта, явилось бы для командования Северным фронтом лишней обузой, не компенсируемой ожидаемой от

этого десанта пользой для всей операции. Само существо задачи тактического десанта связывало командование в отношении выбора места высадки, которое должно было выводить высадившиеся войска на ближайшие пути к Тукуму и далее к Митаве, т. е. действительно во фланг и ближайший тыл германской левофланговой группы. Из настоящей книги мы видим, что таким местом для высадки десанта командование Северным фронтом первоначально считало район Кестерцема. Выбор этот, однако, вызывал энергичные возражения со стороны морского командования, указывавшего, что высадка в районе Кестерцема «крайне трудно выполнима, как вследствие обнаруженного фактически наличия на побережьи в этом районе береговых батарей противника до 8 дм. калибра, так и вследствие поставленного нами у этого берега, по настоянию 12-й армии, минного заграждения, которое чрезвычайно затрудняло действия флота и подход транспортов к берегу; вытралить же это заграждение было невозможно, ибо оно находилось под обстрелом неприятельских береговых батарей, и делавшиеся в этом направлении попытки ни к чему не привели» [1]). Вместо Кестерцема командовавший Балтийским флотом, Канин, тогда же предлагал произвести высадку у Роена,—«как пункта побережья, обладающего хотя и небольшими, по портовыми сооружениями, что значительно облегчит производство высадки и позволит в будущем прочно наладить подвоз. Высадка у Роена, по моему мнению, предпочтительнее других мест побережья еще и потому, что, являясь удаленной от северного фланга неприятельского расположения, допускает возможность наступления войск как на юг, так и на запад, наперерез путей от Виндавы и побережья к Тукуму и вообще к северному флангу неприятеля; кроме того, в случае занятия нами перешейка между северной оконечностью Ангернского озера и берегом моря, через который проходят все пути вдоль побережья к Роену, — наш десантный отряд будет обеспечен с юга».

В приведенных выдержках из телеграммы Канина ясно отражается взгляд морского командования на предстоявшую десантную операцию как на стратегическую, а не тактическую: морское командование выбирает местом высадки десанта Роен, указывая, в числе других важных причин, обусловливающих этот выбор, его достоинство как пункта,

---

[1]) Стр. 22 настоящей книги: телеграмма Канина наморштаверху, № 1.030/оп.

удаленного от северного фланга неприятельского расположения (тогда как для тактического десанта следовало бы, очевидно, выбирать местом высадки пункт, ближайше расположенный к неприятельскому флангу, чем и руководствовалось командование северным фронтом в выборе Кестерцема, как места высадки десанта); выбор Роена местом высадки, по мнению морского командования, позволял в дальнейшем развить действия десанта не только на юг, к Тукуму (идея тактического десанта), но и на запад, к Виндаве (идея стратегического десанта). Канин, при этом, настолько не сочувствовал действиям десанта в Тукумском направлении, что предлагал загородить пути, ведущие с юга к Роену, заняв перешеек между морем и северной оконечностью Ангернского озера. Задавшись широкой стратегической целью для десантной операции, Канин одновременно предлагает значительно увеличить состав экспедиционного отряда.

Чрезвычайно интересным представляется приводимый и анализируемый автором дальнейший обмен телеграммами и письмами между тремя представителями высшего командования, прикосновенными к замышлявшейся десантной операции: Наштаверхом (Алексеевым), Главкосевом (Куропаткиным) и Комфлотом Балтморя (Каниным).

Из этого обмена мы, прежде всего, видим, что сама идея решения десантной операции на занятое германцами побережье Рижского залива, к выполнению которой начали фактически готовиться со дня отправления первой, по этому предмету, телеграммы Алексеева, т. е. с 23 июня [1]),—долго не выливалась в определенную конкретную форму, необходимую для составления плана этой операции и выполнения планомерной подготовки к ней.

В первый период подготовки к десантной операции, который мы считаем продолжавшимся до выяснения неудачи перехода в наступление 12-й армии,—Ставка придавала этой операции значение тактического десанта, имеющего задачей — отвлечь своими тактическими действиями на себя часть германских сил и этим облегчить переход в наступление армиям Северного фронта; таким образом, по идее Ставки — десантная операция должна была являться тактической диверсией на германский левый фланг, производимой на него десантом, высаживаемым на занятое германцами рижское побережье. Сбивчивость нашей военной терминологии привела, очевидно, к тому, что

[1]) Стр. 10 настоящей книги; телеграмма № 3.433.

в своих телеграфных директивах и сношениях Ставка, говоря о задачах десанта, характеризовала их как д е м о н с т р а т и в н ы е, понимая на самом деле их как д и в е р с и ю.

Исходя из этимологического значения слов «д и в е р с и я» и «д е м о н с т р а ц и я», следовало бы вообще установить, в нашей военной терминологии, четкое между ними различие: диверсия—это активное действие (стратегическое или тактическое, в зависимости от его характера в каждом случае), имеющее целью оттянуть на себя силы противника; демонстрация — это угроза, не приведенная еще пока в действие, имеющая целью заставить противника подчиниться нашей воле, или также заставить его оттянуть силы для противодействия этой угрозе. Демонстрация, таким образом, еще не есть осуществленное действие, но только угроза им. Демонстрация, поэтому, нередко осуществлялась еще в мирное время вооруженными силами капиталистических государств— по отношению других, более слабых, государств, не способных бороться против такой угрозы,—с целью заставить их выполнить пред'явленные к ним политические и экономические требования.

Эта сбивчивость нашей военной терминологии, возможно, ввела в заблуждение главнокомандующего Северным фронтом в отношении идеи, вложенной верховным командованием в задуманную им десантную операцию. Рассматривая в действительности последнюю как тактическую диверсию, но неправильно именуя ее в своих сношениях демонстрацией,— верховное командование требовало от Куропаткина согласования тактических действий соответственных частей Северного фронта с действиями высаженного десанта. Куропаткин категорически протестовал, указывая, что такое согласование свяжет его оперативное руководство активными операциями Северного фронта и отвлечет часть его сил от избранного им направления для главного удара на операцию, имеющую вспомогательное, демонстративное значение. Он считал, что одна только высадка десанта, закрепившегося на берегу, отвлечет на себя уже достаточное количество германских сил. Мы выше уже выясняли, что в условиях обстановки, существовавшей в июле 1916 года на курляндском приморском театре, — одна морская демонстрация, в виде угрозы высадки десанта на занятое германцами побережье Рижского залива,— не смогла бы заставить германское командование привлечь его силы для защиты этого побережья, так как время, потребное на фактическую высадку, было бы достаточно для прибытия подкреплений из мест расположения германских

общефронтовых резервов к их войсковым частям, охранявшим это побережье. Почти то же самое приходится сказать и в отношении взгляда Куропаткина на замышлявшуюся десантную операцию, которую он рассматривал исключительно как демонстративную. Высаженный, но не перешедший к активным операциям на берегу, а закрепившийся на месте высадки, русский десант мог бы привлечь на себя германские силы только во время самой высадки, которая, по существу, являлась бы уже не демонстрацией, но диверсией (не угрозой высадки, но ее осуществлением); но как только войска, по высадке, вместо того, чтобы сразу же перейти к активным операциям, окопались бы на месте высадки, т. е. от диверсии перешли бы к демонстрации, — германцы, владевшие более мощными средствами техники, быстро создали бы кругом этого плацдарма высадившегося десанта валиционную линию, оставив за ней минимум вооруженных сил, наверно меньший, чем количество высаженного десанта; демонстративные действия нашего десанта не достигли бы, таким образом, цели.

Наконец, командующий Балтийским флотом, Канин, предлагал расширить значение десантной операции до рамок стратегического масштаба, дав ей задачу—действовать в глубоком тылу германского левого фланга, в направлениях от Роена на Виндаву. Предлагая такое расширение рамок замышлявшейся десантной операции и необходимое для этого, по его мнению, увеличение состава десантного отряда, Канин, однако, не мыслил эту операцию как вполне самостоятельную, но считал ее возможной только при условии, если активные операции Северного фронта (хотя бы по избранному Главкосевом главному операционному направлению) будут настолько решительными и успешными, что отвлекут на себя значительную часть германских сил из Курляндского приморского района. Вполне понятно, что никакую стратегическую операцию нельзя рассматривать изолированно от общей стратегической обстановки; стратегическая десантная операция, какую бы самостоятельную стратегическую задачу она ни выполняла, все равно должна быть увязана, по цели и выполнению, с другими стратегическими операциями, производящимися в районе, рамки которого определяются значением и масштабом данной стратегической десантной операции. Дарданелльская операция, по своему значению, являлась стратегической операцией мирового масштаба; ее успешный для союзников исход весьма значительно отразился бы на всем стратегическом положении мировой войны. Это значение

Дарданелльской операции должно было найти свое отражение в тех силах и средствах, которые союзники должны были бросить с самого начала на эту операцию, чтобы обеспечить скорый и верный ее успех. Но выделение значительных сил и средств на Дарданелльскую операцию не могло, в свою очередь, не отразиться на задачах и характере операций союзных армий на западном фронте мировой войны. Еще более тесная связь должна была существовать между Дарданелльской операцией и стратегическими операциями, производившимися союзниками на театрах, ближайших к месту ее выполнения, т. е. на Балканском и Закавказском. Мы знаем, что вступление Болгарии в войну на стороне Центральной коалиции и разгром Сербии—непосредственно привели к ликвидации Дарданелльской операции и к созданию союзниками нового, Салоникского фронта вооруженной борьбы. Отсюда следует, что Дарданелльская операция не была союзниками обеспечена в политическом и стратегическом отношениях со стороны Балканского полуострова. Мы знаем также, что Дарданелльская операция союзников явилась мощной диверсией, помешавшей туркам сосредоточить достаточные силы и средства на Закавказском, Мессопотамском и Египетском театрах военных действий.

Возвращаясь к нашей теме, мы считаем несомненным, что операция стратегического десанта, имеющего самостоятельную задачу в северной Курляндии, вообще могла иметь место только во время решительных наступательных операций Северного фронта; мы соглашаемся, как-бы с мнением морского командования, что время начала этой операции должно было определяться моментом, когда успешность развития наступательных операций Северного фронта выяснилась бы с должной отчетливостью.

Ясно, однако, что в случае принятия верховным командованием такой идеи дессантной операции оно должно было-бы отказаться от своего взгляда на нее как на тактическую диверсию, долженствующую облегчить переход в наступление армий Северного фронта. Успешное начало активных операций Северного фронта, при отсутствии, в это время, фактической угрозы русского десанта, несомненно, притянуло-бы уже к себе все германские резервы в этом районе и, следовательно, не дессантная операция, в качестве диверсии (и тем более демонстрации, как это было выше выяснено), облегчала-бы переход Северного фронта в наступление, но, наоборот, это наступление, притянув к себе германские резервы, обеспечивало-бы десантному отряду выполнение его страте-

гической задачи в северной Курляндии, занятие которой явилось-бы **глубоким обходом** левого фланга германского фронта. При продолжающемся настойчивом и успешном продвижении вперед Северного фронта, это обходное движение десантного отряда, при соответствующем, конечно, его составе, могло-бы привести к стремительному отходу всей северной группы германских армий на запад, за Неман, что, в свою очередь, отразилось бы и на положении всего восточного фронта австро-германской коалиции, южная часть которого, в это время, катастрофически откатывалась, под натиском армий Брусилова.

Идея десантной операции не была еще окончательно выяснена в продолжавшихся телеграфных и иных переговорах между соответствующими представителями высшего русского командования, когда 12-я армия перешла в наступление, начав, таким образом, активные операции Северного фронта. Для характеристики русского верховного командования вообще интересно осветить позицию, занятую им в это время в отношении идеи десантной операции. Продолжая ее рассматривать как операцию тактического десанта, долженствующего развить активную тактическую операцию от места высадки (Роен) в направлении на Тукум и далее, до стыка с 12-ой армией, верховное командование в то же время под давлением энергичного протеста Куропаткина (что Алексеев даже не скрывает в своих телеграммах Канину [1]) отказывается от согласования тактических действий десанта и 12-ой армии, но вместе с тем, испытывая такое-же энергичное давление и со стороны Канина, соглашается и с последним, что начало десантной операции должно определяться результатами активных действий перешедшего в наступление Северного фронта. Трудно представить себе компромисс, более полный внутренних противоречий, чем это решение верховного командования, принятое им к моменту перехода в наступление Северного фронта [2]). Движение десантного отряда в Тукумском направлении, не только без согласования его с соответствующими тактическими действиями 12-й армии, но даже с отнесением начала самой высадки и дальнейших действий десанта до момента уже определившегося успеха наступления 12-й армии, лишало действия этого отряда значения тактической диверсии, произво-

---

[1]) стр. 39, телеграмма Алексеева Канину, за № 1.331/Б.

[2]) стр. 46—47, телеграмма Алексеева Канину, за № 1.357/Б и стр. 51, телеграмма Русина Кани у за № 1.370/Б.

димой для облегчения наступления Северного фронта, и возлагало на него самостоятельную стратегическую задачу, целесообразность которой, однако, нельзя не признать весьма проблематичной. К тому сроку, когда высадившийся, наконец, десантный отряд мог подойти к Тукуму, последний мог быть уже оставлен германскими войсками под давлением продолжавшегося наступления Северного фронта. Вместо сложной и рискованной десантной операции, — не было-ли бы проще, для занятия Тукума [1]), направить те же войска, но не морским путем, но сухим, вслед за наступавшей 12-ой армией. Никакого охвата фланга или удара в тыл отступавшему противнику десантный отряд, двинутый при этих условиях и сроках на Тукум,—выполнить не мог-бы. Движение десантного отряда на Тукум имело-бы смысл и значение диверсии в том случае, если-бы его высадка была произведена одновременно с началом активной операции 12-й армии и если-бы дальнейшие действия этого отряда были тесно связаны с соответствующими тактическими действиями правого фланга этой армии. При условии-же отнесения срока высадки десанта до момента определившегося успеха наступления Северного фронта, более целесообразным представлялось-бы движение высадившегося десантного отряда от Роена на запад, для глубокого охвата левого фланга германского фронта, что и предлагало, с самого начала, морское командование.

Остановившись на компромиссном, полном внутренних противоречий, решении, Ставка не отступила от него во время наступательной операции 12-й армии, — операции, оказавшейся весьма тяжелой и сопровождавшейся огромными потерями. 7-го июля, когда войска 12-й армии дрались уже 4-й день с противником, сильным боевой подготовкой, техникой и искусством командования; когда они несли большие потери и более чем когда либо нуждались в помощи десантной диверсии во фланг противнику, Ставка вновь подтвердила морскому командованию, что приказание о производстве десантной операции «будет дано лишь в случае соответствия обстановки на Северном фронте и успешного развития операции этого последнего» [2]).

---

[1]) При ориентировки главного операционного направления для наступления Северного фронта на Бауск, — Тукумский район, как и вообще северную Курляндию, надо было занимать параллельно с развитием наступления по главному операционому направлению,—для обеспечения наступающей 12-ой армии от ударов во фланг и в тыл ее со стороны германских сил, которые могли обойти правый фланг 12-й армии со стороны северной Курляндии.

[2]) стр. 51, телеграмма Русина Канину, № 1.370|Б.

Неудачи наступлений 1-й армии у Барановичей (в начале июня—Западный фронт) и теперь 12-й армии (на Бауск—Северный фронт) привели к перемене взглядов высшего русского командования на методы выполнения задач прорыва неприятельского фронта и, в связи с этим, на десантную операцию в Рижском заливе. Опыт обоих безуспешных наступлений на Западном и Северном фронтах и удачи Брусиловского прорыва на Юго-Западном фронте выяснил неправильность идеи прорыва неприятельского сильно укрепленного фронта в одном направлении, оставляя другие его участки неатакованными серьезно. Одними только диверсиями, а тем более демонстрациями, производимыми на этих неатакуемых в действительности участках неприятельского фронта, нельзя было сковать маневрирование противника и лишить его возможности перебрасывать войска на угрожаемое направление.

«Предотвратить такое снятие бригад поисками рот, даже батальонов, невозможно», отмечает Алексеев в своей телеграмме Главкосеву от 9 июля [1]). Отсюда высшее командование приходит к заключению о необходимости производить атаку неприятельского фронта одновременно в нескольких направлениях. Одним из таких направлений для Северного фронта избирается направление на крайний левый фланг германского фронта,—между морем и рекой Аа, причем операцию прорыва в этом направлении решено было производить согласованной атакой на Тукум десантного отряда (от Роена) и 12-й армии. Таким образом, на десантный отряд теперь возлагается задача уже не простой диверсии, для отвлечения германских сил от направления удара 12-й армии, но нанесение противнику действительного и сильного удара, согласованного с таковым-же ударом, наносимым в ту же точку 12-й армией. Верховное командование, при этом, предусматривает даже возможность, в процессе развития всей этой операции, обращение частной операции десантного удара в главную операцию удара на Тукум и далее на Митаву.

Изложенная только-что нами идея десантной операции в Рижском заливе, принятая высшим русским командованием после неудачного наступления 12-й армии, в основном не изменилась до момента отмена этой операции, что и позволяет нам считать ее окончательной. Мы видим, что и в окончательной своей форме взгляд высшего сухопутного

[1]) стр. 51, телеграмма Русина Канину, № 1.370/Б.

командования на десантную операцию, по существу, мало изменился против первоначального: по прежнему она рассматривается как операция тактического десанта, действия которого должны быть точно увязаны с тактическими-же действиями 12-й армии. Изменился лишь масштаб задач десантной операции: из диверсии, долженствующей лишь облегчить активные операции Северного фронта, она сама обращается в активную тактическую операцию, имеющую целью нанести согласованный с 12-й армией сильный удар левому фланга неприятельского фронта.

Соответственно расширению задач десантного отряда меняется и его состав: вместо первоначально предположенных Ставкой (еще 23 июня) 6—8 батальонов моряков, не подготовленных к сухопутным операциям, верховное командование, через пять дней (28 июня), уже соглашается с представлением морского командования об увеличении состава десантного отряда до 24 батальонов и 12 эскадронов, не обращая, однако, внимания на качество этих частей, формируемых из второразрядных, ополченских дивизий, до сего времени стоявших на обороне побережий Эстонии и Финляндии, не подвергавшихся неприятельскому нападению, т.-е. в условиях почти мирной обстановки. Набег, осенью 1916 года, германских миноносцев на Балтийский порт показал, чего стоила боевая ценность этих частей, обратившихся в паническое бегство при первых германских выстрелах по Балтийскому порту. Соглашаясь с автором настоящей книги, сурово осуждающим Ставку за такое невнимание ее к качественному составу десанта, мы не можем соглашаться с мягким отношением, в этом отношении, автора к морскому командованию, которое с самого начала являлось инициатором расширения задач десантной операции до рамок стратегического масштаба и не могло не понимать, что только первоклассные по своим боевым качествам войска оказались-бы способными к быстрым и решительным боевым действиям в тех трудных условиях, в которых всегда оказываются войска, высаженные на берег, занятый неприятелем. С другой стороны, имея уже два года в своем подчинении сухопутные войска, назначенные для обороны базы флота,— Командующий Балтийским флотом о б я з а н был исчерпывающе знать их боеспособность. Здесь мы сталкиваемся вплотную с важным вопросом военно-морской организации, мимо которого не считаем возможным пройти.

Подчинение береговой обороны морскому командованию, принятое во многих государствах еще до мировой войны,

получило свое осуществление и в России, особенно во время мировой войны. Непосредственная заинтересованность флота в обеспечении его базы от неприятельского нападения; совместные действия береговой обороны и флота против неприятельской морской силы, атакующей берега и морские к ним подступы, при чем флот, в этих совместных действиях, играет роль активного, маневрирующего фактора, а береговая оборона — пассивного, позиционного; позиционный метод борьбы слабого флота против сильного на узких и пересеченных морских театрах; необходимость береговой обороне, и по своему командованию, и по боевой подготовке, и по материальному оборудованию, быть вполне подготовленной к борьбе с неприятельским флотом, для чего личный ее состав должен быть вообще хорошо ознакомлен с тактическими свойствами флота, его боевых средств и маневрирования,—таковы главнейшие соображения, которые, в разных государствах, при разных стратегических условиях, приводили к подчинению береговой обороны морскому командованию. Признавая вполне правильность такого принципиального решения в деле организации командования морской обороной берегов, мы не можем не указать, что на практике, при фактическом осуществлении этого принципа, встречаются большие затруднения, большую часть которых вскрыл суровый опыт мировой войны. Одним из таких затруднений являлся вопрос о порядке подчинения сухопутных войск, назначенных для охраны и обороны морских побережий. Вполне ясно, что береговые оборонительные сооружения, в особенности долговременного характера, не могут охватить сплошным оборонительным поясом все морское побережье; если флот абсолютно не владеет морем, то берега не могут быть вполне обеспечены от неприятельских нападений, которые могут выразиться не только в бомбардировках, но и в высадках разного масштаба и значения. Даже условное владение морем не может гарантировать побережье от высадок небольших неприятельских десантов, имеющих целью, например, разрушение местных железнодорожных и иных, имеющих важное стратегическое или экономическое значение, сооружений. Еще в меньшей степени возможна гарантия своего побережья от неприятельских высадок при спорном владении морем, в особенности, в случае господства на нем противника, когда возможно ожидать даже и больших десантов противника на берега. Побережье окажется вовсе открытым для неприятельского вторжения, если противник владеет морем, — хотя бы условно. В зависимости, таким образом,

от стратегического положения на море, а также—от длины доступного для неприятельских высадок побережья, топографического устройства прибрежного сухопутного района, важности расположенных на нем об'ектов для неприятельского нападения, оборудованности побережья береговыми и сухопутными укреплениями и проч., — приходится дополнять систему береговой обороны сухопутными полевыми войсками. Казалось бы нет никакой необходимости подчинять морскому командованию эти полевые войска, командование которыми должно, в обычном порядке, подчиняться общему сухопутному командованию на данном театре. Ведь к этим сухопутным войскам, отряженным для обороны побережья, не применяется ни одно из вышеизложенных соображений, заставляющих подчинять морскому командованию береговую оборону. Принцип единоначалия может быть применен только по отношению к тем сухопутным частям, которые являются постоянными, штатными гарнизонами береговых или островных фортов береговой обороны; только эти гарнизоны, через своих комендантов и общее командование береговой обороной, должны подчиняться морскому командованию. Дислоцирование полевых войск в районах морских баз и крепостей ничего не должно менять в указанном порядке подчинения, пока, конечно, эти морские базы или крепости не окажутся фактически осажденными противником; в последнем случае все вооруженные силы и средства, находящиеся в пределах крепостного района, должны поступать в полное подчинение коменданта последнего.

Мы считаем, поэтому, совершенно нецелесообразным, что в мировую войну командованию Балтийским флотом было непосредственно подчинено большое количество полевых сухопутных войск (более 2-х корпусов), расположенных на обороне эстонского и финского побережий. Эти войска, при этом, были подчинены морскому командованию не только в оперативном, но и во всех отношениях; их формирование (из ополченских частей), обмундирование, снабжение, материальное оборудование и обучение—легли тяжелым грузом на морское командование, отвлекая его от прямых обязанностей. Вместе с тем, естественно, что морское командование не являлось достаточно компетентным во всех этих вопросах организации, а также и боевой оценки этих подчиненных ему сухопутных частей, что и привело к тому, что они, будучи в действительности весьма далеки от боеспособного состояния и даже не вполне еще сформированы и материально снабжены, были назначены в состав десантного отряда, который, на самом деле, должен был быть укомплектован

первоклассными фронтовыми частями, имеющими уже готовые органы командования. Автором приведены яркие факты, иллюстрирующие состояние сухопутных частей, подчиненных морскому командованию и назначенных в состав десантного отряда [1]). Командующий Балтийским флотом о б я з а н был сознавать свою некомпетентность и даже отсутствие времени, чтобы заниматься вопросами организации и боевой подготовки сухопутных частей; он должен был своевременно сделать представление в Ставку—либо о выводе полевых войсковых частей из подчинения ему, либо о назначении ему помощника в лице опытного боевого генерала с соответственным штабом для непосредственного командования этими полевыми войсками. Вот почему мы считаем и адмирала Канина ответственным за назначение в состав десантного отряда войсковых частей, не соответствующих по своим боевым качествам предстоявшим отряду операциям.

Ставка только 1 июля впервые в телеграмме Канину указывает на малую подготовку войск десантного отряда для маневрирования и ведения наступательного полевого боя при трудных условиях местности [2]). 5 июля Алексеев снова запрашивает — пригоден ли отряд для решительных наступательных операций. После неудачи наступления 12-й армии, когда Ставкой было принято новое решение о расширении задач десантного отряда (9 июля), состав последнего предположено было увеличить до 32 батальонов пехоты, 10 эскадронов и 70 орудий, при чем была высказана желательность ввести в состав десантного отряда более опытные войска; для этого Алексеев специально обращается, по телеграфу, к Куропаткину «с горячей просьбой» — выделить в состав отряда одну дивизию [3]). Тогда же и Канин возбудил вопрос о назначении в состав экспедиции полного корпуса полевых войск. Только 19 июля, телеграммой Куропаткина Канину, окончательно установлен состав десантного отряда в 31 батальон пехоты, 12 эскадронов, 72 орудия и пр. [4]); только с этого времени, и то только головную часть, отряда образуют перволинейные, снятые с фронта, части (3 стрелковая дивизия); только, наконец, теперь штаб морского командования получает твердые основания для рассчетов по перевозкам, необходимых для составления плана десантной опе-

---

[1]) Стр. 58; телеграмма Канина Русину от 11 июля.
[2]) Стр. 55—текст.
[3]) Стр. 55; телеграмма Алексеева Куропаткину от 9 июля.
[4]) Стр. 84; телеграмма Куропаткина Алексееву от 19 июля.

рации и подготовки для нее необходимого количества транспортов и плавучих средств.

Уже из этого видно, насколько непланомерно велась подготовка десантной операции в течение почти целого месяца,— с момента отдачи первого о ней распоряжения (23 июня) и до 19 июля, т. е. до срока принятия окончательного решения о задачах операции и о составе предназначенных для ее выполнения сил. Несомненно, ведь, что вся подготовка десантной операции,—как это справедливо указывает проф. Н. А. Данилов, — прошла бы совершенно иначе, еслибы еще в конце июня принято было окончательное решение о ее задачах, а в состав десантного отряда сразу же был бы назначен полный корпус полевых войск.

Чтобы закончить рассмотрение идейной подготовки десантной операции, нам необходимо еще остановиться на вопросе об обеспечении этой операции в морском отношении.

Выше, мы уже оценили стратегический режим, создавшийся к июню 1916 года внутри позиционного плацдарма, созданного русскими на Балтийском море, как условное владение морем. Рижский залив целиком входил в этот плацдарм и, следовательно, этот режим условного владения морем русского флота действителен был и для него. Чтобы нарушить этот стратегический режим на Рижском заливе, германское командование должно было выделить в Балтийское море, на длительный срок, морские силы, не только достаточные для прорыва через Ирбенский пролив и последующего завладения Рижским заливом, но и для обеспечения этой операции против главных сил русского флота, могущих подойти к Ирбенской позиции с запада, выйдя из за Передовой позиции. Для выполнения всей этой сложной операции германское командование должно было бы выделить в Балтийское море часть своего флота, по крайней мере в два раза превышавшую силами весь русский флот. Можно, почти с полной уверенностью, утверждать, что германскому командованию было бы очень трудно принять такое решение в первый же месяц после Ютландского боя. Еслибы, по заблаговременной просьбе русского верховного командования, британский флот в это время усилил свою активность на Северном море, то германское командование еще более было бы затруднено в таком решении. С своей стороны, русское морское командование также должно было принять все меры для наибольшего обеспечения замышлявшейся десантной операции, тем более, что оно являлось инициатором расширения рамок этой операции до стратегического десанта, требующего

длительного и прочного владения морем. В этих целях, прежде всего необходимо было отправить непосредственно в Рижский залив, для защиты Ирбенской позиции, весь тот максимум сил, который, без большого ущерба, можно было отделить от главных сил, обороняющих за Передовой и Центральной позициями Финский залив. Вопрос проходимости Моонзундского фарватера не должен был играть существенной роли в соображениях о составе сил, могущих быть отправленными в Рижский залив. Эти силы могли быть проведены в последний момент через Ирбенский пролив под прикрытием главных сил (так и был проведен еще в 1915 году в Рижский залив линкор «Слава»). Устаревшие линкоры «Андрей Первозванный» и «Павел» представляли, по своему вооружению и бронированию, весьма сильный тип линейных кораблей додредноутного типа, но, по своим тактическим свойствам, мало годились для совместного с нашими дредноутами боя на Центральной или Передовой позициях против прорывающихся дивизий германских дредноутов. Но эти корабли, совместно с другой бригадой еще более старых линкоров, с «Цесаревичем» и со «Славой»,—составили бы весьма сильное боевое ядро морских сил Рижского залива, при наличии которого германское морское командование вынуждено было бы назначить, только для прорыва через Ирбенский пролив и последующих операций в Рижском заливе,—не менее двух дивизий из сильнейших своих кораблей додредноутного типа. Был ли особый риск для дивизии старых линкоров пребывания в Рижском заливе? В наихудшем случае, в случае успешного прорыва превосходных сил германского флота в Рижский залив,—оставшиеся целыми после решительного боя на Ирбенской позиции, корабли имели возможность отойти к Куйвасту, укрывшись за заранее подготовленную минно-артиллерийскую позицию, поставленную к югу от южного выхода из Моонзунда. В течение же навигационного времени в Моонзунде можно было рассчитывать углубить канал до размеров, необходимых для вывода по нему, от Куйвиста в Финский залив, этих линкоров. Ремонтные средства, в виде достаточно мощных плавучих мастерских, имелись в распоряжении Балтийского флота и их заблаговременно можно было также сосредоточить в Моонзунде; исправление подводных пробоин линкоров можно было организовать при помощи кессонов. Таким образом, не представляло больших затруднений своевременно создать в южном выходе из Моонзунда маневренную базу для морских сил Рижского залива, защитив ее с воздуха соответствующим артиллерийским вооружением и воздухосилами,

наладить снабжение этих морских сил топливом, водой, боезапасами, провизией и проч. через Моонзунд, также не могло представить особых затруднений.

Для внешнего обеспечения обороны Ирбенского пролива необходимо было использовать, как указывалось нами выше, главные силы Балтийского флота, выдвинув их на один из шхерных стратегических рейдов, расположенных у северного фланга Передовой позиции, обеспеченное сообщение этих рейдов по внутреннему шхерному стратегическому фарватеру с Гельсингфорсом позволило бы создать здесь маневренную базу для главных сил флота; недоступность этих рейдов для воздушных атак противника, вследствие удаленности их от неприятельских аэродромов и не трудная защита входов на эти рейды от неприятельских минных атак; наличие, наконец, нескольких, удаленных друг от друга, выходов в море, дополняли достоинства этих рейдов как мест для устройства на них маневренной базы для главных сил Балтийского флота. Надлежащее устройство и организация службы связи на Балтийском море уже в 1916 году в достаточной степени обеспечивали русскому морскому командованию своевременность получения сведений о приближении германского флота к Ирбенскому проливу.

Русские и английские подводные лодки, заранее расставленные на западных подходах к Ирбенскому проливу, также явились-бы ценным средством для усиления его обороны.

К моменту начала десантной операции, вся набросанная нами в крупных чертах система обороны Ирбенского пролива должна была занимать свои места и быть в полной готовности к отражению неприятельского флота, и мы думаем, что только весьма крупные силы германского флота могли-бы отважиться, при такой организованной обороне Ирбенского пролива, на операцию его прорыва. Но весьма мало вероятия было-бы, чтобы германское командование, всего через месяц после Ютландского боя и при усилившейся активности британского флота на Северном море, решилось-бы на такое отделение крупных сил своего флота для длительной и тяжелой операции на Балтийском море. Трудность этой операции обусловливалась бы не только силами, боевой подготовкой и упорным сопротивлением русского флота, но и отдаленностью германских баз от места операций и, следовательно, необходимостью устройства маневренных баз и организации тыла и снабжения германского флота.

Не так, однако, преставлял себе возможности обеспечения десантной операции командующий Балтийским флотом, ад-

мирал Канин. Морские силы Рижского залива, на которых лежала непосредственная оборона Ирбенской позиции, он ограничил крайне скромным составом: один устаревший линкор «Слава», несколько старых легких крейсеров и минная дивизия. Тот факт, что Канин нашел необходимым сам вступить в командование всей десантной операцией, подняв флаг на «Славе», показывает, что у него не было намерения использовать все силы и средства Балтийского флота для обеспечения этой операции. Довольствуясь-же, для этой цели, только наличными, крайне скромными морскими силами Рижского залива, он поневоле занял ту пассивную позицию в вопросе о морском обеспечении операции, которая так ярко выражается во всех его телеграммах, письмах и донесениях, которые приводятся в настоящей книге. Трудно понять, как мог такой ответственный начальник, как командующий флотом Балтийского моря в военное время, вместо того, чтобы принимать действительные меры для обеспечения с моря десантной операции, г а д а т ь, сколько дней потребуется германскому флоту на прорыв Ирбенской позиции и, следовательно, сколько дней имеется в запасе для обеспечения десантной операции. Насколько пассивного образа мыслей держался Канин в том вопросе организации десантной операции, в котором он должен был быть наиболее компетентным лицом, а именно—в вопросе о морском обеспечении этой операции, показывает та нервность, которую он обнаруживал при получении известий о появлении под курляндским берегом германских тральщиков, миноносцев и пр. Его глубокое убеждение, неоднократно повторявшееся им в телеграммах и донесениях, было—что «при непреклонном решении противника форсировать Ирбенскую позицию, проход неприятеля в Рижский залив есть вопрос только количества жертв и времени». (1).

Единственное реальное средство морского обеспечения десантной операции морское командование видело не на море, но на берегу. Таким средством Канин считал занятие нашим десантным отрядом южного берега Ирбенского пролива. Не приходится отрицать всей целесообразности такого направления первоначальных операций десанта на берегу; но, во первых, можно-ли было считать в такой степени обеспеченным это закрепление десантного отряда за курляндский берег Ирбенского пролива; во вторых, даже при прочном

---

1) стр. 53; телеграмма Канина Русину, № 1.105/оп.; стр. 61; телеграмма № 1.121/оп.

утверждении десантного отряда на этом берегу, но при недостатке времени для установки на нем своих артиллерийских батарей достаточной мощности (германцы свои батареи при отступлении, конечно, уничтожили-бы),—можно-ли было считать в такой степени надежной оборону Ирбенского пролива при том малом составе сил Рижского залива, который в действительности в нем был тогда сосредоточен,—чтобы можно было думать о длительных и серьезных операциях десантного отряда на берегу и о последующих высадках к нему подкреплений, боезапасов, снабжения и пр.? Мы полагаем, что закрепление десантного отряда на курляндском берегу Ирбенского пролива являлось-бы вполне целесообразной мерой обеспечения десантной операции Рижского залива,—но только при наличии всех других указанных нами выше мероприятий по стратегическому развертыванию Балтийского флота, — полезных, главным образом, для противодействия проникновению в Рижский залив подводных лодок и других «малых сил» германского флота.

В конечном выводе, мы приходим к заключению, что, при создавшейся в июне 1916 года стратегической обстановке на Северном и Балтийском морях—обеспечение в морском отношении десантной операции в Рижском заливе было вполне возможно в той степени, в какой вообще можно говорить об обеспечении на войне боевых операций, — но лишь при участии и соответственном стратегическом развертывании для этого всего русского Балтийского флота и при одновременном усилении активности британского флота на Северном море. Стратегическое значение десантной операции Рижского залива, в случае ее успешности, могло быть весьма велико и отразиться на положении всего Восточного фронта мировой войны; но для этого необходимо было соответственное расширение рамок ее масштаба до большой стратегической операции, имеющей задачей овладение северной Курляндией (в том числе и южным берегом Ирбенского пролива), что явилось-бы глубоким обходом левого фланга германского восточного фронта. Такая операция стратегического десанта могла иметь место и значение только при условии определившегося уже успеха решительного наступления Северного фронта. Но для помощи правому флангу Северного фронта, при переходе его в наступление, не исключалась целесообразность и тактического десанта, но, во первых, при наличии полной уверенности в том, что погода и другие местные причины не помешают его своевременной высадке; во вторых, при тесном согласовании боевых опера-

ций высаженного тактического десанта с действиями правофланговой группы Северного фронта.

Десантные операции, вообще, принадлежат к числу сложнейших и труднейших операций, нуждающихся в тщательно разработанном плане—как подготовки, так и выполнения. План-же стратегической операции нуждается для своей разработки прежде всего в конкретно поставленной задаче операции; всякое изменение этой задачи ведет за собою большую ломку не только в плане десантной операции, но и в подготовке к ней. Также необходимо, еще до составления плана десантной операции, точно определить состав высаживаемых войск, так как от этого зависят все расчеты транспортов и плавучих средств, необходимых для перевозки через море и для высадки этих войск. Учитывая время, стоимость и сложность работ по приспособлению транспортов и плавучих средств для целей десантной операции, необходимо помнить, во первых, что всякое изменение в составе десантного отряда вводит ломку и дезорганизацию в эти производящиеся уже полным ходом работы; во вторых, что план этих работ зависит не только от состава десантного отряда, но и от тщательно разработанного плана распределения отряда по транспортам, а также и плана посадки его частей и погрузки их имущества на эти транспорты. Последний-же план (посадки) должен исходить по предварительно разработанному плану высадки, для чего, в первую очередь, необходимо точно фиксировать место будущей высадки.

Вообще, как основное правило, при соображениях о десантных операциях, надо всегда помнить, что эти операции, менее, чем какие либо другие, терпят импровизацию в своей подготовке и выполнении. Колебания в решениях, в особенности в отношении задачи, состава, места и срока высадки десанта, губительно действуют на организацию этой сложнейшей операции. В заключение надо еще отметить, что условия выполнения задач, возлагаемых на десантные войска, требуют от них отличных боевых качеств и прочной уже сложившейся, организации их командования; в этом вопросе также недопустимы никакие компромиссы и импровизации.

На этом мы заканчиваем наше рассмотрение некоторых только важнейших вопросов организации десантных операций, которые нашли яркую иллюстрацию в изложенном и ис-

следованном проф. Н. А. Даниловым опыте подготовки десантной операции в Рижском заливе. Мы далеко не охватили в нашем «Введении» богатое, насыщенное ценным материалом по изучению подготовки совместных операций, содержание настоящей книги. Но мы полагаем, что и одни только, рассмотренные нами вопросы вполне уже оправдывают издание настоящего, образцового, военно-научного исторического исследования проф. Н. А. Данилова.

Профессор Б. Жерве.

I.

Деятельность высшего командования сухопутных войск и флота.

Во второй половине июня 1916 г. обстановка на русском германо-австрийском фронте была следующею: [1])

1. На крайнем правом фланге, в водах Балтийского моря, пределы оборонялись Балтийским флотом и сухопутными войсками, подчиненными командующему этим флотом, адмиралу Канину.

В частности вход из Балтийского моря в воды Ботнического залива преграждался укрепленною Або-Оландскою позицией, поддержанною судами флота. Финляндское побережье Ботнического залива от Нюстада до Торнео наблюдалось частями сухопутных войск, расположенных в Финляндии.

Важнейшее для германского флота операционное направление на Петроград защищалось главными силами Балтийского флота, сосредоточившимися на рейдах Гельсингфорса и Ревеля под прикрытием двух полей минных награждений: передовой позиции — на линии Ганге — мыс Такхона (остр. Даго), фланги которой обеспечивались батареями на полуострове Ганге, на острове Руссаре и на остр. Даго, и главной позиции — на линии о-в Поркалауд — остр. Нарген (близ Ревеля), опиравшейся своими флангами на укрепленные районы Свеаборга и морской крепости Петра Великого (Ревель).

Вход в Рижский залив защищался морскими силами этого залива под прикрытием минного поля, которое было поставлено в Ирбенском проливе на линии маяков Церель-Михайловский и правым своим флангом опиралось на батареи укрепленной Моонзундской позиции. Левый фланг Ирбенского минного поля упирался в Курляндский берег, занятый германскими войсками, которые выставили на нем батареи крупного калибра (до 8 дм.) и под прикрытием их могли производить траление прохода вдоль Курляндского берега,

[1]) См. схему № 1.

дабы подготовить своему флоту возможность вторжения в Рижский залив. Ввиду этого берега Рижского залива не могли считаться обеспеченными от покушений противника. В таком же положении находился и южный вход в Моонзундский пролив, вследствие чего его пришлось укрепить батареями, расположенными у Куйваста (остр. Моон) и Вердера (восточный берег пролива).

Глубина Моонзундского пролива не допускала прохода из Финского залива в Рижский залив судов с большою осадкою, каковое обстоятельство весьма стесняло свободу действий Балтийского флота, и вызвало производство в Моонзунде работ по углублению канала до 22 фут для прохода глубокосидящих судов.

Для обороны берегов и вод от острова Оланда до мыса Вердера, включая сюда и Моонзундский архипелаг, адмирал Канин имел в своем подчинении:

1) Боевые силы Балтийского флота [1]), а именно:

а) на рейде Гельсингфорса — 1-ю и 2-ю бригады линейных кораблей, 1-ю и 2-ю бригады крейсеров, отряд заградителей, 1-й дивизион сторожевых судов и 1-й, 2-й, 3-й и 4-й дивизионы тральщиков;

б) на рейде Ревеля—дивизию подводных лодок (1-й, 2-й, 5-й и 6-й дивизионы) и флотилию английских подводных лодок;

в) на рейдах Рижского залива и Моонзунда—один линейный корабль (Слава), одну канонерскую лодку (Храбрый), минную дивизию (1-й, 2-й, 4-й, 5-й, 6-й и 9-й дивизионы) и 5-й и 6-й дивизионы тральщиков;

г) на рейдах Або-Оландской шхерной позиции — пять канонерских лодок, 7-й и 8-й дивизионы миноносцев, 2-й и 3-й дивизионы сторожевых судов и 7-й и 8-й дивизионы тральщиков.

2) Сухопутные войска, подчиненные командующему Балтийским флотом [2]), а именно:

а) в районе Свеаборгской крепости—116-я пехотн. дивизия с 116 артилл. дивизионом, Свеаборгский креп.

---

[1]) Дело Морискома № 12. 994. Сведения о нахождении судов на рейдах, гаванях портов, у постов и на якорных стоянках Балтийского моря на 22-е июня 1916 г. № 933.

Некоторые из судов находились 22-го июня 1916 г. в море или не на своих обычных якорных стоянках, что видно из сводки о нахождении судов флота (см. приложение 1).

[2]) Дело Морискома № 8.042. Квартирное расписание частей войск, подчиненных командующему флотом Балтийского моря, к 1-му июля 1916 г.

Некоторые из войсковых частей находились в откомандировании на другие пункты Балтийского побережья, что видно из квартирного расписания на 1-е июля 1916 г. (см. приложение II).

артил. полк, 1-ая и 2-я Свеаборгские креп. саперные роты, Свеаборгские креп. минный баталион, телеграфная рота и воздухоплавательная рота;

б) в районе морской крепости Петра Великого — 2-я бригада 107-й пех. дивизии, шесть отдельных баталионов морской крепости, три батареи полевой артиллерийской бригады морской крепости, Ревельский пограничный конный дивизион, 1-й, 2-й и 3-й креп. артил. полки, креп. саперная воздухоплавательная и телеграфная роты;

в) в районе Моонзундской укрепленной позиции — отдельная морская бригада с отдельн. морским артил. дивизионом, 1-я бригада 107-й пех. дивизии, Аренсбургский пограничный дивизион, легкая 10 см. батарея, 75 мм. батарея, 1-я позиционная батарея и 1-й и 2-й тяжелые дивизионы артиллерии морской крепости;

г) в районе Або-Оландской шхерной позиции — стрелковый полк офицерской стр. школы, Оландский морской баталион, Абоский флотский полуэкипаж, 4-я и 5-я батареи полевой артилл. бригады морской крепости, шесть рот креп. артилерии и несколько команд инженерных и технических войск.

Резервом для сухопутных войск, подчиненных командующему Балтийским флотом, могли служить войска 6-й армии, занимавшие территорию Петроградского военного округа. Те-же войска предназначались и для встречи неприятельского десанта, в случае прорыва германского флота в Финский залив и попыток противника овладеть Петроградом.

Побережье Рижского залива от полуострова Вердера до озера Кангерн включительно и сухопутный фронт по течению р. Западной Двины до Двинска и оттуда на юг до м. Медзяны оборонялся войсками Северного фронта под общим начальством главнокомандующего армиями этого фронта, генерала Куропаткина, имевшего свой штаб в Пскове.

В частности, побережье Рижского залива от мыса Вердера до устья реки Лифляндской Аа оборонялось войсками 6-й армии (штаб Петроград), выдвинувшими на указанный участок всего 24 бат. и 12 кон. сотен.

Район от устья р. Лифляндской Аа до оз. Кангерн и оттуда до ст. Рингмундсгоф Риго-Орловской жел. дор. был занят войсками 12-й армии под начальством командующего этою армиею, генерала Радко-Дмитриева (штаб армии—Рига) [1]).

---

[1]) Дело военно - ученого архива всероссийского главного штаба № 1488/1640 К. Карты расположения войск армий Северного фронта 22-го июня 1916 г.

12-я армия занимала фронт протяжением до 100 верст и считала в своем составе около $11^1/_2$ пех. и $2^1/_2$ кавал. дивизий. Район от ст. Рингмундсгоф до ст. Ницгал Риго-Орловской ж. д. оборонялся войсками 1-й армии под начальством генерала Литвинова (штаб армии — ст. Марцен жел. дороги Штокмансгоф - Шваненбург) [1]). Эта армия имела в своем составе около 7 дивизий пехоты и 3 дивизии конницы и занимала фронт протяжением тоже до 100 верст.

Фронт от станции Ницгал до м. Медзяны был занят 5-й армией под командою генерала Гурко (штаб армии — г. Двинск) [2]). Эта армия считала в своих рядах около 9 дивизий пехоты и 4-х дивизий конницы и занимала фронт протяжением тоже до 100 вер.

Всего в своем подчинении генерал Куропаткин имел около 463 бат. пехоты и 240 эск. и сот. конницы и оборонял ими район протяжением до 600 верст, из коих до 300 верст приходилось на побережье Рижского залива.

К югу от позиций Северного фронта, от м. Медзяны до оз. Выгоновского, тянулись позиции армий Западного фронта, бывшего под начальством генерала Эверта, имевшего свой штаб в Минске. В состав этого фронта входили: 2-я армия [3]) генерала Смирнова (штаб армии—м. Будслав), силою около 10 дивизий пехоты, 10-я армия генерала Радкевича (штаб армии — м. Изяславль), в составе около 12 дивизий пехоты и 3 дивизий конницы [4]) и 4-я армия

В это время в состав 12-й армии входили следующие части: XXI, XXXVII, XLIII, VI Сибир. и VII-й Сибир. армейские корпуса, 8 латышских стрелковых баталионов, 4-я кавал. дивизия, 4-я Донская казачья дивизия и 4-я отдельная кавалерийская бригада; всего около 191 бат. пехоты и 60 эск. и сот. конницы.

[1]) Дело военно - ученого архива всероссийского главного штаба № 1498/1640 К.

В состав 1-й армии в это время входили: XIII, XXVIII и II-й Сибир. армейские корпуса, VI-й конный корпус и 3-я Донская казачья дивизия; всего около 112 бат. пехоты и 72 эск. и сот. конницы.

[2]) Дело военно - ученого архива всероссийского главного штаба № 1498/1640 К.

В состав 5-й армии во второй половине 1916 г. входили: IV, XIV, XIX и XXIX-й армейские корпуса, 1-й конный корпус, 1-я и 2-я кавалерийские дивизии; всего около 144 бат. пехоты и 96 эск. и сот. конницы.

[3]) Дело военно - ученого архива всероссийского главного штаба № 1704/1809 К. Карты расположения войск армий Западного фронта во второй половине июня 1916 г.

В это время в состав 2-й армии входили: XV, XXVII, XXXIV, XXXVI и I-й Сибирск. армейские корпуса; всего около 160 бат. пехоты.

[4]) В состав 10-й армии в это время входили: XX, XXIV, XXVI, XXXVIII, XLIV и II-й кавказский армейские корпуса, VII конный корпус и 2-я Кубанская казачья дивизия; всего около 192 бат. пехоты и 72 эск. и сот. конницы.

генерала Рагоза (штаб армии — г. Несвиж), силою около 16 дивизий пехоты и 2 дивизий конницы [1]). Всего в армиях Западного фронта считалось около 608 бат. пехоты и 120 эск. и сот. конницы; эти войска занимали фронт общим протяжением до 240 верст.

К югу от оз. Выгоновского и до румынской границы у Ватра-Дорна действовали армии Юго-Западного фронта под общим начальством генерала Брусилова, имевшего свой штаб в Бердичеве. В состав этого фронта входили: 3-я армия генерала Леша (штаб армии—м. Столин), занимавшая район Полесья и считавшая в своих рядах около 6 дивизий пехоты и 3 дивизий конницы [2]), 8-я армия генерала Каледина (штаб армии — г. Луцк), совершившая во второй половине мая прорыв германо-австрийского фронта и имевшая около 18 дивизий пехоты и 4 дивизий конницы), [3]) 11-я армия генерала Сахарова (штаб армии — г. Дубно), силою около 10 дивизий пехоты [4]), 7-я армия генерала Щербачева (штаб армии — г. Гусятин), силою около 10 дивизий пехоты и 2 дивизий конницы [5]) и 9-я армия генерала Лечицкого (штаб армии — Черновицы), продолжавшая свое наступление против австрийцев и имевшая в своем составе около 8 дивизий пехоты и $2^1/_2$ дивизий конницы [6]). Всего в армиях Юго-Западного фронта считалось около 832 бат. пехоты и 252 эск. и сот. конницы, при чем эти войска действовали на фронте общим протяжением до 720 верст.

Таким образом, на всем пространстве от Рижского залива до румынской границы, общим протяжением около 1260 верст,

---

[1]) В состав 4-й армии в это время входили: Гренадерский, IX, X, XXV, III Кавказский, III Сибирский, и IV-й Сибирск. армейские корпуса, Уральская и Сибирская казачьи дивизии; всего около 256 бат. пехоты и 48 сот конницы.

[2]) Дело военно-ученого архива всероссийского главного штаба № 1922/2013 К. Карты расположения армий Юго-Западного фронта во второй половине июня 1916 г.

В это время 3-я армия имела в своем составе: XXXI, XLI и I-й Туркестанский армейские корпуса, IV-й конный корпус и 1-ю Кубанскую казачью дивизию; всего около 96 бат. пехоты и 72 эск. и сот. конницы.

[3]) 8-я армия, продолжавшая развитие своей операции, имела в своем составе: I и II-й гвардейские корпуса, I, VIII, XXIII, XXX, XXXIX, XL и V-й Сибир. армейские корпуса и Гвардейский кавалерийский корпус; всего около 288 бат. пехоты и 78 эск. и сот. конницы.

[4]) 11-я армия имела в своем составе: V, VII, XVII, XXXII и XLV-й армейские корпуса; всего около 160 бат. пехоты.

[5]) 7-я армия имела в своем составе: II, VI, XVI, XVIII и XXII-й армейские и II-й конный корпуса; всего около 160 бат. пехоты и 48 эск. конницы.

[6]) 9-я армия состояла из XI, XII, XXXIII и XLI-го армейских корпусов, III-го конского корпуса и Уссурийского казачьего полка; всего около 128 бат. пехоты и 54 эск. и сот.

нами было выдвинуто против германцев и австрийцев около 117 пехотных и 26 кавалерийских дивизий.

По имевшимся в распоряжении высшего командования сведениям о противнике [1]), к 22-му июня 1916 г. в Балтийском море обстановка представлялась в следующем виде: 1) в наших водах находились 2 или 3 подводные лодки; 2) в Виндаве стояли тральщики и сторожевые суда, а временами бывали транспорты, миноносцы и подводные лодки; 3) в Либаве было не больше трех старых линейных кораблей, 1 броненосный крейсер и от 2 до 5 легких крейсеров, а также миноносцы, подводные лодки и вспомогательные суда; 4) в Данциге находились 2 старых линейных корабля, 4 броненосца береговой обороны, миноносцы и подводные лодки (в ремонте и в постройке) и вспомогательные суда. О силах флота, находившегося в Киле, достоверных сведений не было, но, повидимому, силы эти были относительно небольшие.

В общем, силы неприятеля в Балтийском море были незначительными, а деятельность его, главным образом, была направлена к обеспечению транспортного движения из Свинемюнде в Либаву, в видах подвоза снабжения сухопутным войскам, и к поддержанию торговли со Швецией. Охрана торговых путей от подводных лодок помощью вооруженных пароходов и действиями дозорных и охранных судов была действительной.

Посылкой своих подводных лодок в наши воды германцы стремились, на сколько можно судить по совокупности данных наблюдения, обеспечить себя от выхода наших кораблей в открытое море, при чем сами имели в виду не активные операции со своей стороны, но лишь желание не допускать наших активных действий.

Этот характер действий герм. флота оставался неизменным с начала войны, но в июне 1916 г. особенно обусловливался результатами Ютландского морского сражения и обстановкой в Северном море.

На сухопутном фронте от Рижского залива до румынской границы против русских войск находились от $91^1/_2$ до $95^1/_2$ пехотных и $22^1/_2$ кавалерийских дивизий [2]), из коих

---

[1]) Дело Морискома № 13.018. Сводки сведений о неприятеле № 42, № 43 и № 44.

[2]) Дело Морискома № 8.342. — № 8.344. Сводки сведений о противнике перед армиями Северного, Западного и Юго-Западного фронтов к 22-му июня 1916 г.

германцами было выставлено от 50 до 54 дивизий пехоты и 11 дивизий кавалерии; остальные $41^1/_2$ дивизий пехоты и $11^1/_2$ дивизий кавалерии принадлежали к составу австро-венгерской армии.

Все эти силы группировалась в 12 армий и армейских групп, из коих 8 имели германское командование, а 4 возглавлялись австро-венгерцами; состав же некоторых армий был смешанный, при чем германские дивизии интеркалировались между австро-венгерскими для придания последним большей устойчивости.

Указанные 12-ть армий, в свою очередь, были сведены в более крупные соединения, во главе которых стояли: генерал Гинденбург, принц Леопольд Баварский и эрцгерцог Карл.

Рассматривая группировку войск противника в сопоставлении с группировкою русских войск по фронтам, мы видим, что против $27^1/_2$ пехотных и $9^1/_2$ кавалерийских дивизий Северного фронта противник имел только $15^1/_2$—$17^1/_2$ пехотных и 6 кавалерийских дивизий; против 38 пехотных и 9 кавалерийских дивизий Западного фронта у противника было $25^1/_2$—$27^1/_2$ пехотных и 3 кавалерийских дивизий и против 52 пехотных и $11^1/_2$ кавалерийских Юго-Западного фронта неприятель имел $50^1/_2$ пехотных и $13^1/_2$ кавалерийских дивизий.

Таким образом, армии Юго-Западного фронта имели перед собою почти равные силы противника и, тем не менее, вторая половина мая 1916 г. ознаменовалась крупным успехом наших войск на Луцком направлении (8-я армия). Глубокий прорыв неприятельского фронта внес большую тревогу в армии противников и заставил их принимать меры к воспрепятствованию дальнейшего его развития.

В июне 1916 г. стремление германского командования к переброске на Луцкое направление войск, взятых с других участков своего Восточного фронта, обнаружилось с полною очевидностью, вследствие чего верховное командование принуждено было потребовать от Эверта (главнокомандующего армиями Западного фронта), имевшего значительное превосходство в силах перед противником (около 10—12 пехотных и 6 кавалерийских дивизий), энергичных наступательных действий, чтобы, во-первых, воспользоваться относительною слабостью противника для одержания над ним решительного успеха и, во-вторых, облегчить развитие наступательных операций армий Юго-Западного фронта путем

воспрепятствования германцам производить дальнейшие переброски войск на Луцкое и Черновицкое направления.

Однако, наступление войск Западного фронта (4-я армия) против Барановичей, начатое 19-го июня, закончилось неудачею: войска понесли огромные потери при штурме неприятельских укрепленных позиций, но глубокого прорыва осуществить не могли.

Вследствие этого 23-го июня 1916 г. начальник штаба верховного главнокомандующего, генерал Алексеев, обратился к главнокомандующему армиями Северного фронта Куропаткину со следующею директивою за № 3.343 [1]):

Псков. Главкосев [2]).

«6.329. При современной обстановке, после исхода морского сражения у берегов Ютландии, при наличии наших морских сил в Рижском заливе, действия немцев против Рижского побережья представляются маловероятными, а полученные вами сведения о сборе свыше 10.000 в Либаве относятся к числу ловко распускаемых вымыслов. Государь император предоставляет вам решить вопрос о выборе направления удара, но выражает желание, чтобы для этого были собраны более значительные силы, что при существующем соотношении войск вполне возможно. Желание это вытекает из необходимости не ограничиться лишь некоторым тактическим успехом, а извлечь существенные выгоды, заставив немцев отойти от Двины [3]), для чего нужны достаточные силы, способные развить глубокий удар [3]). Необходимое усиление ударной группы может быть произведено за счет 1-й и 5-й армий. Опыт Юго-Западного фронта указывает, что противник не имеет свободных резервов для сформирования сильной самостоятельной ударной группы, ограничиваясь противодействием нашим наступательным действиям. Рассчитывать, что на вашем фронте он создаст такую группу — трудно. Полезно принять меры к тому, чтобы заставить противника еще более растянуть свои силы [3]). Для сего доступны способы демонстративные, в виде подготовки к десанту у Домеснеса и на Рижском побережьи или, по соглашению

---

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть I, стр. 77. Телеграмма Алексеева Куропаткину 23 июня 1916 г. № 3.343.

[2]) Главкосев—сокращенное от главнокомандующего армиями Северного фронта.

[3]) Курсив наш.

с адмиралом Каниным, производство десанта морскими полками острова Эзеля [1]), если там они временно будут заменены частями 115-й дивизии. Нынче немцы не имеют почти войск на побережьи. Угроза захвата и утверждения нашего на берегу заставит их выделить часть сил, вероятно, из состава же войск, вам противостоящих, и тем облегчит выполнение поставленной задачи. № 3.433.

Алексеев.

Изложенная директива, указывая на относительную слабость германских войск против Северного фронта, требует производства мощного, глубокого удара, дабы заставить противника отойти от р. Двины, а для облегчения этой задачи рекомендует принудить германцев еще более растянуть свои силы при помощи демонстраций: или в виде угрозы десантом, или в виде производства десанта морской дивизией и бригадой с острова Эзеля, т. е. силами сравнительно небольшими, но тем не менее способными внести некоторую тревогу в район, прилегающий к флангу позиций противника, протянувшихся вдоль р. Двины.

Чтобы оценить целесообразность и выполнимость требований этой директивы, предъявленных к сухопутным силам Северного фронта и к морским силам Балтийского моря, необходимо подробно рассмотреть ту обстановку на суше и на море, при которой должна была осуществляться задуманная операция в Рижском заливе.

Как уже было сказано выше, армии Северного фронта имели значительное превосходство в силах над германцами. Против 439 батальонов и 228 эскадронов и сотен, составлявших их боевую силу, они имели всего 191—203 батальона и 163 — 171 эскадронов неприятеля [2]), т. е. более чем двойное превосходство в числе батальонов и полуторное превосходство в числе эскадронов.

В частности, 12-я армия, стоявшая на фронте оз. Кантерн—ст. Рингмундсгоф, имела 183 батальона и 60 эскадронов и сотен против 50 — 62 батальонов и 39 эскадронов германцев [2]), при чем против Рижского плацдарма, занятого нашими 149 батальонами и 12 эскадронами, немцы имели всего 38—50 батальонов и 38 эскадронов [2]).

1-я армия, занимавшая фронт ст. Рингмундсгоф — ст. Ницгал, имела в своих рядах 112 батальонов и 72 эска-

[1]) Курсив наш.

[2]) Дело Морискома № 3.342. Сводка сведений о противнике перед армиями Северного фронта за период с 15-го по 22-е июня 1916 г.

дрона против 52 баталионов и 76 — 84 эскадронов германцев.

Наконец, 5-я армия, занимавшая район ст. Ницгал — м. Медзяны, имела 144 баталиона и 96 эскадронов против 59 баталионов и 37—45 эскадронов неприятеля.

Такое значительное превосходство в силах, действительно, давало возможность осуществить мощный, глубокий удар, способный заставить противника отойти от р. Двины, производство какового удара и ставило верховное командование в задачу армиям Северного фронта.

Но, помимо огромных результатов в изменении стратегического положения перед армиями Северного фронта, этот глубокий удар, привлекая на себя германские резервы, облегчал развитие наступательных операций армий Юго-западного фронта, которое в рассматриваемый момент хотя и продолжалось, но встречало все большие затруднения, вследствие усиления противника частями, взятыми с других участков Восточного австро-германского фронта. Такое снятие частей и увод их против нашего Юго-западного фронта наблюдались уже давно и являлось одной из причин, побудивших наше верховное командование потребовать наступательных действий от армий Северного фронта [1]).

Выбор направления удара предоставлялся верховным командованием на усмотрение главнокомандующего армиями Северного фронта. Наиболее выгодными для армий Северного фронта операционными направлениями являлись:

---

[1]) В подтверждение изложенного приводим содержание одного из документов разведывательного отделения штаба Северного фронта, относящегося к рассматриваемому нами периоду.

Сводка сведений о противнике перед армиями Северного фронта за период с 15-го по 22-е июня 1916 г.

Карта 10 верстн.

Рижское направление. Контр-атаки немцев в ночь 21/22 июня в районе между Плаканен и островом Дален успеха не имели.

18-го июня на Приморском направлении наблюдалось оживление на железной дороге Туккум-Кеммерн: замечено около 7 поездов, двигавшихся с запада на восток; в районе южнее Туккума обнаружено передвижение от Туккума на юго-восток конных частей, в общей сложности более полка с обозом и 8 артиллерийскими запряжками. Повидимому, происходила какая-то перегруппировка, сущность коей установить не удалось.

Что касается группировки, то пленными, захваченными в районе устья р. Липы (наш юго-западный фронт), установлена переброска 22-й пех. дивизии, считавшейся в тылу Рижской группы противника, из Митавы на юго-западный фронт.

Захватом пленных подтверждается присутствие в прежнем районе частей 29-й ландверной бригады, 27-го рез. егерского баталиона и 6-й резерв. дивизии.

Всего на Рижском направлении действует около 50—62 бат. и 39 эскадр.

1) от Риги на Туккум, на Митаву или на Бауск, и 2) от Двинска на Поневеж или на Вильну.

Вторая группа этих направлений требовала прорыва центра расположения противника, т. е. операции, успех которой всегда представляется весьма гадательным.

Первая группа тоже была связана с операцией прорыва, но последний должен был производиться вблизи левого фланга неприятельского фронта, против которого возможно было применить обход войсками десанта, высаженными где-либо на западном побережьи Рижского залива, что в значительной степени должно было облегчить и успех прорыва.

Кроме того, нельзя забывать цель, поставленную верховным командованием—заставить немцев отойти от Двины. Успех войск в Рижском районе выводил русские войска на сообщения противника, расположенного против Якобштадта и Двинска, и понуждал его к отступлению и на этих участках, тогда как успех в Двинском районе, осаживая Якобштадтскую группу противника, еще не понуждал его к отступлению от нижней Двины, т. е. не приводил к цели, указанной верховным командованием.

Таким образом, наивыгоднейшим направлением задуманной операции необходимо считать удар в Митавском или Туккумском районах войсками 12-й армии, усиленными, в случае необходимости, частями от 1-й и 5-й армий.

Якобштадтское направление. Противник активности не проявлял. Определенных данных о каких-либо изменениях в группировке противника не поступало.

Наиболее существенным является вопрос—продолжает ли 1-й рез. корпус занимать свои прежние позиции по левому берегу р. Двины, так как части его с 10-го марта, после вскрытия р. Двины, не обнаруживаются пленными. Относительно 1-й резерв. дивизии есть некоторые указания, пока еще требующие проверки, о переброске ее в Двинский район; так, бежавший из плена показал, что в конце мая видел в Ново-Александровске прибывшие с севера части пехоты с нумерами 1 и 3 на погонах, возможно 1-й рез. бригады 1-й рез. дивизии. Данные о переброске в Двинский район 72-й рез. бригады той же дивизии, считающейся в тылу Якобштадтского района поступали раньше.

Захватом пленного подтверждается присутствие на прежнем месте, против Ницгал, 15-го гусарского полка 4-й кавалер. дивизии.

По Митаво-Крейцбургской железной дороге движение всю неделю было нормальное.

Всего в Якобштадтском направлении действует около 52 бат. и 76—81 эскадр.

Двинское направление. 17-го июня противник небольшими частями переходил в наступление в районе западнее оз. Свентен, но был отбит; на прочих участках ограничился высылкой разведчиков.

На этом направлении, по сведениям на 22-ое июня 1916 г., германцы имели всего 38—50 баталионов [1]), против которых в Рижском плацдарме стояло 85 батал. и 12 эск. и во 2-ой линии за ним (на правом берегу р. Двины) еще 64 батал., т.-е. всего 149 батал. и 12 эск,, не считая 4-й кавалерийской и 4-й Донской казачьей дивизий (48 эск. и сотен), находившихся в резерве 12-й армии. Но эти силы легко могли быть еще увеличены частями из 1-й и 5-й армий, имевших двойное превосходство перед находившимися против них германцами.

Таким образом, обладая огромным превосходством в силах, войска Северного фронта имели полную возможность исполнить задание верховного командования, а избранное Куропаткиным направление удара на Бауск обещало самые решительные и благоприятные для нас результаты, ибо при успехе выводило на сообщения 8-й германской армии и армейской группы Шольца, стоявших по р. Двине против войск Северного фронта.

Передвижения и оживление в тылу противника в районе к югу от шоссе Ново-Александровск — Двинск, наблюдались ежедневно, но заметно уменьшились и, возможно, производились с демонстративною целью.

В районе Видзы наблюдались передвижения на юг: 6-го июня — баталиона, а 21-го июня — около полка пехоты; повидимому, происходил сдвиг резервов к югу.

Показаниями пленных и бежавших из плена, а также осмотром убитых, подтверждается присутствие в прежних районах частей 2-й и 37-й пех. дивизий, 77-й рез., 88-й и 3-й пех. дивизий.

Всего на Двинском направлении действует около 80 бат. и 48 эскадр.

Выводы. В общем, за истекшую неделю определенно установлен увод с нашего на юго-западный фронт 22-й пех. дивизии; в расположении прочих частей изменений не обнаружено. Армейскими резервами, повидимому, являются—1-я ландверная дивизия и части 1-й рез. дивизии, при чем возможен вывод в резерв всей 1-й резерв. дивизии или даже всего 1-го резерв. корпуса.

Всего перед армиями Северного фронта действует 191—203 бат. и 163—171 эск. или $15^1/_2$ — $16^1/_2$ пех. и 6 кавалерийских дивизий не считая ландштурменных частей. (Курсив наш).

Генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего
армиями Северного фронта, генерал-майор Бредов.

Начальник разведывательного отделения, полковник Раевский.

Дело Морискома № 8342.

23 июня 1916 г.
№ 3. 142 р.

[1]) А именно: 1-я кавалерийская дивизия (24 эск. и 1 егерский баталион), отряд Винекена (10 бат. и 3 эск.), 1-я ландверная дивизия (9 батал.), 6-я ландверная бригада (6 батал.), отряд Мюллера (6—9 батал.), 3-я кавалерийская бригада (8 эск.) и 6-я рез. пех. дивизия XXXVIII-го рез. корпуса

Тем не менее, эта операция сводилась к трудной задаче прорыва неприятельской сильно-укрепленной позиции, вследствие чего, естественно, необходимо было принять все меры к тому, чтобы помешать противнику усилить свое расположение на избранном для удара участке, а если возможно, то и заставить его ослабить себя на этом участке, отвлекая его силы на другие опасные для него направления.

Способами, ведущими к достижению этой цели, являлись демонстрации.

В рассматриваемом случае могли быть применены демонстрации двух родов: сухопутные—в виде энергичных атак войсками 1-й и 5-й армий с Якобштадтского и Двинского плацдармов и морская—на побережьи Рижского залива. Но если сухопутные демонстрации должны были предшествовать операции на Митавском участке или начаться одновременно с ней, то морская демонстрация в силу особых условий, при которых приходилось ее производить, могла или тоже предшествовать наступлению 12-й армии, или должна была осуществиться спустя некоторое время после начала артиллерийской подготовки этого наступления.

Дело в том, что морская демонстрация, имевшая целью заставить противника растянуть свои силы, т.-е. привлечь на себя часть сил германцев, могла вылиться или в угрозу десантом, или в производство десанта.

Угроза десантом сводилась к появлению наших боевого и транспортного флотов перед известным участком неприятельского побережья, к обстрелу его огнем боевых судов и к другим демонстративным действиям с целью привлечь на себя силы противника. При этом, чем сильнее неприятель занял бы берег и чем больше войск сосредоточил бы он на участке, перед которым появился флот, тем более достигалась цель демонстрации. Флот же во всякую данную минуту сохранял свободу действий и, в случае появления германского флота, мог или принять бой, или удалиться в желаемом для себя направлении.

Иначе слагалась обстановка при морской демонстрации путем производства десанта. Эта операция требовала прежде всего возможности высадиться, т.-е. незанятого или слабо занятого противником берега, что достигалось путем соответствующего выбора для десанта участка

(15 батал. и 3 эск.). Дело Морискома № 8. 342. Боевое расписание германских войск, действующих перед армиями Северного фронта по данным к 22-му июня 1916 г.

побережья и внезапным появлением флота; во-вторых, она требовала времени: для уничтожения огнем боевых судов сопротивления противника на берегу, для производства самой высадки и для оттеснения неприятеля в глубь материка с целью создания действительной угрозы его сообщениям, флангу или тылу.

Первое условие, т.-е. возможность высадиться, в значительной степени облегчалось предварительным воздействием на противника на другом пункте его сухопутного фронта или побережья, с целью помешать ему принять действительные меры противодействия самому производству высадки или быстрой ликвидации ее без существенного ослабления своего фронта. В силу этого, высадку необходимо было производить спустя некоторое время после начала операций на суше.

Второе условие, т.-е. время, необходимое для производства десанта и для развития его действий, находилось в полной зависимости от того времени, в течение которого Балтийский флот мог гарантировать безопасность операций в Рижском заливе от покушений со стороны германского флота.

Выше мы уже видели, что относительная слабость Балтийского флота и чрезвычайная важность задач, на него возложенных, не позволяли ему рисковать боем с превосходным германским флотом в открытом море и что весь план борьбы с германским флотом имел в своем основании борьбу за дефиле, загражденные минными полями. Так было на главной позиции на линии Ревель-Поркалауд, так было на Або-Оландской позиции, так было и в Ирбенском проливе, через который мог ворваться в Рижский залив германский флот для ликвидации десанта на побережьи этого залива.

Таким образом, главнейшую роль в обеспечении десанта от покушений противника играло минное поле Ирбенского пролива, от целости которого в значительной степени зависел успех действий той слабой части флота, которую можно было сосредоточить на время операции в Рижском заливе.

Однако, целость указанного минного поля могла быть нарушена германцами с тех пор, как они овладели Курляндским берегом. Германцы имели полную возможность работать над очищением вдоль Курляндского берега прохода, который оборонялся бы поставленными ими береговыми батареями и которым мог бы воспользоваться германский флот для вторжения в Рижский залив.

Что касается времени, необходимого германскому флоту для этого прорыва, то оно зависело от целости минного поля, от тех боевых сил, которые могли противодействовать этому прорыву, от свободы маневрирования последних на поле сражения позади минного поля и, наконец, от тех жертв, которые пожелал бы принести германский флот в целях достижения поставленной себе задачи. Время это могло быть и очень продолжительным, но могло быть ограничено и одними сутками, в зависимости от настойчивости германского флота.

Принимая во внимание эту данную, приходится задать себе вопрос: какая же демонстрация на Курляндском побережьи могла привести к цели, указанной Алексеевым в телеграмме № 3.343, т.-е. заставить германцев возможно более растянуть свои силы? Угроза десантом не могла быть длительной и едва ли бы отвлекла от сухопутного фронта большое количество германских войск. Производство высадки небольшими силами уже вносило известную тревогу в район германского тыла, но не требуя большого напряжения для своей ликвидации, в особенности, принимая во внимание возможный прорыв германского флота в Рижский залив, тоже не могло оказать мощного содействия операции войск Северного фронта. Только десант значительными силами мог составить серьезную угрозу тылу германцев и заставить их выделить крупные силы для борьбы против него. Но десант значительными силами требовал значительного времени для производства самой высадки и для развития операций в тылу у противника. Время же, при условии сомнительного обладания водами Рижского залива, было ограничено. Оно, в лучшем случае, позволяло произвести высадку и закрепиться на берегу, но вслед за сим надо было ожидать вторжения германского флота в Рижский залив и потери десантом своих морских сообщений. Следовательно, необходимо было всемерно стремиться, с одной стороны, к возможно скорейшему осуществлению прорыва 12-й армией германского фронта и оттеснения левого фланга германских войск, в видах предоставления десанту возможности переменить базирование с моря на сушу (на Ригу), с другой стороны, нужно было принять все меры к недопущению германского флота в Рижский залив.

Успех прорыва германского укрепленного фронта войсками 12-й армии не мог быть безусловным, вследствие

особой трудности операций прорыва вообще, а в виду превосходства германцев в области техники — и тем более; судьба же десантного отряда, при условии сомнительного господства на море, всецело зависела от успеха этого прорыва. В случае неудачи 12-й армии десантный отряд значительного размера обрекался на гибель. Следовательно, для обеспечения самого существования десанта необходимо было принять все меры к воспрепятствованию германскому флоту войти в Рижский залив.

Выше уже было сказано, что главнейшим элементом обороны Ирбенского пролива являлось минное поле, целость которого могла быть нарушена германскими тральщиками, имевшими возможность прочистить проход вдоль Курляндского берега пролива, под охраной своих береговых батарей. Прекратить это траление можно было только путем овладения Курляндским берегом и его батареями.

Таким образом, овладение этим берегом восстановляло целость минного поля, а перекрестный обстрел Ирбенского пролива надежно запирал германскому флоту вход в Рижский залив и передавал последний в наше полное обладание.

Это обстоятельство, если требовалось производство десанта, уже предуказывало первоначальный предмет его действий (Курляндский берег Ирбенского пролива) и первоначальное направление его операций (на запад, в видах упрочнения своего положения на берегу и обеспечения своих морских сообщений). Как только эта задача разрешалась, как только Курляндский берег попадал в наши руки, мы, вследствие полного обладания Рижским заливом, переставали считаться с элементом времени, могли увеличивать силы десантного отряда до произвольных размеров и развивать последующие операции на Курляндском полуострове в любом направлении.

Посмотрим теперь, как была разрешена эта задача главным командованием Северного фронта и командованием Балтийского моря.

Получив вышеприведенную телеграмму Алексеева за № 3.343, главнокомандующий армиями Северного фронта Куропаткин, в свою очередь обратился к командующему Балтийским флотом Канину со следующей телеграммою: [1])

---

[1]) Дело Морискома № 8. 078, часть 1. Копия телеграммы Куропаткина Канину 24 июня 1916 г. № 6. 382|Б.

«В связи с предстоящим наступлением левого фланга Рижского плацдарма, наштаверхом обращено внимание на желательность принять меры к тому, чтобы заставить противника возможно более растянуть свои силы. В числе этих мер указано производство десанта морской бригадой острова Эзеля, с временной заменою ее на острове частями 115-й дивизии.

Самый десант, с моей точки зрения, желательно произвести где-либо против Туккума [1]), чтобы движением к этому пункту создать действительную угрозу тылу противника и в то же время иметь возможность установления связи в действиях с правым флангом 12-й армии. Этому условию, казалось бы, могла бы удовлетворить высадка в районе Кестерцема.

По изложенному вопросу прошу сообщить ваше заключение в возможно скорейшем времени, так как наступление левого фланга Рижского плацдарма предполагается начать уже в конце июня. В случае вашего согласия на производство десанта морской бригадой, прошу указать, когда и куда направить бригаду 115-ой дивизии с одной батареей для перевозки на остров Эзель».

Куропаткин.

24 июня № 6. 382/Б.

Эта телеграмма высказывает пожелание произвести десант где-либо против Туккума, примерно в районе Кестерцема, чтобы создать действительную угрозу тылу противника и в тоже время иметь возможность установления связи в действиях с правым флангом 12-й армии. Вместе с тем указывалось, что главный удар будет производиться левым флангом Рижского плацдарма, т.-е. в направлении на Бауск.

Приведенные пожелания Куропаткина наводят на некоторые размышления.

Во-первых, желательным пунктом высадки указывается Кестерцем, т.-е. пункт, находящийся в 8—10 верстах к югу от Ангернского озера (хорошо оборонненная станция для гидропланов) и в 8—10 верстах к северу-западу от передовой линии левого фланга германского сухопутного фронта, позади которой и, следовательно, еще ближе к Кестерцему, несомнено находились некоторые резервы противника. Кроме того, побережье Кестерцема оборонялось германскою артил-

[1]) См. схему № 1.

лериею калибром до 8 дюймов и по настоянию сухопутного командования перед ним было поставлено флотом минное заграждение. Вследствие этого, можно было с уверенностью сказать, что высадка у Кестерцема не только не могла произойти без больших затруднений, но даже самый успех ее ставился под полное сомнение, во первых, невозможностью для транспортов приблизиться к берегу из-за минного заграждения, во-вторых, сильною и уже готовою артиллерийскою обороною и, в-третьих, близостью к намеченному пункту германских войск. При этом противодействие высадке в самую критическую для нее минуту (своз десанта на берег), вследствие исключительно трудных местных условий высадки, не требовало даже подвода новых войск и совершенно не отразилось бы ослаблением сопротивления германцев на Бауском участке, противолежавшем левому флангу нашего Рижского плацдарма, которым предполагалось производить прорыв.

Во вторых, возложение производства прорыва на войска левого фланга Рижского плацдарма оставляло войска правого его фланга на месте, вследствие чего противостоявшие ему германские силы, не подвергаясь действительной атаке, могли располагать своими резервами как для противодействия десанту, так и для поддержки Бауского участка, делая это, вследствие близости расстояний, лишь в минуту действительной необходимости.

Таким образом, предложение Куропаткина произвести высадку у Кестерцема не могло облегчить операции сухопутных сил на Бауском направлении и, следовательно, не приводило к цели, указанной Алексеевым, заставить германцев возможно более растянуть свои силы. С другой стороны то же предложение ставило под полное сомнение и самый успех высадки на берег в районе, защищенном минами, сильною артиллериею и удаленном всего версты на четыре от резервов противника.

В тот же день, т.-е. 24-го июня Канин получил и от начальника морского штаба верховного главнокомандующего, адмирала Русина, следующую телеграмму: [1])

«В ближайшее время будет наступление Северного фронта. Для содействия этому наступлению необходимо произвести внезапную десантную операцию, первоначально силами от 6 до 8 баталионов с артиллериею, на берег Рижского залива

---

[1]) Дело Морискома № 8. 078, часть I. Копия телеграммы Русина Канину за № 1. 266|Б.

в районе Домеснеса или южнее. Эта задача поручается вам. Необходимо теперь же подготовить потребные средства, при чем желательным сроком готовности экспедиции являются первые числа июля, чтобы, спустя 3 или 4 дня после начала наступления Северного фронта, произвести операцию. Десант должен иметь средства прочно удержаться на берегу, дабы можно было, в случае успеха, развить таковой путем высадки новых войск. Полагаю, что для производства первоначального десанта лучше всего использовать морскую бригаду. В замен ее на Эзель будут даны войска. Завтра, 25-го июня, выезжает к вам в Ревель капранг Альтфатер с подробным докладом. № 1.266/Б».

Русин.

Настоящая телеграмма проливает уже несколько больший свет на намерения верховного командования. Повторяя указанную Алексеевым Куропаткину силу десантного отряда (6—8 баталионов) и район высадки (район Домеснеса или южнее), она говорит о необходимости «прочно удержаться на берегу, дабы можно было, в случае успеха [1]), развить таковой путем высадки новых войск.

Такое предложение, ограничивая первоначально силы десантного отряда, не ограничивало времени пребывания этого отряда на берегу и дальнейшего усиления этого отряда морским путем. Если дальнейшее усиление десантного отряда намечалось производить «путем высадки новых войск», то, следовательно, подразумевалось, что демонстративная задача десанта еще не достигла своей цели, что сухопутные войска еще не сделали прорыва неприятельского фронта и что связь на сухом пути десанта с правым флангом 12-й армии еще не совершилась. В противном случае, в случае решительного успеха войск Северного фронта, к чему было продолжать сложную и опасную операцию десанта, а не развивать успех в направлении, на котором таковой уже был достигнут. Если же верховное командование полагало возможным развивать успех десанта путем дальнейшей переброски войск морем, а, следовательно, при сохранении базирования на море, то необходимо допустить, что оно или считало за собой обеспеченным полное обладание морем, чего на самом деле не было, или предполагало, что это обладание будет достигнуто

[1]) Очевидно, десантного отряда, а не войск Северного фронта.

действиями самого десанта, или же упустило из вида эту важнейшую при производстве смешанных операций данную.

25-го или 26-го июня командующий Балтийским флотом принял доклад от прибывшего из ставки капитана 1-го ранга Альтфатера и дал следующий ответ начальнику морского штаба верховного главнокомандующего [1]):

Ставка. Наморштаверх.

«1.266/Б. Выслушав доклад каперанга Альтфатера, пришел к следующим заключениям:

«**Первое**. Предполагаю произвести высадку в районе Роена, как пункте побережья, обладающем хотя и небольшими, но портовыми сооружениями, что значительно облегчит производство высадки и позволит в будущем прочно наладить подвоз. Высадка у Роена, по моему мнению, предпочтительнее других мест побережья еще и потому, что, являясь удаленной от северного фланга неприятельского расположения, допускает возможность наступления войск как на юг, так и на запад, наперерез путей от Виндавы и побережья к Туккуму и вообще к северному флангу неприятеля; кроме того, в случае занятия нами перешейка между северной оконечностью Ангернского озера и берегом моря, через который проходят все пути вдоль побережья к Роену, наш десантный отряд будет обеспечен с юга. Высадка в районе южной части Ангернского озера в районе побережья Кестерцема, как это указывает генерал-адъютант Куропаткин в телеграмме мне №6.382/Б, крайне трудно выполнима, как вследствие обнаруженного фактически наличия на побережьи в этом районе береговых батарей противника до 8 дм. калибра, так и вследствие поставленного нами у этого берега по настоянию 12-й армии минного заграждения, которое чрезвычайно затрудняет действия флота и подход транспортов к берегу; вытралить же это заграждение ныне невозможно, ибо оно находится под обстрелом неприятельских береговых батарей, и делавшиеся в этом направлении попытки ни к чему не привели.

«**Второе**. Всего предполагаю высадить и могу это сделать без ущерба обороне побережья и крепостей: всю 116-ю пехотную дивизию (наиболее подготовленная и сколоченная ди-

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть I. Копия (черновик) телеграммы адмирала Канина адмиралу Русину 26-го июня 1916 г. № 1.030/оп.

визия) из Свеаборга с 116-м артиллерийским дивизионом, три полка отдельной морской бригады с двумя батареями отдельного морского легкого дивизиона, одну саперную роту из Свеаборга, одну конную сотню пограничной стражи, две пулеметные команды и, если удастся, то еще и один дивизион полевой артиллерийской бригады морской крепости. Всего 18 баталионов, 44 легких орудия, 88 пулеметов, одна конная сотня и одна саперная рота. Весь этот отряд, в отношении производства высадки, делится на два отряда: первый — в составе трех полков морской бригады с двумя батареями и полуротой сапер; пункт посадки — Куйваст в Моонзунде; задача отряда — занять район высадки, укрепить его и выдвинуть авангарды вперед, а в случае появления неприятеля — удержать в наших руках плацдарм для высадки; второй — в составе 116-й дивизии и прочих частей, является главными силами экспедиционного отряда. Начальником всего высаженного отряда предполагаю назначить начальника ныне еще формирующейся 118-й дивизии, генерала Былим-Колосовского».

«**Третье**. Обеспечение высадки с морской стороны возлагается на линейный корабль «Слава», крейсеры «Диана», «Богатырь» и, возможно, «Аврора», канонерки «Хивинец», «Бобр», «Гиляк», «Храбрый», «Грозящий», минную дивизию и подлодки 5-го дивизиона и шесть гидро-авиационных отрядов. Общее руководство оставляю за собою, предполагая поднять свой флаг на «Славе», транспортную флотилию поручил капитану Иванову 8-му, а прикрытие транспортов — контр-адмиралу Колчаку. Крейсера «Богатырь», «Аврора» и «Диана» предполагаю провести через Моонзунд, где к 1-му июля будет готов канал на 22 фута; этим же каналом пойдут и все глубокосидящие транспорты».

Четвертое. Для образования нужной транспортной флотилии мною привлекается большинство русских пароходов, находящихся во всех портах. В силу этого для нужд морской крепости надо предоставить 15 английских пароходов, намеченных к уходу за границу, и некоторое число адмиралу Зеленецкому, взамен пароходов, берущихся от них. Сосредоточение и оборудование всех средств высадки началось.

«**Пятое**. Для производства всей операции необходимо срочно получить 8—10 миллионов японских ружейных патронов, ускорить высылку обещанных Упартом [1]) запасных

[1]) Упарт — управление артиллерийскою частью в ставке верховного главнокомандующего.

частей и принадлежности к 3 дм. полевым пушкам, ускорить высылку 30.000 трехдюймовых патронов и 500 лошадей, так как для доведения (до комплекта) обозов частей, идущих в экспедицию, должен взять обозных лошадей у остающихся частей».

«**Шестое**. Полагал бы весьма желательной в целях успешного выполнения операции (внутри страны) перевозку в третью очередь из Риги 4-й отдельной кавалерийской бригады или хотя бы одного 20-го драгунского полка, который в прошлом году участвовал уже в такой экспедиции. Кроме того, необходимо теперь же возвратить в мое распоряжение 6дм. гаубичную батарею из морской крепости, ныне находящуюся в 5-ой армии, но обязательно с запряжками и обозом, имеемым ныне в батарее, дабы ее также отправить в экспедицию».

«**Седьмое**. Взамен 116-й дивизии в Свеаборг предположено перевести из Ревеля один полк 107-й дивизии. Бригаду 115-й дивизии с батареей прошу перевести в район морской крепости Петра Великого, ибо, находясь в этом районе, бригада может быть быстро подана или на Эзель, или на поддержку экспедиции».

«**Восьмое**. Общий срок готовности выхода первого отряда экспедиции определяю приблизительно около 6-го июля».

«Сообщая изложенное, прошу утверждения моих предположений и экстренного ответа. № 1.030/оп.».

Канин.

Изложенная телеграмма адмирала Канина является схематическим планом всей экспедиции.

Прежде всего Канин [1]) указывает на Роен, как на пункт высадки, выгоднейший по стратегическому положению и удобнейший в техническом отношении. Обращая внимание на крайнюю трудность выполнения высадки у Кестерцема, он

---

[1]) Во главе Балтийского флота стоял командующий флотом, адмирал Канин; начальником его штаба был контр-адмирал Григоров; должность флаг-капитана по оперативной части занимал капитан II ранга князь Черкасский. Является вопрос, кому принадлежало творчество в рассматриваемой операции: Канину, Григорову или Черкасскому? Подавляющее количество черновых документов написано рукою последнего, но это могло быть сделано под диктовку или по указанию начальства, но с другой стороны, творчество могло принадлежать и Черкасскому и представляться начальству на одобрение. В виду того, что все важнейшие документы подписаны Каниным, мы приписываем творчество ему, как старшему начальнику. Кроме того, по свидетельству Русина, в разработке экспедиции принимал живое участие Колчак, бывший до 1-го июля начальником минной дивизии.

указывает, что высадка у Роена, удаленного от северного фланга неприятельского расположения, допускает возможность наступления войск как на юг, так и на запад, на перерез путей от Виндавы и побережья к Туккуму и вообще северному флангу неприятеля.

В этих словах светится новый намек на самостоятельное творчество Канина. Он понимает содействие наступлению армий северного фронта не в смысле высадки в ближайшем к этим армиям пункте, как это понимал Куропаткин, рекомендуя произвести высадку у Кестерцема, но в несравненно более широком смысле — в смысле нанесения мощного удара по флангу германского расположения. Для получения же к этому возможности нужно было первоначально развить операции на запад для захвата сообщений противника с Виндавою и вообще побережьем. Захват территории в северной части Курляндского полуострова давал полную возможность овладеть с тыла береговыми батареями германцев в Ирбенском проливе и этим самым прочно закрыть вход в Рижский залив для германского флота. Последнее обстоятельство передавало в руки Канина полное господство в водах Рижского залива, в силу чего получалась возможность закрепить положение десанта на берегу и развить экспедицию по количеству сил до желаемых размеров, продолжая пополнение ее и снабжение морским путем.

Такая операция действительно приобретала огромное демонстративное значение в пользу наступательных операций армий Северного фронта, потому что германцы, терявшие с ее развитием не только возможность угрожать через Рижский залив, но и часть своих удобнейших сообщений с Германией (пути на Виндаву), несомненно, должны были бы выделить против этой экспедиции весьма значительные силы, отсутствие которых существенно ослабило бы их сухопутный фронт и облегчило бы русским войскам операцию прорыва, с целью оттеснения германцев от Двины.

Необходимость первоначального развития операции десантного отряда в западном направлении Канин еще более подтверждает высказанным им далее указанием, что «в случае занятия нами перешейка между северной оконечностью Ангернского озера и берегом моря, через который проходят все пути вдоль побережья к Роену, наш десантный отряд будет обеспечен с юга». В этих словах Канина мы

видим его стремление не развивать операций к югу от Роена, а закрыть противнику пути, ведущие к Роену с юга, т. е. обеспечить себя с юга.

Самый выбор района Роена, предпочтительно перед Домеснесом, объясняется наличием перед последним минного заграждения. Выбор же Роена, как пункта высадки, обусловливался не только возможностью подойти к берегу, но и наличием некоторых портовых сооружений, значительно облегчавших производство высадки и позволявших вслед за нею прочно наладить подвоз морем и все операции выгрузки и погрузки.

Задавшись идеею захвата северной части Курляндского полуострова и приобретения тем самым полной безопасности плавания в Рижском заливе, Канин сразу значительно расширяет размеры десантной экспедиции, сравнительно с первоначальною директивою Алексеева, и назначает в ее состав не 6—8 баталионов, а 18 баталионов, 44 легких орудия, 88 пулеметов, одну конную сотню и одну саперную роту. Мало того, для развития действий внутри Курляндии, он признает весьма желательным еще усилить экспедиционный отряд назначением в его состав 4-й отдельной кавалерийской бригады (12 эскадронов), 6 дм. гаубичной батареи (4 тяжелых орудия) и бригады 115-й пехотной дивизии с батареею (6 баталионов и 6 легких орудий), т. е. доводит силу экспедиционного отряда до 24 баталионов, 50 легких и 4 тяжелых орудий, 88 пулеметов, 13 эскадронов и сотен и 1 саперной роты.

Понятно, появление таких больших сил в северной части Курляндии, почти обнаженной от германских войск, несомненно являлось сильнейшею демонстрациею, которая должна была привлечь на себя значительные неприятельские силы, т. е. в полной мере могло разрешить задачу экспедиции, поставленную верховным командованием, если бы, одновременно, были соблюдены еще два необходимых условия, а именно: первое—сохранение этой операции в полной тайне, достигавшееся, главным образом, быстротой ее подготовки, и второе — выбор войсковых частей, соответствующих по своему качеству тем трудным условиям, в которых предстояло действовать десантному отряду, и тем ответственным задачам, которые он должен был выполнить.

Подготовка экспедиции распадалась на три операции: подготовка войсковых частей, подготовка запасов снабжения и подготовка транспортных средств. Последние две операции

могли быть осуществлены без большого риска разглашения тайны, ибо запасы можно было сосредоточить в пункты погрузки без объяснения цели, для которой это делается, а оборудование транспортных судов можно было произвести рассосредоточено на рейдах тех портов, в которых они находились, тоже не объясняя целей оборудования, а давая лишь указания о характере и размерах последнего, в зависимости от штатов предназначенных для экспедиции частей войск и от размеров необходимых для переброски запасов снабжения. Самое сосредоточение транспортных судов в порт погрузки могло быть произведено весьма быстро, непосредственно перед самою погрузкою.

В иных условиях находилось сохранение тайны операции среди войск, предназначенных в экспедицию.

Длительная подготовка войск, не готовых к походу и несших сторожевую службу на побережьи, неминуемо должна была вызвать оживленные разговоры. Последним способствовало еще и то обстоятельство, что ни одна из предназначенных в экспепицию частей ни разу не была в бою и, естественно, ожидание боя должно было повести к оживленному обмену мнений. Мало того, ни отдельная морская бригада со своей артиллерией, ни наиболее сколоченная, по мнению Канина, 116-я пехотная дивизия со своим артиллерийским дивизионом, ни бригада 115-й пехотной дивизии, ни полевая артиллерийская бригада морской крепости Петра Великого—не были способны к немедленному походу; им нужно было еще укомплектоваться людьми и лошадьми, перевооружиться однообразными винтовками и артиллерийскими орудиями и получить боевые комплекты и повозки обоза. Короче говоря, им нужно было произвести длинный ряд хозяйственных работ, всегда связанных с наиболее оживленною болтовнею, которая сильно вредила успеху операции.

Канин выбрал лучшие части войск из тех, которые были у него в подчинении, но, к сожалению, все сухопутные части, бывшие в его распоряжении, оставляли желать лучшего. Иная картина получалась бы, если бы верховное командование, придавая большое значение сохранению тайны всего предприятия, пришло бы на помощь Канину и предназначило бы в экспедицию один из действующих первоочередных корпусов, находившихся в составе армий Северного или Западного фронтов. Рассматривая дислокацию этих фронтов, мы видим, что XXI-й армейский корпус и 4-я кавалерийская бригада стояли у устья р. Западной Двины и могли быть погружены на суда без всякого предупреждения в день прибытия последних

в Рижский бассейн, ибо находились в полной готовности к походу и бою. Замена XXI-го арм. корпуса другим корпусом из состава 1-й или 5-й армий Северного фронта или одним из корпусов армий Западного фронта могла быть осуществлена без всяких затруднений, потому что переброска войск с одного фронта на другой была самым привычным для войсковых частей явлением. Но кроме сохранения тайны, назначение в экспедицию целого первоочередного корпуса давало и другие выгоды, а именно, привычка к походу и бою, знание частями своих начальников и начальниками своих частей, боевая спайка между частями и твердое руководство войсками в бою. Иначе говоря, назначение первоочередного корпуса одновременно удовлетворяло и второму условию успеха экспедиции—выбору войсковых частей, соответствующих по своему качеству трудным и ответственным задачам десанта.

Наконец, назначение в состав экспедиции готового корпуса полевых войск в высшей степени обеспечивало быстроту подготовки, ибо оборудование транспортных судов и сосредоточение запасов снабжения могло быть произведено в кратчайший срок.

Для переброски морем намеченных в десантный отряд войск, Канин привлек все имевшиеся в его распоряжении транспортные суда, не остановившись даже перед обездолением портов, в смысле удовлетворения их хозяйственных нужд. Одновременно он сделал распоряжение о соответствующем их оборудовании и возбудил ходатайство о замене их на время экспедиции 15 английскими пароходами, предназначенными к уходу заграницу.

Для обеспечения высадки отряда с морской стороны Канин назначает в своем проекте наличные боевые силы Рижского залива и еще усиливает их некоторыми судами из Финского залива. В общем, силу эскадры прикрытия он исчисляет в один линейный корабль, 2—3 крейсера, 5 канонерок, минную дивизию (36 миноносцев), один дивизион подводных лодок и 6 гидро-авиационных отрядов.

Общее руководство всеми операциями экспедиции Канин оставляет за собою, предполагая поднять свой флаг на линейном корабле «Слава». Такое решение подчеркивает то значение, которое придавал Канин рассматриваемой экспедиции. Будучи ответственным за оборону русских вод Балтийского моря, он придавал огромное значение бесспорному владению Рижским заливом и в этой экспедиции видел средство для достижения этой цели.

Своими ближайшими помощниками он избирает: контр-адмирала Колчака—для командования отрядом прикрытия транспортов, капитана 1-го ранга Иванова 8-го—для командования транспортной флотилией и генерал-майора Былим-Колосовского—для командования сухопутным отрядом экспедиции. Выбор последнего был не вполне удовлетворителен, ибо не отвечал важности назначения отряда, но необходимо сказать, что Канин, в лице Былим-Колосовского, взял наиболее подходящее лицо из тех сухопутных начальников, которые находились у него в подчинении, и не его вина, что в его распоряжении не нашлось более подходящего для данного назначения лица[1]).

Рассматриваемый схематический план Канина недостаточно обнаруживает его намерения относительно предмета действий и направления операции. Не получив в этом отношении никаких указаний из Ставки верховного главнокомандующего и отвергнув предложение главнокомандующего армиями Северного фронта высадиться в районе Кестерцема и развивать операцию в направлении на Туккум, Канин самостоятельно и, нужно сказать, недостаточно ясно намечает первоначальным предметом действия экспедиции сообщения противника с Виндавою и развитие операций в западном направлении, выдвинув в южном направлении лишь заслон в целях обеспечения экспедиции со стороны Туккума. В разработанном плане, конечно, эти решения были бы установлены твердо; здесь же, в предварительных соображениях, они как бы ставятся на обсуждение Ставки и испрашивается их утверждение в видах дальнейшей разработки.

Изложенные соображения командующего Балтийским флотом были доложены верховному главнокомандующему и получили одобрение, о чем Алексеев сообщил главнокомандующему армиями Северного фронта следующею телеграммою[2]):

«План адмирала Канина: высадка около Роен, где удобны производство десанта и организация будущего подвоза; отсюда можно наступать к западу, наперерез пути от Виндавы, или к югу, согласуя удар против левого крыла противника с действиями 12-й армии. Высадка южнее неудобна: придется производить ее под огнем немецких береговых батарей и море,

---

[1]) Генерал Былим-Колосовский вскоре был заменен генерал-майором Геруа.

[2]) Дело Морискома № 8.078, часть I, стр. 159. Телеграмма Начальника штаба Верховного главнокомандующего главнокомандующему армиями Северного фронта № 3.475.

по настоянию 12-й армии, нами заминировано; протралить невозможно. Силы, назначенные для десанта: наиболее сплоченная 116-я дивизия с дивизионом артиллерии из Свеаборга, три морских полка с двумя батареями, саперная рота, ополченская сотня, быть может, часть полевой артиллерии из Ревеля; всего 18 баталионов, 44 орудия, 88 пулеметов, конная сотня, саперная рота; головной отряд десанта—три морских полка, две батареи, полурота сапер; посадка—Куйваст, высадка—Роен, задача—укрепление плацдарма. Второй эшелон—остальные войска. Общий начальник—генерал Былим-Колосовский. Флот, обеспечивающий высадку, будет под общим руководством адмирала Канина. Состав: «Слава», «Диана», «Богатырь», быть может, «Аврора», канонерки: «Хивинец», «Бобр», «Гиляк», «Храбрый», «Грозящий», минная дивизия, подлодки. Для успешного выполнения операции адмирал Канин просит третьим рейсом перебросить из Риги 4-ю кавалерийскую бригаду или в крайности один 20-й драгунский полк, возвратить от вашего фронта запряженную 6 дм. гаубичную батарею, взятую из Ревеля, перевести теперь же одну бригаду 115-й дивизии в крепость Петра Великого, ибо гарнизон последней будет теперь переброшен в Свеаборг, вместо 116-й дивизии. Выход головного отряда определяется приблизительно около 6-го июля.

«План государем императором одобрен. Не можете ли наметить прочного начальника с более широким кругозором, чем Былим-Колосовский; помогите сформировать прочный штаб; нужно наладить радиосвязь между десантом и штабом 12-й армии. Прошу сообщить ваши соображения по согласованию вашей операции с десантом; можно ли рассчитывать, что в случае успешных действий против левого фланга противника, вы дадите развитие предприятию, усилив его частями 12-й армии. Посылка 4-й кавалерийской бригады очень важна для более широкого освещения района и безопасности высаженных войск. 3.475».

Алексеев.

Рассматривая эту телеграмму, необходимо заметить, что она, передавая план Канина, несколько видоизменяет его основную идею операции десанта. Канин в своем плане говорит о возможности от Роена развить операцию и на запад, и на юг, но не добавляет, что движение на юг будет иметь целью удар против левого крыла противника. В плане Канина скорее чувствуется тяготение к операциям сначала в западном направлении, приво-

дившим сразу к весьма существенным результатам и обеспечивавшим наилучшим образом коммуникационную линию десанта. В этот первый период операции на юг он придает, повидимому, лишь значение обеспечению десанта от покушений со стороны Туккума, но не ставит операционного направления на Туккум в основание действий десантного отряда.

Это показывает, что Алексеев не вполне понял основную идею Канина, правда, выраженную в телеграмме последнего №—1.030/оп весьма неясно, скорее лишь намеченную. Что в действительности Алексеевым не была вполне понята мысль Канина показывают его же слова в конце телеграммы, обращенные к Куропаткину: «можно ли рассчитывать, что, в случае успешных действий против левого фланга противника, вы дадите развитие предприятию, усилив его частями 12-й армии». В данном случае уже очевидно предполагаются совместные действия 12-й армии и десанта против левого фланга противника.

Но если в отношении основной идеи со стороны Алексеева было неполное понимание Канина, в котором скорее виноват сам Канин, то дальше, в той же телеграмме, Алексеев допускает уже неточную передачу вполне ясных слов Канина, а именно он сообщает Куропаткину, что «флот, обеспечивающий высадку, будет под общим руководством адмирала Канина». Последний в своем плане сообщал другое: флот, обеспечивающий высадку, он ставил под начальство Колчака, а за собою оставлял общее руководство всею операциею, включая и действия десантного отряда, а не только боевым флотом.

С увеличением десантного отряда с 6—8 баталионов до 24 баталионов, 13 эскадронов и сотен и 54 орудий разных калибров Алексеев, очевидно, согласился, ибо план Канина получил одобрение, верховного командования, но на состав этого отряда, на то, что в него входили части войск, стоявшие в разных местах Финляндии, Эстляндии и Лифляндии, что эти части никогда даже не видали одна другую, что они были совершенно не готовы к походу в отношении укомплектования, вооружения и снабжения, не имели никакого боевого опыта и даже были совсем плохо обучены,—на это верховное командование не обратило никакого внимания.

Как мы уже сказали выше, неудовлетворительный состав сухопутного десантного отряда нельзя ставить в упрек Канину, во-первых, как моряку, не имевшему случая близко подойти к вопросам боевой подготовки сухопутных войск и, во-вторых,

как начальнику, назначившему в состав отряда, части из числа бывших у него в подчинении, но верховное командование и, в частности, Алексеев, не могло не знать действительной ценности пехотных дивизий, только что переформированных из ополченских частей и сохранивших все отрицательные особенности, присущие последним. Вместе с тем, верховное командование не могло не понимать всей трудности и ответственности задачи, возлагавшейся на десантный отряд, всей важности быстроты подготовки, внезапности появления и энергичности действий этого отряда и если оно обошло все эти вопросы молчанием, то вся вина в этом падает всецело на него.

Только один из вопросов организации десантного отряда привлек внимание начальника штаба верховного главнокомандующего, а именно—вопрос о выборе начальника отряда и по этому поводу он обратился к Куропаткину с просьбой наметить надежного начальника. Но что мог сделать самый надежный начальник за короткий срок, который был дан отряду на подготовку к походу, т. е. приблизительно в течение 7—10 дней?

Наше указание, что Алексеев не вполне понял основную идею Канина, находит себе подтверждение в другой его телеграмме № 3.481, посланной Куропаткину 29-го июня, т. е. на следующий день, и переданной из Ставки адмиралом Русиным командующему Балтийским флотом. Эта телеграмма [1]) говорила:

«Наштаверхом послана Главкосеву следующая телеграмма:—государь император, придавая серьезное значение намеченному десанту, как средству вспомогательному для успеха вашего главного удара, повелел просить вас установить согласованность действий по времени исполнения и оказать помощь адмиралу Канину назначением надежного начальника с организованным штабом и посылкою средств для укрепления места высадки: инженера, проволоки, если нужно—инструмент, выяснив непосредственным сношением, что именно нужно отряду. Установление прочной связи между штабом 12-й армии и начальником десанта, по высадке, необходимо для согласования действий и по мысли, и по направлению удара. №—3.481. Алексеев. 29-го июня» 1.320/Б.

Русин.

---

[1]) Дело Морискома №—8.078, часть I, стр. 110. Телеграмма адмирала Русина адмиралу Канину № 1.320/Б.

Смысл последних слов этой телеграммы показывает, что Алексеев предполагал совместные действия десанта и 12-й армии против левого фланга германцев, понимая под последним район Туккума.

Кроме того, телеграмма Алексеева № 3.481 показывает нам еще, что начальник штаба верховного главнокомандующего обращается к главнокомандующему армиями Северного фронта с просьбою установить согласованность действий с десантом и оказать Канину помощь в некоторых вопросах, связанных с подготовкою десантного отряда. Необходимость этой помощи со стороны мощного во всех отношениях Северного фронта Алексеев видит только в назначении надежного начальника с организованным штабом и в посылке инженерных средств для укрепления места высадки.

Но если можно было без особого греха оторвать надежного начальника от своей части, то оторвать от таковой ее организованный штаб было уже совсем недопустимо. Вот, если бы от Северного фронта Алексеев потребовал бы назначения целого войскового соединения (дивизии или корпуса) с надежным начальником и организованным штабом, то это было бы понятно и естественно; отрывание же штаба от обслуживаемой им войсковой единицы являлось совершенно нецелесообразным и Куропаткиным исполнено не было.

Но еще более значительным является то обстоятельство, что из всех задач, предстоявших десантному отряду, внимание Алексеева привлекла лишь одна необходимость укрепления места высадки. В этом, как будто, заключалась главнейшая трудность операции, а не в той живой деятельности, которую должен был проявить на неприятельском берегу, быть может, отрезанный от всего десантный отряд, и которая была по плечу лишь испытанным в боях войсковым частям. Вот если бы Алексеев потребовал от Куропаткина назначения в десантный отряд надежного корпуса полевых войск, то ему не пришлось бы думать об инженере, проволоке и инструменте, так как корпусный инженер был бы на лицо и сам бы позаботился о необходимых корпусу инженерных средствах. Как видно, дух позиционной войны, дух пассивности сильно тяготел над всем творчеством высшего командования даже при проектировании последним операций самого активного, маневренного характера.

Как отнесся Куропаткин к плану Канина видно из следующей телеграммы в Ставку: [1]).

«3.475. Намечаемый десант указанными силами весьма полезен и желателен для предстоящей операции 12-й армии, которая будет начата в самых первых числах июля и, очевидно, привлечет на себя наибольшую часть сил противника, находящегося перед Рижским плацдармом, чем значительно облегчит операцию высадки. Но избранный пункт высадки настолько удален от фронта 12-й армии, а силы последней на ее правом фланге настолько незначительны, что не представляется возможным оказать сколько-нибудь серьезное содействие десантному отряду совместными действиями вдоль побережья. Менять же коренным образом предстоящий план действий 12-й армии считаю крайне нежелательным. Намеченное направление главного удара 12-й армии имеет конечною целью, согласно директиве № 6378/Б, оттеснить немцев от Двины, чего нельзя достичь при действиях непосредственно в сторону десанта. При этом такие действия привели бы к растяжке еще на 60—70 верст и без того уже растянутого фронта 12-й армии. Наконец, местность в Туккумском районе не благоприятствует развитию операций значительными силами. В виду указанных причин считаю необходимым держаться принятого решения и наносить главный удар в подготовленном направлении тем более, что на подготовку удара в новом направлении потребовалось бы не менее двух недель для перемещения артиллерии и устройства плацдарма. Нельзя также не считаться с тем, что всякая перемена плана неблагоприятно отражается на настроении войск. На основании изложенного мне представляется необходимым примириться с тем, что в направлении высадки десанта части 12-й армии будут только демонстрировать. В какой мере может выразиться эта поддержка демонстрацией со стороны 12-й армии, сообщу дополнительно, по получении ответа от генерала Радко-Дмитриева, которого запросил. Все, что можно сделать для усиления десантного отряда и обеспечения успеха операции, будет сделано. 4-я кавалерийская бригада будет передана в десантный отряд, шестидюймовая гаубичная батарея будет возвращена, бригада 115-й дивизии будет переведена в Ревель, радиосвязь между 12-й армией и десантом будет прочно налажена. Что касается начальника десанта, то могу предложить на ваш выбор следующих генералов:

---

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть I, стр. 126. Телеграмма Куропаткина начальнику штаба верховного главнокомандующего 29-го июня №—6.484/Б.

Гулевича, Будберга и Геруа. Первый лично вам хорошо известен и несомненно обладает широким кругозором, второй — мне лично мало известен, но начальством аттестуется выдающимся боевым начальником и по прежней должности начальника штаба Владивостокской крепости, которую занимал 11 лет, хорошо знаком с флотом; наконец, генерал Геруа—начальник дивизии с отличной боевой репутацией и так же, как генерал Будберг с широким кругозором, но с флотом не знаком. Вопрос формирования штаба оставляю до выбора начальника десанта, после чего будут приняты все меры к наилучшему разрешению этого вопроса. 29-го июня. 6.484/Б».

Куропаткин.

Настоящая телеграмма является, как уже сказано, ответом на телеграмму Алексеева № 3475, который просил: 1) сообщить соображения по согласованию операции 12-й армии с операцией десанта и, в частности, можно ли рассчитывать, что, в случае успеха 12-й армии против левого фланга противника, Куропаткин даст развитие операциям десанта, усилив последний частями 12-й армии, 2) назначить 4-ю кавалерийскую бригаду в состав десантного отряда и 3) наметить для командования этим отрядом прочного начальника с широким кругозором.

Первый из этих вопросов был понят Куропаткиным весьма своеобразно. Указывая, что пункт высадки очень удален от фронта 12-й армии и что силы последней на правом ее фланге незначительны, он признает невозможным оказать сколько-нибудь серьезное содействие десантному отряду совместными действиями вдоль побережья и добавляет еще, что такие действия привели бы к растяжке фронта 12-й армии еще на 60—70 верст. Из этих его слов можно заключить, что Куропаткин согласование действий 12-й армии с десантом и развитие операций десанта понял в том смысле, что от него требуют, по одержании успеха над противником, двинуться частями 12-й армии вдоль побережья навстречу десанту, высадившемуся у Роена и развивающему свои операции на запад или остающемуся у Роена. Но мы уже обратили выше внимание на то, что, передавая Куропаткину план Канина, Алексеев от себя добавил, что движение десанта на юг будет иметь целью удар против левого фланга противника в согласии с действиями 12-й армии. Для этой

...ИОТЕКА
...ИН.КРАСН.ПРОФЕССУРЫ

цели десант, конечно, должен был двинуться, предположим, против Туккума и следовательно сблизиться с продвинувшимся с свою очередь вперед правым флангом 12-й армии. Тогда ни о каких 60—70 верстах не могло и возникать вопроса, так как одним из направлений, по которым пришлось бы действовать правому флангу 12-й армии в случае успеха прорыва на Бауском участке, было бы, вне сомнения, направление на Туккум. Иначе говоря, не о 60—70 верстах могла быть речь, а лишь о нескольких верстах, да и то до занятия Туккума, куда приходил и десантный отряд. Вопрос Алексеева сводился не к требованию от Куропаткина наступать правым флангом вдоль побережья в направлении высадки десанта, а в развитии одержанного на Бауском участке успеха путем развития действий десантного отряда, подходившего с фланга и даже с тыла к отступавшим войскам германского фронта. Эта мысль Алексеева не была понята Куропаткиным, а потому и самое предложение о согласовании операции с действиями десанта встретило со стороны последнего энергичный отказ.

Отвергнув, таким образом, предложение Алексеева согласовать свои операции с действиями десанта, Куропаткин высказывает необходимость примириться с тем, что в направлении высадки десанта части 12-й армии будут только демонстрировать. Как понимал он эти демонстрации, он в своей телеграмме не говорит и просит для ответа на этот вопрос подождать соображений командующего 12-й армией.

Получается странная картина: десантный отряд, в целях демонстрации в пользу армий Северного фронта, совершает опасную операцию высадки на неприятельском берегу, быть может, теряет свои морские сообщения, нуждается в открытии для себя нового базирования на Ригу, а вместо выручки уже одержавшие успех над противником войска обещают ему только демонстрацию. Этот грех эгоизма при боевых операциях был тяжким грехом в армиях всех фронтов и, как общая болезнь, сказался и в данном случае.

Но, отнесясь столь пассивно к содействию десанту в оперативном отношении, Куропаткин проявил отзывчивость в отношении подкрепления десантного отряда некоторыми частями из состава войск Северного фронта. Однако, эта отзывчивость не пошла дальше удовлетворения пожеланий Канина, а именно, Куропаткин выразил свое согласие на передачу

в распоряжение командующего Балтийским флотом 4-й кавалерийской бригады, 6 дм. гаубичной батареи и бригады 115-й дивизии, а также на установление радиосвязи штаба 12-й армии со штабом десантного отряда. Равным образом, он рекомендовал Алексееву трех генералов, обладавших всеми необходимыми данными, чтобы занять ответственный пост начальника десантного отряда, но мысли о том, чтобы пойти более широко на помощь Канину назначением целого крупного войскового соединения, мы не находим и следа. Пассивное отношение к интересам общего дела сквозит во всем.

На следующий день, 30-го июня, Куропаткин, как бы в дополнение к телеграмме № 6 484/Б, переданной Канину в копии, посылает последнему новую телеграмму следующего содержания: [1])

«Для содействия предложенной вами и высочайше одобренной десантной операции мною сделаны следующие распоряжения:

Бригаду 115-й дивизии направить в Ревель, 4-ю кавалерийскую бригаду приготовить для посадки в пункте и к сроку по вашему указанию, гаубичную батарею Ревельской крепости возвратить в пункт по вашему указанию, назначить в состав отряда, в виду предстоящих ему обширных оборонительных и хозяйственных работ, две роты сапер и инженерную рабочую дружину, до 1.000 человек, и инженерную организацию с военными инженерами во главе.

Делаю сношение с генералом Радко-Дмитриевым о командировании в состав десантного отряда партизантского отряда. Кроме того, назначаю гидро-технический отряд; телеграфируйте куда его направить.

Десантному отряду, мне кажется, придется создать не менее двух укрепленных линий: одну редюитную — у места высадки для непосредственного прикрытия самой высадки, и другую — в расстоянии, обеспечивающем плацдарм от простела артиллерийским огнем, при чем общее протяжение этих линий, в зависимости от местности, до 30 верст. Все необходимое количество шанцевого инструмента, проволоки, мешков, ножниц, ручных гранат—может быть дано из запасов фронта. Подрывных средств в запасах фронта нет, а потому на эти средства, а также на телеграфные и телефонные, рассчитывать от нас не можете.

---

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть I, стр. 127. Телеграмма Куропаткина Канину 30-го июня № 6.501/Б.

Ружейные патроны уже назначены—2 миллиона; на большее количество от фронта пока рассчитывать нельзя; легкие снаряды могут быть отпущены дополнительно, тяжелых нет. Прожекторы необходимо взять из ваших запасов. Лошадей для подвоза материалов дать не могу.

Мне представляется необходимым образование в плацдарме десантного отряда месячного запаса продовольствия; из запасов фронта может быть дано все, кроме мяса и фуража. Телеграфируйте какие запасы и средства вам еще необходимы, в том числе и санитарные, и к какому времени и куда все средства собрать для погрузки.

2-го июля утром буду в Риге; быть может, признаете необходимым командировать в Ригу вашего представителя для ускорения сношений по всем вопросам, связанным с предстоящей вам операцией. 30 июня, 11 ч. 50 м. № 6.501/Б».

Куропаткин.

Изложенная телеграмма наводит на грустные размышления. Действительно, главнокомандующий армиями фронта, которому предстояло начать решительные операции против германцев в связи с действиями десантного отряда, долженствовавшего помогать этим операциям, ознакомившись с планом десантной операции, не нашел необходимым высказать исполнителю этой операции хотя бы какого-либо пожелания в оперативном отношении. В этом последнем отношении он высказывает только одну свою мысль — необходимость десантному отряду прочно укрепиться на берегу и для исполнения этого подает некоторые советы, не идущие далее теоретических рассуждений. О предстоящих же отряду действиях, о той помощи, которую десант может оказать войскам Северного фронта и о том, каким способом желательно видеть эту помощь осуществленною,—нет ни одного слова. Получается такое впечатление, что Куропаткин не верил в серьезное значение задуманной десантной операции и вследствие этого мало интересовался тем, что будет делать десант.

С другой сторыны, оставаясь верным высказанному им взгляду на необходимость для десанта прочно укрепиться в месте высадки, Куропаткин дает Канину, помимо просьбы последнего, необходимые для этой цели инженерные силы и средства и указывает то снабжение, которое десантный отряд может получить из запасов Северного фронта.

Отказ главнокомандующего армиями Северного фронта оказать содействие десантному отряду в оперативном отношении произвел тяжелое впечатление и на Алексеева, что видно из его телеграммы, отправленной 1-го июля командующему Балтийским флотом [1]):

«Главкосев не признает совершенно возможным оказать содействие десантному отряду атакою войск правого фланга 12-й армии и продвижением части сил навстречу десанту, чтобы облегчить его наступление в район Туккума. Принимая во внимание малую подготовку войск десантного отряда для маневрирования и ведения наступательного полевого боя [2]), при трудных условиях местности, и отказ Главкосева связать операции своего правого фланга с действиями десанта, полагал бы или совершенно отказаться от намеченного предприятия, или, рассчитывая исключительно на свои силы и учитывая свой отряд, придать операции местное значение — утвердиться прочно на побережьи, по возможности, в районе Ангерна, привлечь на себя часть сил немцев и отсюда развить дальнейшие действия, сообразуясь с обстановкой. Это лучше, и для общего дела желательно и полезно. Прошу ваше заключение, соответственно которому последуют дальнейшие распоряжения о командировании лиц и отправке средств. №—1.331/Б. 1-го июля».

Алексеев.

Настоящая телеграмма вполне обнаруживает, как понимал начальник штаба верховного главнокомандующего предстоявшие цель, направление и характер действий задуманной десантной экспедиции. Тут Алексеев уже открыто говорит о наступлении десантного отряда в район Туккума, совершенно забывая, что этот отряд должен базироваться на море, находившееся в сомнительном обладании и подверженное нападению сильнейшего противника. Эта данная как-бы совершенно не учитывается Алексеевым, доказательством чего служат его дальнейшие предложения. Принимая во внимание отказ Куропаткина связать операции своего правого фланга с действиями десанта и указывая на слабую подготовку к маневрированию и к полевому бою назначенных в экспедицию частей, он предлагает или совершенно отказаться от операции, т. е.

---

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть I, стр. 119. Телеграмма Алексеева Канину 1-го июля 1916 г. № 1.331/Б.

[2]) Курсив наш.

обнаруживает недостаток упорства в достижении поставленной цели, или придать операции, как он выражается, местное значение, т. е. утвердиться прочно на побережьи, по возможности в районе Ангерна, привлечь на себя часть сил немцев и отсюда развить дальнейшие действия, сообразуясь с обстановкой.

При чтении этих строк невольно возникает целый ряд частных вопросов. Предполагается операция местного значения вне связи с операциями Северного фронта; операция, повидимому, длительная, ибо предполагается прочно утвердиться на побережьи; цель—привлечь на себя часть сил немцев, которых удерживать, очевидно, путем ряда оборонительных действий, ибо к наступательному бою и маневрированию посылаемые в экспедицию войска мало подготовлены. Наконец, говорится и о том, что отсюда (от Ангерна) развить дальнейшие действия, сообразуясь с обстановкой. К сожалению ничего не говорится о целях этих дальнейших действий, но они, повидимому, не могли быть крупными, потому что для решительного наступления в район, занятый значительными силами противника, отряд признавался неспособным, а для выполнения крайне важных, но легких, вследствие слабости противника, задач, связанных с овладением Курляндским побережьем Ирбенского пролива, избранное место сосредоточения десантного отряда (Ангерн) было совершенно несоответствующим, вследствие удаленности от предмета действий.

Затем, в рассматриваемой телеграмме Алексеев впервые указывает на неспособность войск, назначенных в десантный отряд, «для маневрирования и ведения наступательного полевого боя» и вследствие этого обстоятельства даже предполагает изменить самую задачу десанта, сведя ее к скромной операции местного значения, едва ли способной помочь 12-й армии оттеснить германцев от р. Двины. Казалось бы, если выбор войск был сделан неудачно, то, при огромном численном превосходстве армий Северного фронта перед противником, всегда была возможность заменить эти части полевыми войсками, вполне готовыми, опытными в маневрировании и в полевом бою, спаянными боевым прошлым и твердым, опытным командованием. Однако, такого выхода в решении Алексеева мы не видим.

Над всеми этими частными вопросами тяготел один главный вопрос — как отнесется к этой операции германский флот. Спрашивается, в каком положении

оказался бы десантный отряд, укрепившийся у Ангерна, в случае появления германского флота в Рижском заливе? Этот вопрос, очевидно, не приходил в голову Алексееву, а в действительности он был одним из главных.

В заключение необходимо указать, что десант местного значения без решительных операций со стороны Северного фронта все-таки существовать не мог, потому что при отсутствии этих операций германцы, конечно, нашли бы возможность очистить Курляндское побережье от русских войск. Вообще, надо сказать, что десантная операция на побережьи Рижского залива открывала много возможностей и значение последних возрастало по мере увеличения сил десантной группы и их качества, но самая то операция могла иметь место исключительно при решительных и настойчивых действиях войск Северного фронта.

Последнее обстоятельство, повидимому, упускал из вида Алексеев, но его отлично понимал Канин, который дал на вышеприведенную телеграмму следующий ответ: [1])

«1.331/Б. Успешность десантной операции всецело зависит от решительности, продолжительности и размеров наступательных действий Северного фронта в любом направлении. Если же активные операции Северного фронта будут иметь характер кратковременный или демонстративный, то десантная операция явится мало полезной, а высаженные войска могут оказаться в тяжелых условиях, ибо обратная посадка на суда, по условиям берега, крайне затруднительна, а при дурной погоде невозможна. Признавая желательность этой операции и считая ее выполнение вполне возможным, в виду недостаточности подготовки к полевому бою войск, назначенных в операцию, я хочу выслушать относительно сухопутной части операции мнение генерала Геруа [2]), которому предполагается поручить отряд, после чего сообщу мое окончательное заключение».

Канин.

В этой телеграмме Канин, во-первых, заявляет о желательности и полной осуществимости задуманной десантной

---

[1]) Дело Морискома №—8.078, часть I, стр. 120. Телеграмма Канина начальнику штаба Верховного главнокомандующего без №.

[2]) Начальником сухопутного десантного отряда, вместо Былим-Колосовского, 30-го июня был назначен командующий 38-й пехотной дивизией генерал-майор Геруа I, который в это время (2-го июля) еще не прибыл к месту своего нового назначения.

операции и этим укрепляет в решении произвести ее начальника штаба верховного главнокомандующего, который, как мы видим, уже был готов совершенно отказаться от проведения ее в жизнь. Во-вторых, он категорически заявляет, что самая операция мыслима только при энергичных действиях Северного фронта, при чем указывает, что от решительности, продолжительности и размеров этих последних зависит всецело успех десантной операции. Наконец, не будучи специалистом в области сухопутной тактики и считаясь с указанием Алексеева на слабую подготовленность частей десантного отряда к полевому бою, он откладывает свое окончательное заключение по проекту Алексеева, изложенному в телеграмме его №—1.331/Б, до выслушания мнения Геруа, еще не прибывшего в его распоряжение.

Через несколько дней, а именно 5-го июля, в штаб командующего флотом прибыл вновь назначенный начальник десантного отряда, генерал Геруа. По совещании с ним Канин отправил в дополнение к телеграмме без номера, посланной 2-го июля, следующую телеграмму, которую адресовал начальнику морского штаба верховного главнокомандующего [1]):

«1.331/Б. После совещания с генералом Геруа пришел к заключению, разделяемому генералом Геруа. Первое. Производство десанта местного значения, независимо от результатов наступления Северного фронта, является малополезным, а высаженные войска могут оказаться в тяжелом положении. Второе. Высадка десанта на указанных условиях, не имея серьезной цели, только преждевременно обнаружит наши планы и немногие удобные пункты побережья. Третье. Эта же операция, согласованная по времени с продолжительною активною операциею Северного фронта, может иметь для общего дела большое значение и потому я нахожу нужным продолжать всемерно готовиться к ее выполнению. Четвертое. Сообразно с готовностью десанта и с обстановкой на Северном фронте и на Балтийском море, я донесу дополнительно о времени, когда я считаю выполнение намеченной операции наиболее выгодным. № 1.089/оп.».

Канин.

Эта телеграмма говорит, в общем, то же самое, что и телеграмма без нумера, посланная Каниным Алексееву

[1]) Дело Морискома №—8.078, часть I, стр. 153. Телеграмма Канина начальнику морского штаба верховного главнокомандующего 5-го июля 1916 г. №—1.089/оп.

2-го июля (до прибытия Геруа). Но, касаясь вопроса о времени выполнения десантной операции, Канин обуславливает выбор его, во-первых, готовностью десанта к походу и бою и, во-вторых, не только обстановкой на Северном фронте, но и обстановкой на Балтийском море, о которой, очевидно, забывало сухопутное командование. Это указание Канина на неготовность войск десанта и на обстановку на море, казалось бы, должно было навести Алексеева на тревожные мысли и принять все меры к скорейшему началу операции, но этого, к сожалению, как мы увидим, не последовало.

2-го июля 1916 г. (накануне наступления 12-й армии) Куропаткин посетил Ригу, куда, согласно выраженному им желанию, был командирован от командующего Балтийским флотом представитель последнего, новый начальник минной дивизии контр-адмирал Кедров.

3-го июля Канин получил от Кедрова следующую телеграмму [1]):

«Главнокомандующий армиями Северного фронта предоставил для головного отряда латышский батальон и часть полка Меликова [2]). Вместе с тем узнал от главнокомандующего армиями Северного фронта, что идея связи десантной операции с наступлением Северного фронта оставлена и десант получил самостоятельное значение. Предположено высадить две дивизии, занять Роен, укрепиться и ждать отступления неприятеля от района реки Западной Двины, что может тянуться более двух месяцев. За это время десант должен будет базироваться на морские силы «Оландских шхер» [3]) в ведении командующего флотом. 137».

Кедров.

Легко себе представить, какое впечатление должна была произвести на Канина эта телеграмма, извещавшая его, что кем-то «предположено» осуществить решение, совершенно противоречившее его намерениям. В тот же день, 3-го июля, он телеграфировал начальнику морского штаба верховного главнокомандующего [4]):

---

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть I, стр. 169. Телеграмма Кедрова командующему Балтийским флотом 3-го июля 1916 г. № 137.

[2]) 20-го драгунского Финляндского полка.

[3]) Очевидная ошибка в телеграмме: следовало поставить «Рижского залива».

[4]) Дело Морискома № 8 078, часть I, стр. 160. Телеграмма Канина Русину 3-го июля 1916 г. № 1.076/оп.

«Командированный к Главкосеву адмирал Кедров донес: Главкосев считает, что идея связи десантной операции с наступлением Северного фронта оставлена и десант получил самостоятельное значение. Предположено высадить две дивизии, занять Роен, укрепиться и ждать отступления неприятеля от района реки Западной Двины, что может тянуться более двух месяцев. За это время десант должен будет базироваться на морские силы Рижского залива в ведении командующего флотом».

«Приведенные соображения Главкосева как-бы указывают, что действия десанта должны быть независимы от действий Северного фронта, а лично я считаю, что успешность десантной операции всецело зависит от решительности, продолжительности и размеров наступательных действий Северного фронта в любом направлении. Высадку десанта в Роен и пассивное ожидание им более двух месяцев результатов действий Северного фронта со столь продолжительным базированием высаженных войск на флот считаю затруднительным, мало полезным и небезопасным. Это же продолжительное и пассивное пребывание десанта в Роене может свести в дальнейшем все его действия к позиционной войне в данном районе, если противник того захочет, что совершенно нецелесообразно. Кроме того, обстановка на море не может быть учтена вперед на столь продолжительное время и десант может оказаться в нужный момент без поддержки флота, вызванного на главный участок своего стратегического фронта».

«Ввиду изложенного прошу раз'яснения и вновь подтверждаю сообщенное мною паштаверху, что если активные операции Северного фронта не будут иметь решительный характер, то отдельная десантная операция в намеченном районе будет малополезной и может быть поставлена в тяжелое положение. Полагал бы высадку демонстративного характера во всяком случае выполнить, хотя бы в другом месте и в других размерах. № 1.076 гоп.»

Канин.

Изложенная телеграмма представляется чрезвычайно ценной, потому что она совершенно ясно определяет взгляд командующего Балтийским флотом на задуманную десантную операцию. В ней Канин снова повторяет уже однажды высказанное им мнение о полной зависимости смысла и безопасности этой операции от характера действий Северного

фронта. Действительно, эта данная являлась важнейшею. Если армии Северного фронта оставались пассивными, то все операции десантного отряда являлись лишенными смысла. Несомненно, он мог иметь временный успех, мог овладеть Курляндским берегом Ирбенского пролива, мог даже занять всю северную Курляндию и перерезать железную дорогу Туккум-Виндава, но не связанные наступлением Северного фронта германцы очень быстро приняли бы соответствующие меры и сбросили бы десант в море. Только при наступлении армий Северного фронта десант на побережьи Рижского залива получал и огромное значение, и безопасность сообщений. Связанные наступлением Северного фронта германские войска не могли бы выставить против десанта сил, достаточных для парирования его действий, ибо германцы не имели значительных свободных резервов. Действия же десантного отряда, овладевшего северною Курляндиею (включая берег Ирбенского пролива) и направившего свой удар во фланг германцам, находившимся против армий Северного фронта, могли привести к отступлению противника за Неман и к полной перемене обстановки на всем русско-германском фронте. Это положение Канин понимал совершенно ясно и настойчиво требовал решительного, продолжительного и мощного наступления армий Северного фронта в любом направлении, потому что не направление напора играло главную роль, а самое наличие могучего напора на германцев.

Затем, в этой же телеграмме Канин опять обращает внимание верховного командования на значение для данной операции обстановки на море. Не говоря ни одного слова о возможности прорыва германского флота в Рижский залив, он указывает на то, что нельзя не считаться с вероятностью отозвания флота Рижского залива на главный участок стратегического фронта Балтийского моря, т. е. в Финский залив. Имея в виду вероятность этого предположения, он еще раз повторяет о необходимости решительного наступления Северного фронта, которое, при отозвании флота в Финский залив, могло дать возможность десанту переменить базирование на Ригу.

Считая, таким образом, десантную операцию у Роена, без мощного наступления Северного фронта, нецелесообразной и опасной, Канин в конце своей телеграммы тем не менее добавляет, что высадку демонстративного характера он полагал бы во всяком случе выполнить, хотя-бы

в других размерах [1]). С какою конкретною целью и в каком месте предполагал Канин произвести высадку «во всяком случае»—остается невыясненным и исторические документы не дают на это никаких указаний.

Телеграмму командующего Балтийским флотом от 3-го июля 1916 г. № 1.076 Русин, находившийся в эти дни в Петрограде, перетелеграфировал в Ставку Алексееву. Последний, ознакомившись с нею, счел необходимым дать исчерпывающие раз'яснения относительно задач отряда и направления его действий, которые и изложил в следующей телеграмме: [2])

«1.076. Не могу согласиться с указаниями, полученными адмиралом Кедровым от Главкосева. Действительно, вследствие его настойчивого желания, идейная и непосредственная связь в действиях десанта и правого фланга 12-й армии отклонена и десант получает выполнение самостоятельной задачи. Но никогда не высказывал и не допускал мысли, чтобы десант, заняв Роен, укрепился и ждал отступления неприятеля от района Западной Двины, что может тянуться более двух месяцев. Предполагаю какое то недоразумение или недоговоренность в переговорах. Во первых, основывать в ю операцию на гадательном предположении либо отступит неприятель от Западной Двины, либо нет—невозможно; во вторых, сидеть без дела в Роен отряду месяца два или обречь его на позиционную борьбу—бесполезно; в третьих, если всю операцию почему то нужно приурочить к минуте отступления неприятеля от Двины, то имеется более простое решение—именно тогда и высадить десант и начать наступление. Но тогда то менее всего нужен десант, ибо отход неприятеля от Двины будет означать успех, достигнутый армиями фронта, когда для него помощь небольшого отряда будет почти не нужна. Тогда ваш отряд мог бы получить независимую задачу—очистить район Виндавы, так как туда трудно было бы отбросить правое крыло 12-й армии из-за опасности растяжки сил.

«При существующей обстановке десант имеет единственную цель—помочь Северному фронту в выполнении его настоящей операции, если, конечно, эта операция будет выполняться настойчиво, длительно, до достижения поставленной цели.

---

[1]) Черновик телеграммы Канина 3-го июля 1916 г. № 1.076/оп. написан чернилами рукою Черкасского, кроме последней фразы, которая добавлена карандашем рукою самого Канина. Дело Морискома №—8.078, часть I, стр. 165.

[2]) Дело Морискома №—8.078, часть I, стр. 174. Телеграмма начальника штаба верховного главнокомандующего командующему Балтийским флотом 5-го июля 1916 г. №—1357/Б.

Если через несколько дней фронт признает, что продолжение его операции непосильно, то производство десанта бесполезно. «При нормальном же развитии главной операции фронта помощь ему десанта может выразиться, в зависимости от обстановки, двояко: первое—демонстративное, если противник направит против десанта достаточные силы для противодействия; часть этих сил будет взята из состава войск, противостоящих фронту, чем будет бесспорно облегчено выполнение ему прорыва; второе—активное, если противник выставит против десанта слабые силы. Тогда задача—решительное наступление десанта, атака противника, захват Туккума, соединение с правым крылом, помощь фронту еще шире, решительнее; тогда настанет минута, требующая усиления десанта. Просил вашего заключения, желая знать, пригоден ли отряд для выполнения второй части моего предположения, как самого существенного.

«В итоге: цель десанта единственная—помощь Северному фронту; эта цель уместна только тогда, когда главная операция будет продолжаться настойчиво: действия десанта будут зависеть исключительно от обстановки; о самодовлеющей операции вашего отряда или длительном его бесполезном сидении в Роене не может быть речи. № 1.357/Б. 5-го июля 1916 г.»

Алексеев.

Как выше уже было указано, Алексеев, обнаружив разномыслие между двумя высшими начальниками, получившими, каждый по своей части, задания, которые должны были привести к достижению одной общей цели, принужден был устранить это разномыслие, дав исчерпывающие указания, что он и сделал в изложенной телеграмме № 1.357/Б.

Подвергнув суровой критике указания, данные Куропаткиным Кедрову, и считая их плодом или недоразумения, или недоговоренности в переговорах, Алексеев указывает единственную цель десантного отряда—помощь армиям Северного фронта в выполнении возложенной на них операции оттеснения германцев от реки Западной Двины. Непременным и обязательным условием производства десанта он считает настойчивое, длительное и до достижения поставленной цели наступление войск Северного фронта. Способов достижения поставленной десанту цели он указывает два: демонстративный (пассивный) и наступательный (активный), об'ясняет

в чем должны заключаться действия при обращении к каждому из них и лично склоняется к активному способу, как наиболее плодотворному.

Рассматривая эти указания, необходимо заметить, что и в определении цели операций десантного отряда, и в постановке непременным условием производства десанта активность Северного фронта Алексеев изменил, повидимому, свой взгляд, выраженный им в телеграмме от 1-го июля № 1.331/Б. Но и здесь Алексеев упустил из вида одну данную - возможность вторжения германского флота в Рижский залив, которое влекло за собою обрыв морских сообщений десанта. Учитывая эту данную, нужно было сопоставить время, потребное германскому флоту для прорыва в Рижский залив, с временем, необходимым для производства высадки всего отряда (с его тыловыми учреждениями) и для достижения цели операции тем или иным из способов, о которых говорил Алексеев в рассматриваемой телеграмме.

Произведя это сопоставление, мы увидим, что даже одно производство высадки отряда с его учреждениями, требовавшее около 10 дней, едва возможно было осуществить в течение того времени, в продолжение которого наш флот предполагал удержать за собою господство в Рижском заливе. Тогда естественно возникает вопрос—каким же путем предполагал Алексеев организовать снабжение десантного отряда при осуществлении последним указанных им пассивной или активной операций вплоть до открытия базирования на Ригу, т. е. до полного успеха над левым флангом германского фронта? Единственным решением было иметь базу при себе, но для этого необходимо было успеть перебросить на Курляндский берег большое количество грузов, что представлялось сомнительным. Наконец, и наличие базы при десантном отряде, в случае затяжной операции и потери сообщений, не спасало его от критического положения.

Из этих тяжелых обстоятельств необходимо было искать выхода, и таковой заключался в захвате нами Курляндского берега Ирбенского пролива в ближайшие же дни по совершении нами высадки. Но тогда из заданий Алексеева на первые дни надо было отбросить решительное наступление в район Туккума и заменить его решительным наступлением части сил на запад от Роена, в район Виндавы. По исполнении этой операции и, следовательно, по овладении Курляндским берегом Ирбенского пролива, закрепив достаточно прочно морские сообщения десанта, он

уже получал возможность развивать операцию в район Туккума. Для захвата Виндавского района большого времени, вероятно, не потребовалось бы, потому что германские силы, там находившиеся, были весьма невелики; удар же по сообщениям с Виндавою и появление на фланге значительных русских сил, несомненно, произвел бы свое впечатление у германцев и заставил бы их бросить против десанта необходимое количество войск и этим ослабить свой фронт.

Таким образом, указываемый выход давал возможность применить последовательно тоже два способа, но оба активные: первый—демонстративный по отношению к германскому фронту—захват северной Курляндии и второй—наступательный—вторжение в Туккумский район, т. е. тот, который предусматривал Алексеев и который он считал самым существенным, но упускал при этом из вида что до очищения Виндавского района десант не мог наступать к Туккуму, не подвергая свои, не говоря о морских, даже сухопутные сообщения ударам противника с тыла.

Однако, само собою понятно, что к таким энергичным действиям могли быть пригодны лишь войска, опытные в маневрировании и в ведении полевого боя, а не вновь сформированные из ополченских частей дивизии, не бывшие никогда не только в полевом бою, но даже вообще под огнем, сведенные в импровизированный отряд без налаженных управления, связи и снабжения. Алексеев желал получить по этому вопросу заключение Канина—весьма опытного и сведущего моряка, при котором не было ни одного сухопутного начальника, который мог бы ответить на эти вопросы, ибо все сухопутные начальники, подчиненные командующему флотом, не имели боевого опыта в столкновениях мировой войны. Сам же Алексеев, как человек непосредственно руководивший организациею сухопутных вооруженных сил в течение последнего года (1915—16) войны, отлично знал все отрицательные качества таких частей; предполагать же, что 115-я и 116-я дивизии представят, быть может, счастливое исключение—не было никаких оснований.

Но если Алексеев так уже интересовался боевыми качествами частей, назначенных в состав десантного отряда, то, вместо того, чтобы ставить этот вопрос малоопытному в сухопутной боевой подготовке адмиралу Канину, он всегда мог командировать для осмотра этих частей одного из опыт-

ных строевых генералов, находившихся в его распоряжении, и тогда получил бы исчерпывающий ответ.

Телеграмма Алексеева командующему Балтийским флотом от 5-го июля за № 1.357/Б была передана, очевидно, и Куропаткину, потому что последний дал на нее следующий ответ, в котором старался об'яснить суть своего разговора с Кедровым [1]):

«Ознакомился с вашей депешей № 1.357/Б адмиралу Канину. Очевидно, донесение адмирала Кедрова о моем с ним разговоре составляет недоразумение. Ни о каких сроках в 1—2 месяца сидения отряда в Роене мною не говорилось. Усмотрев полное незнакомство адмирала с обстановкою, я кратко, по карте, ознакомил его с задачами 12-й армии, связанными с директивою № 3.343; при этом мною было высказано предположение о возможности, в зависимости от действий наших войск и войск противника, или быстрого, или медленного развития операции 12-й армии. Польза десанта, независимо от характера действий войск десанта, признавалась мной несомненной уже по одному тому, что десант привлечет на себя силы противника и этим облегчит выполнение задачи 12-й армии. На то время, пока десант был бы предоставлен своим силам, мною рекомендовалось основательно укрепиться в занятом районе, дав при этом такую глубину укреплениям, чтобы занятый десантом плацдарм не мог простреливаться насквозь. Адмирал Кедров явился ко мне с главною целью просить о назначении войск, имевших боевой опыт, для образования из них головного отряда десанта. В этих видах, кроме одного батальона латышей и отдельной кавалерийской бригады, я обещал выделить еще один батальон пехоты.

Действия ударной группы 12-й армии развиваются хотя и медленно, но с полным упорством. Недостаток тяжелых снарядов вынуждает вести некоторые атаки на участке неприятельской позиции ранее основательного разрушения пулеметных гнезд, блокгаузов и убежищ. Все захваченное нами пространство перед VI-м Сибирским корпусом прочно закрепляется. Между нашими атаками противник ведет контр-атаки, которые отбиваются с большими для него потерями. Наши живые силы, еще не введенные в бой, очень значительны. Хотя тяжелые снаряды идут быстро на убыль, тем не менее выполнение поставленных войскам

---

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть I, стр. 187. Телеграмма Куропаткина Алексееву от 7-го июля 1916 г. № 6.689/Б.

задач будет вестись настойчиво и с полным упорством, не смущаясь длительностью операции. Общие потери войск еще не выяснены, но, полагаю, к 7 июля превышают 15.000 убитыми и ранеными. В некоторых полках особенно велика убыль в офицерах. 7-го июля. 6.689/Б».

Куропаткин.

Настоящая телеграмма послана главнокомандующим армиями Северного фронта в разгар операции прорыва, над которым работала 12-я армия. Операция была начата 3-го июля; за четыре дня боя войска достигли некоторых результатов, понеся потери до 15.000 убитыми и ранеными, но, в общем, успех приобретался с большим трудом. Рассматриваемая нами десантная операция, по мысли Алексеева, должна была помочь 12-й армии, отвлекая на себя часть германских сил, противостоявших последней и угрожать сообщениям противника. Войска 12-й армии дрались уже четыре дня, несли большие потери и крайне нуждались именно теперь в помощи удара со стороны десанта, но верховное командование молчало, не давая никаких указаний о начале этой операции. Какие же были причины этого промедления? Ответ на этот вопрос мы находим в ряде приводимых ниже телеграмм, которыми в течение следующих четырех дней обменялись верховное командование, командование Северным фронтом и командование Балтийским флотом.

Того-же 7-го июля, когда Куропаткин об'яснял начальнику штаба верховного главнокомандующего и Канину суть своего разговора с Кедровым и сообщал некоторые данные о ходе операции 12-ой армии, Канин получил из Ставки от Русина такую телеграмму [1]):

«Наштаверх сообщил, что о времени производства десанта последует высочайшее повеление; однако, таковое будет дано лишь в случае соответствия обстановки на Северном фронте и успешного развития операции этого последнего, как то было сообщено в телеграмме Наштаверха № 1.357/Б и во всяком случае после 10-го июля. Вследствие сего необходимо продолжать подготовку. Не откажите сообщить, когда ожидаете приблизительно готовность канала в Моонзунде. № 1.370/Б».

Русин.

---

[1]) Дело Морискома №—8.078, часть I, стр. 231. Телеграмма наморштаверха Канину от 7-го июля 1916 г. № 1.370/Б.

Из этой телеграммы мы видим, что 7-го июля верховное командование не только не спешило оказать 12-й армии помощь производством десанта, но даже откладывало эту последнюю операцию на срок после 10-го июля. Чем руководствовалось при этом решении верховное командование нам неизвестно, но, можно с уверенностью сказать, что оно забывало о том шуме, который производила на побережьи Балтийского моря подготовка десанта и который, конечно, должен был привлечь внимание германских агентов. Как бы то ни было, но обстановка на Балтийском море, бывшая весьма благоприятной до 1-го июля, начала изменяться в невыгодную для нас сторону. Сводка сведений о противнике за период с 25-го июня по 5-е июля, представленная командующему флотом, между прочим говорила [1]):

«Появились признаки намерения неприятеля перейти к активным действиям: ряд донесений тайной агентуры, если и не раскрыл истинных планов противника, то дал весьма вероятные указания на возможность ожидать с его стороны каких-то выступлений в ближайшее время».

«Впервые за эту кампанию в районе Люзерорта появились 14-го июня дозорные суда или тральщики; тогда же в Виндаву пришло четыре миноносца. Однако, по условиям обстановки, вероятнее всего, что появление этих судов имело целью охранение транспортного движения в Виндаву. 15-го июня эти суда еще держались в районе Виндавы. Затем, до 26-го июня судов у Люзерорта не появлялось».

«26-го июня два неприятельских миноносца были обнаружены нашей воздушной разведкой в 3-х милях на NO от Люзерорта, где оставались непродолжительное время».

«4-го июля утром два миноносца и восемь тральщиков были обнаружены нами уже в 5 милях от Люзерорта, т. е. на границе минных заграждений; под берегом у Михайловского маяка были катера и вообще было впечатление, что противник осматривается в направлении Ирбена, может быть пробует тралить, хочет узнать, как стоят в первых линиях мины и т. п.».

«Одновременно с этим неприятель предпринял довольно сложную операцию: доставил в северную часть Балтийского моря, вероятно на легких крейсерах, гидроаэропланы и где

---

[1]) Дело Морискома №—13.018. Сводки сведений о неприятеле. Сводка №—45 (с 25-го июня по 5-е июля 1916 г.).

то, милях в 25 на NW от Н. Дагерорта, выпустил их для налета на Ревель. Впечатления летчиков относительно результата налета резко расходятся с истиной: им не удалось нанести нам материального ущерба, за то не подлежит сомнению, что ими произведена фотографическая съемка; и, таким образом, налет был, главным образом, воздушной разведкой и именно Ревеля — летчики приближались над заливом, вне видимости постов. Относительно целей этой разведки можно делать только предположения: или неприятель получил сведения о готовящейся десантной операции и, предполагая, что транспортная флотилия сосредоточивается в главной базе флота, решил это проверить [1]), или налет имел самостоятельное значение: разведка для общих соображений и бомбометание с рекламною целью (разрушительное действие сброшенных бомб было ничтожно). Во всяком случае, не возможно увидеть в этом событии какую-либо связь с вероятным намерением противника форсировать Ирбенскую позицию».

Эту сводку Канин получил 5-го июля, а через два дня Русин, как мы видели, сообщил ему, что приказ о десантной операции будет дан не ранее 10-го июля. За эти пять или более дней обстановка на море могла дать новое ухудшение, что, понятно, не могло не озабочивать главного исполнителя десантной операции—первой крупной операции нашего Балтийского флота за весь истекший период войны.

Исходя, очевидно, из этих соображений, Канин, в ответ на телеграмму №—1.370/Б, 8-го июля телеграфировал Русину следующее: [2]):

«В номере 1.370/Б как бы не учитывается обстановка на Балтийском море, а от нее зависит вся возможность десантной операции. Так, например, при непреклонном решении противника форсировать Ирбенскую позицию, проход неприятеля в Рижской залив есть вопрос только количества жертв и времени. Ввиду изложенного полагаю необходимым, ранее получения категорического приказания приступить к десантной операции, быть запрошенным отно-

---

[1]) Очевидно, что подготовку всегда выгоднее вести во второстепенном порту или, еще лучше, в ряде второстепенных портов.

[2]) Дело Морискома № 8.078, часть I, стр. 192. Телеграмма командующего флотом Балтийского моря Наморштаверху от 8-го июля 1916 г. № 1.105/оп.

сительно обстановки на море. В настоящее время работы по организации десанта успешно подвигаются, канал в Моонзунде на 22 фута готов и в районе Ирбенской позиции начат ряд работ по ее усилению, которые можно выполнить лишь в темные ночи [1]), и принимаются меры для борьбы с вновь обнаруженными мелкосидящими неприятельскими тральщиками. 8-го июля № 1.105/оп.».

Канин.

В этой телеграмме командующий флотом снова обращает внимание верховного командования на необходимость считаться с обстановкой на море и, в частности, с прочностью нашей обороны в Ирбенском проливе, а также указывает, что в последнем вновь обнаружены мелкосидящие неприятельские тральщики, т. е. германцами ведется известная подготовка к прорыву Ирбенской позиции.

Таким образом, мы видим, что 3-го июля начата операция 12-й армии, встретившая сильное противодействие со стороны германцев, которое могло бы быть в значительной степени уменьшено высадкою десанта на побережье Курляндии, но высадки этой не сделали вследствие каких-то колебаний, обуславливавшихся отчасти неготовностью десанта, а отчасти и сомнениями в пригодности назначенных войск для выполнения выпадавших на их долю крайне тяжелых и ответственных задач. Обстановка же, между тем, и на суше, и на море изменялась не в нашу пользу: на суше германцы принимали все меры к парализованию успехов 12-й армии, а на море подготовляли уже себе возможность прорыва в Рижский залив.

Под впечатлением неудачи наступления 12-й армии и необходимости начинать новую операцию Алексеев доложил верховному главнокомандующему телеграмму Куропаткина от 7-го июля № 6689/Б и с одобрения последнего послал следующую новую директиву главнокомандующему армиями Северного фронта, переданную в копии командующему флотом Балтийского моря [2]):

«6 689. Ход событий указывает, что немцы не имеют свободных резервов, почему наиболее опасные им направления усиливают, снимая войска с участков, приобретающих второстепенное значение. Бригада 88 й дивизии с Двинского на-

---

[1]) Курсив подлинника.

[2]) Дело Морискома №—8.078, часть I, стр. 224. Телеграмма Алексеева Куропаткину от 9 июля (1 ч. ночи) №—3.672.

правления появилась на Стоходе. Предотвратить такое снятие бригад поисками рот, даже баталионов, как указано в телеграмме генерала Литвинова 01594/18, невозможно; необходимы с нашей стороны тоже переброски войск, сбор кулака, активные удары, но не там, где укрепления противника сильны. Усиливать еще более группу 12-й армии не имеет цели. Опасаться, что противник сам атакует бездорожный участок 1-й армии нет оснований. Поэтому вполне возможно, полезно, желательно назначить дивизию, в крайности, бригаду прочных опытных войск 1-й армии для образования головного эшелона десанта. 32 баталиона, десяток эскадронов, решительно двинутые от Роена на Туккум, окажут мощное содействие вашей операции. Транспортные средства адмирал собирает большие. Такое использование войск выводит их на наиболее слабое и мало подготовленное направление. Полный корпус придаст решительность операции; решительность будет сопровождаться полезными для всего вашего предприятия результатами. Более опытные войска в составе десанта необходимы. 1-я армия может дивизию выделить. Обращаюсь с горячею просьбою принять этот план. По докладе государю императору вашей телеграммы № 6.689 и настоящих соображений, е. в. изволил признать последние заслуживающими внимания. № 3.672».

Алексеев.

Читая эту телеграмму, невольно хочется сказать, что самые простые решения приходят на мысль последними. Действительно, задумав десантную операцию, как демонстративное содействие наступлению армий Северного фронта, Алексеев 23-го июня предназначает для ее осуществления отдельную морскую бригаду с острова Эзеля, т. е. 6—8 баталионов моряков, никогда не бывших в полевом бою. 28-го июня, передавая Куропаткину одобренный верховным главнокомандующим план Канина, который предусматривал увеличение десанта до 18 и даже до 24 баталионов и 12—23 эскадронов, он соглашается с этим увеличением, но не обращает еще никакого внимания на качество назначаемых в экспедицию войск. 1-го июля, в своей телеграмме № 1.331, он впервые указывает Канину на «малую подготовку войск десантного отряда для маневрирования и ведения наступательного полевого боя при трудных условиях местности и просит его заключения по этому вопросу. 5-го июля, в телеграмме № 1.357, Алексеев снова выражает желание знать, пригоден ли отряд для решительных наступательных операций.

Наконец, прочитав 7-го июля телеграмму Куропаткина № 6.689 и усмотрев из нее, что Кедров приезжал к главнокомандующему армиями Северного фронта «с главною целью просить о назначении войск, имевших боевой опыт, для образования из них головного отряда десанта» и что Куропаткин дал один батальон латышей и еще один батальон пехоты, Алексеев пришел к заключению о необходимости вмешаться в это дело и назначить в состав десантного отряда дивизию «прочных, опытных войск», в крайности бригаду; назначение же полного корпуса, по его же мнению, придаст решительность операции. Но, рассуждая таким порядком, в значительной части своей телеграммы № 3.672 он как бы ограничивается требованием выделить дивизию из состава 1-й армии и горячо просит Куропаткина принять этот план, ссылаясь даже на одобрение последнего верховным главнокомандующим.

Отмеченные нами моменты проливают некоторый свет на характер деятелей высшего командования в течение позиционного периода мировой войны и на их взаимные отношения. Опытный, сведущий генерал Алексеев не мог не знать какую боевую ценность представляют из себя пехотные дивизии, только что сформированные из ополченских частей, никогда не бывшие ни в каком бою и даже еще не получившие полностью своего укомплектования и снабжения. Тем не менее, он сначала как бы примиряется с назначением в состав десанта совершенно неспособных к полевому бою частей; но вследствие их неготовности к походу он не может воспользоваться ими для своевременного производства десанта в видах содействия 12-й армии, теряет драгоценное время и позволяет обстановке, вначале бывшей весьма благоприятною, постепенно ухудшаться.

Разгадка этого поведения Алексеева кроется в особенностях его характера и в его личных отношениях к Куропаткину, в нежелании огорчить бывшего своего начальника отнятием у него некоторых опытных в бою войсковых частей или обидеть его излишним вмешательством в управление армиями фронта. Только очевидная неудача операции 12-й армии заставляет Алексеева вмешаться в распоряжения командования Северного фронта и указать на все выгоды, которые можно извлечь из энергичных действий десантного отряда, составленного из опытных полевых войск, но и эти указания он облекает в форму горячей просьбы, ссылаясь еще при том на их одобрение верховным командованием.

Однако, поколебавшись в своем доверии к Куропаткину, Алексеев в тот же день, 9-го июля, шлет ему новую телеграмму, в которой еще категоричнее настаивает на значении десанта и на необходимости его усиления, а именно [1]):

«События на фронте ударной группы 12-й армии и стягивание именно сюда всех подкреплений неприятеля еще более подтверждают настоятельную необходимость сильной диверсии, которая или облегчит прорыв на Балдон, или при благоприятных условиях обратится в главную операцию удара на Туккум-Митаву [2]), развивая далее действия в зависимости от обстановки. Эти соображения представляю на ваше усмотрение в дополнение телеграммы № 3.672. Чем сильнее и прочнее будет десант, тем больше будет его помощь и влияние на положение дел 12-й армии. № 3.693».

Алексеев.

Как видно, вопрос о десанте принял острую форму. Верховное командование уже желает его видеть возможно сильнее и возможно прочнее, а судя по запросу, сделанному Русиным Канину о сроке готовности десантного отряда,—и возможно скорее осуществленным.

Канин того же 9-го июля ответил наморштаверху, что «по донесению генерала Геруа, войска десанта будут готовы не ранее 20-го июля. № 1.110 [3])».

Это донесение вызвало в Ставке, очевидно, целую тревогу, потому что на другой же день (10-го июля) Канин получил от Русина еще одну телеграмму [4]):

«1.110/оп. Благоволите сообщить, чем именно вызывается поздняя готовность войск, предназначенных в экспедицию. Если готовность задерживается нехватками, то сообщите, чего именно, дабы можно было ускорить посылку всего необходимого. Желательно в мере возможности ускорить готовность отряда. № 1.411/Б».

Русин.

На эту телеграмму командующий флотом дал исчерпывающие раз'яснения в следующем своем донесении [5]):

---

[1]) Дело Морискома №—8.078, часть 1, стр. 230. Телеграмма Алексеева Куропаткину 9-го июля №—3.693.

[2]) Курсив наш.

[3]) Дело Морискома №—8.078, часть 1, стр. 220. Телеграмма Канина наморштаверху от 9-го июля 1916 г. №—1.110/оп.

[4]) Дело Морискома №—8.078, 1, стр. 221. Телеграмма Русина Канину от 10-го июля 1916 г. №—1.411/Б.

[5]) Дело Морискома №—8.078, часть 1, стр. 222. Телеграмма Канина Русину от 11-го июля №—780/сух.

«1.411/Б. Морская бригада еще не получила бригадного обоза, нет значительной части лошадей; повозки, по изготовлении в Ревеле, поступают партиями в бригаду. 116-й дивизион, недавно укомплектованный личным составом, еще не прошел полного курса обучения. Переворужение только началось, так как назначенные предметы материальной части, кроме пушек, еще не получены. 116-я дивизия реквизирует лошадей и получает с заводов повозки и упряжь для двух полков, дивизионного обоза и санитарных учреждений.

Согласно изложенному в № 3.672 наштаверха, предположено выделить одну полевую дивизию из 1-й армии. Если не встречается особых препятствий, то, как исчерпывающую меру, можно предложить выделение целого XIX-го корпуса из 5 армии. В состав корпуса входит 38-я дивизия генерала Геруа, что весьма выгодно при возвращении его, по ознакомлении с нынешними условиями, в свою дивизию, которая и примет участие в операции. Организованный штаб корпуса явится готовым штабом отряда. Мера эта ускорит выполнение операции, так как таковая может начаться по прибытии корпуса к пункту посадки на суда, а тем временем сухопутные части, мне подчиненные, окончат все мероприятия, ныне происходящие. № 780/сух».

Канин.

Теперь нам уже совершенно ясно, почему проектированная десантная операция не могла оказать своевременно помощи 12-й армии—войска, назначенные в состав десанта, оказались неподготовленными не только к какому бы то ни было бою, ибо не прошли курса обучения, но даже и к походу, так как части еще перевооружались, снабжались постепенно обозным имуществом и укомплектовывались лошадьми. Все это обнаружилось после 5-го июля, т.-е. после приезда Геруа в штаб командующего флотом и вступления его в должность начальника десантного отряда.

Но если командующий Балтийским флотом, поглощенный заботами обороны побережья Балтийского моря, не будучи вполне осведомленным относительно действительной готовности к походу и бою подчиненных ему сухопутных войск, мог допустить неосторожность включить их в состав десантного отряда, то высшее сухопутное командование должно было вопрос о пригодности назначенных в экспедицию войск поставить немедленно по получении плана Канина, т.-е. еще 26-го июня.

Только через две недели после этого срока, т.-е. 11-го июля, выяснилось во всей полноте несоответствие назначенных войск тем задачам, исполнение которых им предстояло, и Канин только тогда возбудил вопрос о назначении в состав экспедиции полного корпуса полевых войск, иначе говоря, сделал то, с чего следовало начать, чего следовало потребовать при представлении своего плана 26-го июня. Тогда этот корпус без всякой огласки и без всяких особых подготовительных мер мог бы своевременно погрузиться на суда и, высадившись в том же Роене, оказать мощное содействие 12-й армии. Маневренная и боевая способность войск, твердое управление знакомыми войскам начальниками, быстрота исполнения операции, обеспечивавшая тайну ее, и, наконец, полная внезапность операции не только гарантировали успех демонстративных действий, но давали право рассчитывать и на более существенные результаты.

Однако, вопрос о назначении в состав десанта полевых войск обрисовался окончательно только после изменения задачи десантного отряда, произведенного верховным командованием под влиянием неудачного наступления 12-й армии.

Первое указание на изменение задачи Канин усмотрел 9-го июля из телеграммы Алексеева № 3.693. На следующий день, 10-го июля, флаг-капитан по оперативной части морского штаба верховного главнокомандующего, капитан 1-го ранга Альтфатер, телеграфировал флаг-капитану по оперативной части командующего флотом Балтийского моря, капитану II-го ранга Черкасскому уже в более определенной форме, а именно [1]):

«Выяснившаяся бесплодность атаки 12-й армии неприятельской позиции между Двиной и Митавским шоссе еще более подтверждает необходимость десантной операции в более широких размерах, чем то было предположено, дабы, в случае успеха, обратить десантную операцию в главный удар. В этом отношении наштаверх высказал свои общие предположения в № 3.693 главкосеву, сообщенной в копии вам. Наштаверх предполагает эту операцию осуществить после переговоров с главкосевом. Из предварительных предположений наштаверха выясняется, что надо будет перевезти из Риги в избранный вами пункт побережья две дивизии пехоты, кавалерийскую бригаду с соответствующей артиллерией и морскую

[1]) Дело Морискома №—8.078, часть I, стр. 236. Телеграмма Альтфатера Черкасскому от 10-го июля 1916 г. № 1416/Б.

бригаду. 116-ю дивизию, для ускорения всей операции, перебросить через Ревель в Ригу по железной дороге, а далее или двинуть ее на усиление войск правого фланга 12-й армии, или перевести из Риги морем. Всего наштаверх предполагает желательным назначить в десантный отряд 35—40 батальонов, 10 эскадронов и до 70 орудий. Таковы высказанные пока предположения наштаверха, о которых предупреждаю вас. Завтра или после завтра наштаверх даст окончательное решение по этому вопросу, а равно сообщит, в случае положительного решения, точные задания — какие, сколько и откуда войска будут подлежать перевозке. Генерал Геруа остается, вероятно, начальником экспедиции. № 1.416/Б».

Альтфатер.

Из этой телеграммы уже несколько яснее вырисовываются намерения Верховного командования в отношении увеличения силы десантного отряда и его назначения, как группы, на которую может быть возложено производство главного удара, но состав отряда все еще остается неясным, и эту неясность вносит оговорка Альтфатера, что 116-я пехотная дивизия, по перевозке в Ригу, может получить назначение на усиление 12-й армии. В этом случае можно было предполагать, что в состав десантного отряда, который должен был грузиться в Риге, будут назначены исключительно полевые войска.

Увеличение состава отряда до 35—40 баталионов и возложение на него задачи главной ударной группы естественно приводило к продолжительному пребыванию его на неприятельском берегу и резко выдвигало вопрос о безопасности его морских сообщений, ибо трудно было предположить, что 12-я армия, т.-е. группа, выполняющая вспомогательную задачу, вскоре бы открыла десантному отряду базирование на Ригу.

Нет сомнения, что сильный удар во фланг и тыл расположения германцев перед Ригой мог привести к самым решительным результатам, но он требовал, во-первых, действительной, т.-е. качественной, а не только количественной силы десантного отряда, во-вторых, энергичного наступления войск северного фронта, чтобы облегчить операции десантного отряда, и в третьих, обеспеченности морских сообщений десантного отряда, дабы возможно было не только снабжать его всем необходимым, но и усиливать.

Последнее условие имело крайне важное значение, а с замеченным уже изменением обстановки на море должно было внушать опасения.

В силу этих мотивов Канин счел своим долгом тоже 10-го июля послать Русину следующую телеграмму [1]):

«Первоначальный план, согласно директиве № 1.266/Б, намечал операцию отряда в 18 батальонов. Идея операции этого отряда — быстрое продвижение вглубь на сообщения и тыл противника, являлась выполнимой лишь при согласовании этих действий по времени с решительным и продолжительным наступлением 12-й армии. Теперь, в виду неуспеха наступления 12-й армии, десанту решено придать значение главного удара с доведением численности войск до 40 баталионов, 10 эскадронов при 70 орудиях. Таким образом, первоначально операция должна была быть вспомогательной, а теперь она намечается главной. Если в условиях частной операции риск нарушения тыловых сообщений еще возможен, то в условиях главного удара он недопустим. Между тем, проникновение противника в Рижский залив, в случае, если он этого захочет, есть только вопрос времени и количества жертв. Резюме— силы и средства флота могут обеспечить только небольшую и скоротечную операцию, как было намечено первоначально. Сроки высадки войск с обозами уже теперь стоят на пределе безопасности тыла десанта со стороны моря. Развитие операции возможно лишь после выяснения того, как прореагируют немцы на море. № 1.121/оп».

Канин.

Из этой телеграммы мы видим, с какою глубокою вдумчивостью относился командующий флотом Балтийского моря к порученной ему операции. Отдавая себе вполне ясный отчет в том, что ждет десантный отряд и на берегу, и со стороны моря, и считаясь с вероятностью прорыва германского флота в Рижский залив, он, тем не менее, во имя общей пользы дела, считает возможным рискнуть высадкою на Курляндском берегу небольшого отряда с тем, чтобы дальнейшее «развитие операции» было сделано «после выяснения того, как прореагируют немцы на море».

Это выражение Канина представляется недостаточно ясным, ибо обрыв германцами сообщений нашего десантного отряда силою даже и в 18 баталионов было, конечно, крайне неже-

---

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть I, стр. 232. Телеграмма Канина Русину от 10-го июля 1916 г. № 1.121/оп.

лательно. И вот, как бы в пояснение высказанных своих мыслей, Канин пишет одновременно Русину весьма обстоятельное письмо, в котором в исчерпывающей форме выясняет все свои стратегические соображения, относившиеся к порученной ему десантной операции. Письмо это было следующего содержания [1]):

«В связи с полученной мною копии телеграммы № 3.693 генерала Алексеева к генералу Куропаткину, я хочу сообщить В. В. следующие мои соображения:

Высадка на берег, занятый неприятельскими войсками, почти всегда возможна. Однако, дальнейшая участь высаженных войск зависит от сопротивления неприятеля, обеспеченной правильности снабжения морем и возможности обратной посадки, т.-е. ликвидация предприятия. Последние два условия вполне зависят от гарантии обладания морем. Это обладание совершенно необходимо на все время высадки. Необходимо обладание морем на все время нахождения десанта на неприятельской территории, если десант не рассчитывает на соединение с другими нашими войсками, имеющими обеспеченную связь с тылом. Обращаясь к вопросу, могу ли я гарантировать десанту такое необходимое условие не только успеха, но и существования, приходится признаться, что такой гарантии я дать не могу, ибо она находится под большим сомнением. Если неприятель захочет, то, принеся известные жертвы, он может прорваться сквозь Ирбенский пролив и ввести в Рижский залив морские силы, достаточные для овладения морем и пресечения всякого сообщения морем с высаженными нами войсками. Принимая во внимание недостаток у неприятеля резервов сухопутных войск, большой численный состав десантной группы при достаточном первоначальном ее снабжении всем необходимым, является, казалось бы, хорошей гарантией успеха десанта даже в случае прекращения его морских сообщений с тылом. Однако, прежде, чем остановиться на таком соображении, необходимо подсчитать и сопоставить время, необходимое для высадки потребного количества войск с их снабжением, сравнительно с вре-

---

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть II, стр. 62. Письмо командующего флотом Балтийского моря адмиралу Русину от 11-го июля 1916 г. № 1.120/оп. См. схему № 1.

Как видно из сопоставления письма (1.120) и телеграммы (1.121), посланной Каниным Русину 10-го июля, письмо было заготовлено и занумеровано до отправления телеграммы, но подписано и отправлено лишь на следующий день, т.-е. 11-го июля.

менем, в течение которого я могу удержать неприятельский флот от прорыва в Рижский залив.

По расчету генерала Геруа, десант в предположенном составе высаживается вместе с артиллерией и запасами в три очереди, что, сообразно с имеемыми средствами, займет около 2 недель [1]). Может быть, удастся окончить в 10 дней [2]), но никак не менее, так как увеличить транспортный флот я больше не могу. Считая, что неприятель начнет свой прорыв в Ирбенском проливе через 1—2 дня после начала высадки нашего десанта, я полагаю, что, увеличив морские силы Рижского залива, буду в состоянии удержать неприятеля около недели [2]), хотя это зависит от средств, им примененных. Если бы эти средства были заранее подготовлены и подведены, то, конечно, мне не продержаться и одной недели. Однако, пока таких признаков нет [2]).

До сих пор немцы не очень стремятся проникнуть в Рижский залив, хотя, при совместных действиях флота и достаточного числа сухопутных войск, занятие ими Риги было бы сравнительно легко достижимо. Отсутствие таких намерений указывает, главным образом, на недостаток у неприятеля

---

[1]) Курсив наш.

[2]) Подчеркнутое нами заявление Канина вызывает некоторое недоумение, ибо сводка сведений о неприятеле № 46 не позволяла смотреть столь оптимистически. Правда, в отделе В, о вероятном распределении морских сил неприятеля, она говорила:

«В северной части Балтийского моря, на позициях: три подводные лодки.

В Виндаве: авиационное судно; часто заходят большие миноносцы. Есть указание на подводные лодки; в этом, впрочем, нет уверенности.

Стоит большой транспорт и некоторое количество мелких судов.

В Либаве: в аванпорте больших судов нет; они стоят, очевидно, в бассейне. В общем, особых изменений в составе Либавского отряда, повидимому, нет.

Об остальном сведений мало, а те, что имеются, говорят за то, что существенных изменений нет, т. е. что крупных и, во всяком случае, главных сил германского флота в Балтике нет».

Но далее в отделе Г—Итоги, в общем впечатлении о деятельности противника за 10 дней, указывалось:

«Единственное обстоятельство, останавливающее на себе внимание, — это усилившееся движение у Люзерорта.

Уже почти в течение месяца приходится отмечать появления время от времени на вестовой границе нашей Ирбенской позиции неприятельских миноносцев, тральщиков и катеров; нет абсолютно никаких достоверных данных для предсказаний, но надобно считаться с фактом, что тральные работы на NO от Люзерорта производились, и надо учитывать, что противник готов, в случае надобности, сразу начать сосредоточение потребных сил к подготовленному исходному пункту вероятного прорыва позиции».

Дело Морискома № 13.018. Сводки сведений о неприятеле за 1916 г. Сводка № 46 (от 5-го до 15-го июля 1916 г.).

сухопутных резервов для ударной группы. Если же нашим войскам удалось бы продвинуться от Риги на Митаву и Тукум, то неприятельскому флоту не было никакой выгоды прорываться в Рижский залив, ибо наши войска вышли бы из под флангового обстрела неприятельского флота, а на высадку десанта на наших берегах Рижского залива, даже после овладения им морем при наличии свободных войск, неприятель вряд ли бы решился, в виду близости наших подводных лодок и миноносцев. Ему пришлось бы ранее того овладеть Моонзундом, чего я даром не дам, и придется повозиться не без потерь.

Возвращаясь к проекту высадки нашего десанта с целью образования группы, действующей независимо от армий Северного фронта, надо установить, что эта десантная группа должна быть достаточно сильна, чтобы не быть прижатой неприятелем к берегу, возле которого может оказаться неприятельский флот. С другой стороны, высадка такой значительной группы потребует такого промежутка времени, в течение которого я не могу гарантировать безопасность морских сообщений, и если нет надежды на установление, хотя бы в крайнем случае, связи десантной группы с продвигающимися навстречу войсками Северного фронта, то десант рискует быть или перебитым, или взятым живьем в плен. Такая перспектива явилась бы хорошей приманкой для немцев, и они, несомненно, постараются прорваться в Рижский залив, последствием чего может быть отступление нашего фронта от Риги.

Все эти соображения приводят меня к заключению, что десант имеет значение лишь для развития успехов Северного фронта и захвата северного побережья Курляндии. Последствием овладения южным берегом Ирбенского залива является гораздо более надежная защита Рижского залива от проникновения неприятельского флота, причем продолжительные операции нашего транспортного флота явятся уже возможными, а, следовательно, и возможно будет накапливание на фланге немцев ударной группы, которая заставит их отойти за Неман [1]). Вместе с тем германский флот лишится базы на Курляндском побережьи, а мы, приобрев их, получим возможность дальнейших операций флотом, каковая в настоящее время дошла до минимума.

---

[1]) Курсив наш.

Идея отвлечения германских сил, противодействующих наступлению наших войск у Риги, посредством д санта на Курляндском побережьи имеет серьезное значение лишь при серьезных силах десантной группы и полной согласованности действий ее с Северным фронтом [1]). Наблюдая за действиями Северного фронта и зная его большое численное превосходство над противником, я не вижу осуществления идеи не позволять неприятелю сосредоточивать свои силы против наших наступающих частей, производя наступление не в одном пункте фронта, а одновременно в разных. Между тем, для организованного Северного фронта это несравненно проще, чем операция десанта, к тому же не весьма обеспеченная и находящаяся в зависимости от множества условий, начиная с погоды. Почему десант может спасти положение, если все нужные условия наличествуют у самого Северного фронта? А если средств не хватает, то не лучше ли усилить Северный фронт теми самыми средствами, кои жертвуются для десанта? Подготовленная же нами организация не пропадет даром и еще оправдает свои затраты в дальнейшем ходе боевых действий.

В случае, если операция будет оставлена на долго, то я полагаю оставить только ядро организации транспортной флотилии и отпустить часть пароходов и личного состава. Однако, имея строгий учет средств и людей, я всегда смогу вновь мобилизовать перевозочные средства в срок, не превышающий время, необходимое для подготовки к походу войск, назначенных к перевозке.

Канин.

Приведенное нами письмо является редко встречаемым при исторических исследованиях документом, который выражал бы с такою ясностью и определенностью стратегические соображения лица, предназначенного для главного руководства операциею.

Оценивая стратегическое положение в Балтийском море, Канин приходит к заключению, что у проектированного десанта имеются два врага: неприятельские свободные сухопутные силы и неприятельский флот. Для борьбы с первым врагом он признает безусловно необходимым: а) полную согласованность действий с войсками Северного фронта и б) производство десанта серьезными силами; для противо-

[1]) Курсив наш.

действия же вторжению неприятельского флота в Рижский залив он видит лишь одно действительное средство—захват десантом южного берега Ирбенского пролива, при чем эта операция должна была предшествовать наступлению на Туккум-Митаву, ибо она могла обеспечить тыл и морские сообщения десанта на продолжительное время и дать возможность сосредоточить на фланге у немцев сильную ударную группу, которая, совместно с войсками Северного фронта, заставила бы их отойти за Неман.

Мало того, направляя все свои усилия к возможности закрепить за нами господство в водах Рижского залива, Канин послал того же 11-го июля Русину еще одну телеграмму следующего содержания [1]):

«Для обеспечения десанта со стороны моря на большее время считаю в высшей степени желательным производство серьезной демонстрации английского флота в Скагерраке или южной части Северного моря. Демонстрация должна совпасть с началом нового наступления Северного фронта. Риск выхода флота вполне покрывается стратегической важностью десантной операции. № 1.159/оп.».

Канин.

Это телеграмма является еще новым проявлением заботливости Канина оттянуть момент появления германского флота перед Ирбенскою позициею и тем дать возможность десантному отряду не только совершить полную высадку, но и закрепить за собой южный берег Ирбенского пролива.

Сношения, необходимые для производства демонстрации в Северном море по свидетельству Русина, были сделаны морским штабом верховного главнокомандующего и от командования английским флотом был получен самый благожелательный ответ.

Таким образом, мы видим, что соображения Канина клонились к обеспечению безопасности сообщений десантного корпуса, т.-е. к удовлетворению основного требования стратегии.

Посмотрим теперь, как отнеслось к его соображениям Верховное командование. Что ответил Русин на письмо № 1.120, нам, к сожалению, неизвестно, но на телеграмму № 1.121 из Ставки пришел следующий ответ [2]):

---

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть II, стр. 75. Телеграмма Канина Русину от 11-го июля № 1.159/оп.

[2]) Дело Морискома № 8.078, часть I, стр. 247. Телеграмма намоштаверха Канину от 11-го июля 1916 г. № 1.436/Б. См. схему №—1.

«1.121/оп. Предположение наштаверха сводится к тому, чтобы назначенный отряд, всего в составе 33 баталионов, 10 эскадронов и 12 батарей, с двухнедельными запасами был высажен возможно скорее на берег; по предварительному приблизительному рассчету на это нужно от 4 до 6 дней. После высадки отряд должен двигаться к Тукуму на соединение с 12-й армией, которая одновременно с высадкой десанта должна идти в решительное наступление, с тем, чтобы возможно скорее соединиться с 12-й армией и перенести базирование на сушу. Наштаверх именно и рассчитывает на возможность перерыва морских сообщений, почему и предполагает необходимость скорейшего переноса базы отряда на сушу.

Весь этот план пока еще не установлен и наштаверх сейчас выясняет с главкосевом возможность нового наступления фронта. Я говорил наштаверху, что для прорыва германского флота в Рижский залив, можно предполагать, ему потребуется неделя. № 1.438/Б.

Русин.

Приведенная телеграмма является тоже планом десантной операции, но опирающимся на две гадательные, ни на чем реальном не обоснованные данные. Первая из них—предположение, что посадка будет продолжаться всего 4—6 дней; вторая—что десантный отряд в ближайшие дни после высадки соединится с войсками 12-й армии, которая должна одержать успех и дать возможность десанту перенести базирование на Ригу. Спрашивается: на основании каких реальных данных верховное командование определяло продолжительность высадки в 4—6 дней, когда командующий флотом на основании самых точных рассчетов указывал ее продолжительность в 2 недели и лишь при особо благоприятных условиях—в 10 дней? Затем, откуда у верховного командования явилась уверенность, что атака 12-й армии будет успешною? Этой уверенности не давал ни опыт только что истекшей наступательной операции 12-й армии, ни опыт июньского наступления 4-й армии на Западном фронте, где то же были вдвое, если не более, превосходные силы. Наоборот, этот опыт обнаруживал поразительное упорство германцев при отстаивании ими своих позиций, а опыт кампании 1914—15 г.г. дал блестящие доказательства их высокой маневренной способности. При этих условиях правильнее было не базировать всей операции, а в том числе и судьбы десантного отряда на гадательном успехе

12-й армии и не бросать морских сообщений, а, наоборот, принять все меры к обеспечению их от ударов германского флота путем быстрого захвата южного берега Ирбенского пролива с его батареями, т.-е. путем операции, имевшей все шансы на самый полный и скорый успех. Обеспечению тыла десантного отряда со стороны сухопутных войск противника верховное командование придавало огромное, быть может, даже чрезмерное значение, ибо войск противника в северной Курляндии было мало; отчего же тогда оно пренебрегало мерами обеспечения морских сообщений десанта, дававшими такие большие выгоды всему ходу операции?

Выше, при разборе письма Канина, мы указали, что в своих соображениях им было проявлено самое высокое стремление обеспечить сообщения десантного отряда; в соображениях Алексеева, переданных в телеграмме Русина № 1.438/Б, к сожалению, мы этого стремления не только не видим, но наоборот, все они основываются на гадательных данных, т.-е. относят план Алексеева в область стратегии авантюристической.

Однако, высадка на неприятельский берег являлась бы хотя и труднейшим, но тем не менее, лишь первым актом целой серии боевых действий, к которым стремилась задуманная десантная операция. По совершении высадки перед десантным отрядом вставала задача дальнейшего наступления на Туккум, как того требовало верховное командование, а попутно и другие, более мелкие, но тоже крайне важные задачи, сопряженные с достижением поставленной десантному отряду цели. Посмотрим же, как сухопутное командование понимало эту часть операции.

Свои соображения относительно наступления на Туккум Геруа изложил в особом, повидимому, докладе, озаглавленном: «Описание района Роен — Туккум с точки зрения действий сухопутного Балтийского отряда [1]).

В виду особого интереса, представляемого этим документом, приводим его здесь полностью.

Район. «На ход первых успешных действий сухопутного Балтийского отряда будут оказывать влияние не только

[1]) Дело Морискома № 11.285, стр. 68. «Описание» составлено одним из офицеров генерального штаба отряда и исправлено рукою Геруа. Принимая это во внимание, можно удивляться недостаточной обработке «Описания» в редакционном отношении.

Название «Сухопутный Балтийский отряд» было присвоено десантному отряду приказом командующего флотом Балтийского моря от 3-го августа 1916 г. №—531.

силы противника, но и условия местности, прилегающей к участку высадки нашего десанта. Таким районом будет служить: морское побережье Рижского залива от озера Кангер [1]) до Ирбенского пролива, побережье Балтийского моря от Ирбенского пролива до Виндавы, линия железной дороги от Виндавы до Туккума и далее условная линия Туккум — озеро Кангер».

Местность. «Местность в указанном районе преимущественно ровная и покрытая лесами. По конфигурации поверхности район резко делится на три участка:

«1-й участок — прибрежная полоса. Тут местность низменная, слегка всхолмленная, поросшая лесом. У самого берега тянутся песчаные дюны. Морское дно пологое и сравнительно ровное. Грунт — мелкий песок. Достаточная глубина у береговой линии позволит плашкоутам близко подойти к берегу.

«2-й участок граничит линией Изеркрос-Сасмакен-Октен-Бреж - Церкстен - Туккум - Вильмансгоф-Цабельн - ст. Стенден-Тальсен-Кайп-Изеркрос. Этот участок покрыт рядом холмов и сравнительно открытый. Холмы тянутся по разным направлениям и, часто пересекаясь под разными углами, образуют в пунктах пересечения высшие точки окружающей местности. Возвышенности имеют довольно крутые скаты. Впрочем, на шоссе и на больших дорогах эти скаты вполне разработаны.

«3-й участок — обширная низменная равнина, лежащая к западу и северо-западу от всхолмленного района. Равнина сплошь покрыта строевым заросшим лесом, изрезана в разных направлениях реками и ручьями и покрыта на многих участках болотами и незначительными озерами.

Лес. «Лесом покрыт, хотя и неравномерно, весь рассматриваемый участок. Особенно сильно заросли лесом низменная равнина и прибрежная полоса. Гораздо меньше леса на холмистом участке, но и тут попадаются значительные лесные участки. Лес преимущественно строевой, заросший. На Рижском побережье лес подходит почти к самой береговой линии и только узкие полосы песчаных дюн служат открытыми местами.

«Таким образом, высадившимся частям сейчас же после высадки придется маневрировать и драться в обширных лесных пространствах.

«Лес затруднит наблюдение за стрельбой флота, но за то избавит наши войска, вошедшие в лес, от излишних потерь от артиллерийского и пулеметного огня противника, даже

---

[1]) См. схему № 2.

при артиллерийском превосходстве противника, если бы таковое обнаружилось (с моря).

«Открытых участков в лесу очень мало. Наиболее значительные участки встречаются в районе Сирме-ф.-Нейгоф, находящиеся в 3—4 верстах от побережья. Эти открытые участки и придется использовать для устройства рубежей будущего плацдарма высадки. Вообще же рубежи придется устраивать в лесах, почему здесь должна получить особое развитие блокгаузная система укрепления.

Реки. «Реки района столь незначительны по своим размерам, что не могут служить серьезными препятствиями и преградами при наступлении наших войск. Наиболее значительная река—Роя—только у устья имеет глубину 6—8 фут и только на этом участке не проходима в брод. Есть сведения, что немцы запрудили реку Рою у Жоцена и искусственно подняли воду ниже этого последнего селения.

«Наличие под руками лесного материала позволит войскам быстро наводить мосты на всех встречающихся речках.

Озера. «Озер в районе много, но большинство из них незначительны по размерам и не окажут серьезного влияния на ход боевых действий. Только Ангернское озеро, благодаря своим размерам, раз'единит на значительный промежуток времени части, наступающие по обоим его берегам. Следует отметить озера Любб и Сасмакен. Оба озера, хотя и значительны по размерам, но тянутся вдоль наших путей и препятствовать движению войск не будут.

Болота. «Болот в районе много. Болота находятся преимущественно в лесных пространствах и по течениям рек. Большие болота тянутся широкой полосой к северо-востоку от линии ф. Нейгоф-Маркцеме-Кутники-ф.-Доротеенгоф и делают этот район труднодоступным для движения не только войсковых частей, но и незначительных партий.

«С другой стороны, обширные болотистые пространства дают нам выгоду при оборонительных работах, так как сокращают фронт позиций и укрепленных плацдармов, которые могут поэтому заниматься сравнительно ничтожными гарнизонами.

Дороги. «Дорог сравнительно много, но они на участке распределены неравномерно. В низменной равнине дорог мало, дороги преимущественно грунтовые, часто тянущиеся по болотистому грунту.

«Гораздо больше дорог в всхолмленном районе. Большое значение приобретают шоссе. Есть предположение, что шоссе содержатся в хорошем состоянии и сеть их увеличена за время войны.

«Прибрежная полоса Рижского залива не изобилует как количеством, так и качеством дорог.

«Из района Гибкен-Жоцен к Роену имеются три дороги: одна прибрежная и две по правому берегу р. Рои. Первая дорога тянется по песчаным дюнам, вторые две — тянутся по лесным пространствам. Части, наступающие по трем дорогам, будут раз'единены р. Роею.

«По занятии Роена и при дальнейшем наступлении на Туккум частям первые 10 — 12 верст придется идти по лесным дорогам, на многих участках пролегающим по болотам.

«Дороги существуют: 1) Жоцен-Сирме-Вальдгоф-лесн. Везе — 12 верст, 2) Роен-мз.-Люббен — 12 верст и 3) Роен-Маркцеме-ф.-Мукальсен — 13 верст.

«К юго-востоку от Цаурнаса от береговой полосы в глубину материка тянутся еще две дороги: 1) Саккер-мз.-Ногален — 13 верст и 2) Кальн-ф.-Доротеенгоф — 12 верст. Впрочем, этими дорогами можно будет воспользоваться по занятии побережья у Цаурнаса.

«Только достигнув линии: лесн. Везе-мз.-Люббен-мз.-Ногален, части выходят на сравнительно открытую местность.

«При дальнейшем движении на Туккум путями наступления могут служить два шоссе, удаленные друг от друга на 10—15 вер., и грунтовая дорога. Кроме того, для наступления можно воспользоваться прибрежною дорогою от Роена.

«Дороги следующие: 1) шоссе Сасмакен-Нарицеме-мз. Зентен-ф.-Сандер-Туккум — 58 верст; 2) шоссе Сасмакен-Тальсен-корч.-Тильтен (у жел. дор.) и далее прямо на Туккум — 60 верст или на Кандау-мз.-Отомейерсгоф-Пасторат — в обход Туккума с юго-запада — 72 версты; 3) частью шоссе, большею частью грунтовая дорога мз. Сеслаукен-мз.-Лайдзен-мз. Шеден-мз. Оксельн-мз. Церен-мз.-Левенгоф-Альт-Моккен — далее сливается с путем № 2 — 58 верст; 4) частью грунтовая дорога, частью шоссе Роен-Цаурнас-Уппегриве-Бирзецеме-Кестерцем-Цирен-мз.-Шлоккенбек — 70 верст.

«Таким образом, от пункта высадки до Туккума войска могут дойти в 2 больших перехода.

Пути связи. «Пути для связи: в лесной полосе их почти не будет; придется пользоваться лесными тропинками. При дальнейшем движении могут служить шоссе: 1) Тальсен-корч.-Креплин — 15 верст, 2) Тальсен-корч.-Свитин — 21 вер., 3) Кандау-мз.-Зентен — 16 верст. Кроме перечисленных шоссе, для связи могут служить находящиеся тут многочисленные грунтовые дороги.

«Из рассмотрения направления лучших путей видим, что центром их является с. Тальсен. Отсюда вытекает то значение, которое приобретает этот узел путей.

Задачи отряда. «Задачи отряда: высадиться на западном побережьи Рижского залива в тылу у противника и энергичным наступлением на Туккум, на соединение с частями 12-й армии, содействовать поражению левого фланга германской армии.

Сведения о противнике. «По имеющимся сведениям, противник располагается так: левый фланг сильно укрепленной позиции упирается в море западнее оз. Кангер. Боевой фронт обращен на восток. Туккум является важным тыловым узлом левого фланга германской армии. К западу от оз. Кангер побережье Рижского залива охраняется, а местами только наблюдается, частями 1-й германской каваллерийской дивизии с небольшими частями ландштурменных баталионов и некоторым количеством артиллерии. В Маркграфене, Уппегриве и Тальсене имеются, повидимому, не значительные [1]) резервы. Личные рекогносцировки начальника отряда и начальника штаба отряда выяснили, что на побережьи, с перерывами, построены проволочные заграждения и на некоторых участках, как-то: между Мельсилем и Гибкеном, у Жоцена, Роена и Цаурнаса поставлены батареи.

«Таким образом, ближайшие и при том слабые [1]) резервы противника находятся в 15 — 30 верстах от избранного пункта высадки. Из трех групп резервов только резерв у Тальсена может подать первую помощь и то не раньше, как через сутки (30 — 35 верст). Резервы, находящиеся у Маркграфена и у Уппегриве могут подойти не раньше двух суток, так как они не смогут воспользоваться ближайшей прибрежной дорогой, находящейся под сильным обстрелом нашего флота.

«Более значительные силы немцы могут подвезти по железной дороге Виндава-Туккум-Митава до ближайших станций и оттуда уже бросить их к побережью одним большим переходом.

«Благодаря тому, что железная дорога Виндава-Туккум-Митава тянется вдоль побережья Рижского залива, она приобретает большое значение в данной операции. Эта железная дорога обслуживает Виндаву, куда немцы могут перебросить морем свои резервы из внутренней Германии, и

---

[1]) Слова, напечатанные курсивом, в подлиннике собственноручно добавлены генералом Геруа.

Туккум и Митаву — ближайшие железнодорожные центры, куда могут стянуть резервы с других участков Двинского и других фронтов.

«Создавшееся положение требует разрушения этой железнодорожной линии, что лишит противника возможности быстро перебрасывать свои резервы вдоль побережья.

Рижский залив. «Господство нашего флота в районе десантной операции, в Рижском заливе, ныне обеспечено обширными минными полями, а также и мерами, обеспечивающими возможность сосредоточения сил нашего флота в Рижском заливе в размерах, значительно больших, чем это можно было сделать в прошлом году в августе месяце, при удачном отражении прорыва немцев в залив [1]).

Однако, если немецкие суда все же, пренебрегая потерями [1]), войдут в Рижский залив, то господство будет принадлежать тому флоту, который одержит победу в открытом бою. В данное время Рижский залив вполне [1]) закрыт для германского флота. Вообще же в этот залив можно проникнуть с двух сторон: с севера — через Моонзундский пролив и с запада — через Ирбенский пролив.

«Вход в Рижский залив с севера обеспечен от вторжения германского флота совершеннейшим образом [1]).

«Заграждения Ирбенского пролива во всяком случае могут задержать прорыв противника на время, достаточное для достижения целей, кои преследует наш десант.

Район высадки. «Высадку решено произвести в районе Роена. Избранный район удобен тем, что: 1) удален от фланга и тыла немецких главных позиций на 60—70 верст, 2) удален на 45 верст от ближайшей станции железной дороги Виндава-Митава, 3) высадка у Роена и продвижение даже [1]) только к Тальсену создает серьезную угрозу глубокому тылу немецкой армии, парировать которую, принимая во внимание силы нашего десанта, простым загибом стратегического фланга или выдвижением слабых, как выше указано [1]), участковых резервов будет невозможно, 4) удаленный пункт высадки даст время нашим частям, до подхода резервов противника, продвинуться вперед, укрепить высадочный плацдарм, 5) в избранном районе для высадки

---

[1]) Все, что напечатано курсивом, добавлено в подлиннике собственноручно генералом Геруа.

совершенно нет подводных камней, которыми изобилует прибрежная полоса как к северу, так и к югу от намеченного района, 6) и, наконец, главное — удаление этого района от Туккума всего на два, правда, значительных перехода даст возможность, при условии быстроты действий, достичь решительного результата на крайнем левом фланге германцев [1]).

Тыловые пути. «Тыловые пути будут состоять из двух частей: морской и сухопутной.

«Морская часть пути первое время будет вполне обеспечена. Дальнейшая же опасность будет зависеть (если германский флот прорвется в залив) от исхода борьбы нашего и неприятельского флотов.

«Сухопутные тыловые пути, при продвижении отряда вперед к Туккуму, будут удлиняться, при чем эти пути, будучи обеспечены со стороны Рижского залива, открыты для нападения со стороны линии железной дороги. Необеспеченность тылового пути может нарушить правильный подвоз. Поэтому является настоятельной необходимостью сократить длину тылового пути и сделать его безопасным. Этого можно достигнуть, перенеся, с течением времени [2]), базу высадки в район Ангернского озера, к чему представляется возможность [2]).

Населенные пункты. «Из населенных пунктов в предстоящей операции наибольшее значение для немцев приобретают: Виндава, Либава, Туккум и Митава.

«Первые два пункта, т. е. Виндава и Либава, как хорошо оборудованные порты с конечными линиями (?) [3]) железных дорог, через которые немцы могут перебросить свои резервы из Германии. До сих пор немцы не пользовались этими портами для переброски своих сил. Вообще же для переброски значительных сил необходима предварительная подготовка транспортных средств, на что потребуется значительное время, а также и обеспеченность со стороны британского флота, что не наблюдается [4]). Самая перевозка будет затруднена: 1) минными заграждениями, поставленными еще нами в западной части

---

[1]) Мы первый раз встречаем выражение «стратегический фланг». Быть может, это опечатка и хотели сказать «фланг стратегического фронта».

[2]) Напечатанное курсивом добавлено и исправлено в подлиннике собственноручно генералом Геруа.

[3]) Вопросительный знак в подлиннике.

[4]) Напечатанное курсивом добавлено в подлиннике собственноручно генералом Геруа.

Балтийского моря [1]) и до сих пор не вытраленными немцами, 2) состоянием погоды в течение весьма значительного [1]) периода перевозки больших [1]) сил.

«Вторые два пункта, т. е. Митава и Туккум, приобретают большое значение, как узлы железнодорожных и шоссейных путей.

«Для частей десантного отряда большое значение имеют: Ревель — база всего отряда, Гапсаль — сосредоточение (?) всех лечебных заведений и конечный пункт железной дороги, Аренсбург — склады мяса, Рига — снабжение хлебом всего отряда, а после соединения с частями 12-й армии — и «новая база».

Приведенное «описание» составлено после 8-го августа 1916 г., так как в нем упоминается о личной рекогносцировке побережья, произведенной генералом Геруа 8-го августа. Это обстоятельство, принимая в соображение все поправки, внесенные в «описание» собственноручно начальником десантного отряда, показывает, что даже в августе месяце 1916 г., т. е. когда обстановка на море уже значительно изменилась не в нашу пользу, начальник десантного отряда продолжал смотреть на предстоящую ему задачу и, в особенности, на обеспеченность морских сообщений десанта, весьма оптимистически.

Откуда мог взяться этот оптимизм? Беседы с Каниным не могли дать такого результата. Командующий флотом Балтийского моря считал, что если германский флот проявит настойчивость и не пожалеет жертв, то он может форсировать Ирбенский пролив в течение 1 — 2 дней. Кроме того, Канин отлично понимал, что при превосходстве сил германского флота морские силы Рижского залива могли обеспечить производство высадки и пребывание десанта на неприятельском берегу только боем под прикрытием минного поля, во время самого прорыва неприятельского флота, но не после этого прорыва, когда для флота открытый бой становился уже безнадежным. Увеличить морские силы в Рижском заливе крупными боевыми единицами в большей степени, чем это было уже решено, Канин также не мог, в силу стратегических соображений. Все это не увязывается с поправками, сделанными Геруа в «описании района» и исключает предположение, что Канин мог внушить начальнику десантного

[1]) Напечатанное курсивом добавлено в подлиннике собственноручно генералом Геруа.

отряда не только преувеличенную, но даже противоречившую действительности уверенность в безопасности морских сообщений вверенного ему отряда.

Не мог получить этой необоснованной уверенности Геруа и в штабе Балтийского флота. Доказательством этому служит первоначальная редакция статьи «Описание района» под заголовком «Рижский залив», составленная в штабе отряда, очевидно, на основании данных, полученных из штаба флота, и исправленная Геруа по своему. Первая редакция была много скромнее и ближе к истине. Она гласила:

«Господство нашего флота в районе десантной операции в Рижском заливе надо признать относительным...

...Заграждения Ирбенского пролива на сравнительно долгое время могут задержать прорыв противника. Этого времени будет достаточно, чтобы высадить на берег первую [1]) очередь десантного отряда.

Все напечатанные здесь курсивом слова были вычеркнуты Геруа и заменены вышеприведенными своими добавлениями.

Единственным источником, который для Геруа мог явиться противовесом взглядам морского командования на обеспеченность морских сообщений десанта в Рижском заливе, могли быть указания Алексеева, получавшиеся Геруа при личных докладах последнему по делам десантного отряда. Принимая во внимание игнорирование Алексеевым опасности, грозившей десанту со стороны моря, и его настоятельное требование о наступлении десантного отряда от Роена к Туккуму, приходится высказать предположение, что оптимизм Геруа в отношении безопасности морских сообщений десантного отряда имел своим источником взгляды, господствовавшие в Ставке верховного главнокомандующего.

Но обратимся теперь к части «Описания района» под заглавием «Тыловые пути».

Здесь Геруа говорит:

«Морская часть пути первое время будет вполне обеспечена. Дальнейшая безопасность будет зависеть (если германский флот прорвется в залив) от исхода борьбы нашего и неприятельского флотов».

Останавливаясь на этом моменте, невольно напрашивается вопрос—какую цель мог преследовать германский флот, ре-

---

[1]) Десантный отряд предполагалось высадить на берег в три или четыре очереди.

шаясь на прорыв в Рижский залив во время производства десантной операции? Ответ один: уничтожение самого десанта, если он еще не закончил высадки, или уничтожение базы высадки со всеми ее запасами, если операция высадки оказалась бы уже законченной. Самый факт прорыва германского флота уже означал неудачу русских морских сил Рижского залива, ибо форсирование пролива являлось овладением проливом с боя, т. е. ценою победы над флотом.

Не отрицая возможности для морских сил Рижского залива продолжать те или иные боевые действия против ворвавшегося туда германского флота, тем не менее, едва ли можно предполагать, что база десанта у Роена могла при этих условиях остаться в целости. Наоборот, можно было с уверенностью допустить, что на какое короткое время ни проник бы германский флот в Рижский залив, он безотлагательно уничтожил бы базу десанта у Роена со всеми ее запасами.

Таким образом, морскую часть коммуникационной линии десантного отряда следовало считать совершенно необеспеченной.

Далее Геруа говорит:

«Сухопутные тыловые пути, при продвижении отряда вперед к Туккуму, будут удлиняться, при чем эти пути, будучи обеспечены со стороны Рижского залива[1]), открыты для нападения со стороны линии железной дороги. Необеспеченность тылового пути может нарушить правильный подвоз. Поэтому является настоятельной необходимостью сократить длину тылового пути и сделать его безопасным. Этого можно достигнуть, перенеся, с течением времени, базу высадки в район Ангернского озера, к чему представляется возможность».

Мы видели уже сколь слабо были обеспечены тыловые пути десантного отряда со стороны Рижского залива. Что же можно было сказать про обеспеченность этих путей с запада и юго-запада, принимая во внимание бесспорное господство германского боевого флота в открытом Балтийском море и мощный тоннаж германского коммерческого флота, который допускал быструю переброску резервов в Виндаву и Либаву? Плавание немецких караванов, под прикрытием только одних миноносцев, совершалось из германских

[1]) Курсив наш.

портов в Виндаву постоянно и беспрепятственно. Появление больших сил германского флота в Балтийском море могло вполне обеспечить быструю переброску резервов в указанные два порта. В штаб командующего Балтийским флотом давно уже стали поступать сведения, определенно указывавшие, что немцы обнаружили наши приготовления к производству десанта. При этих условиях вполне возможно допустить, что и со своей стороны они принимали меры к своевременному воспрепятствованию нам привести в исполнение наши намерения.

Наиболее действительных способов для достижения этой цели в их распоряжении было два: 1) прорыв в воды Рижского залива, быть может, дорогою ценою потери нескольких крупных судов, и 2) беспрепятственная и почти безопасная переброска своих резервов из германских портов в Виндаву. От Виндавы до Роена расстояние почти то же, что и от Роена до Туккума. От Виндавы до Тальсена тоже расстояние почти одинаковое, что и от Тальсена до Туккума. Тальсен же, будучи этапным пунктом сухопутной коммуникационной линии десантного отряда, находился близ ст. Стенден Виндаво-Туккумской железной дороги, что, несомненно, облегчало операцию германских войск от Виндавы против тыловых путей нашего десанта.

Совершить марш от Роена до Туккума в два больших перехода, как это предполагал Геруа, конечно, было возможно при условии, если со стороны немцев не будет принято мер к замедлению операции. Рассчитывать на последнее едва ли были какие нибудь основания, а всякое замедление операции играло в руку немцам и облегчало им развитие нажима со стороны Виндавы. Закрывать глаза на это обстоятельство сухопутное командование не имело права. Оно и не закрывало их; оно само допускало возможность удара по коммуникационной линии десантного отряда со стороны железной дороги и, как меру противодействия этому, предполагало с течением времени перенести базу отряда из Роена в район Ангернского озера.

При рассмотрении этого последнего предположения прежде всего возникает вопрос, что понимал Геруа под выражением «с течением времени»?

Свой марш от Роена до Туккума он предполагал совершить в два перехода, считая, вероятно, первый переход от Роена до Тальсена и второй—от Тальсена до Туккума. Переносить базу в район Ангернского озера тотчас по достижении Тальсена было преждевременно. К этому переносу можно

было приступить лишь по достижении Туккума, вернее лишь по овладении Туккумом, что, собственно говоря, было равносильно разгрому левого фланга германской армии, при наличии какового отпадала надобность в переносе базы в район Ангернского озера, так как открывалось базирование десантного отряда на Ригу.

Таким образом, мы приходим к выводу, что перенести базирование десантного отряда из Роена в район Ангернского озера все равно не удалось бы по условиям боевой обстановки и, следовательно, мера, проектированная Геруа для обеспечения сухопутной части коммуникационной линии своего отряда, оказывалась неосуществимой.

Кроме того, при проектировании этой меры были забыты технические условия переноса базы.

Новым пунктом для базирования десантного отряда в районе Ангернского озера мог явиться Бирзецем или Ангерницем. Оба эти пункта с моря были защищены тяжелою артиллериею и минными заграждениями. Овладеть ими с моря представлялось затруднительным, овладение с суши влекло за собою потерю времени и разброску сил отряда в самый критический период операции—в период подхода к Туккуму.

Но, допустив даже, что овладение всем районом Ангернского озера совершилось бы без каких либо затруднений и в руках десанта оказался бы пункт, удобный для устройства новой базы, то и тогда перед нами возникли бы следующие задачи:

1) вытралить минные заграждения перед новою базою (успех работы в сильнейшей степени зависел от погоды),

2) погрузить в Роене все запасы и всю материальную часть десантного отряда (до узкоколейной железной дороги включительно), производя эту операцию в условиях несравненно более трудных, чем в Ревеле, где на погрузку требовалось несколько дней, да и многое грузилось заблаговременно,

3) устроить пристани, бараки и склады в новом пункте базирования,

4) выгрузить все погруженные на транспорты запасы в условиях более тяжелых, чем в Роене, ибо Роен был единственным пунктом на западном побережьи Рижского залива, обладающим кое-какими портовыми сооружениями.

Ясно, что элемент времени не был учтен при проектировании переноса базирования на район Ангернского озера, и мера эта не могла спасти коммуникаций десантного отряда от ударов со стороны Виндавы.

Обращаясь теперь к исследованию осуществимости такого удара, необходимо вспомнить, что сам Геруа определял продолжительность производства высадки у Роена около двух недель и продолжительность сухопутной операции—в одну неделю, т. е. всего около трех недель. Задерживаться перед Туккумом, конечно, не приходилось, а потому появление десантного отряда перед Туккумом должно быть отнесено к последним дням операции.

Исходя из этих соображений, мы можем допустить, что в распоряжении германцев для их нажима через Виндаву на коммуникацию десантного отряда было около 2—$2^1/_2$ недель.

Если генерал Геруа предполагал возможным совершить марш от Роена до Туккума в два перехода, то мы не имеем оснований отрицать возможности совершения немцами тоже в два перехода марша от Виндавы до Роена или от Виндавы до Тальсена. Выполнение этого марша было более легким, ибо отряды, выдвинутые для обеспечения коммуникаций десанта, конечно, не могли оказать такого сопротивления, которое должен был рассчитывать встретить сам десантный отряд при своем наступлении к Туккуму. Рассчитывать же на успех боя у Туккума при условии разрушения немцами тыла десантного отряда, конечно, было невозможно.

Излагая все эти наши соображения, мы имели целью доказать, что выбор операционной линии для действий десантного отряда на материке был сделан ошибочно.

Выше мы указывали, что только быстрый захват северной Курляндии мог обеспечить наиболее надежным образом морские сообщения десантного отряда. Теперь же нам приходится придти к заключению, что и сухопутные сообщения десантного отряда можно было надежно обеспечить тоже только путем быстрого захвата северной Курляндии и, в частности, Виндавы. Занятие Виндавы лишало немцев превосходного порта и вынуждало их к производству в свою очередь десантной операции, что вблизи от Ирбенского пролива, в котором находился минный флот, было далеко не безопасно и, во всяком случае, требовало уже большого времени, в течение которого получал возможность и накопить в Курляндии нужное количество войск, и развить ими операцию против левого фланга и тыла германского сухопутного фронта.

Принимая все это в соображение, невольно возвращаешься к плану Канина, настаивавшего на захвате северной Курлян-

дии, ибо только такой план давал солидное обеспечение всем расчетам по оттеснению германцев от линии Западной Двины.

13-го июля переговоры верховного командования с командованием армиями Северного фронта были закончены и Куропаткин дал 12-й армии для предстоявших операций следующую новую директиву [1]):

«07595. Для действий на Туккумском направлении предлагаю образовать ударную группу войск из XLIII-го и XXI-го армейских корпусов. Целью действий Туккумской группы войск ставлю прорыв неприятельского расположения между морем и рекою Аа.

Сближение с противником и все подготовительные к прорыву действия должны быть закончены в десятидневный срок по получении сего приказания. Попытка противника 12-го июля атаковать наши позиции севернее болота Тируль облегчит нам скрыть наши намерения атаковать противника.

Задачи, поставленные мною телеграммою 11-го июля № 6.759 для действий на Бауском направлении, остаются в полной силе.

Смену на Бауском направлении войск II Сибирского корпуса войсками VII-го Сибирского корпуса и отвод II-го Сибирского корпуса в мой резерв произведите к 20-му июля.

До означенной смены VII-го Сибирский корпус поступает в мой резерв.

II-й Сибирский корпус мною будет направлен, в зависимости от обстоятельств, для усиления ударной группы на Бауском направлении или ударной группы на Туккумском направлении.

Порядок подготовки войск к штурму, указанный мною в депеше № 6.801 Б. для частей II-го Сибирского и XLIII-го корпусов, применять и для частей войск XXI-го корпуса. № 6.849/Б. 13-го июля».

Куропаткин.

Настоящая телеграмма является директивою главнокомандующего армиями Северного фронта командующему 12-й армиею для нового наступления, предположенного к производству после 23-го июля (через 10 дней после получения ее). Директива эта указывала новый об'ект действий в расположении германцев—Туккум, против которого, как нам

[1]) Дело Морискома № 11.285, стр. 67. Телеграмма Куропаткина командующему 12-й армиею от 13 июля № 6.849/Б.

известно, должен был наступать и десантный отряд. Но о десантном отряде и о том, что он будет действовать в согласии с 12-й армией против Туккума, в директиве № 6.849 нет ни одного слова. Об'яснить как-либо это упущение не представляется возможным, потому что неподчиненность десантного отряда главнокомандующему армиями Северного фронта еще не давала оснований к тому, чтобы не ориентировать командующего и командиров корпусов 12-й армии в той обстановке, при которой им предстояло вести тяжелую боевую работу прорыва фронта германского расположения.

Если Куропаткин опасался оглашения тайны десантной операции, то этого нужно было достигать другими путями, а не путем пропуска упоминания о десанте в секретной директиве командующему 12-й армией.

Болтовня о предполагаемом десанте шла, надо сказать правду, весьма оживленная и она даже обратила на себя внимание начальства. 15-го июля начальник штаба Северного фронта по этому поводу обратился к генерал-квартирмейстеру штаба верховного главнокомандующего и к начальнику штаба Балтийского флота с следующим сообщением[1]).

«По донесению агентуры, в селениях района Маиоренгоф-Ассерн, на Рижском взморьи, среди жителей ходят слухи о предполагаемом десанте большими силами.

Сообщаю на случай, если будет признано необходимым принять какие либо меры, дабы эти слухи не повредили предстоящим операциям. № 10.430».

Сиверс.

Какие же можно было принять меры, когда о десанте говорили не только на Рижском взморьи, но и на островах Моонзунда, и в Ревеле, и в Гельсингфорсе, в других городах южной Финляндии, одним словом, везде, где стояли войсковые части, не ожидавшие похода, жившие чуть не в мирных условиях и теперь встревоженные срочною подготовкою к выступлению в поход? Но если этой болтовни нельзя было прекратить, то предупредить ее, избежать ее совершенно — было возможно, как указано было выше, выбором в состав десантного отряда вполне готовых к походу и бою частей и перевозкою их в пункты посадки на суда без предупреждения или с предупреждением за самый короткий срок.

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть I, стр. 225. Телеграмма генерал Сиверса генералу Пустовойтенко и контр-адмиралу Григорову от 15-го июля 1916 г. № 10.430 к. р.

Выше мы видели, что еще 9-го июля начальник штаба Верховного главнокомандующего в своей телеграмме Куропаткину № 3672 возбудил вопрос о неудовлетворительном составе десантного отряда и о необходимости включения в него хотя бы одной дивизии прочных полевых войск. 11-го июля, воспользовавшись этим, Канин ходатайствовал о назначении в состав десанта целиком XIX-го армейского корпуса, но это ходатайство осталось без ответа. Между тем все расчеты по посадке, по погрузке, высадке и выгрузке назначенных в десант частей и их запасов уже были составлены, и всякое изменение состава десантного отряда должно было повлечь за собою изменение всех этих соображений и расчетов. 18-го июля до Канина дошли слухи о назначении в состав десанта 3-й стрелковой дивизии, и он поспешил запросить по этому поводу Русина следующею телеграммою: [1])

«Генерал Бредов [2]) сообщил, что 3-я стрелковая дивизия назначается в состав десанта. Если это так, прошу срочного уведомления для своевременных распоряжений по морской перевозке. Для выполнения высадки на четвертый день после начала наступления Северным фронтом прошу меня уведомить за трое суток до начала наступления. № 1 166/оп.».

Канин.

На эту телеграмму того же 18-го июля пришел ответ: [3])

«1.166/оп. Окончательный ответ наштаверх предполагает дать завтра. № 1.509/Б».

Русин.

Таким образом, за 9 дней, с 9-го по 18-е июля верховному командованию не удалось окончательно разрешить вопроса о назначении полевых войск в состав десанта и вследствие этого самый состав этого отряда все еще оставался не установленным. Только на следующий день, 19-го июля, от Куропаткина получилась следующая телеграмма, окончательно определявшая состав десантного отряда: [4])

---

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть 1, стр. 250. Телеграмма Канина Русину 18-го июля 1916 г. № 1.166/оп.

[2]) Генерал майор Бредов—генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего армиями Северного фронта.

[3]) Дело Морискома № 8.078, часть 1, стр. 256. Телеграмма Русина Канину 18-го июля 1916 г. № 1.509/Б.

[4]) Дело Морискома № 8.078, часть 1, стр. 255. Телеграмма Куропаткина Канину 19-го июля 1916 г. № 6.996/Б.

«В отправленной вам Ставкой копии телеграммы № 3.672 начальник штаба верховного нашел желательным и обратился ко мне с просьбой назначить в состав десанта дивизию, в крайнем случае—бригаду прочных опытных войск, имея в виду, что полный корпус придаст решительность операции». В ответ на это я, нумером 6.720, сообщил, что делаю распоряжение о направлении в Ригу или 1-й Кавказской или 3-й стрелковой дивизии и в настоящее время 3-я стрелковая дивизия уже собрана в районе Риги в ожидании распоряжений об отправлении. Вследствие изложенного генерал Алексеев, в телеграмме № 3.730, высказывая свои предположения по разработке плана, принимает состав десантного отряда следующий: 3-я стрелковая дивизия, 6 баталионов морской бригады, латышский баталион, 116-я пехотная дивизия и 4-я отдельная кавалерийская бригада. С назначением в состав отряда всей 3-й стрелковой дивизии, отменено назначение бригады 115-й дивизии и баталиона XLIII-го армейского корпуса. В виду сего план операции, выработанный генералом Геруа [1]), требует переработки, в зависимости от увеличения состава десантного отряда. Кроме того, означенным планом не предусмотрен вопрос об очистке моря около Роена от мин, в целях обеспечения здесь дальнейшей высадки и выгрузки по занятии нами Роенского плацдарма. В остальном против плана первоначальных действий десантного отряда возражений не имею. Прошу сообщить, какие изменения будут внесены в план, в зависимости от изменения состава отряда, а также в продолжение какого именно времени считаете вы обеспеченными морские сообщения десантного отряда, в случае попыток германского флота форсировать Ирбенский пролив и насколько такие попытки представляются вам вероятными и возможными. 19-го июля. № 6.906/Б».

Куропаткин.

Таким образом, наконец, определился окончательно состав десантного отряда; всего боевой силы 31 баталион, 12 эскадронов, $1^1/_4$ сотни, 72 орудия, 142 пулемета и 3 роты сапер и явилась возможность дать устойчивость всем рассчетам по перевозке, находившимся до сего времени на воздухе.

---

[1]) Этот план, заключавший в себе соображения по погрузке, перевозке и высадке и являвшийся техническим планом исполнения операции, будет рассмотрен подробно в части II-й настоящего труда.

Канин ответил Куропаткину, что «план операции остается прежний, но соответственно переработан, согласно с новым составом отряда. [1]) Этот ответ уже не понадобился для соображений Куропаткину, так как 23-го июля 1916 г. по Северному фронту был объявлен приказ Куропаткина—о сдаче им командования армиями Северного фронта генерал Гурко, вследствие назначения его Туркестанским генералу губернатором.

На следующий же день по вступлении генерала Гурко в командование армиями фронта, по его приказанию, ему был представлен генералом Геруа следующий доклад: [2])

«Во исполнение приказания докладываю следующие схематические основные черты задач и подготовки отряда особого назначения, а также и обстановки, влияющей на его деятельность.

1. Задача — активное и, притом, как будет видно далее, быстрое и энергичное содействие правому флангу 12-й армии при его наступлении, а в случае успеха общих усилий—и подготовка расширения операций против левого крыла всех германских армий, с целью отбросить их до Немана.

2. По своему составу отряд равняется корпусу из двух пехотных дивизий (по 12 баталионов каждая), одной морской шестибаталионной бригады, одной кавалерийской бригады, латышского баталиона, трех рот сапер, одной телеграфной роты, кабельного отделения и инженерного строительства.

Боевая сила отряда определяется: 31 бат., 12 эскадр., $1^1/_4$ сотн., 11 легк. батарей (62 ор.), 1 конн. батарея (6 ор.), 1 тяжелая 6 дм. батарея (4 ор.) и 3 роты сапер.

3. Интендантским довольствием (консервы, сухари, приварочные припасы, чай и сахар) отряд обеспечен 12 дней, а фуражным—на 10 дней. Все это уже погружено на 3 парохода.

Сверх того, на острове Эзеле имеется 1.500 голов скота и хлебопекарни в Риге, откуда мясо и хлеб будут доставляться морем к отряду имеющимися для сего особыми пароходами.

4. Благодаря придаче отряду полного Островского инженерного строительства с обильным оборудованием инстру-

---

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть I, стр. 253. Телеграмма Канина Куропаткину 20-го июля 1916 г. № 1.180.

[2]) Дело Морискома № 11.285, стр. 3. Доклад начальника отряда особого назначения, генерал-майора Геруа, главнокомандующему армиями Северного фронта 24-го июля 1916 г. № 1. См. схему № 1.

ментами, строительными материалами и рабочею дружиною, отряд основательно обеспечен в инженерном отношении, но желательна еще вторая рабочая дружина, которая значительно способствовала бы освобождению активных бойцов отряда от инженерных работ.

5. В отношении артиллерийских запасов отряд нельзя признать обеспеченным вполне, хотя усилия к этому делаются. Особая скудность отмечается в отпуске ружейных патронов, так как выдвинутая мною средняя ежедневная норма 100 патронов на винтовку не признана и, вместо нее, предложено руководиться среднею статистическою нормою отпуска патронов из складов, справедливою для всех фронтов в совокупности. Считаю долгом доложить, что такая норма отпуска не равнозначуща норме боевого расхода, особенно для отряда, рискующего потерять свои сообщения.

Другое затруднение заключается в том, что японские винтовки Арисака не отлажены под острую пулю; запас же тупоконечных патронов ограничен. С другой стороны, перевооружение отряда имеющимися на лицо в достаточном количестве отлаженными винтовками Арисака является невозможным за краткостью остающегося времени, особенно имея в виду, что уже отпущенные тупоконечные патроны Арисака полностью погружены на пароходы и переверстка погрузки вызвала бы затруднение и промедление, которые невозможно даже перевести на время.

6. В санитарном отношении отряд вполне обеспечен. Ему придано два госпиталя и один эвакуационный пункт, находящиеся в Гапсале. На случай расширения операции отряда мною испрашивается командирование в отряд еще одного полевого госпиталя.

7. Импровизированный штаб отряда уже сформирован с генерального штаба подполковником Верховским во главе и с соответствующими корпусному управлению органами.

8. Флот, по моим сведениям, изготовился вполне и во всех отношениях.

9. Планы действий, как флота, так и отряда, при посадке, высадке и тотчас вслед за ней готовы и разосланы в войска и на корабли.

Мною особо представлены мои сухопутные планы (2) [1])

---

[1]) Эти планы будут нами подробно рассмотрены в части II-й настоящего труда.

с заключающимися в них необходимыми извлечениями из морских предположений.

10. Войска снабжены достаточным количеством карт.

11. Сделана фотографическая разведка гидропланов всего побережья Рижского залива от Мельсиля до Мессарагоцема (45 верст) и произведена рекогносцировка того же побережья начальником штаба отряда на миноносце. За последние дни на упомянутом побережьи обнаружена тревожная деятельность противника по укреплению.

Фотосхемы побережья, по изготовлении их, будут разосланы войскам и на корабли.

12. Все войска, кроме пока 116-й пех. дивизии, уже осмотрены мною, при чем Морской бригаде сделан не только строевой смотр, но и тактическое ученье, вполне меня удовлетворившее.

13. Учебная подготовка войск к десантам не может вестись с надлежащею, как то хотелось бы, основательностью за краткостью времени и в интересах сохранения в тайне, хотя бы, состава отряда и портов посадки. Приказано войскам устроить, пользуясь ранними часами дня и прибегая к оцеплению, в целях поучения лишь начальствующих лиц и офицеров, показные посадки для мелких частей войск (рот и частей эскадрона), а также и для грузовых учреждений. При этом рекомендовано начальникам, замечая обнаруживаемые недостатки оборудования и подготовки, немедленно доносить мне для принятия мер по устранению, хотя бы и мелочных, но в общем, чрезвычайно важных недочетов.

14. База отряда—Ревель и, в частности, хозяйственные органы управления Морской крепости императора Петра Великого, усилиями каковых до настоящего времени и сорганизована подготовка артиллерийских и интендантских снабжений отряда. Отныне дальнейшие отпуски по упомянутым обоим видам довольствия, как и по всем прочим видам снабжений, возложены на штаб Северного фронта.

15. Связь отряда с базою—телеграфный кабель (Юз) от пункта высадки через остров Руно до Ревеля. Прокладка кабеля заканчивается. Сверх того—радио.

16. Вся перевозка десанта рассчитана на 4 эшелона: 1) $1^1/_2$ дивизии с артиллерией и дивизионом конницы (с лошадьми) при усиленном обозе 1-го разряда, 2) дивизия пехоты (116-я) и бригада конницы (без дивизиона) с их артиллерией, 3) обозы II-го разряда и 4) обозы дивизионные и парки. Артиллерийские запасы характера местного парка,

как и интендантские характера интендантских складов, доставляются к берегу одновременно с первым эшелоном десанта.

17. Циркуляция всех эшелонов до полной высадки может закончиться в срок не менее 2 недель; прибытие же крайне важного в боевом отношении второго эшелона может затянуться от 4 дней до недели.

Поэтому крайне желательна дополнительная реквизиция английских пароходов, находящихся в числе 15 в портах Финского залива. Эта реквизиция, по моим сведениям, уже решена высшим командованием флота, но исключительно в целях возобновления хозяйственной деятельности наших портов, расстроенной и даже приостановленной операцией организации транспортного флота для экспедиции.

Затруднение при этом—отсутствие личного состава (офицеров и матросов флота), которые могли быть назначены в необходимом числе на эти английские пароходы, в добавок их собственных команд. Этот недостаток чинов объясняется усиленным командированием их в Черноморский флот (одних офицеров 25 человек), которых не удается отозвать обратно. Другое затруднение—необходимость владеть английскою речью для таких офицеров флота.

18. О выборе пункта десанта на побережьи Рижского залива изложено в особом, представленном мною В. В. докладе. [1])

19. Сообщения десантного отряда морем могут быть обеспечены флотом на срок около недели, так как в этот промежуток времени германский флот без особых потерь может протралить Ирбенский пролив и войти в Рижский залив. В случае же его желания войти туда, не взирая на потери, этот срок может сократиться до 3—4 дней.

20. Возможные силы противника у Туккума, естественного об'екта действий десантного отряда, — 1-я ландверная дивизия, значительная часть 36-й и 76-й резервных дивизий, снятая с пассивных участков Двины южнее Бауского направления, 1—3 ландштурменных баталионов и 1-я кавалерийская бригада.

Эти силы, превосходные по сравнению с десантным отрядом или, во всяком случае, равные ему, необходимо приковать наступлением 12-й армии, которое должно упредить высадку дня на 3, дабы таким способом создать для нее лучшую из демонстраций, без которых не рекомендуется про-

---

[1]) Этот доклад подробно рассмотрен нами в части II-й настоящего труда.

изводство десантов, а также удлинить вышеуказанный относительно безопасный для высаживающегося отряда срок с недели до 10 дней, что крайне выгодно.

Последние наблюдения 12-й армии указывают на спешные железнодорожные перевозки из Митавы в Туккум, а также на усиление деятельности радио-телеграфа в районе Тальсена, т. е. за серединою намеченного участка побережья.

21. Из всего изложенного видно, что как величина снабжения отряда, так и безопасность его сообщений вынуждают достичь решительного результата в течение недели по высадке.

Средство для сего—быстрота движений и решительность действий, а орудие для этого — полное сосредоточение всего отряда, не исключая и 116-й дивизии и кавалерийской бригады в 1—2 дня, для чего нужна дополнительная реквизиция транспортов.

Генерального штаба генерал-майор Геруа.

Наиболее интересною частью этого крайне важного для рассматриваемой операции документа являются пункты 16, 17, 19, 20 и 21. В них излагаются в окончательной форме те указания, до которых договорилось высшее командование при взаимном обмене взглядами в течение месяца (23-го июня — 23-е июля) и которые были даны им Геруа, как начальнику десантного отряда.

В этих пунктах Геруа указывает: 1) что перевозка десанта рассчитана на 4 эшелона, из коих первые два с войсками, обозами 1-го разряда и запасами складов, 2) что вся перевозка потребует не менее 2 недель, а перевозка первых двух эшелонов — от 4 до 7 дней, 3) что германский флот может оборвать морские сообщения десанта и уничтожить его головную базу на берегу через 3—7 дней и 4) что немцы уже ведут переброски на Туккум, принимают какие то меры в районе Тальсена и, воспользовавшись свободными войсками из числа противостоящих только Северному фронту, могут сосредоточить в районе Туккума силы, превосходящие десант или равные ему, если часть этих сил не будет скована энергичным напором 12-й армии.

Как на выход из этого трудного положения Геруа указывает на необходимость удовлетворения двух его требований: а) упреждение высадки десанта на 3 дня атакою 12-й армии и б) дополнительную реквизицию 15 английских пароходов в видах одновременной перевозки всех войск десантного отряда и сокращения времени их высадки до 2 дней.

Рассматривая эти основные положения доклада, необходимо прежде всего сказать, что Геруа, настаивая на дополнительной реквизиции 15 английских пароходов, сам же заявляет о крайне трудной выполнимости этой задачи, вследствие отсутствия необходимого количества личного состава. Мы же от себя можем добавить, что если производство операции предполагалось в 20-х числах июля, а доклад представлялся 24-го июля, то времени на эту реквизицию и соответствующую подготовку английских пароходов было совершенно недостаточно, т. е. короче говоря, с этою мерою запоздали и о ней надо было думать раньше [1]).

Затем, упреждение высадки десанта атакою 12-й армии имело, несомненно, огромное значение, как мера, облегчавшая самое производство высадки, ибо атака 12 армии должна была привлечь на себя силы германцев; но каким образом это упреждение могло «удлинить относительно безопасный для высаживающегося отряда срок с недели до 10 дней»—представляется совершенно непонятным. Наступление 12-й армии не отвлекало германского флота; время, необходимое ему для совершения прорыва через Ирбенский пролив и для удара по морским сообщениям десанта, считалось от момента появления нашего транспортного флота перед неприятельским берегом. Если предполагалось, что на совершение этой операции германскому флоту необходимо 7 дней, то только эти 7 дней и являлись относительно безопасным для высаживающегося отряда сроком, при чем упреждение высадки атакою 12-й армии на 3 дня или на большее время никакого значения для безопасности десантного отряда со стороны моря не имело.

Таким образом, одно из требований Геруа было неосуществимо, а другое—не давало большей безопасности десантному отряду и, следовательно, если перевозка морем одних войсковых эшелонов требовала от 4 до 7 дней, а германский флот мог оборвать морские сообщения этого безобозного (без обозов II разряда, дивизионных и парков) отряда через 3—7 дней, то необходимо признать, что десантный отряд ставился заведомо в самое критическое положение. Верховное командование не имело права рассчитывать на такой быстрый успех совместного наступления 12-й

---

[1]) Причина, почему эта мера не была осуществлена своевременно, будет выяснено в III-й части настоящего труда.

армии и десанта, при котором нужда в безопасности морских сообщений отпадет ранее прорыва германского флота в Рижский залив. Такие соображения являлись отнюдь не расчетом, а необоснованной фантазией. Стремление к безопасности морских сообщений десанта, дававшей ему возможность и существовать и правильно развивать свои операции, обязывало позаботиться о захвате южного берега Ирбенского пролива с его батареями в первые два дня высадки, т. е. до появления германского флота в проливе; это было столь же необходимо, как необходим захват важных исходных пунктов во встречном бою, и было вполне возможно как по слабости германских войск, находившихся в северной части Курляндии, так и по тем расстояниям, которые пришлось бы пройти в первый день высадки передовым отрядам десанта (от 20 до 60 верст), высланным для этой цели; и можно с уверенностью сказать, что морская бригада с этою задачею быстро справилась бы. Захват же германских батарей на южном берегу Ирбенского пролива, помимо перекрестного обстрела последнего, позволял немедленно завалить минами тот канал вдоль южного берега, который в последние дни могли расчистить немцы.

Доклад Геруа несет на себе полное отражение указаний, полученных от верховного командования. Последнее, как мы видели, строило успех всей операции десанта на быстроте движений и решительности действий; это же повторяет и доклад Геруа. Нет спора, быстрота движений и решительность действий являлись естественным характером задуманной операции, но они должны были найти себе применение не только в операциях против Туккума, но и в обеспечении этих операций со стороны моря.

По ознакомлении с изложенным докладом, Гурко дал Геруа того же 24-го июля следующую директиву [1]).

«В связи с предстоящим наступлением 12-й армии на ее правом фланге, в общем направлении на Туккум [2]), для содействия этому наступлению и возможно полного использования его успеха действиями на левый фланг и тыл противника в Туккумском районе, предположено производство высадки на западном побережьи Рижского залива вверенного вам десантного отряда.

---

[1]) Дело Морискома № 11, 285, стр. 61. Директива вр. главнокомандующего армиями Северного фронта начальнику десантного отряда от 24-го июля 1916 г. № 7. 107/Б.

[2]) См. схему № 1.

Состав отряда—3-я стрелковая и 116-я пехотная дивизии, три полка морской бригады, один латышский баталион и 4-я отдельная кавалерийская бригада с приданными отряду частями артиллерии и инженерных войск, всего боевой силы—31 бат., 12 эскадр., 72 орудия, 142 пулемета и 3 роты сапер.

Успех первоначальной высадки десанта в значительной степени обеспечивается отсутствием, по имеющимся данным, сколько нибудь значительных сил противника и укреплений на участке побережья Мельсиль-Мессарагоцем, охраняемом частями 1-й кавалерийской дивизии. Воздушной разведкой на этом участке обнаружены лишь побережные стрелковые окопы и две батареи — одна у Роепа и одна, вновь появившаяся, у Жоцеп. В районе Туккума имеются основания предполагать сосредоточение ныне частей 1-й ландверной дивизии, 2—3 ландштурменных баталионов и 3-й кавалерийской бригады. Не исключается возможность переброски в Туккумский район резервов с других участков против 12-й армии, особенно с пассивного участка за Двиной, занимаемого 36-й и 76-й резервными дивизиями [1]).

---

[1]) По имевшимся на 20-е июля сведениям о противнике против нашей 12-й армии стояли части 8-й германской армии в числе 75—78 баталионов и 70 эскадронов; из них 48—51 батал. и 42 эскадр. находились против нашего Рижского плацдарма, а 27 батал. и 28 эскадр. по р. Двине, против остального участка 12-й армии. Побережье Рижского залива наблюдалось частями 1-й кавалерийской дивизии.

Относительно положения на море сводка (от 16-го до 26-го июля) говорила:

«В особо важном для нас районе — подходах с моря к Ирбену, неприятель не обнаружен; но известно, что 20-го июля из Либавы в Виндаву перешел какой то отряд или тральщиков, или сторожевых судов».

«Общее впечатление. В смысле военных действий описанный период представлялся безусловным затишьем; сколько нибудь значительные события имели место лишь на торговых путях.

С другой стороны, вся совокупность достоверных данных разведки не дает указаний на изменение создавшейся обстановки, пока мы не пожелаем ее изменить. И только источники, проверить которые большею частью бывает невозможно, продолжают предупреждать: о накапливании германских сил против нашего сухопутного правого фланга, о подготовке сосредоточения флота для содействия этому удару, о намерении неприятеля угрожать Финскому заливу и нашей столице, о решенном налете цеппелинов на Лондон, Петроград и т. п.

При всем недоверии вообще к агентурным сведениям, надо, однако, считаться с вероятием, что сведения эти не основаны исключительно на вымысле. Общая стратегическая и политическая обстановка такова, что может вынудить Германию к решительным и смелым действиям; таким образом, следует каждую минуту быть готовым к подобным действиям противника, естественным и ближайшим об'ектом которых является все тот же Ирбенский пролив».

Дело Морискома № 13.018. Сводки сведений о неприятеле за 1916 г. Сводка № 47.

Начало высадки будет приурочено к тому времени, когда выяснится некоторый успех действий 12-й армии. Благодаря сему не только силы противника, непосредственно обороняющие избранный фронт прорыва, но и резервы этого района, вероятно, будут связаны противодействием наступлению 12-й армии, что должно облегчить не только высадку, но и активные действия десанта.

Высадку произвести в районе мыс Домеснес-порт-Роен, возможно ближе к последнему пункту, захват которого с суши и составит первую задачу десантного отряда.

Тотчас после высадки надлежит выдвинуть широкую разведку, конную и воздушную, особенно в направлении к железной дороге Виндава-Туккум. Желательно и возможно большее попутное разрушение этой железной дороги для затруднения движения по ней.

По овладении Роепом должен быть оборудован плацдарм, обеспечивающий дальнейшую высадку десанта и его грузов в этом порту.

К этому времени вероятно появление со стороны Туккума или Виндавы более значительных сил противника для противодействия наступлению десантного отряда. Разбитие этих сил активными действиями должно составить вторую задачу отряда, и лишь успешное выполнение ее может служить залогом успеха дальнейших активных действий.

Затем, отряду предстоит главными силами продолжать наступление на соединение с правым флангом 12-й армии, стремясь выйти во фланг и тыл противнику, действующему против этой армии.

При выполнении последней операции следует обратить надлежащее внимание на обеспечение открытого правого фланга и тыла отряда. Для сокращения и большей обеспеченности коммуникационной линии отряда желательно, по мере продвижения отряда в южном направлении, переносить и базирование его к югу, насколько то позволяют морские условия. Последнее имеет очень важное значение.

По установлении непосредственной связи с правым флангом 12-й армии отряд ваш переходит в подчинение командующему 12-й армией.

Генерал от кавалерии Гурко.

И. д. Начальника штаба
генерал-майор Сиверс.

Генерал-квартирмейстер,
генерал-майор Бредов.

Тот факт, что Геруа представил доклад о десантной операции главнокомандующему армиями Северного фронта, является вполне естественным, ибо последнему необходимо было знать, что и как предполагает делать десант. Но то обстоятельство, что Гурко дал неподчиненному ему Геруа директиву для действий, на первый взгляд, представляется непонятным. Однако, дальнейшее исследование материалов обнаруживает, что эта директива была дана по распоряжению верховного главнокомандующего, который желал согласовать действия десанта с действиями войск Северного фронта.

Указания Гурко оказались весьма полезными, ибо они выяснили, какую помощь ждет от десантного отряда главнокомандующий армиями Северного фронта и в каком виде он представляет себе эту помощь, принимая во внимание трудное положение высадившихся войск.

Первое свое внимание Гурко обращает на освещение и захват района северной Курляндии и, главным образом, железной дороги Виндава-Туккум.

Второю задачею он ставит разбитие германских сил, которые к этому времени могут появиться со стороны Туккума или Виндавы.

По исполнении этого, третьею задачею он указывает наступление во фланг и тыл противнику, действующему против 12-й армии. При исполнении этой последней задачи Гурко рекомендует обратить надлежащее внимание на обеспечение открытого правого фланга и тыла отряда. Тылом отряда были море и коммуникационная линия на суше. Для обеспечения себя со стороны моря сухопутный отряд мог принять наиболее действительные меры только организациею обороны берега Ирбенского пролива, но после захвата последнего сухопутному отряду о нем и заботиться бы не пришлось, так как об этом позаботился бы сам адмирал Канин, более всех заинтересованный утверждением безопасности морских сообщений в Рижском заливе. Сухопутному же отряду приходилось самому принимать меры только по обеспечению своей базы на берегу, своей коммуникационной линии и своего открытого правого фланга.

Приведенная директива Гурко показывает, что последний не предполагал беспрепятственного продвижения десантного отряда от Роена к Туккуму, но ожидал, что вслед за совершением высадки отряду придется иметь дело с резервами противника, подтянутыми от Туккума или Виндавы, на

что, конечно, придется потратить драгоценное время, и лишь после разбития этих резервов можно было продолжать движение на Туккум. Если же противник не дал бы себя разбить, а обратился бы к весьма естественному и полезному в слагавшейся для него обстановке способу замедления наступления десантного отряда, пользуясь для этого благодарною пересеченною местностью, то розовые надежды на быстрые и решительные действия, которые имел Геруа, не получили бы осуществления.

Все изложенное мы приводим для того, чтобы подчеркнуть беспочвенный оптимизм, которым было проникнуто сухопутное командование в отношении задуманной десантной операции.

Теперь, если мы примем во внимание: 1) необоснованные предположения сухопутного командования в отношении безопасности морских сообщений десантного отряда, 2) невязку расчетов продолжительности переброски десантного отряда на неприятельский берег и его дальнейших действий на этом берегу со сроками возможного прорыва германского флота в Рижский залив и 3) непринятие мер обеспечения сухопутных сообщений десантного отряда при его наступлении к Туккуму от ударов со стороны материка, — мы должны придти к заключению, что основная идея плана операции в стратегическом отношении была разработана неудовлетворительно, что сухопутное командование во всех инстанциях (от Ставки верховного главнокомандующего до начальника десантного отряда включительно) закрывало глаза на опасность, грозившую десанту со стороны моря, и, очертя голову, бросалось в авантюру, в надежде на авось, на то, что отряд успеет проскочить на неприятельский берег, что своими энергичными действиями совместно с армиями Северного фронта он заставит левый фланг германцев отступить и откроет ему возможность базирования на Ригу. Обратно, все соображения морского командования были проникнуты стремлением обеспечить сообщения отряда (захват южного берега Ирбенского пролива и всей северной Курляндии), уважением к противнику (допуск быстрого прорыва неприятельского флота в Рижский залив) и методическим развитием операции с заботою о возможности сосредоточить на фланге и в тылу у врага произвольное количество сил для нанесения ему мощного удара, который мог бы заставить его отойти за Неман.

Доклад Геруа представил Гурко 24-го июля лично в Пскове. Были ли при этом даны какие-либо словесные ука-

зания и, в частности, в отношении ускорения перевозки десанта морем — нам неизвестно. Но в Ставке верховного, очевидно, морской штаб об этом думал и стремился помочь всеми мерами. Еще 23-го июля начальником штаба Балтийского флота была получена из морского генерального штаба следующая телеграмма [1]):

«Еще два транспорта готовятся в Петрограде к отправке в ваше распоряжение. Прошу телеграфировать, будут ли нужны еще транспорты и, если нужны, то сколько, в целях распределения оставшихся транспортов для других целей. № 8.657».

Капнист.

Эту телеграмму контр-адмирал Григоров передал на распоряжение и для ответа командующему транспортной флотилией особого назначения, капитану I-го ранга Иванову 8-му.

Через три дня, т. е. 26-го июля, на имя Григорова из морского генерального штаба пришла еще одна телеграмма, показывающая, что в Ставке верховного главнокомандующего тревога за продолжительность морских перевозок не улеглась. В этой телеграмме говорилось [2]):

«Наморштаверх телеграфирует: снеситесь с адмиралом Каниным о привлечении всех пароходов как занятых перевозкой леса, так и могущих еще быть взятыми для перевозки из Свеаборга в предстоящей операции. Запросите, куда надо направить для срочного оборудования, если в пароходах имеется надобность. № 1.579/Б. Русин. Прошу сообщить ответ командующего. № 8.842».

Капнист.

На эту телеграмму Григоров ответил следующее [3]):

«8.842. Признается нужным оборудовать в Петрограде еще шесть пароходов на случай замены поврежденных. Укомплектовать их флот не может; поэтому необходимо распоряжение формировать для укомплектования хотя бы части их, команды из состава Чудской и других озерных и речных флотилий, находящихся в бездействии. На остальные обору-

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть II, стр. 135. Телеграмма начальника морского генерального штаба контр-адмиралу Григорову от 23-го июля 1916 г. № 8.657.

[2]) Дело Морискома № 8.078, часть II, стр. 132. Телеграмма начальника морского генерального штаба Григорову от 26-го июля 1916 г. № 8.842.

[3]) Дело Морискома № 8.078, часть II, стр. 130. Телеграмма Григорова начальнику морского генерального штаба от 24-го июля 1916 г. № 1.216/оп.

дованные пароходы команды будут посылаться, в случае необходимости замены, с аварийных транспортов. № 1.216/оп.»

Григоров.

Усмотрев из этой телеграммы, что командование Балтийским флотом или не верит в возможность получить еще новые транспортные средства, или не видит в них настоятельной необходимости, начальник морского штаба верховного главнокомандующего приказал морскому генеральному штабу выяснить этот вопрос, результатом чего получилась следующая телеграмма [1]):

«Адмирал Русин приказал снестись с В. В. по вопросу привлечения к предстоящей операции всех пароходов, назначенных для перевозки леса, каковых укомплектованных в Петрограде имеется четырнадцать и без команды — четыре; а кроме того, шесть для крепости Петра Великого. Благоволите уведомить, имеется ли в них надобность и, в последнем случае, куда надлежит их отправить для срочного оборудования. № 8.894».

Капнист.

Какой ответ дал Канин на эту телеграмму в исторических материалах найти не удалось, но что вопрос о необходимости ускорить морские перевозки озабочивал, в равной мере, и адмирала Канина, ясно из следующего.

До сего времени, согласно предположениям, выработанным в штабе Балтийского флота, посадку десантного отряда на суда предполагалось производить: в Гельсингфорсе — 116-ю пех. дивизии с ее артиллериею, в Ревеле — частей, назначенных в экспедицию из состава гарнизона морской крепости Петра Великого, в Куйваете — отдельной морской бригады с ее артиллериею и в Риге — 3-й стрелковой дивизии и 4-й отдельной кавалерийской бригады.

Признавая эту проектированную штабом перевозку слишком продолжительной и желая сократить время переброски войск морем, Канин послал Русину следующую телеграмму [2]):

«Подготовка транспортных и выгрузочных средств закончена и начато сосредоточение их в порты посадки. Войска десанта готовы к выступлению. Подсчеты перевозки указы-

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть II, стр. 137. Телеграмма начальника морского генерального штаба командующему флотом Балтийского моря от 27-го июля 1916 г. № 8.894.

[2]) Дело Морискома № 8.078, часть I, стр. 317. Телеграмма Канина Русину от 25-го июля 1916 г, № 1.207/оп.

вают, что вся операция высадки в условиях тихой погоды может быть выполнена тремя эшелонами в 12 дней от начала посадки. Уменьшение этого срока возможно до 8 суток при условии перевозки теперь же по железной дороге в Ригу всей 116-й дивизии с артиллерией и учреждениями, только что заканчивающими свое снабжение и комплектование. Для этого перевозка дивизии может начаться 27-го или 28-го июля и должна продолжаться не более шести дней. В этих условиях перевозка дивизии железной дорогой не может задержать выполнение операции, начало которой, по имеемым сведениям, намечено на первые числа августа. Если же указанный срок на перевозку дивизии в Ригу является невыполнимым, то полагал бы не менять уже разработанного плана морской перевозки. Перевозка же железной дорогой только обозов и учреждений дивизии может привести лишь к замедлению всей операции, так как сосредоточение в Риге только нестроевых частей, вероятно, вызовет различные осложнения в организации посадки. Если изложенное будет одобрено, то прошу срочных распоряжений для выполнения перевозки и извещения меня. № 1.207/оп.»

Канин.

Эти соображения были одобрены начальником штаба верховного главнокомандующего и 26-го июля Канин получил из Ставки три следующие телеграммы: одну от Геруа, приехавшего в Ставку из Пскова для доклада, и две—от Русина.

Геруа телеграфировал [1]).

«Наштаверх приказал вам донести, что для ускорения операции 116-ю дивизию необходимо перебросить в Ригу морем от Свеаборга до Ревеля и железною дорогою от Ревеля до Риги. Железная дорога находится в готовности принять 10 — 12 эшелонов в сутки. Общая скорость перевозки сухим путем около трех суток. № 1.582/Б. 26-го июля».

Геруа.

Телеграммы Русина говорили следующее [2]):

«С 28-го июля вечера железная дорога в Ревеле может начать посадку 116-й дивизии для перевозки ее в Ригу.

---

[1]) Дело Морискома № 8.078. часть I, стр. 304. Телеграмма Геруа Канину от 26-го июля 1916 г. № 1.582/Б.

[2]) Дело Морискома № 8.078, часть I, стр. 305 и 306. Телеграммы Русина Канину от 26-го июля 1916 г. № 1.581/Б. и № 1.599/Б.

Благоволите распоряжением о перевозке всей 116-й дивизии из Гельсингфорса в Ревель морем. № 1.581/Б.».

Русин.

«Дополнение 1.581/Б. В целях ускорения операции желательно перевезти по железной дороге из Ревеля в Ригу со 116-й дивизией дивизион полевой артиллерийской бригады морской крепости и гаубичную батарею. Генерал Геруа об этом знает и сам просит. Сношение с главосо сделано. № 1.599/Б.».

Русин.

29-го июля 116-я дивизия начала прибывать морем в Ревель и того же числа ее 1-й эшелон отправился по железной дороге в Ригу. Вследствие этого, флаг-капитан штаба командующего флотом Балтийского моря 1-го августа телеграфировал в Ставку [1]):

«Обращаю внимание, что теперь, в условиях перевозок Гельсингфорс-Ревель, необходимо нас предупредить о начале действий 12-й армии не за 3, а за 6 дней. По окончании перевозок предупреждение достаточно за 3 дня. № 1.234/оп.».

Князь Черкасский.

Одновременно с приказанием верховного командования дать директиву начальнику десантного отряда Гурко получил повеление привлечь боевые суда флота к оказанию поддержки наступлению правого фланга 12-й армии. Поэтому, того же 24-го июля он послал Канину следующую телеграмму [2]):

«По приказанию главкосева был запрошен командарм 12 о том, в чем именно может выразиться со стороны флота помощь предстоящим действиям на Рагоцемском направлении. На это командарм 12 ответил:

«Содействие флота может выразиться, главным образом, в поддержке артиллерией при подготовке атаки неприятельской Клапкальцемской позиции, для чего нужны орудия с дальностью боя верст на 12, так как, благодаря минному заграждению и неприятельской береговой артиллерии, флот может стать от линии Рагоцем-Клапкальцем в расстоянии не ближе 8 верст от берега. Для этой цели были бы под-

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть II, стр. 81. Телеграмма Черкасского Альтфатеру от 1-го августа 1916 г. № 1.234/оп.».

[2]) Дело Морискома № 8.078, часть I, стр. 321. Телеграмма генерала Гурко адмиралу Канину от 24-го июля 1916 г. № 7.093/Б.

ходящими 6 дм. орудия наших канонерских лодок, но, повидимому, они нужны десанту, и флот их дать не может. Очень прошу, если возможно без ущерба для десанта, дать нам хотя бы одну канонерку. Более мощное содействие флот мог бы оказать своими крупными кораблями, но опасаюсь, что они все будут заняты десантной операцией и не смогут уделить нам ничего. Если же возможно, то мы используем орудия больших калибров для разрушения прочных неприятельских построек на позициях не только Клапкальцема, но и Шмарденских».

«Имея в виду, что начало высадки десанта мною предполагается приурочить к тому времени, когда определится некоторый успех наступательных действий 12-й армии, полагаю, что флот будет иметь возможность оказать хотя бы в первые дни наступления, мощное содействие успеху такового огнем своей дальнобойной артиллерии.

«Поэтому прошу вас сообщить сколько и каких именно судов вы полагали бы возможным предназначить для выполнения этой, первостепенной важности, задачи.

Обращаю ваше внимание, что чем легче достанется 12-й армии успех при прорыве, с тем большей энергией она будет в состоянии развивать дальнейшее наступление, а следовательно, тем более будет обеспечено соединение 12-й армии с десантом, к тому времени уже спущенным на берег. 24-го июля. № 7.093/Б.». Гурко.

В тот же день Канин дал Гурко ответ [1]):

«Для подготовки и содействия наступлению 12-й армии могу назначить «Славу», две канонерки, два крейсера с предельною дальностью 13 верст и 4 миноносца, при условии, что за 36 часов до начала высадки «Слава», две канонерки и один крейсер должны быть освобождены от участия в дальнейшем обстреле позиций. По окончании высадки и в случае благоприятного положения в Ирбене я смогу вновь оказать широкое содействие судами. № 1.206/оп.».

Канин.

Таким образом, к помощи флота верховное командование на этот раз решило прибегнуть не только ввиде производства десантной операции, но и ввиде артиллерийского обстрела боевыми судами левого фланга сухопутного фронта противника.

---

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть I, стр. 324. Телеграмма Канина главнокомандующему армиями Северного фронта от 24-го июля 1916 г. № 1.206/оп.

Этими последними телеграммами закончился обмен мнений между различными органами высшего командования в отношении окончательного определения задач и сил десантной экспедиции и ее исходных пунктов. Для закрепления всех этих решений было испрошено утверждение их верховным главнокомандующим, в форме следующей директивы, переданной адмиралу Канину [1]):

Командующему флотом Балтийского моря.

В виду возможного наступления 12-й армии и в целях оказания мощного содействия этому наступлению, государь император повелеть соизволил:

1. Произвести десантную операцию на побережьи Рижского залива между Домеснесом и Мессерагоцемом [2]) по представленному вами плану, приступив к выполнению этой операции по получении особого на то повеления, которое будет отдано после выяснения хода операций войск 12-й армии.

2. В особый отряд войск, под командой генерал-майора Геруа, подлежащих высадке, назначить:

3-ю стрелковую дивизию с ее артиллерию и дивизионными учреждениями,

116-ю пехотную дивизию с ее артиллериею и дивизионными учреждениями,

три полка Отдельной Морской бригады с двумя батареями Отдельного Морского легкого артиллерийского дивизиона и бригадными учреждениями,

один латышский стрелковый батальон,

4-ю отдельную кавалерийскую бригаду с конной батареей.

одну сотню Ревельского пограничного конного дивизиона,

особый партизанский отряд,

один дивизион полевой артиллерийской бригады морской крепости императора Петра Великого,

одну отдельную гаубичную батарею артиллерии сухопутного фронта морской крепости императора Петра Великого,

две пулеметные команды артиллерии сухопутного фронта морской крепости императора Петра Великого,

2-ю Свеаборгскую крепостную саперную роту,

2-ю отдельную Сибирскую саперную роту,

4-ю роту 6-го запасного саперного батальона,

отдельную телеграфную роту,

---

[1]) Дело Морискома № 8078, часть I, стр. 359. Директива командующему флотом Балтийского моря от 1-го августа 1916 г. № 1050/Б.

[2]) См. схему № 1.

кабельное отделение телеграфной роты морской крепости императора Петра Великого,

одно отделение воздухоплавательной роты морской крепости императора Петра Великого,

18-ю инженерную рабочую дружину,

искровые станции,

санитарный транспорт и

22-й передовой питательный отряд.

3. Возложить на особый отряд боевые задачи, указанные в директиве главнокомандующего армиями Северного фронта генерал-майору Геруа от 14-го сего июля за № 7107/Б, при сем в копии прилагаемой.

4. Возложить на вас общее руководство десантной операцией с подчинением вам на время этой операции генерал-майора Геруа; по выполнении высадки и утверждении отряда на месте высадки, общее руководство действиями высаженных войск переходит к главнокомандующему армиями Северного фронта с подчинением ему генерал-майора Геруа.

5. Установить надежную связь с Северным фронтом, 12-й армией и десантным отрядом.

6. Действиями флота оказать возможно энергичное содействие операциям правого фланга 12-й армии, а при выполнении высадки—прочному утверждению на берегу десантного отряда.

7. В случае попытки неприятеля форсировать Ирбенскую позицию во время производства десантной операции, всеми силами, находящимися в Рижском заливе, упорно оборонять последнюю, имея целью не допустить проникновения противника в Рижский залив.

О получении настоящей директивы прошу телеграфировать.

Адмирал Русин.

Флаг-капитан капитан I ранга Альтфатер.

Приведенная директива не вносила ничего нового в выработанный уже высшим командованием план осуществления десантной операции, кроме точного указания о подчинении десантного отряда. В этом отношении определено, что десантный отряд вплоть до высадки на берег подчиняется командующему флотом Балтийского моря, которому принадлежит и общее руководство десантной операцией. По исполнении высадки на берег десантный отряд переходит

в подчинение главнокомандующему армиями Северного фронта, на которого и возлагается общее руководство его действиями на суше.

Главнокомандующий же армиями Северного фронта, в конце своей директивы № 7107 указал, что по установлении непосредственной связи десантного отряда с правым флангом 12-й армии отряд этот переходит в подчинение командующему 12-й армией.

С возложением общего руководства действиями десантного отряда на берегу на главнокомандущего армиями Северного фронта, Гурко заинтересовался вопросом о быстроте самой переброски морем и вследствие этого послал 3-го августа Канину следующую телеграмму [1]):

«Прошу телеграфировать через сколько времени по получении вами телеграммы о приступлении к производству десантной операции может начаться высадка первого эшелона десантного отряда в намеченном пункте. Время это необходимо сократить до минимума, дабы действия десантного отряда на суше не явились бы запоздалыми, имея в виду, что вопрос о приступлении к десантной операции будет решен после выяснения успеха 12-й армии на Туккумском направлении. Время начала действий 12-й армии, вероятно, представится возможным сообщить вам дня за три. По получении этого уведомления желательно, чтобы вами сделаны были все распоряжения по сосредоточению транспортов в пунктах погрузки и по подготовке таковой с тем, чтобы по получении уведомления о приступлении к десантной операции оставалось лишь погрузить войска и перевезти их к пункту высадки. 3-го августа. № 7303/Б».

Гурко.

В тот же день Канин ответил [2]):

«7.303/Б. В условиях благоприятной погоды высадка может начаться через двое суток по получении приказания начать посадку. № 1.244/оп.».

Канин.

На следующий день, 4-го августа, в главное командование армиями Северного фронта вступил генерал Рузский.

Новому главнокомандующему понадобилась неделя, чтобы войти в курс дела, ознакомиться с обстановкой и деталями

---

[1]) Дело Морискома № 8078, часть II, стр. 77. Телеграмма Гурко Канину от 3-го августа 1916 г. № 7303/Б.

[2]) Дело Морискома № 8078, часть II, стр. 80. Телеграмма Канина Гурко от 3-го августа 1916 г. № 1244/оп.

подготовки наступления против левого фланга германцев и проверить эту подготовку.

По имевшимся в рассматриваемое время (4—10 августа 1916 г.) в распоряжении нашего высшего командования сведениям [1]), перед расположением 12-й армии, на фронте от Рижского залива до ст. Штокмансгоф Риго-Орловской железной дороги [2]), германцы имели 68—71 бат. и 66—73 эскадр. против наших 236 бат. и 108 эск. и сот., из коих 25 батальонов и 12 эскадронов предназначались к погрузке на суда в Риге для отправления в десантную экспедицию. В частности, перед Рижским плацдармом, занятым 160 батальонами и 24 эск. и сотнями, германцы имели всего 39—42 бат. и 38—45 эск., при чем часть последних, а именно 1-я кавалерийская дивизия наблюдала побережье Рижского залива.

В частности, на побережьи Рижского залива на секторе от его берега до р. Аа (близ оз. Бабит) действовали следующие германские войска:

1) 1-я кавалерийская дивизия (24 эск. и 1 егер. батал.) наблюдала побережье Рижского залива.

2) Отряд Винекена (11 батал. и 3 эск.) занимал позиции от берега залива до р. Аа (близ оз. Бабит).

3) Части 1-й ландверной дивизии, 6-й ландверной бригады и 3-й кавалерийской бригады (9 батал. и 12 эск.) были расположены в Туккумском районе.

Наблюдения за противником выяснили, что он продолжал оставаться крайне бдительным и осторожным, энергично укрепляя и усиливая свои позиции, пользуясь для этого в некоторых местах железом. По имевшимся сведениям, немцы лихорадочно укрепляли побережье к западу от мыса Домеснеса.

Агентурные сведения и показания вернувшихся из плена нижних чинов давали возможность определить общий характер сооружений, возводившихся германцами перед фронтом 12-й армии. В некоторых районах были устроены замаскированные блиндажи весьма солидной конструкции, снабженные пулеметами и соединенные ходами сообщений, приспособленными к обороне, с тремя рядами заграждений. Впереди блиндажей были устроены деревянные заборы в рост человека, замаскированные и обсыпанные с внешней стороны

---

[1]) Дело Морискома № 8078. часть II. Сводка сведений о противнике перед армиями Северного фронта за период с 4-го по 10-е августа 1916 г. и дело Морискома № 8078, часть II. стр. 151.

[2]) См. схему № 1.

землей. Перед заборами шло обыкновенно несколько рядов проволочных заграждений или засек, оплетенных проволокой и прикрепленных к земле. В качестве заграждений немцы пользовались также гранатами различных типов. Морские и речные отмели были усеяны проволочными заграждениями и рогатками.

На некоторых участках позиции немцами в широком размере применялся удушливый газ.

По данным воздушной разведки, близ Михайловского маяка (около 30 верст к западу от м. Домеснеса) у противника имелось не менее двух батарей, калибром более 6 дюймов, и ракетные станки. Ракеты при разрыве давали зеленый цвет.

По непроверенным донесениям агентуры, на западном побережье Рижского залива немцами было установлено некоторое количество 8 дм. орудий. Восточнее Туккума у противника имелось до 10 тяжелых батарей. Во время производства артиллерийской стрельбы наблюдатели противника обыкновенно помещались на деревьях по опушкам леса.

За последнее время обращало на себя внимание усиленное движение поездов из Митавы в Туккум. Радио-слежкой установлена интенсивная работа искровых станций в Митаве и Тальсене.

Осмотром документов убитых и показаниями пленных было окончательно установлено присутствие в Туккумском районе 1-го резервного егерского батальона, переброшенного сюда из Фридрихштадтского района.

По агентурным сведениям можно было предполагать переброску в Туккумский район 3-й кавалерийской бригады, считавшейся условно в тылу Митавского района.

Показаниями той же агентуры отчасти подтверждалось присутствие в Туккумском районе частей 1-й кавалерийской дивизии и 6-й ландверной бригады.

По показаниям пленных германцев и по сведениям штаба Западного фронта, через ст. Барановичи перевозились на участок против юго-западного фронта 31-й и 33-й ландверные полки 1-й ландверной дивизии, находившиеся ранее в Туккумском районе.

Многие, бежавшие из плена, удостоверяли, что в лесах Курляндии скрывалось много наших пленных, отчасти имевших при себе винтовки с патронами и даже пулеметы. Во время облав, производившихся на них немцами, последние несли потери убитыми и ранеными. Как скрывавшиеся пленные, так и местные жители—латыши ожидали

дали будто бы нашего наступления, чтобы напасть на немцев с тылу. Выходившие на наше расположение пленные заявляли также, что в тылу у противника почти не замечалось резервов.

Выводы сводки были такие: «Обращают на себя внимание усиленное движение поездов в районе Митава-Виндава, переброска 1-го резервного егерского батальона в Туккумский район и возможная переброска туда же частей 3-й кавалерийской бригады».

«Подтверждается присутствие против юго-западного фронта 33-го ландверного полка и условно — переброска туда же 31-го ландверного полка, бывших ранее в Туккумском районе. Продолжающееся усовершенствование позиций, в связи с вероятным отсутствием резервов у противника, дает возможность заключить, что в ближайшем будущем никаких активных действий с его стороны не последует и что Туккумская группа усилена некоторым количеством войск именно за счет отмеченного укрепления позиций и ослабления войск в соседних группах».

Относительно обстановки на море сводка сведений о неприятеле за период с 6-го по 11-го августа говорила следующее [1]):

Вероятное распределение морских сил противника:

В Ботническом заливе—2 или 1 подводных лодки.

На позициях в северной части Балтийского моря: 2 подводных лодки.

В Виндаве: 3 миноносца 16-й полуфлотилии и отряд тральщиков (до 11).

В Либаве: начальник дозоров, начальник флотилии подводных лодок Балтийского моря, (возможно) один старый линейный корабль, легкие крейсеры «Кольберг», «Аугсбург», «Штральзунд», от 30 до 35 миноносцев из 8-й флотилии (19-я и 20-я полуфлотилии) и 21-й полуфлотилии, и еще две флотилии, отряд сторожевых судов, отряд тральщиков, около 6 подводных лодок.

В Данциге: 2 отряда тральщиков, 1 отряд сторожевых судов, строющиеся и ремонтирующиеся миноносцы и подводные лодки.

В Свинемюнде: база отрядов судов, конвоирующих караваны до 14 таких отрядов (каждый состоит из вооружен-

[1]) Дело Морискома № 13.018. Сводки сведений о неприятеле за 1916 г. Сводка № 49.

ного парохода и четырех малых дозорных судов, вооруженных рыбачьих пароходов и т. п.), один отряд тральщиков, сторожевые суда.

В Зунде: дозор из миноносцев 7-й полуфлотилии и сторожевых судов.

В Киле: сведений нет; имеются лишь основания полагать, что главные силы находятся не в Киле, а в Северном море».

Итоги..... 3. Движение и действия неприятельских судов.

По прежнему отсутствуют достоверные сведения о крупных судах. Относительно оживленной была деятельность миноносцев; с 8-го по 15-е неоднократно имелись сведения о нахождении в море легкого крейсера (Аугсбург) в районе Эзель-Готланд.

В виду наших постов неприятель был только раз: 10-го, в темноте были замечены Фильзандом несколько судов (это были легкий крейсер и миноносцы 22-й полуфлотилии).

Миноносцы 7-й и 19-й полуфлотилий и 10-й флотилии действовали в качеств дозоров и охраны близ района торговых путей в северо-западной части Балтики; миноносцы 16-й полуфлотилии были в Виндаве и у Ирбена.

Относительно действий неприятеля надо отметить, что сведения слишком отрывочны, чтобы делать определенные заключения. Приходится лишь указать, что в темное время крейсер с миноносцами прошел через район близ Даго и Эзеля, что дозорная служба в районе параллели Виндавы усилена и что имеется ряд намеков на заградительные операции.

Движение транспортных караванов имело обычный характер и совершалось беспрепятственно, благодаря плаванию в нейтральных водах. Тем не менее, очень часто неприятель тревожился за безопасность путей и предупреждал караваны о наших подводных лодках, якобы находящихся в море».

4. Действия в Ирбене.

Неприятель продолжал тральные работы под берегом, насколько состояние погоды это позволяло.

7-го, в тумане, тральщики приближались к зюйд-остовому углу минного поля, замечены и обстреляны «Донским Казаком», при чем были приняты за

большие суда, почему было отдано приказание о сосредоточении морских сил Рижского залива к Ирбенской позиции. Днем несколько прояснило, ошибка обнаружилась, неприятель скрылся.

В следующую ночь наш моторный катер прошел под Курляндским берегам до Люзерорта—неприятеля не было; с рассветом минной дивизией протрален путь на зюйд от банки Работник—мин не найдено.

8-го августа неприятель не появлялся.

Вечером, находясь в районе развертывания на позиции, взорвался и потонул эскадренный миноносец «Доброволец»; позже был виден луч прожектора из деревни Саунакен. Взрыв был приписан плавающий мине; но утром 9-го, будучи в трехмильном расстоянии южнее места гибели «Добровольца», эскадренный миноносец «Донской Казак» подорвался на мине.

Свежая погода помешала в ближайшие дни исследовать район позиции и только по ряду взрывов мин в этом районе можно было убедиться, что неприятелем здесь было поставлено минное заграждение. В ночь на 11-е наш моторный катер, будучи в дозоре, видел в тумане силуэт неприятельского судна, шедшего по остовую границу минного поля, при чем с.д.д. Саунакен и Петраги светили прожекторы; днем после этого вновь наблюдались взрывы.

Не выяснено—было ли это заграждение поставлено с мелкосидящих судов или для заградителей под берегом был протрален выход, но гораздо вероятнее первое предположение; также вероятно, что обнаруженное нашим катером в ночь на 11-е неприятельское судно поставило еще мины.

Общее впечатление.

Коренных изменений в обстановке не произошло [1]).

Описанный период явился прямым последствием положения, создавшегося в начале месяца: неприятель не только усилил наблюдение в наиболее уязвимой части своего побережья (в Рижском заливе), но и перешел к активной обороне; ему удалось неза-

[1]) Это справедливо по отношению только к последней неделе, но не к последним шести неделям.

метно и неожиданно для нас поставить минное заграждение в районе развертывания наших сил по плану защиты Ирбенской позиции, что было обнаружено ценою гибели «Добровольца» и временного вывода из строя «Донского Казака».

Попутно неприятель продолжал работы по охранению безопасности подхода к Ирбенской позиции и вытраливал минное заграждение у Люзерорта, в ночь на 2-е августа закрывшее этот подход. Защита неприятелем южного участка Ирбенской позиции батареей у Клейн-Ирбена, вызвала с нашей стороны значительное усиление поля постановкой нового большого заграждения под самой батареей и до Домеснеса, чем значительно уменьшено значение батареи. Затем, неприятельской подводной лодке удалось поставить минное заграждение у Штапельботена и только случайно оно было обнаружено без вреда для нас и потому потеряло свое значение. Кроме того, почти несомненен факт заградительной операции где-то в море.

Вообще, этот период характеризуется незначительными действиями воздушных сил противника и усиленными — подводных лодок; сюда относится посылка их в Ботнику и явно демонстративное появление в виду наших постов (Секарс, Ундва, Фильзанд); цель этих демонстраций пока не удалось выяснить»...

Все эти данные показывают, насколько ухудшилась обстановка на море за последнее полтора месяца, т.-е. за все время подготовки десантной операции. За это время неприятель успел облегчить себе путем тральных работ возможность вторжения в Рижский залив и одновременно успел затруднить оборону Ирбенской позиции, поставив заграждения в районе маневренной зоны.

Таким образом, за последние полтора месяца обстановка и на суше, и на море изменилась не в нашу пользу, при чем главнейшей ее характерной чертой было то, что противник насторожился.

11-го августа, по ознакомлении с обстановкой, повидимому, только на суше, Рузский дал следующую директиву [1]):

Командующим 1-й, 5-й, 6-й и 12-й армиями, генералу Геруа.

---

[1]) Дело Морискома № 11.285, стр. 60. Директива Рузского командующим 1-й, 5-й, 6-й и 12-й армиям и генералу Геруа от 11-го августа 1916 года № 7.444/Б.

Копии—наштаверх, главкозап и адмиралу Канину.

«Наши действия на юго-западном фронте вынудили противника ослабить свои войска, находящиеся перед армиями Северного фронта. Общая обстановка и создавшееся, вследствие изложенного выше, выгодное для нас соотношение в силах обязывают использовать таковое и нанести удар немцам с целью принудить их оставить линию реки Двины [2]).

Приказываю: первое — 6-й армии выполнить прежнюю задачу по прикрытию путей к Петрограду по обе стороны Финского залива, особенно наблюдая участок от Вердера до Петерскапелле, откуда идут пути не только к Петрограду, но и в обход нашего расположения на Двинск.

Второе — 12-й армии нанести, при содействии артиллерии флота, решительный удар противнику с правого фланга Рижского плацдарма, на участке между Рижским заливом и Туккумским болотом, в общем направлении на Туккум, имея ближайшей целью прорыв неприятельского расположения и овладение в дальнейшем Туккумом. На остальном фронте армии, путем частичных ударов, не допускать переброски неприятельских сил в район удара правого фланга армии. Третье—5-й армии, прочно удерживая свои позиции на всем фронте армии, прорвать расположение противника на участке севернее Поневежской железной дороги, в направлении Танненфельд-Шлоссберг; в дальнейшем ударами во фланг неприятельским войскам расширять к северу Двинский плацдарм, принуждая противника к постепенному очищению левого берега Двины. Четвертое—1-й армии, прочно удерживая свои позиции, прикрыть Полоцкое направление и энергичными частичными ударами приковать войска противника, находящиеся перед фронтом армии и тем воспрепятствовать переброске их в районы ударов, наносимых 12-й и 5-й армиями. Пятое—время начала операции 14-е августа; в случае неблагоприятной погоды командующим 12-й и 5-й армиями предоставляется право отсрочить начало операции армии до ближайшего благоприятного дня; командующему 1-й армией согласовать свои действия с действиями 5-й армии. Шестое — в моем резерве II-й Сибирский и VI-й кавалерийский корпуса. Седьмое—отряду генерала Геруа быть вполне готовым к 14-му августа к посадке на суда и, по высадке на западном берегу Рижского залива, самыми решительными действиями в направлении на Туккум способ-

---

[2]) См. схему № 1.

ствовать правому флангу 12-й армии по выполнению ее задач. Восьмое — о получении настоящей директивы донести, 11 августа 7.444/Б».

Рузский.

Приведенная директива относительно десантного отряда указывала лишь его общую цель действий по высадке на берег; о том же, как должно было быть оказано 12-й армии содействие артиллерией боевого флота, она не говорила ничего.

Поэтому, того же 11-го августа Рузский послал Канину, в дополнение к копии директивы, еще следующую телеграмму [1]):

«Дополнение № 7.444/Б. излагающего директиву Северному фронту, прошу В. В. не отказать в распоряжении о непосредственном сношении с Командарм 12 для точного установления времени прибытия назначенной части флота, в целях оказания содействия наступлению 12-й армии. О последующем благоволите уведомлением. 11 августа № 7.448/Б».

Рузский.

Кроме этих телеграмм Рузского, Канин получил еще телеграмму от начальника штаба 12-й армии, в которой передавалась сущность приказа 12-й армии для атаки неприятельских позиций. Эта телеграмма говорила [2]):

«Во исполнение директивы Главкосева № 7.444/Б, 12-й армии приказываю:

VI-му Сибирскому корпусу, без 3-й Сибирской дивизии, при содействии артиллерии флота, атаковать на фронте: берег моря — река Пулкейн; XXI-му армейскому корпусу атаковать противника на фронте мз. Шмарден-Дзегутс-Елечь, стремясь отбросить его к Туккуму и угрожая тылу частей противника, расположенных южнее Тирульского болота; XLIII-му арм., VII-му Сибирскому и XXXVII арм. корпусам, прочно удерживая занимаемые позиции, рядом коротких ударов приковать противника; XIII-му арм. корпусу, демонстрируя у Линдена, переправиться частью сил у Фридрихштадта. Армейский резерв — 3-я Сибирская стрелковая дивизия, к вечеру 13-го августа скрытно сосредоточиться: одной бригаде — Кеммерн, другой — Бигаунцем; 4-й кавалерийской

---

[1]) Дело Морискома № 7.078, часть II, стр. 104. Телеграмма Рузского Канину 11-го августа 1916 г. № 7.448/Б.

[2]) Дело Морискома № 8.078, часть II, стр. 91. Телеграмма генерала Беляева командующему флотом от 12-го августа 1916 г. № 8.196.

дивизии и резерву Главкосева — II-му Сибирскому и VI-му конному корпусам—оставаться на занимаемых местах в полной готовности. Начало действий: XIII-го арм. корпуса — 12-го августа, остальных корпусов—7 часов 14-го августа. Подлинный приказ армии высылается нарочным. 12-го августа № 08196».

Беляев.

В это время у Канина уже были сведения о постановке неприятелем минного заграждения на Ирбенской позиции, в районе маневренной зоны флота, и на этом заграждении флот уже потерял два эскадренных миноносца. Начинать при таких условиях десантную операцию, требовавшую, в случае появления германского флота, от морских сил занятия Ирбенской позиции, которая была заминирована немцами и еще не протралена, означало рисковать почти заведомою гибелью боевых судов, бывших столь необходимыми для исполнения главной задачи Балтийского флота—обороны Финского залива.

Под давлением такой обстановки командующий флотом Балтийского моря имел гражданское мужество послать начальнику морского штаба Верховного главнокомандующего и главнокомандующему армиями Северного фронта 12-го августа следующие телеграммы [1]):

Ставка. Наморштаверх [1]).

«Получил директиву Главкосева о начале наступления 14-го августа. Распоряжения о поддержке 12-й армии сделаны. Высадку десанта в течение ближайших дней считаю невозможной, так как защита Ирбенской позиции до конца тральных работ невыполнима. Срок восстановления обороны позиции будет зависеть от погоды и величины неприятельского заграждения. Считаю долгом отметить, что во второй половине августа и начале сентября погоды исключительно неблагоприятны для десанта и высадка может затянуться на неопределенный срок № 1.272/оп.

Канин

---

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть II, стр. 82. Телеграмма Канина Русину 12-го августа 1916 г. № 1.272/оп

Псков. Главкосев [1]).

«Директива получена. Распоряжения о поддержке 12-й армии сделаны. Высадку десанта в течение ближайших дней считаю невозможной, так как противник по ночам с мелких судов забрасывает минами наше маневренное пространство на Ирбенской позиции, что исключает возможность ее защиты. Срок окончания тральных работ, необходимых для восстановления обороны позиции, указан быть не может, так как зависит от погоды и размеров поставленного неприятелем заграждения. №—1.273/оп».

Канин.

Таким образом, Канин признал осуществление десантной операции невозможным, вследствие неблагоприятно сложившейся обстановки.

Но еще ранее отправки этих телеграмм Русину и Рузскому, начальник штаба командующего флотом Григоров уже сделал все распоряжения о поддержке 12-й армии боевыми судами флота, для чего послал начальнику минной дивизии Кедрову следующую телеграмму [2]):

«Наступление назначено на 14 августа. Вышлите в Ригу суда, назначенные для солействия армии. «Баян» и «Аврора» будут присланы при первой возможности. № 1.271/оп.».

Григоров.

На эту телеграмму Кедров немедленно же ответил Григорову [3]):

«Получил официальное заявление от командующего 12-й армией. Линейный корабль «Слава», крейсер «Баян» и крейсер «Аврора» нужны 14-го августа для поддержки армии. Можно заменить крейсер «Аврора» канонерскою лодкою «Храбрый», но крейсер «Баян» очень просят, так как сильно рассчитывают на его 8 дм. орудия. Прошу сообщить срочно, могу ли к указанному времени иметь крейсер «Баян». Возможно, что срок еще раз будет отложен. № 2.055».

---

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть II, стр. 82. Телеграмма Канина главнокомандующему армиями Северного фронта от 12-го августа 1916 г. № 1.273/оп.

[2]) Дело Морискома № 8.078, часть II, стр. 97. Телеграмма Григорова начальнику минной дивизии от 12-го августа 1916 г. № 1.271/оп.

[3]) Дело Морискома № 8.078, часть II, стр. 87. Телеграмма Кедрова начальнику штаба командующего флотом от 12-го августа 1916 г. № 2.055.

В ответ на это Григоров послал Кедрову еще две телеграммы:

1) Наминдив. Куйваст [1]).

«В случае неприбытия в срок крейсеров заменить их канонерскими лодками и «Дианой», которая может израсходовать тысячу снарядов. № 1.278/оп.».

Григоров.

2) Наминдив. Куйваст. [2]).

«Радко-Дмитриев просит, чтобы суда, назначенные для поддержки армии, могли бы открыть огонь в 7 часов утра 14-го августа. № 1.280/оп.».

Григоров.

Вслед за этим Григоров известил начальника штаба Северного фронта, командующего 12-й армией и командира VI-го Сибирского армейского корпуса о той поддержке, которая в действительности может быть оказана сухопутным войскам артиллериею судов флота. Для этого были посланы еще следующие телеграммы:

1) Наштасев. Псков. [3]).

«7.454/Б. На судах, назначенных для поддержки, может действовать: 4 двенадцатидюймовых, 3 восьмидюймовых, 18 шестидюймовых и 8 четырехдюймовых. № 1.275/оп.».

Григоров.

2) Наштасев. Псков. [4]).

«В дополнение № 1.275/оп. Если по условиям погоды нельзя будет провести крейсеры через Моонзунд, то к началу операции 12-й армии у Риги может быть сосредоточено: 4 двенадцатидюймовых, 10 шестидюймовых, 10 стотридцатимиллиметровых и 8 четырехдюймовых. № 1.281/оп.».

Григоров.

---

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть II, стр. 86. Телеграмма Григорова начальнику минной дивизии от 12-го августа 1916 г. № 1.278/оп.

[2]) Дело Морискома № 8.078, часть II, стр. 89. Телеграмма Григорова начальнику минной дивизии от 12-го августа 1916 г. № 1.280/оп.

[3]) Дело Морискома № 8.078, часть II, стр. 95. Телеграмма Григорова начальнику штаба Северного фронта от 12-го августа 1916 г. № 1.275/оп.

[4]) Дело Морискома № 8.078, часть II, стр. 94. Телеграмма Григорова начальнику штаба Северного фронта от 12-го августа 1916 г. № 1.281/оп.

3) Рига. Командарм 12 [1]). Комкор VI Сиб.

«Если по условиям погоды нельзя будет провести крейсеры через Моонзунд, то к 7 часам 14-го августа будет сосредоточено, вместо ранее указанного количества орудий, таковое: 4 двенадцатидюймовых, 10 шестидюймовых, 10 стотридцатимиллиметровых и 8 четырехдюймовых. № 1.287/оп.».

Григоров.

Этими телеграммами закончился обмен мнений высшего командования по подготовке поддержки, которую должны были оказать боевые суда флота сухопутным войскам в тяжелом деле прорыва неприятельской сильно-укрепленной позиции. И в войсках, и на судах флота все готовилось к бою, но обстановка, эта главная повелительница на войне, уже отнявшая у сухопутных войск помощь десанта, на этот раз дала совершенно неожиданный поворот всему делу.

Вечером того же 12-го августа от Рузского была получена следующая телеграмма [2]):

«Обстановка может потребовать дальнейшего усиления наших армий юго-западного фронта для доведения до конца начатой операции. При таких условиях, в соответствии с повелением государя императора, операция, намеченная директивой моей 11-го августа № 7.444/Б, временно откладывается. Армиям иметь в виду дальнейшей подготовкой и решением небольших частных задач, улучшающих наше положение на фронте, приковать к себе внимание противника, затрудняя ему снятие войск с занимаемых позиций. О получении телеграммы ожидается донесение. № 7.478/Б. 12-го августа».

Рузский.

Таким образом, занесенная над германцами рука была неожиданно для всех опущена — совершенно законченная подготовкою наступательная операция армий Северного фронта была временно отложена. Мотивом такого решения приводилась возможность, что обстановка потребует дальнейшего усиления армий юго-западного фронта для доведения до конца начатой ими

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть II, стр. 84. Телеграмма Григорова командующему 12-й армией и командиру VI-го Сибирского арм. корпуса от 12-го августа 1916 г. № 1.287/оп.

[2]) Дело Морискома № 8.078, часть II, стр. 107. Телеграмма Рузского Канину от 12-го августа 1916 г. № 7.478/Б.

операции. Тот же мотив указывался и в нижеследующей телеграмме Русина, полученной Каниным того же 12-го августа [1]):

«Наштаверх сообщил только для личного вашего сведения, что, в виду необходимости иметь свободные войска для отражения возможного удара германских сил, производство десантной операции отменяется и собранные войска составят необходимый резерв. Крайне желательно и полезно производство демонстрации высадки, почему принятое решение настоящей высадки не производить — необходимо сохранить в полной тайне от всех, включая и личный состав десантной экспедиции. Оставляя пока большую часть судов в составе транспортного флота, возможную часть судов, являющихся запасными, передать адмиралу Зеленецкому [2]) для возложенных на него задач. О последующем благоволите сообщить в Генмор. № 1.746/Б.».

Русин.

Теперь является вопрос: заключался ли мотив отмены наступательной операции армий Северного фронта действительно в том, что обстановка возможно потребует переброски большого количества войск на юго-западный фронт или это был только официальный мотив отмены операции и за ним скрывались другие, более существенные.

Операция была приостановлена повелением верховного главнокомандующего. Рузский об'явил по вверенным ему войскам и сообщил Канину, повидимому, тот мотив, который ему был указан из Ставки верховного. Русин, в своем сообщении Канину, уже несколько расходится с Рузским, а именно говорит, что производство «десантной операции отменяется и собранные войска составят необходимый резерв». Рузский же сообщал, что «операция, намеченная директивой моей 11-го августа № 7.444/Б. временно откладывается».

Таким образом, Рузский говорил, что вся операция вместе с десантной, временно откладывается, а Русин сообщает, что десантная операция отменяется и что войска, собранные для нее, очевидно, в районе Риги, составят необходимый резерв «для отражения возможного (где-то) удара германских сил».

---

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть II, стр. 111. Телеграмма Русина Канину от 12-го августа 1916 г. № 1.746/Б.

[2]) Заведывающий транспортами Балтийского моря.

Эта, небольшая на первый взгляд, невязка в сообщениях Канину двух крупных представителей высшего командования наводит на некоторые соображения. Во-первых, она произошла от того, что Алексеев не сообщил Русину об отмене операции на суше [1]), и, во-вторых, если мы вспомним, что Канин 12-го августа утром заявил о невозможности в ближайшие дни высадки десанта по условиям обстановки на море, а отмена десантной операции последовала в тот же день вечером, то является впечатление, что десантная операция отменена вследствие изменения условий обстановки на море.

Теперь необходимо вспомнить, какое значение придавал Алексеев десантной операции в своих телеграммах главнокомандующему армиями Северного фронта от 9-го июля № 3.672 и № 3.693. В № 3.672 он прямо говорит, что «немцы не имеют свободных резервов, почему наиболее опасные им направления усиливают, снимая войска с участков, приобретающих второстепенное значение», что «предотвратить такое снятие бригад поисками рот, даже батальонов... невозможно», что «необходимы с нашей стороны переброски войск, сбор кулака, активные удары, но не там, где укрепления противника сильны», что «усиливать еще более группу 12-й армии не имеет цели», что «32 батальона, десяток эскадронов, решительно двинутые от Роена на Туккум, окажут мощное содействие», что «такое использование войск выводит их на наиболее слабое и мало подготовленное направление», что «полный корпус (в составе десантного отряда) придаст решительность операции», что «решительность будет сопровождаться полезными для всего вашего (т. е. армий Северного фронта) предприятия результатами».

Далее, в № 3.693, он указывает, что «события на фронте ударной группы 12-й армии и стягивание именно сюда всех подкреплений неприятеля еще более подтверждают настоятельную необходимость сильной диверсии, которая или облегчит прорыв на Балдон, или, при благоприятных условиях, обратится в главную операцию удара на Туккум-Митаву, развивая далее действия в зависимости от обстановки» и что «чем сильнее и прочнее будет десант, тем больше будет его влияние и помощь на положение дел 12-й армии».

Из сопоставления этих выдержек можно заметить, что Алексеев еще 9-го июля потерял веру в успешность

---

[1]) Личное показание адмирала Русина.

лобового удара против неприятельских сильно-укрепленных позиций и искал решения на фланге, на «наиболее слабом и малоподготовленном направлении». В совместных операциях 12-й армии и десантного отряда он склонен видеть работу наковальни и молота, при чем последним являлся десант.

Но 12-го августа, при получении директивы о начале операции, Канин признал высадку десанта невозможной в течение неопределенного периода времени. Какое впечатление должно было произвести это заявление командующего флотом на Алексеева, видевшего в десанте единственный залог успеха? Этот важнейший козырь в игре выпадал из его рук, и приходилось снова обращаться к повторению безнадежного лобового удара, сопровождавшегося всегда к тому же огромными потерями.

Учитывая все эти обстоятельства, является возможность предположить, что заявление Канина о невозможности в ближайшее время высадки десанта послужило причиною отмены всей операции армий Северного фронта, намеченной директивою от 11-го августа.

Возвращаясь теперь к телеграмме Русина за № 1.746/Б, необходимо обратить внимание на ее слова: «Крайне желательно и полезно производство демонстрации высадки, почему принятое решение — настоящей высадки не производить — необходимо сохранить в полной тайне от всех, включая и личный состав десантной экспедиции».

Является вопрос: какую цель могла преследовать эта «демонстрация высадки» при условии отмены наступления 12-й армии? Ответ может быть только один, и при том отрицательный, — настаивать на исполнении демонстрации можно было только при убеждении, что операция на суше не отменена, каковое неправильное убеждение в данном случае и имело место.

В ответ на телеграмму № 1.746/Б. Канин телеграфировал Русину следующее [1]):

«Согласно директивы главкосева, операции Северного фронта и десанта откладываются на неопределенное время. Нахожу совершенно необходимым теперь же, кроме передачи запасных транспортов в распоряжение адмирала Зеленецкого, взять часть транспортов для нужд строительства морской

---

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть II, стр. 114. Телеграмма Канина Русину от 12-го августа № 1.290/оп.

крепости, временно из-за этого приостановленного, а также и для других неотложных нужд. Также мною будут использованы и боевые суда, стоящие теперь в разоруженном состоянии для прохода Моонзундом. Для своевременного изготовления судов и транспортов для нужд десанта требуется предупредить за 10 суток. Организация транспортной флотилии не нарушается. Возможность производства демонстрации во всякое время остается полная. Прошу сообщить не встречается ли препятствий к выполнению изложенного. № 1.290/оп.».

Канин.

Из сопоставления этой телеграммы с телеграммою Русина № 1.746/Б. мы видим, что начальник морского штаба верховного главнокомандующего, сам же сообщивший Канину об отмене десантной операции, не решается расформировать весь транспортный флот и указывает передать адмиралу Зеленецкому только часть судов, являющихся запасными. Командующий флотом, ответственный за работу флота, иначе взглянул на дело. Исходя из того предположения, что десантная операция не отменена, а только временно откладывается, он тем не менее настаивает на широком использовании транспортных судов для различных хозяйственных нужд портов и флота и принимает на себя обязательство в случае надобности в 10 суток вновь собрать весь транспортный флот.

Но этого уже не понадобилось. 14-го августа из Ставки пришла следующая телеграмма, ставившая над десантной операцией окончательный крест [1]):

«Государь император повелеть соизволил: Первое. Отряд генерал-майора Геруа, предназначенный для выполнения особого поручения, ныне расформировать; начальника отряда возвратить к месту постоянного служения. Второе. Все войска, входившие в состав этого отряда из числа вам подчиненных, передать теперь же в ваше распоряжение, за исключением 116-й пехотной дивизии и ее артиллерийского дивизиона. Третье. 116-ю пехотную дивизию с ее артиллерией временно оставить в распоряжении главкосева, в качестве резерва фронта, до выяснения обстановки. Четвертое. Точное время расформирования отряда определить главкосеву. Изложенное сообщено наштаверхом главкосеву. № 1.773/Б.».

Русин.

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть II, стр. 105. Телеграмма Русина Канину от 14-го августа 1916 г. № 1.773/Б.

На этом закончилась деятельность высшего командования сухопутных войск и флота по подготовке смешанной операции в Рижском заливе в июне — августе 1916 года.

Теперь, ознакомившись со всею работою, тянувшейся полтора месяца и окончившейся бесплодно — отказом от приведения задуманного намерения в исполнение, невольно задаешь себе вопрос: почему же эта операция не была осуществлена? Потому что обстановка изменилась, во-первых, в том, что слухи о подготовке десантной экспедиции дошли до германцев и они приняли меры для обеспечения себе возможности воспрепятствовать приведению в исполнение нашего плана, а, во-вторых, наступила осенняя, бурная, крайне неблагоприятная для высадки десанта погода.

Но почему же было допущено чтобы германцы узнали эти намерения? Потому, что слишком затянули подготовку экспедиции. Обстановка на суше и на море в июне и в первых числах июля 1916 г. вполне благоприятствовала производству десантной операции при условии внезапного ее осуществления. Игнорировать возможность перемены в обстановке, в особенности принимая во внимание прекрасную работу германской тайной агентуры, было недопустимо, и единственным средством для использования благоприятно сложившихся в июне условий было возможно быстрое и неожиданное для германцев проведение нашего намерения в жизнь. Для достижения быстроты осуществления замысла необходимо было сократить время подготовки операции, а для сохранения неожиданности нужно было сохранить подготовку в тайне, средством к чему являлось опять таки сокращение времени подготовки.

Подготовку затянули на месяц. Наконец, к 23-му июля все было готово. Но в это время была произведена перемена в высшем командовании войсками Северного фронта и верховное командование, избравшее новым главнокомандующим армиями Северного фронта Рузского, признало возможным отложить операцию до его прибытия на фронт. Рузский прибыл 4-го августа, т. е. было потеряно еще 13 дней; ему пришлось ознакомиться с обстановкой и войти в курс дел, на что ушло еще 7 дней, и только 11-го августа он дал свою директиву о начале наступления 14-го августа.

Таким образом, вместо того, чтобы, начав наступление 12-й армии 3-го июля, через 3 дня, т. е. 6-го июля при-

ступить к десантной операции, затянули подготовку операции и приведение ее в исполнение назначили на 14-е августа, т. е. всего потеряли 39 дней, из коих 17 дней излишне ушло на подготовку, а 22 дня потеряно из-за смены главнокомандующих армиями Северного фронта.

Не говоря уже о том, что потери последних 22 дней можно было избежать поручением Гурко провести операцию по званию временно-главнокомандующего, но легко можно было не терять и первых 17 дней, если бы в организации экспедиционного отряда не было сделано коренных ошибок.

Мы уже говорили выше, что подготовка десантной экспедиции распадалась на три отдела: подготовка войск, подготовка запасов и подготовка транспортных средств. Последние два отдела были закончены в первой половине июля; но подготовка войск затянулась до 23-го июля, потому что в экспедицию были назначены неготовые к походу и бою войсковые части. Вместо того, чтобы сразу назначить полный корпус полевых войск, верховное командование допустило сначала назначение одних только частей, еще не вполне закончивших своего формирования, а затем, увидав ошибку, решило ее исправить, но пошло только на полумеру, назначив в состав экспедиции 13 баталионов полевых войск, а 18 баталионов — совершенно еще не готовых к походу. Принимая же во внимание, что готовность экспедиции зависела от готовности всех ее частей, станет понятным, что указанная полумера, в смысле ускорения готовности десантного отряда, ни к чему не привела.

Одновременно с потерей времени шел шум подготовки к экспедиции войсковых частей, не ожидавших выступления в поход, шла усиленная и длительная болтовня, которая не могла не обнаружить тайны экспедиции противнику и не нарушить ее внезапности.

Вот, каким путем было потеряно время, обнаружена тайна и дана возможность противнику принять необходимые меры противодействия до забрасывания минами маневренной зоны нашего флота включительно.

Кто же является виновником этого? — Верховное командование и, в частности, Алексеев, руководивший всей организацией задуманной им же самим операции.

Неуважение, проявленное Алексеевым к элементу времени, показывает полное забвение им завета Великого Петра, высказавшего, что «потеря времени смерти невозвратной подобна». Эта ошибка, в рассматриваемом случае, явилась следствием нерешительности М. В. Алексеева и его характерной особенности — тяготения к непроизводительной экономии количества и качества войск при назначении их для выполнения важных задач. Только этим и можно об'яснить первоначальное назначение им в состав десанта 6 — 8 батальонов никогда не бывших в бою моряков, а затем молчаливое согласие на назначение туда же и неспособной даже к походу 116-й пехотной дивизии.

Понадобилась неудача 12-й армии в ее лобовом ударе, чтобы заставить верховное командование переоценить значение самого десанта, вдуматься в предстоящие последнему операции и, в зависимости от всего этого, отнестись с большим вниманием к его составу. Но и тогда у верховного командования не хватило силы воли потребовать от Северного фронта назначения в десант полного полевого корпуса, не смотря на то, что мысль эта блеснула у Алексеева 9-го июля, а 10-го июля получила даже поддержку со стороны Канина, возбудившего ходатайство о назначении для операции целого XIX-го армейского корпуса. Верховное командование не решилось на такой нажим на главнокомандующего армиями Северного фронта и ограничилось, как мы видели, требованием назначить только одну полевую дивизию, т. е. пошло на полумеру.

Второю ошибкою Алексеева было пренебрежение противником. Дела всего огромного сухопутного фронта, повидимому, всецело поглощали все внимание начальника штаба верховного главнокомандующего, и все напоминания ему со стороны морского командования об обстановке на море и о возможных переменах в ней оставались без результатными. Забвение Алексеевым обстановки на море сказалось и при выработке основных задач операции десанта на берегу и в отсутствии стремления скорее провести идею в жизнь. Некоторые признаки возможности изменения обстановки на море появились еще до окончания подготовки десанта к походу, т. е. до 24-го июля, когда Гурко дал свою директиву десантному отряду. В этот момент все было готово и в армиях Северного фронта, и во флоте, и в десантном отряде, но Алексеев отложил операцию до приезда Рузского и ознакомления его с обстановкою. На это, как мы видели, было потеряно 22 дня и именно те дни,

когда германцы уже обнаружили на море признаки своей тревоги. Иначе говоря, 24-го июля операция еще имела все шансы на успех, а 11-го августа она уже оказалась невыполнимой.

Об'яснить такое забвение обстановки на море или, вернее, пренебрежение ею со стороны верховного командования можно исключительно особенностями склада характера Алексеева. Будучи широко образованным, высокосведущим и бесконечно добросовестным работником, он имел два крупных недостатка в своем характере — нерешительность и недоверие к работе других. Последний недостаток заставлял его стремиться все сделать лично и, как результат, разменяваться на мелочи. Отдавая себя всего на дело службы, он тонул в мелочах, которые не оставляли ему иногда времени сосредоточиться на важных вопросах и заслоняли при общих соображениях некоторые весьма серьезные данные. Кроме того, стремление сделать все лично имело и другие отрицательные последствия: работа, естественно, замедлялась и из нее исчезал элемент критики, вследствие чего все возможные ошибки и упущения оставались незамеченными. Так произошло и в рассматриваемом случае: работа замедлилась, ошибка в назначении частей в состав десантного отряда долго осталась незамеченной, а возможность изменения обстановки на море была забыта. В результате — благоприятный случай нанести серьезный удар германцам был упущен исключительно по вине самого верховного командования.

II.

План операции и его детальная разработка командованием десантного отряда.

Предыдущую часть мы посвятили выяснению деятельности высшего командования в отношении постановки задач десантной экспедиции, назначения сил и средств для ее выполнения и указания срока осуществления операции.

Мы видели, что основная идея самой операции подвергалась нескольким изменениям. Первоначально верховное командование желало произвести только демонстрацию небольшими силами [1]), затем под влиянием разномыслия с ко-

[1]) Директива Алексеева от 23-го июня 1916 г. № 3.243.

мандованием армиями Северного фронта, решило или совсем отказаться от производства операции, или придать ей местное значение, не указывая определенной задачи [1]); потом, под влиянием неудачи Северного фронта, оно бросилось в другую крайность и пожелало возложить на десантный отряд производство главного удара при условии содействия ему наступлением армий Северного фронта. [2]) Встретив со стороны командующего флотом энергичный протест [3]), верховное командование оставило этот вопрос как-бы на воздухе, закрывая глаза на угрозу тыловым сообщениям десанта со стороны моря или считая опасения адмирала Канина преувеличенными. [4]) Последнею задачею десантного отряда осталось быстрое наступление на Туккум, во фланг и тыл германскому сухопутному фронту, в надежде, очевидно, добиться успеха и переноса базирования на Ригу ранее обрыва морских сообщений десанта флотом противника.

Эта задача, преподанная верховным командованием, должна была явиться основанием при разработке плана операции и при составлении всех технических рассчетов, вытекающих из этого плана. Но так как цель операции менялась, то, естественно, менялись и соображения о тех действиях, которые должны были вести к этой цели.

Рассматривая стратегическую разработку настоящей операции, необходимо указать, что наибольшую трезвость и устойчивость взглядов обнаружило морское командование.

Исследуя стратегическое его творчество, необходимо обратить внимание на то, что адм. Канин получил сообщение о возложенной на него задаче—произвести десантную операцию—24-го июня, почти одновременно из двух источников. Первый из них, Русин [5]), телеграфировал, что цель десантной операции—содействие наступлению Северного фронта, что первоначальный состав десанта—6-8 баталионов, что этот состав, в случае успеха наступления (очевидно, армий Северного фронта), будет увеличен высадкою новых войск, т. е. морским путем, и что срок готовности экспедиции—первые числа июля.

---

[1]) Телеграмма Алексеева от 1-го июля 1916 г. № 1.331/Б.
[2]) Телеграмма Алексеева от 9-го июля 1916 г. № 3.693.
[3]) Телеграмма Канина от 10-го июля 1916 г.—№ 1.121/оп.
[4]) Телеграмма Русина от 11-го июля 1916 г. № 1.438/Б.
[5]) Дело Морискома № 8.078, часть I, стр. 73. Телеграмма Русина адмиралу Канину от 24-го июня 1916 г. № 1.266/Б.

Второй, Куропаткин [1]), повторяя задачу десанта, указанную верховным командованием, рекомендовал произвести высадку у Кестерцема и дальнейшее наступление оттуда на Туккум.

Обе приведенные телеграммы, как сказано, были получены Каниным 24-го июня. На подготовку экспедиции, т. е. на разработку всех сопряженных с нею соображений и подготовку необходимых для ее исполнения сил и средств, давалось всего 7—10 дней. Необходимо было дорожить не только каждым днем, но каждым часом. В телеграмме Русина указывалось, что 25-го июня из Ставки верховного главнокомандующего в штаб Балтийского флота выезжает капитан I-го ранга Альтфатер с подробным докладом. Последний мог прибыть в Ревель только 25-го июня вечером или 26-го июня утром. Приходилось терять 2—$2^1/_2$ дня из 7—10 дней, данных на подготовку экспедиции.

Обстановка на море в июне 1916 г. слагалась для нас вполне благоприятно. «Силы неприятеля в Балтийском море оставались незначительными, а деятельность его, главным образом, была направлена к обеспечению транспортного движения и торговли со Швецией». «Посылкой своих подводных лодок в наши воды неприятель стремился обеспечить себя от выхода наших кораблей в открытое море, при чем сам имел в виду не активные операции с своей стороны, но лишь желание не допускать наших активных действий». [2])

Обстановка на суше представлялась в следующем виде: против армий Северного фронта действовали: 8-я германская армия, армейская группа Шольца и левый фланг 10-й армии; всего 191—203 бат. и 163—171 эск., из коих против Рижского плацдарма находилось только 38—49 бат. и 14 эск. Превосходство наших сил было почти тройным. Побережье Рижского залива от Рагоцема до Домеснена охранялось 1-ю кавалерийскою дивизиею (24 эск. и 1 егерский баталион) и несколькими батареями калибром не свыше 8—9 дм. [3]).

Однако, владение германцами Курляндским полуостровом ставило под сомнение господство нашего флота в Рижском заливе.

---

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть I, стр. 74. Телеграмма генерал-адъютанта Куропаткина адмиралу Канину от 24-го июня 1916 г. № 6.382/Б.

[2]) Дело Морискома №-13.018. Сводки сведений о неприятеле за 1916 г. № 42, № 43, и № 44.

[3]) Дело Морискома №—7.476. Сводка сведений о противнике перед армиями Северного фронта за период с 15-го по 22-е июня 1916 г.

Наша оборона Рижского залива заключалась в обороне Ирбенской укрепленной позиции, состоявшей из минного поля, правый фланг которого обеспечивался нашими береговыми батареями у Цереля, а левый фланг находился под огнем германских батарей. Под Курляндским берегом, где проходил и фарватер пролива, германцы могли тралить минное заграждение и этим подготовлять для своего флота проход в Рижский залив.

Вследствие этого форсирование германским флотом Ирбенской позиции являлось лишь вопросом времени и тех жертв, которые он пожелал бы принести для достижения своей цели.

Таким образом, обстановка на суше и на море складывалась весьма благоприятно для задуманной десантной операции; одно лишь отсутствие нашего полного господства не только в Балтийском море, но даже в водах Рижского залива, заставляло при выработке плана операции позаботиться об обеспечении морских сообщений десанта, и это было тем более важно, что верховное командование имело в виду, в случае успеха наступления армий Северного фронта, усилить десантный отряд путем производства новых высадок.

Повидимому, так первоначально смотрел на этот вопрос и Алексеев. Прибывший 26-го июня из Ставки флаг-капитан по оперативной части морского штаба верховного главнокомандующего, Альтфатер, представил командующему флотом копию директивы начальника штаба верховного главнокомандующего главнокомандующему армиями Северного фронта, в которой Алексеев высказывал взгляд, что «при современной обстановке, после исхода морского сражения у берегов Ютландии, при наличии наших морских сил в Рижском заливе, действия немцев против Рижского побережья представляются маловероятными». [1])

Указывая на это обстоятельство, верховное командование требовало от Куропаткина производства глубокого удара, с целью заставить немцев отойти от Двины и рекомендовало «принять меры к тому, чтобы заставить противника еще более растянуть свои силы», для чего можно было прибегнуть к демонстрациям «в виде подготовки к десанту у Домеснеса и на Рижском побережьи или, по соглашению с Каниным, производства десанта

---

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть I, стр. 77. Телеграмма Алексеева Куропаткину от 23-го июня 1916 г. № 3.343.

морскими полками острова Эзеля». «Ныне немцы не имеют почти войск на побережьи. Угроза захвата и утверждения нашего на берегу заставит их выделить часть сил, вероятно, из состава же войск, вам (т. е. Северному фронту) противостоящих, и тем облегчит выполнение поставленной задачи».

Из соображений, высказанных в приведенной директиве начальником штаба верховного главнокомандующего, можно было сделать следующие выводы.

Требовалась демонстрация, чтобы заставить немцев возможно более растянуть свои силы и тем ослабить себя против армий Северного фронта. Захват нами северной Курляндии выводил наши войска в тыл германского расположения вдоль Двины и, конечно, не мог не вызвать выделения с этого фронта сил в количестве, необходимом для противодействия десантному отряду; и чем сильнее был бы этот отряд, тем значительнее должны были быть эти силы, ослаблявшие своим уходом германский фронт вдоль Двины.

Захват северной Курляндии передавал в наши руки южный берег Ирбенского пролива с его батареями, чем уже в достаточной степени надежно обеспечивал морские сообщения десантного отряда, ибо прорыв германского флота в Рижский залив крайне затруднялся.

Требовалось заставить германцев отойти от Двины. Захват Северной Курляндии давал возможность направить в тыл немцам крупные силы, которые, совместно с армиями Северного фронта, могли принудить неприятеля к отступлению за Неман.

Наконец, захват Северной Курляндии передавал в руки Виндаву и тем с одной стороны надежно обеспечивал справа операционное направление десантного отряда при наступлении последнего в тыл противнику, а с другой стороны открывал для флота новую базу, которая значительно облегчала его дальнейшие активные действия.

Таким образом, захват северной Курляндии являлся естественным решением задачи, поставленной десанту, т. е. производства сильной демонстрации. Но, кроме того, захват северной Курляндии ставил десант в крайне выгодное положение по отношению к сообщениям противника при развитии дальнейших действий и в то же время в полной мере обеспечивал сообщения десанта и на море, и на суше.

Так и понял эту задачу Канин, что видно из всей его переписки со Ставкою, начиная с первых общих, соображе-

ний относительно предстоявшей операции, высказанных им в телеграмме от 26-го июня 1916 г. № 1.030/оп., и кончая письмом от 11-го июля 1916 г. за № 1.120/оп., адресованным на имя Русина.

Стремление захватить северную Курляндию должно было отразиться на всех вопросах, относившихся к плану операции и в частности на вопросах: а) о выборе пункта высадки и б) о выборе направления для первоначальных наступательных действий десантного отряда на неприятельском берегу.

Обращаясь к выбору пункта высадки, необходимо заметить, что выбор этот прежде всего обуславливался стратегическою целью всей операции — оказать содействие наступлению 12-й армии путем привлечения на себя части сил противника из числа войск, противостоявших этой армии.

Исходя из этого стратегического соображения, удар должен был наноситься в таком районе, угроза которому была бы осуществимой и опасной для стратегического положения германцев. С этой точки зрения западное побережье Рижского залива можно было разделить на два участка: 1) южный—от левого фланга германского сухопутного фронта до Мессерагоцема и 2) северный — от Мессерагоцема до м. Домеснеса.

Южный участок побережья был ближайшим к германскому расположению, вследствие чего в его пределах для противодействия десанту не было надобности отвлекать войска на столь продолжительное время, как на северный участок, а элемент времени в данном случае играл очень важную роль, потому что только продолжительное ослабление неприятельского фронта могло обещать решительный успех армиям, совершавшим трудную операцию прорыва.

Затем, в тактическом отношении, южный участок имел сильную и отличную маскированную артиллерийскую береговую оборону у Мессерагоцема, вдоль Ангернского озера, у Кестерцема, к югу от него и у Клапкальнцема. Это условие значительно облегчало противнику борьбу против десанта и, следовательно, позволяло для противодействия последнему отвлечь меньшие силы с участков сухопутного фронта.

Наконец, море против побережья Рижского залива к югу от Ангернского озера было минировано флотом по настоянию командования 12-й армией, и это условие делало успех высадки безнадежным, потому что вытралить минное

заграждение под действительным огнем германских батарей было почти невозможно.

Во всех рассмотренных отношениях северный участок побережья, от Мессерагоцема до Домеснеса, имел неоспоримые преимущества.

Удаленность его от левого фланга германского сухопутного фронта обеспечивала большое спокойствие при производстве высадки и большую уверенность в ее успехе. Та же удаленность давала возможность десанту выиграть время не только для закрепления высадки, но и для некоторого развития операций на материке до столкновения с серьезными силами противника. Все это заставило-бы германцев выделить против десанта большее количество войск, чем при высадке на южном участке, и, следовательно, в большей степени ослабить свой сухопутный фронт. Кроме того, высадка на северном участке составляла угрозу захватом всей Северной Курляндии и уже в силу этого одного являлась весьма серьезною демонстрациею, т. е. в полной мере удовлетворяла требованиям задачи, поставленной верховным командованием.

В тактическом отношении северный участок представлял значительно меньше препятствий, чем южный. Артиллерийская оборона здесь была весьма слабою, минные заграждения были поставлены только в некоторых местах, а войска, наблюдавшие за побережьем, по количеству своему, не могли оказать серьезного противодействия высадке.

В техническом отношении северный и южный участки западного побережья Рижского залива были почти одинаково неудобны для производства высадки.

По характеру берега все-таки более благоприятным для высадки являлся берег к югу от Домеснеса. Берег к западу от этого мыса не позволял транспортам подойти к нему достаточно близко (1—$1^1/_2$ мили). Ветры в период, намеченный для производства операции, господствуют в этом районе в NW и SW четвертях, при которых высадка к западу от Домеснеса сильно затрудняется. Побережье же от Домеснеса до кирки Ангерн защищено от SW и S ветров.

Наиболее удобными для высадки пунктами, в смысле возможности транспортам подойти к берегу на расстояние 3—5 кабельтовых, являлись:

1) в $^1/_2$ миле к S от маяка Старый Домеснес,

2) от Роена к S до церкви Калетин (Колетен)

и 3) к западу от Рагоцема, в 4.$^1/_2$ милях от него, против д. Пурцем у корчмы или кордона.

Последний пункт отпадал по стратегическим и техническим соображениям; на участке Роен—кирка Калетин (Колетен) наиболее удобным являлся Роен.

Сопоставляя теперь выгоды и недостатки Домеснеса и Роена, необходимо заметить, что первый из них был значительно сильнее укреплен германцами, чем второй, и, кроме того был слишком удален от правого фланга сухопутных войск, в связи с операцией которых должны были развиваться действия десантного отряда. В техническом отношении, вследствие невозможности подойти к берегу ближе 3—5 кабельтовых, при высадке у обоих пунктов необходимо было иметь понтоны, бочки, плоты и пр. для постройки пристани или моста до какого нибудь мелко сидящего (12—15 ф.) транспорта, к которому могли бы приставать баржи и понтоны, буксируемые катерами или миноносцами. Единственным преимуществом Домеснеса перед Роеном было то, что захват его облегчал быстрое овладение южным берегом Ирбенского пролива и, следовательно, допускал возможность быстрого обеспечения морских сообщений десанта. Это преимущество, безусловно, весьма важное, уравновешивалось, однако, другим преимуществом Роена перед Домеснесом, именно, близостью последнего к Виндаво-Туккумской железной дороге—весьма важной артерии всего Курляндского полуострова, разрушение которой значительно затрудняло его оборону. Операции же по захвату южного берега Ирбенского пролива не исключались и при высадке у Роена, но только требовали для своего осуществления несколько большего времени. Наконец, при наличии достаточных сил и средств, возможно было произвести высадку одновременно у обоих пунктов, высаживая главный десант у Роена, а вспомогательный—у Домеснеса.

Небольшое селение Роен [1]) расположено у устья небольшой сплавной речки Рои.

От Роена до Риги, по морскому пути, 56 миль, до мыса Домеснеса—около 17 миль. От Роена до ближайшего почтово-телеграфного пункта (в г. Самакене)—22 версты, до ближайшего уездного города Тальсена—36 верст и до ближайшего железнодорожного пункта (ст. Стенден Виндаво-Туккумской железной дороги)—50 верст.

Изысканиями 1902 г. был исследован участок береговой полосы и прилегающей к ней части залива, ограниченный с северо-запада устьем речки Рои и с юго-востока мысом Кирки, протяжением около 3$^1/_2$ верст. Общее

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть I, стр. 10 Роен (Из «Трудов отдела торговых портов», выпуск II, изд. 1914 г.).

направление береговой линии на исследованном участке идет от северо-запада к юго-востоку.

От уреза воды сажень на 25—50 тянется пологая, намывная песчаная полоса (пляж), кое-где усеянная валунами, обломками и целыми скелетами разбитых судов; валунами усеяна также ближайшая к берегу полоса моря. Далее, параллельно общему направлению береговой линии тянутся дюны высотою 2—$2^1/_2$ саж. За дюнами местность повышается довольно круто, так что на расстоянии 200—300 саж. от берега уже проходит 4-х саженная горизонталь.

На исследованном участке протекают, кроме речки Рои, еще два ручья: Мазупе (малая речка) и Силупе (лесная речка). Берега ручьев очень крутые, местами отвесные. Верхний слой грунта берегов представляет плотнослежавшийся песок; более низкие слои и дно протоков образованы из плотной синей и красной глины и обильно усеяны валунами. Ширина речки Рои у устья около 20 саж., выше—от 15 до 10 саж.; глубина в устье—6—7 футов.

В 7 верстах от устья речка Роя запружена и эксплоатируется для работы мукомольной мельницы. Ниже мельницы она служит для сплава лесного материала; ручьи же Мазупе и Силупе играют роль сточных канав для ближайших к берегу участков, на которые выпадает большое количество осадков. Течение Рои очень слабое. На участке моря перед устьем речки образовался бар, а потому вход в речку доступен только рыбачьим лодкам. Бар усеян валунами; на дне речки также встречаются валуны.

Береговая линия у Роена, как уже сказано, представляет почти прямую, и рейд совершенно открыт от NW через SO до юга. Линии одинаковых глубин вообще мало отклоняются от общего направления береговой линии. Линия 15-х футовой глубины проходит на расстоянии 200—250 саж. от берега, 21 футовой—в 300—350 саж., 30 футовой—в расстоянии около версты.

По свидетельству местного землевладельца, барона фон-Ган, лет 50 тому назад его предками было очищено от камней дно части рейда на протяжении около версты, с целью дать возможность судам, стоящим на Роенском рейде, в критические минуты безопасно выбрасываться на берег.

При подходе к Роену днем суда ориентируются по большому каменному зданию мореходной школы и кордонной вышке. Ночью руководствуются огнем маяка на острове Руно. Судно, приближающееся к Роену, вступает в горизонт маяка на острове Руно. Когда маяк Руно виден с судна по направлению NO, судно берет курс SW и этим курсом приближается к Роену. Место остановки судна определяется по лоту.

На Роенском рейде суда бросают якорь на 25—30 футовой глубине, в расстоянии около $^1/_2$ мили от берега. Для нагрузки и разгрузки суда подвигаются ближе к берегу на 12—15 футовую глубину. Нагрузка совершается безопасно в тихую погоду и при SSW и W ветрах; при северных же ветрах даже средний силы она делается крайне затруднительной, и самая стоянка на 15-футовой глубине представляется рискованной, а потому суда уходят отстаиваться на большую глубину.

Южные и западные ветры, хотя и являются преобладающими по продолжительности, дуют вообще с сравнительно небольшими скоростями и редко достигают значительной силы. Восточные ветры редки и тоже не отличаются большой энергией. Безусловно господствующими по силе (да и повторяемость их значительна) являются ветры, дующие с NNW и смежных с ним направлений NW и N. Наибольшую степень напряженности и постоянства они приобретают осенью и в начале зимы.

Роенский рейд открыт со стороны от NW через N и O до SO. Поэтому ветры противоположного направления (т. е. западные а южные), как береговые, даже при очень большой их силе развивают ни рейде слабое волнение. Восточные ветры обладают уже более благоприятными условиями для возбуждения волнения на рейде, но эти ветры редки

и вообще не достигают значительной силы. От северо-западных ветров некоторой защитой служит мыс Домеснес. Разгон волны, вызываемый этими ветрами, сравнительно невелик. Остаются северные и северо-восточные ветры, которые уже при средней силе развивают в Роенском рейде значительное волнение. Крушения и аварии у западного берега Рижского залива суда терпят именно при северном и северо-восточном волнении.

Колебания горизонта воды в Рижском заливе всецело зависят от ветров, господствующих в данный момент в Балтийском море и обусловливаются сгоном или нагоном вод последнего в залив. При западных ветрах горизонт залива повышается, при восточных понижается, при южных и северных ветрах уровень залива бывает близок к ординару.

Что касается величины наибольшего отклонения от ординара горизонта залива в западной его части, то, судя по гидрометрическим наблюдениям на ряжевом острове Домеснесского маяка за двухлетний промежуток времени (с ноября 1900 г. по ноябрь 1902 г.) наибольшее отклонение было: выше ординара 2 ф. 10 д., а ниже ординара—1 ф. 9 д.

Во время изысканий 1902 г. было сделано 10 буровых скважин, из которых 4 на берегу, 3 на глубине около 10 фут. и 3 на глубине около 20 фут. Кроме того, при производстве промеров род грунта дна определялся по лоту. Верхний слой грунта дна—мелкий песок. Кое-где дно усеяно камнями, а в немногих местах на поверхность дна выступает глина. Толщина песчаного слоя в разных местах разная и местами доходит футов до десяти. Под слоем песка залегает красная глина в перемежку с слоями синей глины.

В «Лоции Балтийского моря» (изд. 1900 г. стр. 316) указывается, что береговые течения вдоль западного берега Рижского залива от Западной Двины до Домеснеса обусловливаются ветрами. Господствующие в Балтийском море юго-западные ветры, нагоняя в Рижский залив массу воды, поднимают его уровень. По прекращении названных ветров уровень залива стремится придти в прежнее равновесие и излишек вод уходит обратно в Балтийское море. Скорость течения доходит до 1 мили в час. Наблюдения над движением поплавков на Роенском рейде во время изысканий 1902 года в общем подтвердили это заключение и обнаружили зависимость направления течения от состояния горизонта воды. В период повышения горизонта рейда над средним ординаром поплавки обнаружили течение внутрь залива; напротив, в период понижения горизонта течение направлялось из залива. Скорость течения наблюдалось в $^1/_5$, $^1/_3$ мили, в 300—500 саж. от берега. Глубина погружения поплавков была 5 и 10 футов; разница в скоростях на этих глубинах была ничтожная.

При легкой подвижности грунта дна рейда и существовании течений, без сомнения, должно происходить передвижение грунта вдоль берега, и можно ожидать скопления наносов, в случае благоприятных для этого условий.

Конфигурация береговой линии у Роена (почти прямая, без извилин и выпуклостей) не может благоприятствовать отложению наносов; но впадающая в северо-западной части рейда речка Роя уже дает благоприятные для этого условия. И, действительно, против устья речки образовался небольшой бар, загородивший вход в речку. Бар, вероятно, морского происхождения; речные наносы вряд ли принимают сколько нибудь заметное участие в его образовании, так как течение речки чрезвычайно слабое, а грунт ее дна и берегов—очень плотная глина, трудно поддающаяся размыву. Судя по отложению наносного грунта у левого крыла устья речки, у берегов Роена следует считать преобладающим береговое течение, направленное от северо-запада к юго-востоку.

Глубина в реке, в районе селения Роен, от 5 до 8 фут, с постепенным понижением к бару.

Из приведенного описания побережья близь Роена видно, что этот пункт являлся вполне удобным

для производства десанта в тихую погоду или при западных, юго-западных и южных ветрах. Если же принять во внимание, что Роен один на всем участке побережья от Домеснеса до Мессерагоцема обладал некоторыми портовыми сооружениями, облегчавшими разгрузку судов, то, естественно, что выбор его, как пункта для производства десанта, напрашивался сам собою.

Однако, по имевшимся сведениям, побережье близ самого Роена было минировано и здесь имелись неприятельские батареи. Поэтому самую высадку десанта предпочтительнее было сделать несколько севернее Роена, в верстах шести от него, на участке д.д. Гибкен и Жоцен. Но устройство плацдарма в районе двух последних деревень не было выгодно в том отношении, что побережье, весьма удобное для десанта, не имело обеспеченных причальных пунктов, каковым являлось убежище для судов с волноломом у Роена. Поэтому в целях удобства организации дальнейшей выгрузки десантного отряда, необходимо было базировать его на берегу именно на Роен.

Таким образом, при сложившейся обстановке Роен являлся наивыгоднейшим пунктом для высадки десанта на западном побережьи Рижского залива в отношениях стратегическом, тактическом и техническом.

Однако, в отношении обеспечения морских сообщений десанта, высадки у Роена тоже не разрешала вопроса, вследствие значительного удаления этого пункта (около 30 верст) от Клейн-Ирбена, где находилась восточная граница нашего минного поля в Ирбенском проливе. Только с захватом Клейн-Ирбена и побережья к западу от него до Люзерорта можно было получить уверенность в ненарушимости минного поля, а, следовательно, и в безопасности морских сообщений десанта.

Эта задача могла быть выполнена или самим десантом, высадившимся у Роена, путем выделения сразу части сил для захвата северной части Курляндского полуострова до Виндавы включительно, или особым вспомогательным десантом в районе Домеснеса или Клейн-Ирбена. Но в этом последнем случае вспомогательный десант должен был быть достаточно силен, чтобы справиться с указанной задачей.

Получив 24-го июня телеграммы от Русина и Куропаткина о производстве десантной операции на западном побе-

режьи Рижского залива, командующий флотом Балтийского моря приступил к разработке ее основных соображений и, между прочим, пунктом высадки десанта наметил Роен. Одновременно с этим им было предположено произвести демонстративную высадку двух рот у Малого Ирбена (Клейн-Ирбена), о чем и было сообщено начальнику Моонзундской позиции, контр-адмиралу Белоголовому, для подготовки I-й бригады 107-й пехотной дивизии для главного десанта и двух рот от морских полков для высадки в районе Малого Ирбена[1]).

Позднее это решение было отменено, но тем не менее на нем следует несколько остановиться. Несомненно, что высадка в районе Малого Ирбена, с уничтожением батареи у этого пункта огнем нашего флота, приводила к весьма быстрому захвату с тыла неприятельских батарей как у Михайловского маяка и Люзерорта, так и у Домеснеса, но двух рот, конечно, было совершенно недостаточно для борьбы даже против очень слабых сил германцев, находившихся в этом районе, и еще более недостаточно для закрепления за нами южного берега Ирбенского пролива.

Таким образом, это решение, обещавшее большие выгоды при исполнении его более крупными силами, в проектированном масштабе являлось несостоятельным и, как уже сказано, вскоре было оставлено.

26-го июня, приняв доклад от прибывшего Альтфатера, Канин остановился на определенном решении и передал его в Ставку в телеграмме на имя начальника морского штаба верховного главнокомандующего[2]).

---

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть 1, стр. 96. Отзыв начальника Моонзундской позиции начальнику штаба командующего флотом Балтийского моря от 1-го июля 1916 г. № 72.

[2]) Телеграмма Канина начальнику морского штаба Верховного Главнокомандующего от 26-го июня 1916 г. № 1.030/оп.

В делах Морискома сохранился «Дневник мировой войны на Балтийском морском театре—И. И. Ренгартена, ведавшего разведкою в штабе Командующего флотом.

В этом дневнике И. И. Ренгартен, занося свои воспоминания о 26 июня говорит:

«Мы были у Непенина: Командующий флотом, начальник штаба, Альтфатер, Черкасский и я. И я убедился, что Канин хочет сделать высадку. Непенин, по своему обыкновению, стал возражать, говорить о трудности и пр. и я с удовольствием слышал ответ командующего флотом: «Все-таки надо сделать, а там—что Бог даст». Когда Непенин сказал, что если будет неудача, то на флот будут вешать гнилых собак, Канин согласился с этим так равнодушно, что лучше быть нельзя».

«Факт: командующий флотом хочет провести наступательную операцию, не боится ответственности и неудачи».

«Это хорошо».

В первой части нашего труда мы видели, что вышеизложенные соображения командующего флотом Балтийского моря в части, касающейся выбора пункта высадки, были одобрены свыше и легли в основу всего операционного плана задуманной десантной экспедиции. Что же касается мыслей его относительно дальнейшего развития операций десантного отряда на неприятельском берегу, то они не встретили одобрения у верховного командования.

Еще в своей директиве от 23-го июня № 3.343 Алексеев, как мы видели, предполагал, что «после исхода морского сражения у берегов Ютландии, при наличии морских сил в Рижском заливе, действия немцев против Рижского побережья представляются маловероятными».

Естественно возникал вопрос: что понимал Алексеев под действиями против Рижского побережья? Если под этим понималась высадка германского десанта на наших берегах Рижского залива, то такую операцию не предполагал и Канин, уверенный, что германский флот не решился бы на нее даже после овладения морем, в виду близости наших подводных лодок и миноносцев, базировавшихся на Моонзунд [1]).

Совершенно в другом свете представлялась для германского флота задача прорыва в Рижский залив в целях ликвидации нашего десанта, последствием действий которого мог быть отход германских войск от Двины за Неман. Эта задача стоила жертв,—осуществление прорыва во имя ее являлось весьма вероятным, а потому вопрос об обеспечении морских сообщений нашего десанта становился крайне важным.

Алексеев игнорировал опасность, грозившую морским сообщениям десантного отряда со стороны германского флота, и развитие операций этого отряда от пункта высадки видел только в наступлении в направлении на Туккум. Этот взгляд Алексеева, как мы видели выше, проходит во всех его руководящих указаниях и разъяснениях, и нигде он не считается с опасностью со стороны германского флота.

Иначе понимал обстановку Канин. Уже в приведенных нами выше его общих соображениях о преимуществах производства высадки у Роена он мотивирует выбор этого пункта отчасти возможностью развивать из него дальнейшие опера-

[1]) Письмо Канина Русину от 11-го июля 1916 г. № 1.120/оп.

ции и в южном, и в западном направлении, т. е. свободою действий, при чем сам, повидимому, склоняется в сторону операций в западном направлении, так как говоря о нем, указывает на значение действий против сообщений германцев с Виндавою и вообще побережьем, а на операции в южном направлении, повидимому, смотрит, как на вспомогательные, имеющие целью обеспечить фланг и тыл десантного отряда от ударов с юга. В этом тяготении Канина к операциям в западном от Роена направлении можно видеть его стремление к захвату северной Курляндии, передававшему в его руки южный берег Ирбенского пролива.

Алексеев не ответил на высказанные соображения Канина. Тогда последний, как мы видели, в своей переписке со Ставкою по телеграфу стал все резче и резче подчеркивать значение опасности для морских сообщений десанта, но Алексеев на эти указания упорно отмалчивался и упорно указывал об'ектом действия десантного отряда Туккум и вообще левый фланг сухопутного германского фронта.

Тогда Канин решил написать начальнику морского штаба верховного главнокомандующего свое замечательное письмо [1]), в котором поднял, как мы знаем, вопрос об опасности со стороны германского флота в очень категорической форме, отказываясь гарантировать своими силами безопасность морских сообщений десанта и высказывая следующий свой взгляд на развитие операций десантного отряда на неприятельском берегу:

«Все эти соображения приводят меня к заключению, что десант имеет значение лишь для развития успехов Северного фронта и захвата северного побережья Курляндии. Последствием овладения южным берегом Ирбенского пролива является гораздо более надежная защита Рижского залива от проникновения неприятельского флота, при чем продолжительные операции нашего транспортного флота явятся уже возможными, а, следовательно, и возможно будет накапливание на фланге немцев ударной группы, которая заставит их отойти за Неман [2]). Вместе с тем, германский флот лишится баз на Курляндском побережьи, а мы, приобрев их, получим возмож-

---

[1]) Письмо Канина Русина от 11-го июля 1916 г. № 1.120/оп. см. стр. 67.
[2]) Курсив наш.

ность дальнейших операций флотом, каковая в настоящее время дошла до минимума».

Но и эта последняя попытка Канина открыть Алексееву глаза на истинное положение дел на Балтийском море и на связь его с ударом во фланг германскому сухопутному фронту осталась безрезультатною. Канин ответа на свое письмо не получил.

Следующим основным вопросом плана операции являлось назначение орудия для ее осуществления, т. е. определение силы и состава десантного отряда.

В директиве своей № 3.343 Алексеев первоначально намечал для этой цели морские полки острова Эзеля, т. е. 6-8 батальонов отдельной морской бригады.

Канин в своих соображениях, изложенных им в телеграмме от 26-го июня 1916 г. № 1.030/оп., проектировал довести силу десантного отряда до 18 батальонов, 13 эскадронов и сотен, 54 орудий и одной саперной роты, и это предположение удостоилось одобрения верховного командования.

9-го июля, с приданием действиям десантного отряда значения главного удара, сам Алексеев начал заботиться об увеличении сил десанта до 31 батальона, $13^1/_4$ эск. и сотен, 72 орудий и 3 рот сапер.

Наконец, в первых числах августа, по ходатайству Геруа, к силам десантного отряда были еще добавлены 12 орудий, 2 артиллерийских парка и некоторые технические и обозные части, и, таким образом, силы отряда возросли до 31 бат. $13^1/_4$ эск. и сот., 84 орудий, 3 рот сапер и большого числа вспомогательных частей и учреждений.

Такое возрастание силы отряда, происходившее в связи с изменениями возлагавшихся на него задач, следует признать вполне целесообразным и обоснованным, ибо слабые силы, которые оказались бы даже и в исключительно выгодном стратегическом положении, все равно не были бы в состоянии добиться решительных результатов.

Однако, это последовательное увеличение силы десантного отряда требовало последовательного же пересоставления всех расчетов посадки, погрузки, перевозки, высадки и выгрузки войск и их тяжестей, что не могло не отражаться в неблагоприятном смысле на готовности отряда и транспортных средств к походу.

Что касается организации отряда, то она отвечала возложенной на него задаче только в некоторых отношениях.

Отряд был самостоятельным, благодаря включению в него должного количества пехоты, конницы и технических войсковых частей; он был удобоуправляем, ибо имел только четыре главных организационных подразделения: 3-ю стрелковую и 116-ю пехотную дивизии и отдельную морскую и 4-ю отдельную кавалерийскую бригады.

С другой стороны, отряд являлся сборным, импровизированным соединением, не имевшим никакой внутренней спайки, составленным в большинстве из частей, не имевших никакого боевого опыта и даже неготовых к походу, и в довершение всего этот отряд при создании своем не имел надлежащего начальника и организованного штаба. Выбор и назначение соответствующего начальника, как видим, потребовало продолжительного времени, а формирование штаба отряда продолжалось в течение всей подготовки экспедиции.

Положение десантного отряда на неприятельском берегу принадлежит к числу самых трудных, которые выпадают на долю отрядов, получающих отдельное назначение. В данном случае это положение еще более отягчалось тем, что в Рижском заливе мы не имели полного господства, вследствие чего десантный отряд рисковал потерять свои морские сообщения ранее приобретения сухопутного базирования. Такие условия требовали, во первых, назначения в состав отряда испытанных в бою войсковых частей, спаянных между собою глубоко внедренною идеею взаимной выручки и искусных в маневрировании, а, во вторых,—наличия во главе отряда выдающегося во всех отношениях начальника с организованным штабом, хорошо знающим свои войсковые части и хорошо известным этим последним.

Кроме, того необходимым условием успеха десантной экспедиции являлась внезапность, тесно связанная с соблюдением строгой тайны, что достигалось только быстротою и скрытностью подготовки всей операции.

Всем этим требованиям вполне удовлетворяло назначение в состав десантного отряда полного корпуса полевых войск с выдающимся командиром во главе. Такая мера могла быть осуществлена без особых затруднений и без всякой тревоги, ибо переброска корпусов не только из одной армии в другую, но и с одного фронта на другой был самым заурядным и привычным для войск явлением. Численное превосходство, которое мы имели над противником на Северном и Западном фронтах, легко допускало возможность

такой переброски, а полная готовность во всех отношениях каждого из действующих корпусов обеспечивала быстроту осуществления операции. При этом подготовка транспортов облегчалась, ибо приурочивалась к приему на суда войсковых частей с твердо установленными и всем давно известными штатами.

Такого корпуса в распоряжении Канина не было, и ему пришлось обратиться к импровизации десантного отряда из частей, едва сформированных, еще не укомплектованных, не имевших еще положенного по штатам и табелям имущества, еще не перевооруженных современными образцами оружия, а если и перевооруженных, то еще не прошедших курса стрельбы. Кроме того, ни одна из этих частей не имела боевого опыта; будучи разбросанными по разным местам побережья Балтийского моря, они не знали друг друга, и для них то приходилось теперь подыскивать подходящего начальника и организовать ему наново весь штаб. Какая же при таких условиях могла быть быстрота подготовки экспедиции, какая скрытность, на какой успех можно было рассчитывать, ставя этот импровизированный отряд в тяжелую обстановку десантной операции?

Канин был вполне прав, когда заявлял в своей телеграмме № 1.030/оп., что назначает в состав десантного отряда 116-ю пехотную дивизию—наиболее подготовленную и сколоченную, но это заявление не должно было создавать розовых илюзий в Ставке, ибо там было хорошо известно, во первых, что приказ о сформировании 116-й пехотной дивизии последовал только 25-го февраля 1916 г. [1]) и, во вторых, что все управления снабжений, встречая большие затруднения в удовлетворении потребностей даже частей, действовавших на фронтах, не проявляли особой заботливости по адресу частей, несших службу охраны берегов.

Состояние, качество и боевая ценность частей, поименованных Каниным в его телеграмме № 1.030/оп. [2]), должны были быть отлично известными генералу Алексееву, а равно он должен был хорошо понимать, какие требования пред'являются к десантному отряду, да еще в той обстановке, в которую он сам его ставил.

Между тем из телеграммы Русина от 28-го июня за № 1299, мы видим, что Алексеев одобрил все соображения

[1]) Дело Морискома № 8.077. Телеграмма Альтфатера Григорову от 26-го февраля 1916 г. № 103.

[2]) Телеграмма Канина № 1.030/оп. пп. 2, 6 и 7.

Канина, не исключая и состава десантного отряда, и только один выбор начальника десантного отряда вызвал его возражения. Но что мог сделать за 7 или 10 дней, дававшихся первоначально на подготовку экспедиции, самый выдающийся начальник, не имевший никаких органов управления, с частями, совершенно неготовыми ни к бою, ни к походу?

Через несколько дней вопрос о соответствии предстоявшей задаче частей, предназначенных в экспедицию, начал беспокоить и Алексеева. В своей телеграмме на имя Канина от 1-го июля за № 1.331/Б он говорил:

«...Принимая во внимание малую подготовку войск десантного отряда для маневрирования и ведения наступательного полевого боя, при трудных условиях местности [1]), и отказ Главкосева связать операцию своего правого фланга с действиями десанта, полагал бы или совершенно отказаться от намеченного предприятия, или, рассчитывая исключительно на свои силы и учитывая свой отряд, придать операции местное значение— утвердиться прочно на побережьи, по возможности в районе Ангерна, привлечь на себя часть сил немцев и отсюда развивать дальнейшие действия, сообразуясь с обстановкой. Это лучше, и для общего дела желательно и полезно. Прошу ваше заключение, соответственно которому последуют дальнейшие распоряжения о командировании лиц и отправке средств».

Еще через несколько дней, а именно 9-го июля Алексеев телеграфировал главнокомандующему армиями Северного фронта:

«...вполне возможно, полезно, желательно назначить дивизию, в крайности бригаду, прочных опытных войск [1]) из первой армии для образования головного эшелона десанта. Тридцать два батальона, десяток эскадронов, решительно двинутые от Роена на Туккум, окажут мощное содействие вашей операции. Транспортные средства адмирал собирает большие. Такое использование войск выводит их на наиболее слабое и мало подготовленное направление. Полный корпус придаст решительность операции; решительность будет сопровождаться полезными для всего вашего предприятия результатами. Более опытные войска в составе десанта необходимы. [1]). Первая армия может дивизию выделить.

---

[1]) Курсив наш.

Обращаюсь с горячею просьбою принять этот план. По докладе государю императору вашей телеграммы № 6.689 и настоящих соображений, е. в. изволил признать последние заслуживающими внимания» [1]).

В тот же день в другой телеграмме, № 3.693, Алексеев еще раз указал главнокомандующему армиями Северного фронта:

«...Чем сильнее и прочнее будет десант [2]), тем больше будет его влияние и помощь на положение дел 12-й армии.

Из этих телеграмм мы видим, что Алексеев приходил постепенно к сознанию необходимости назначить в состав десанта прочные первоочередные войска.

Канин, получавший эти телеграммы в копиях, воспользовался этим обстоятельством и на запрос Русина о причинах задержки готовности десантного отряда 11-го июля телеграфировал:

«1411/Б. Морская бригада еще не получила бригадного обоза; нет значительной части лошадей; повозки, по изготовлении в Ревеле, поступают партиями в бригаду. 116-й дивизион, недавно укомплектованный личным составом, еще не прошел полного курса обучения. Перевооружение только началось, так как назначенные предметы материальной части, кроме пушек, еще не получены. 116-я дивизия реквизирует лошадей и получает с заводов повозки и упряжь для двух полков, дивизионного обоза и санитарных учреждений.

«Согласно изложенному в нумере 3671 наштаверха, предположено выделить одну полевую дивизию из первой армии. Если не встречается особых препятствий, то, как исчерпывающую меру, можно предложить выделение целого девятнадцатого корпуса из пятой армии [2]). В состав корпуса входит 38-я дивизия генерала Геруа, что весьма выгодно при возвращении его по ознакомлении с нынешними условиями в свою дивизию, которая и примет участие в операции. Организованный штаб корпуса явится готовым штабом отряда. Мера эта ускорит выполнение операции, так как таковая может начаться тотчас по прибытии корпуса к пункту посадки на суда [2]), а тем

---

[1]) Дело Морского № 8.078, часть I, стр. 224. Телеграмма Алексеева Куропаткину от 9-го июля 1916 г. № 3.672.

[2]) Курсив наш.

временем сухопутные части, мне подчиненные, окончат все мероприятия, ныне происходящие» [1]).

Приведенная телеграмма прежде всего обнаруживает перед нами жалкое состояние отряда, предназначенного для исполнения одной из труднейших операций. Со времени предписания Алексеева о подготовке десанта прошло уже 18 дней, а войска еще не укомплектованы, не снабжены, не закончили перевооружения современными образцами оружия и не прошли еще даже первоначального обучения с этим вооружением. К этой внешней стороне неготовности войск надо добавить еще важнейшую сторону — внутреннюю, ибо войска эти только недавно были созданы из ополченских частей, т. е. из наиболее неудовлетворительной категории войск, и никогда не были под огнем.

Затем, та же телеграмма показывает, насколько правильнее смотрело на дело морское командование. В своей телеграмме Канин отрешается не только от проектированной им же самим импровизации, но и от всяких частичных, не достигающих цели поправок; он категорически выдвигает вопрос о назначении целого действующего корпуса и указывает на все выгоды такого решения задачи.

Но Алексеев не пошел по пути, избранному Каниным, и, как мы уже знаем, остановился на половинчатом решении: в состав отряда была включена 3-я стрелковая дивизия, что, конечно, не могло изменить импровизированного характера отряда со всеми присущими этому характеру недостатками, и не могло дать нужной организационной спайки.

В таком положении находился вопрос о составе десантного отряда. Посмотрим теперь, как было организовано управление им.

Кандидатура Былим-Колосовского, выставленная Каниным, не была одобрена в Ставке. Алексеев признал необходимым назначить начальника более предприимчивого [2]). Однако, выбор подходящего начальника десантного отряда был для Канина крайне затруднительным. Все молодое, способное, знающее, энергичное, предприимчивое находилось в рядах сухопутного фронта. В войска береговой обороны, к каковым принадлежали дивизии, подчиненные командующему флотом Балтийского моря, были назначены люди из

---

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть I. стр. 222. Телеграмма Канина Русину от 11-го июля 1916 г. № 780/сух.

[2]) Дело Морискома № 8.073, часть I, стр. 78. Телеграмма Русина Канину от 28-го июня 1916 г. № 1.299/Б.

отставки или потерявшие уже свою энергию. Между тем самый успех операции в большой степени зависел от выбора соответствующего начальника десантного отряда, потому что совершенно исключительное по трудности положение этого начальника на неприятельском берегу требовало от него больших знаний, огромной инициативы и неиссякаемой энергии. Такого лица в распоряжении Канина в числе начальников сухопутных войск не было, и он в тот же день послал Русину телеграмму такого содержания [1]):

«1.299/Б. В моем подчинени состоят лишь три старших войсковых начальника: начальник 107-й дивизии, генерал-лейтенант Самгин, начальник 116-й дивизии, генерал-майор Побоевский и начальник 118-й дивизии, генерал-майор Былим-Колосовский. Первый из них совершенно неподходящий к такому назначению, а два последних, с точки зрения их боевой работы мне неизвестны, почему остановился на старшем, но не настаиваю и, никого не имея больше, прошу назначить и экстренно командировать кого-либо подходящего в мое распоряжение для этой цели. Также прошу, если считается нужным, командировать в мое распоряжение начальника штаба отряда, ибо в моем распоряжении старшим из офицеров генерального штаба состоит подполковник Бородаевский № 1.046/оп.»

Канин.

Из дальнейшей переписки, возникшей между Каниным и Ставкою верховного главнокомандующего, отлично видно, какое важное значение придавал Канин, быстроте подготовки операции вообще и, в частности, скорейшему прибытию в его распоряжение нового начальника десантного отряда с соответствующим начальником штаба, без которых, собственно говоря, не могло быть и настоящей подготовки отряда ко всем предстоявшим ему действиям.

Так, в тот же день 28-го июня, озабоченный скорейшим получением одобрения своих соображений, он телеграфирует Русину [2]):

«1.299/Б. Если последует высочайшее соизволение, то не откажите поставить главкосева в известность о принятом решении № 1.047/оп.».

Канин.

---

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть II, стр. 69. Телеграмма Канина начальнику морского штаба Верховного Главнокомандующего от 28-го июня 1916 г. № 1.046/оп.

[2]) Дело Морискома № 8.078, часть I, стр. 84. Телеграмма Канина Русину от 28-го июня 1916 г. № 1.047/оп.

На эту и на предыдущую телеграммы на следующий день, т. е. 29-го июня, Русин ему ответил [1]):

«На № 1.047/оп. Наштаверх поставил главкосева в известность. На № 1.046/оп. Наштаверх поручил главкосеву выбрать начальника отряда и составить штаб. По получении ответа главкосева сообщу № 1.307/Б.».

Русин.

Когда эта телеграмма была получена в штабе командующего флотом Балтийского моря, то флаг-капитан Черкасский сейчас же телеграфировал в морской штаб верховного главнокомандующего капитану 2-го ранга Леонтьеву [2]):

«1.307/Б. Доложите адмиралу, что для успеха дела необходимо скорейшее назначение соответствующего генерала. Вместе с тем желательно, чтобы командующему было сообщено на заключение, кого именно предлагает генерал Куропаткин № 1.052/оп.».

Черкасский.

Вечером того же 29-го июня в штаб флота пришла еще одна телеграмма Русина, которая показывала, что верховное командование одобрило все соображения Канина.

Русин телеграфировал [3]):

«На №—1.047/оп. Государь одобрил ваши соображения, изложенные в телеграмме № 1.030. Генералу Куропаткину все сообщено. Распоряжение о спешной посылке артиллерийских и ружейных патронов сделано. Имеется ли проволока для укрепления плацдарма? О начальнике отряда и штабе ожидается ответ главкосева №—1.314/Б».

Как видим, вопрос о выборе начальника отряда все еще не был разрешен, и лишь 30-го июня после полудня в штабе флота была получена следующая телеграмма [4]).

«Главкосев представляет генералов Гулевича, Будберга и Геруа. Наштаверх очень рекомендует Геруа начальником отряда. Согласны ли на него? 4-я кавалерийская бригада будет придана десантному отряду, 6 дм. гаубичная батарея

---

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть I, стр. 85. Телеграмма Русина Канину от 29-го июня 1916 г. № 1.307/Б.

[2]) Дело Морискома № 8.078, часть I, стр. 87. Телеграмма Черкасского Леонтьеву от 29-го июня 1916 г. № 1.052/оп.

[3]) Дело Морискома № 8.078, часть I, стр. 86. Телеграмма Русина Канину от 29-го июня 1916 г. № 1.314/Б.

[4]) Дело Морискома № 8.078, часть 1, стр. 117. Телеграмма Русину Канину от 30-го июня 1916 г. № 1.322/Б.

будет возвращена. Бригада 115-й дивизии будет переведена в Ревель. Радиосвязь между 12-й армией и десантным отрядом будет организована. №—1.322/Б».

Русин.

Канин немедленно ответил [1]):

«1.321/Б. Согласен с назначением Геруа. Прошу немедленно командировать. № 697/сух».

Канин.

Таким образом, потребовалось четыре дня для того только, чтобы высшее командование избрало начальника десантного отряда, а между тем оно должно было помнить, что до прибытия этого начальника к новому месту назначения ни о какой настоящей работе по подготовке отряда к экспедиции нечего было и думать. Вопрос же о штабе отряда все еще оставался на воздухе даже и на бумаге, потому что из телеграммы № 6.484/Б., адресованной Куропаткиным начальнику штаба верховного главнокомандующего и в копии переданной Канину, последний 30-го июня узнал, что вопрос о формировании штаба Куропаткин оставлял открытым до выбора начальника десанта, после чего обещал принять все меры к наилучшему разрешению этого вопроса [2]).

1-го июля из Ставки пришла в штаб Северного фронта телеграмма [3]):

«Прошу вас срочно командировать генерала Геруа к адмиралу Канину для разработки вопроса о производстве десанта местного значения, независимо от вашей операции и не стесняя ваш фронт никакими обязательствами, кроме помощи путем командирования указанных ранее частей, лиц и имущества. Если десант окажется посильным [4]), то он будут в пределах возможного согласован по времени с намеченными вами действиями. № 3.529».

Алексеев.

Изложенная телеграмма звучит как то сухо и наводит на подозрение о разномыслии, появившемся между началь-

---

[1]) Дело Морискома №—8.078, часть 1, стр. 118. Телеграмма Канина Русину от 30-го июня 1916 г. №—697/сух.

[2]) Дело Морискома №—8.078, часть 1, стр. 126. Телеграмма Куропаткина начальнику штаба Верховного главнокомандующего от 29-го июня 1916 г. №—6.484/Б.

[3]) Дело Морискома №—11. 283, стр. 94. Телеграмма Алексеева главнокомандующему армиями Северного фронта от 1-го июля 1916 г. №—3.529.

[4]) Курсив текста телеграммы.

ником штаба верховного главнокомандтющего и главнокомандующим армиями Северного фронта. Как нами было уже изложено в первой части настоящего труда, такое разномыслие действительно между ними обнаружилось и дошло до того, что Алексеев готов даже был совсем отказаться от осуществления задуманной им десантной операции, но от этого шага его удержал Канин. Во всяком случае, эта телеграмма дает нам возможность об'яснить, почему Алексеев, сам приурочивавший десант к наступательной операции армий Северного фронта, которая должна была начаться в первых числах июля, не принимал решительных мер к ускорению его подготовки, хотя бы скорейшего назначения начальника десантного отряда. Теперь мы видим, что десантную операцию он более не связывал с наступательными операциями Северного фронта, «не стесняя последний никакими обязательствами». Иначе смотрел на это дело Канини; как мы видели при рассмотрении этого вопроса в первой части настоящего труда, он настоял перед верховным командованием, чтобы десантная операция осуществлялась не иначе, как при условии решительного настойчивого и продолжительного наступления армий Северного фронта.

Наступление левого фланга Рижского плацдарма должно было начаться 3-го июля. Очевидно, нечего было и думать о том, что десантный отряд успеет оказать ему какое либо содействие. Скорее можно было рассчитывать, что десантный отряд может воспользоваться решительными успехами 12-й армии, если бы таковые были достигнуты, и развить свои операции по захвату всей северной и западной Курляндии, но, как справедливо указывал Алексеев [1]), для этого не было необходимости производить опасную во многих отношениях десантную операцию, а было несравненно проще развить эти операции по сухопутной операционной линии от Риги.

Однако, Алексеев, повидимому, рассчитывал, что, может быть, десант успеет принять участие в ближайшей операции Северного фронта. На чем основывались эти его расчеты — представляется совершенно непонятным, ибо десантный отряд не имел еще ни начальника, ни штаба, никаких соображений еще разработано не было, а самые войска отряда не были готовы к походу. Приходилось прежде всего

---

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть I, стр. 174. Телеграмма Алексеева Канину от 5-го июля 1916 г. № 1.357/Б

ждать прибытия Геруа и тогда уже начать действительно планосообразную подготовку отряда.

Справедливость заставляет отметить, что с момента получения телеграммы о производстве десантной операции, т. е. с 24-го июня, Канин и его штаб проявили горячую энергию в отношении подготовки экспедиции, но все эти усилия по сухопутной части сводились поневоле к отдельным не связанным одним общим планом мероприятиям по приведению войск и транспортов в готовность к походу. Нужно было разработать детальный план действий десантного отряда, составить рассчеты по высадке, перевозке и погрузке войск и их тяжестей, привести войска отряда не только в готовность к походу вообще, но дать им целый ряд указаний и инструкций для действий в совершенно исключительных условиях десантной операции. Все это невозможно было исполнить без начальника отряда и без штаба отряда, ибо в распоряжении Канина был только один офицер сухопутного генерального штаба, Бородаевский, состоявший помощником флаг-капитана по оперативной части штаба командующего флотом Балтийского моря. Остальные, морские чины этого штаба, были перегружены работою по морской части, но, тем не менее, как свидетельствуют дела «Комиссии по исследованию и использованию войны 1914—1918 гг. на море», они проявили огромную энергию в деле подготовки «Сухопутного Балтийского отряда». Особая работа в этом отношении выпала на долю: начальника штаба командующего флотом Балтийского моря, Григорова и флаг-капитана по оперативной части, Черкасского.

Немедленно по получении из Ставки телеграммы Русина № 1.266/Б, в которой на командующего флотом возлагалась задача произвести десант «первоначально силами от 6 до 8 батальонов с артиллерией» с тем, чтобы «в случае успеха наступления армий Северного фронта, развить таковой путем высадки новых войск», Бородаевским был составлен по сухопутной части доклад, в котором, между прочим, говорилось [1]):

«1) Для развития успеха десантной операции, дабы получить реальные результаты, т. е. действительно приковать резервы противника, необходимы порядочные силы—не менее $1^1/_2$ дивизий [2]), считая бригаду для удержания

---

[1]) Дело Морискоме № 8.078, часть I, стр. 17. Черновик доклада, написанный рукою Бородаевского.

[2]) Курсив наш.

сперва плацдарма для устройства базы, а затем для прикрытия с флангов полосы местности в тылу углубляющихся в расположение противника войск, и дивизию—для самостоятельного маневрирования с целью нанести глубокий удар.

«Для данной операции наиболее подходят морская бригада и 116-я дивизия.

«Последняя все время была вместе в то время, как 107-я разбита на две части; затем, в 116-й дивизии все организовано вполне: обозы, пулеметы, все команды и не хватает только лошадей, которых немедленно же необходимо реквизировать, тем более, что они уже намечены интендантом.

«2. Начальником высаживающихся войск можно назначить ген. Побаевского. Его заменит ген. Знаменский (командир бригады 116-й дивизии), при котором и останется весь штаб дивизии.

«3) В морской бригаде нет еще значительной части бригадного обоза, каковой, впрочем, заменяется грузовым автомобильным транспортом.

«4) В Свеаборг, для окарауливания крепостных сооружений, можно командировать из морской крепости один полк 2-ой бригады 107-й дивизии.

«5) Интендантство десантной группы необходимо организовать, выделив личный состав и средства из интендантства морской крепости.

«6) В распоряжение начальника десантной группы необходимо назначить военного инженера и саперную роту, которую обещал дать генерал Куропаткин. Необходимо получить запас колючей проволоки, хотя бы из морской крепости, так как все захваченное пространство нужно будет прочно удерживать и укреплять, особенно на флангах.

«7) Запас ручных гранат, бомб и бомбометов получить в Свеаборге.

«8) Ружейных патронов имеется всего по 170 на винтовку, а нужно иметь не менее 1.500 на винтовку (запас флота, кажется, всего 2.000.000). Артиллерийских патронов мало: на германские пушки (морского отдельного дивизиона) всего по 700 выстрелов.

«Об успехе перевооружения полевой бригады сухопутного фронта морской крепости еще неизвестно, но во всяком случае ее нельзя трогать, так как с новыми пушками она еще не обучалась.

«116-й дивизион (в Экенесе) ведет все время обучение и, повидимому, может действовать.

«9) Впоследствии можно перевезти одну-две крепостных батареи из Свеаборга, так как морскую крепость сильно обобрали снарядами. К тому же свеаборгские 6 дм. пушки снабжаются на днях клиньями Кованько, благодаря чему получают большую подвижность.

«Из тяжелых полевых типов в Свеаборге имеется 5-орудийная 12 см. гаубичная (японская) батарея».

Изложенная выдержка из доклада Бородаевского послужила до известной степени, как справка, основанием при составлении соображений Канина, посланных им в Ставку 26-го июня за № 1.030/оп. Все вопросы этого доклада были затронуты и соображениями Канина и лишь немногие из них получили разрешение иное, чем проектировал Бородаевский. Такими вопросами оказались: выбор начальника десантного отряда и назначение в состав отряда тяжелой батареи.

Изучая архивные материалы с целью выяснения, что именно было сделано по сухопутной части в штабе командующего флотом до вступления Геруа в должность начальника десантного отряда, мы находим, что деятельность эта началась с вопросов: 1) состава десантного отряда, 2) выяснения состояния его частей, 2) снабжения имуществом разного рода, 4) перевооружения некоторых частей и усиления вооружения отряда, 5) укомплектования недостающими людьми и лошадьми, 6) разработки вопросов по сосредоточению войск в пункты посадки на суда и по перевозке их морем и, наконец, 7) подготовки формирования штаба отряда. Вопроса разработки плана действий десантного отряда она не касалась, а потому и не могла быть систематизированной.

Рассматривая всю подготовку экспедиции во всей ее полноте, мы можем отметить несколько моментов, имевших на нее влияние. Такими моментами были: 28-е июня—когда соображения Канина были одобрены Алексеевым, 29-е июня, когда эти соображения получили Высочайшее одобрение, 5-е июля, когда прибыл в штаб флота Геруа и 9-е июля, когда Алексеев изменил свой взгляд на значение десанта, в смысле перенесения центра тяжести всей операции Северного фронта на действия десантного отряда. Эти моменты, уточняя будущее десанта, постепенно развязывали руки у лиц, привлеченных к подготовке экспедиции. Так, 28-го июня получилась уверенность, что экспедиция состоится согласно соображениям Канина; 29-го июня уже можно было приступить к решительным мерам в смысле подготовки, насколько последняя была возможна без выработки детального плана; 5-го июля

подготовка пошла полным ходом, а 9-го июля народилась необходимость в обеспечении за десантным отрядом возможности принять на себя нанесение главного удара во всей операции Северного фронта.

Действительно, мы видим, что до 28-го июня Канин сделал лишь общие распоряжения о подготовке транспортной флотилии, а по сухопутной части послал только два запроса, оба относившиеся к части снабжения.

28-го июня, по одобрении Алексеевым соображений Канина, уже можно было приступить к выяснению осуществимости некоторых мероприятий, которые имели огромное значение для предстоящей экспедиции.

Необходимо было выяснить состояние самой крупной войсковой части из предназначенных в экспедицию, т. е. 116-й пехотной дивизии [1]), и возможность быстрого перевооружения скорострельными пушками 116-го артиллерийского дивизиона [2]), а также придать подвижность одной из Свеаборгских крепостных саперных рот [3]). Уже только эти три телеграммы показывают, что войска, предназначенные в экспедицию, были совершенно не готовы даже к походу, не

---

[1]) Гельсингфорс. Начальнику штаба 116-й дивизии.

Прошу не отказать телеграфировать штатное число в 116-й дивизии повозок (полковых обозов отдельно, дивизионного отдельно, санитарных учреждений отдельно, пулеметных команд отдельно). Также прошу сообщить какое число пулеметов на полк может иметь дивизия теперь, при условии, если будет взято из крепости возможное количество их, хотя бы переносимых вручную. Также прошу сообщить, когда при полном напряжении работы, при условии необходимости готовности в весьма короткий срок и принимая во внимание реквизицию лошадей в первую очередь для полковых обозов и во вторую—для дивизионного, эти обозы (и санитарные учреждения) будут готовы. № 671/сух.

Бородаевский.

Дело Морискома № 8.087, часть I, стр. 30.

[2]) Свеаборг. Коменданту крепости.

По приказанию командующего флотом прошу срочно выяснить и уведомить меня—возможно ли быстрое, в весьма ограниченный срок, перевооружение 116-го артиллерийского дивизиона скорострельными пушками, полученными недавно крепостью. Подходят ли к своевременным унитарным патронам ящики батарей и парков 116-го дивизиона и имеется ли принадлежность и запасные части к скорострельным пушкам. Если ответ положительный, прошу срочно приступить к перевооружению. № 672/сух.

Григоров

Дело Морискома № 8.078, часть I, стр. 32.

[3]) Коменданту Свеаборгской крепости.

Командующий флотом приказал подготовить первую крепостную саперную роту к отправке из крепости в ближайшее время, снабдив ее походной кухней и необходимым хозяйственным обозом в ограниченном числе повозок, хотя бы реквизированных. № 670/сух.

Григоров.

Дело Морискома № 8.078, часть I, стр. 33.

только к бою, и что срок готовности экспедиции—6-е июля был назначен Каниным недостаточно обдуманно.

Действительно, оставалась всего одна неделя, а 116-я дивизия не имела укомплектованного обоза, 116-й артиллерийский дивизион нужно было еще перевооружить скорострельными пушками, а затем еще и обучить стрельбе из них, ибо люди дивизиона этих орудий не знали.

29-го июня, по одобрении верховным командованием соображений Канина, явилась возможность приступить к самой подготовке экспедиции путем привлечения к этой работе командования морской крепости Петра Великого и Свеаборга.

Того же 29-го июня комендант морской крепости Петра Великого, вице-адмирал Герасимов, получил от командующего флотом Балтийского моря следующее секретное предписание за № 682/сух. [1]):

«Согласно полученных указаний верховного главнокомандующего войска, мне подчиненные, произведут высадку на юго-западном побережье Рижского залива, чем должны оказать содействие войскам Северного фронта, оттянув на себя резервы противника.

«В состав десантного отряда назначаю: 3 полка Отдельной морской бригады (со штабом и бригадными учреждениями, кроме автомобильного транспорта, остающегося в распоряжении начальника Моонзундской позиции), Отдельный морской артиллерийский дивизион в составе 2 батарей (с управлением), одну сотню пограничной стражи, одну Свеаборгскую крепостную саперную роту, одну наблюдательную станцию крепостной воздухоплавательной роты морской крепости, кабельное отделение крепостной телеграфной роты морской крепости, 116-ю пехотную дивизию с дивизионными учреждениями, 116-й артиллерийский дивизион, 6 дм. полевую 4-х орудийную гаубичную батарею морской крепости и 3 батареи полевой артиллерийской бригады сухопутного фронта морской крепости, по их готовности. Кроме того, в зависимости от развития операции, возможно назначение новых частей.

«Базой операции назначаю Порт императора Петра Великого.

«Снабжение войск всеми видами довольствия возлагаю на вверенную вашему превосходительству крепость.

«Пополнение запасов крепости и доставление отсутствующих предметов снабжения, материальной части и имущества,

---

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть I, стр. 43. Предписание командующего флотом Балтийского моря коменданту морской крепости Петра Великого от 29-го июня 1916 г. № 682/сух.

согласно ранее данных начальником морского штаба верховного главнокомандующего указаний, возложено на снабжение Северного фронта, а пополнение личным и конским составом на мобилизационный отдел главного управления генерального штаба.

«О неудовлетворении требований надлежит немедленно доносить в морской штаб верховного главнокомандующего.

«Указания о назначении начальника и штаба десантного отряда и времени начала операции и порядке ее выполнения— последуют дополнительно».

Адмирал Канин.

Начальник штаба, контр-адмирал Григоров.

И. д. флаг-капитана по оперативной части штаба, капитан 2-го ранга Черкасский.

Одновременно с этим коменданту Свеаборга была послана телеграмма следующего содержания [1]):

«Согласно полученных указаний верховного главнокомандующего необходимо теперь же подготовить десантную экспедицию для высадки в Рижском заливе. В состав десантного отряда назначаю: 116-ю пехотную дивизию с дивизионными учреждениями, 116-й артиллерийский дивизион с парком, одну крепостную саперную роту. Во исполнение сего приказываю теперь же подготовить указанные части к выступлению. Войска будут отправлены морем. О времени посадки и порядке распределения войск по транспортам будет сообщено дополнительно. Цель назначения войск должна быть известна лишь вам и начальнику 116-й дивизии. Взамен 116-й дивизии, в случае ее ухода, будет перевезен в крепость 427-й полк. О получении сего приказания телеграфируйте. № 674/сух.».

Канин.

Оба приведенные распоряжения являлись необходимыми для подготовки войск и запасов для экспедиции, но не могли повлечь за собою подготовки самой экспедиции в смысле разработки ее плана и по морской, и по сухопутной частям.

Морскую часть плана должны были разработать органы флота, а сухопутную часть начальник десантного отряда со своим штабом.

---

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть I, стр. 34. Телеграмма Канина коменданту Свеаборгской крепости от 29-го июня 1916 г. № 674/сух.

Выше уже нами было рассмотрено, как в основных соображениях Канина, изложенных в его телеграмме от 26-го июня № 1.030/оп., был разрешен вопрос о выборе операционного направления, в виде выбора пункта высадки и направления для дальнейших действий десантного отряда на неприятельском берегу. Равным образом, мы указывали и на то, как разрешен был Ка́ниным вопрос о силе и составе десантного отряда и о его командовании.

В той же телеграмме № 1.030/оп. Канин высказал свои общие соображения по обеспечению высадки с морской стороны и по формированию транспортной флотилии. В этой телеграмме он говорил:

«...Третье. Обеспечение высадки с морской стороны возлагается на линейный корабль «Слава», крейсеры «Диана», «Богатырь» и, возможно, «Аврора», канонерки «Хивинец», «Бобр», «Гиляк», «Храбрый», «Грозящий», минную дивизию и подлодки 5-го дивизиона и шесть гидроавиационных отрядов. Общее руководство оставляю за собою, предполагая поднять свой флаг на «Славе»; транспортную флотилию поручил каперангу Иванову 8-му, а прикрытие транспортов—контр-адмиралу Колчаку [1]). Крейсеры «Богатырь», «Аврора» и «Диана» предполагаю провести через Моонзунд, где к 1-му июля будет готов канал на 22 фута; этим каналом пойдут и все глубокосидящие транспорты.

«Четвертое. Для образования нужной транспортной флотилии мною привлекается большинство русских пароходов, находящихся во всех портах. В силу этого для нужд морской крепости надо предоставить 15 английских пароходов, намеченных к уходу за границу, и некоторое число адмиралу Зеленецкому, взамен пароходов, берущихся от него. Сосредоточение и оборудование всех средств высадки началось».

Таковы были общие соображения Канина, одобренные верховным командованием. Теперь необходимо было разработать план операции и означенная работа была исполнена флаг-капитаном по оперативной части штаба Командующего флотом Балтийского моря, Черкасским. Этот основной документ всей экспедиции был озаглавлен—«План выполнения десантной операции и ее обеспечения [2]). Он разделялся на две части:

[1]) Колчак, выбывший 3-го июля 1916 г. в Черноморский флот, на посту начальника минной дивизии был заменен контр-адмиралом Кедровым.

[2]) Дело Морискома № 13.135. План выполнения десантной операции и ее обеспечения.

1) Действия боевого флота, и
2) Действия транспортной флотилии.

Обе эти части представляли собою расписания действий всех составных частей экспедиции в течение семи дней вплоть до высадки включительно.

В первой части заключалось следующее: [1]) (см. Действия боевого флота).

Приведенный «План выполнения десантной операции и ее обеспечения», изложенный в виде таблицы, отличается краткостью, ясностью и исчерпывающею полнотою, а если добавить, что графа «Действия боевого флота» была помещена рядом с графою «Действия транспортной флотилии» на одном листе, то плану нельзя отказать и в наглядности.

План ограничивался указаниями заданий—когда, где и что делать, оставляя исполнителям всецело выбор способов для достижения поставленной цели. План обнаруживает самую тщательную заботливость по обеспечению десанта со стороны моря.

День.	ДЕЙСТВИЯ БОЕВОГО ФЛОТА.
Первый.	1. Уход канонерских лодок в Ревель за шлюпками. 2. Сосредоточение транспортов в Ревеле и Гельсингфорсе для занятия исходного положения.
Второй	1. Охрана транспортов в Финском заливе—сторожевая дивизия и группа миноносцев 9-го дивизиона. 2. Переход в Моонзунд боевых судов: «Баян», «Аврора», «Амур» и 5 канонерских лодок. 3. Сосредоточение флота в Лапвике: 1-я бригада линейных кораблей, 1-я бригада крейсеров и 2-я бригада линейных кораблей [2]). 4. Операция 2-й бригады крейсеров в Ботнике [3]).

[1]) См. схему № 1.

[2]) 1-я бригада линейных кораблей состояла из линейных кораблей: «Петропавловск», «Севастополь», «Гангут» и «Полтава».

1-я бригада крейсеров состояла из крейсеров: «Рюрик», «Адмирал Макаров», «Баян», «Олег» и «Богатырь».

2-я бригада линейных кораблей состояла из линейных кораблей: «Андрей Первозванный», «Император Павел I», «Цесаревич» и «Слава», при чем «Слава» находилась в водах Рижского залива.

[3]) 2-я бригада крейсеров состояла из крейсеров: «Громобой», «Россия», «Аврора» и «Диана».

День.	ДЕЙСТВИЯ БОЕВОГО ФЛОТА.
Третий.	1. Охрана транспортов в Финском заливе—сторожевая дивизия и группа миноносцев 9-го дивизиона. 2. Охрана подходов к Ирбену с моря—высылаются подлодки на позицию на 10 дней. 3. Воздушная разведка Виндавы.
Четвертый.	1. Охрана транспортов в Финском заливе—сторожевая дивизия и группа миноносцев 9-го дивизиона. 2. Содействие армии у Риги—«Баян» и 1-я группа миноносцев 5-го дивизиона с начальником дивизиона. 3. Переход в Моонзунд боевых судов: «Цесаревич», «Адмирал Макаров», Богатырь». 4. Переход в Моонзунд подлодок типа «Барс». 5. Дозор в Ирбене—2-я группа миноносцев 5-го дивизиона.
Пятый.	1. Воздушная разведка Виндавы и Рижского залива. 2. Демонстрация тралений южнее Мессерагоцема—8-й дивизион тральщиков под охраной миноносцев 6-го дивизиона, после чего идут в Усть-Двинск. 3. Содействие армии у Риги—«Баян» и 1-я группа миноносцев 5-го дивизиона с начальником дивизиона. 4. Переход к заходу солнца в Усть-Двинск боевых судов за головным отрядом десанта—«Слава», «Аврора», «Диана», «Амур», все пять канонерских лодок, 4-й дивизион миноносцев, три миноносца 9-го дивизиона с начальником, транспорт «Митава». 5. Содействие воздушной разведке—два-три миноносца 9-го дивизиона. 6. Дозор в Ирбене—2-я группа миноносцев 5-го дивизиона.

День.	ДЕЙСТВИЯ БОЕВОГО ФЛОТА.
Шестой.	1. Демонстрация траления южнее Мессерагоцема—8-й дивизион тральщиков под охраною миноносцев 6-го дивизиона. 2. Посадка головного отряда десанта на «Славу», «Аврору», «Диану», «Амур» и все канонерские лодки и уход в 18 часов по назначению. 3. Содействие армии у Риги—«Баян» и 1-я группа миноносцев 5-го дивизиона с начальником дивизиона. 4. Усиленная воздушная разведка при содействии миноносцев 9-го дивизиона. 5. Охрана транспортов в Рижском заливе. а) Транспорты, идущие в Моонзунде, до темноты конвоируются крейсерами «Адмирал Макаров» и «Богатырь», линейным кораблем «Цесаревич», 1-м дивизионом и 2-й группой 6-го дивизиона миноносцев, после чего транспорты идут далее с миноносцами, а корабли с 1-м дивизионом миноносцев идут к Ирбену. б) Транспорты из Риги до темноты конвоируются «Славой», «Авророй» и «Дианой», 4-м дивизионом и 1-й группой 6-го дивизиона миноносцев. 6. Дозор в Ирбене—2-я группа 5-го дивизиона миноносцев.
Седьмой.	1. Высадка. В ней принимают участие: «Слава», «Диана», «Аврора», «Амур», «Хивинец», «Грозящий», «Храбрый», «Гиляк», «Бобр», 4-й дивизион миноносцев, 6-й дивизион миноносцев и три миноносца 9-го дивизиона с начальником дивизиона, 8-й дивизион тральщиков. 2. Демонстрация у Домеснеса и охрана Ирбена—«Цесаревич», Адмирал Макаров» и «Богатырь», 1-й дивизион миноносцев и 2-я группа 5-го дивизиона миноносцев. 3. Содействие армии у Риги—«Баян» и 1-я группа миноносцев 5-го дивизиона с начальником дивизиона. 4. Усиленная воздушная разведка 5. Содействие воздушной разведке—два-три миноносца 9-го дивизиона.

Вторая часть рассматриваемого плана обнимала:

Действия транспортной флотилии.							
Дни.	Часы.	1-й отряд. Куйваст. Войсков.	Обозные.	2, 3 и 4 отряды.—Рига. Войсковые.	Обозные.	5-й отряд грузовой—Ревель.	Буксиры.
1-й день.		Окончание сосредоточения отрядов по портам Ревель и Гельсингфорс для занятия исходного положения.					
Второй день.	до 6 ч. до 12 ч. до 18 ч. до 24 ч.		Из Ревеля поход. 9 узлов. 12 часов.	Выход из Гельсингфорса эшелонами по четыре—шесть транспортов.		Погрузка инженерных грузов.	Поход из Ревеля малых буксиров в Роге-кюль и Куйваст для буксировки при погрузке.
Третий день.	до 6 ч. до 12 ч. до 18 ч. до 24 ч.		Погрузка лошадей и грузов.			Погрузка инженерных грузов.	
Четвертый день.	до 6 ч. до 12 ч. до 18 ч. до 24 ч.	Из Ревеля поход 9 узлов 12 часов.	Погрузка лошадей и грузов.	Из Гельсингфорса поход 6—8 узлов 21—27 час.	Из Гельсингфорса поход 6 узлов 27 часов.	Погрузка инженерных грузов.	Поход из Ревеля больших буксиров в Роге-кюль и Куйваст.
Пятый день.	до 6 ч. до 12 ч. до 18 ч. до 24 ч.	Погрузка войск.		Погрузка войск, лошадей и грузов.		Из Ревеля поход 6 узлов 13 часов.	

Действия транспортной флотилии.							
Дни.	Часы.	1-й отряд.	Куйваст.	2, 3 и 4 отряды—Рига.		5-й отряд грузовой—Ревель.	Буксиры.
		Войсков.	Обозные.	Войсковые.	Обозные.		
Шестой день.	до 6 ч.	Выход.		Выход.		Приемка паромов.	Выход из Куйваста. Поход 4 узла 21 час.
	до 12 ч.	Поход.		Поход.			
	до 18 ч.	4—5 узлов.		6 узлов.			
	до 24 ч.	17—21 час.		10 часов.		Выход.	
Седьмой день.	до 6 ч.	Высадка.		Высадка.	Выход.		У высадки.
	до 12 ч.				Поход.		
	до 18 ч.				6 узлов.		
	до 24 ч.				9 часов.		
					Высадка.		

В этом отношении необходимо отметить:

1) возложение охраны транспортов в Финском заливе на сторожевую дивизию и группу миноносцев 9-го дивизиона;

2) возложение охраны транспортов в Рижском заливе, идущих через Моонзунд, на линейный корабль «Цесаревич», крейсеры «Адмирал Макаров» и «Богатырь», 1-й дивизион и 2-ю группу 6-го дивизиона миноносцев, а идущих из Риги — на линейный корабль «Слава», крейсеры «Аврору» и «Диану», 4-й дивизион и 1-ю группу 6-го дивизиона миноносцев;

3) воздушную разведку Виндавы и Рижского залива, постепенно усиливавшуюся по мере развития операции и организованную в последние два дня при содействии миноносцев 9-го дивизиона;

4) организацию демонстраций в широком масштабе:

а) во 2-й день—2-й бригадой крейсеров в Ботническом заливе,

б) в 5-й и 6-й дни — 8-м дивизионом тральщиков, под охраною миноносцев 6-го дивизиона, южнее Мессерагоцема,

в) в 7-й день, в день производства высадки — у Домесneса отрядом боевых судов в составе линейного корабля «Цесаревич», крейсеров «Адмирал Макаров» и «Богатырь», 1-го дивизиона миноносцев и 2-й группы 5-го дивизиона миноносцев;

5) организацию охраны Ирбенского пролива:

а) высылкою на 3-й день подводных лодок на 10 дней на позицию на подходах к Ирбену с моря,

б) возложением дозорной службы в Ирбене в течение 4-го, 5-гои 6-го дней на 2-ю группу миноносцев 5-го дивизиона,

в) возложением охраны Ирбенского пролива в день высадки на отряд боевых судов в составе линейного корабля «Цесаревич», крейсеров «Адмирал Макаров» и «Богатырь», 1-го дивизиона миноносцев и 2-й группы 5-го дивизиона миноносцев

г) после спуска десанта и закрепления последнего на берегу охрана Ирбенского пролива могла быть еще усилена отрядом боевых судов в составе линейного корабля «Слава», крейсеров «Аврора» и «Диана», заградителя «Амур», пяти канонерских лодок, 4-го и 6-го дивизионов миноносцев и 8-го дивизиона тральщиков, т. е. почти всеми судами, предназначенными к участию в спуске десанта на берег,

и 6) вывод главных сил боевого флота (1-й и 2-й бригад линейных кораблей и 1-й бригады крейсеров) в Лапвик с тем, чтобы поставить в наибольшую готовность на случай весьма вероятного появления в Балтийском море больших сил германского флота.

Затем, «план» обеспечивал десантному отряду могучее содействие боевого флота при производстве высадки, предназначая для этой цели отряд боевых судов в составе линейного корабля «Слава», крейсеров «Аврора» и «Диана», заградителя «Амур», канонерских лодок «Хивинец», «Грозящий», «Храбрый», «Гиляк» и «Бобр», 4-го и 6-го дивизионов миноносцев, трех миноносцев 9-го дивизиона и 8 го дивизиона тральщиков.

Наконец, «план» предусматривал содействие боевого флота операциям армии в районе Риги, для чего предназначались: крейсер «Баян» и 1-я группа миноносцев 5-го дивизиона.

План давал задания всем составным частям операции до производства высадки включи-

тельно и совершенно не касался действий десантного отряда на берегу, ибо эти действия уже выходили из рамок десантной операции и относились всецело к компетенции сухопутного командования.

Рассмотренный «План выполнения десантной операции и ее обеспечения» был утвержден командующим флотом Балтийского моря 19-го июля 1916 г.

Позднее, вследствие последовавшего 26-го июля приказания о перевозке по железной дороге в Ригу 116-й дивизии с ее артиллериею из Гельсингфорса, а также дивизиона полевой артиллерийской бригады и 6 дм. гаубичной батареи из Ревеля, план этот был подвергнут изменению в том смысле, что транспорты, предназначенные к подаче под погрузку указанных частей в Гельсингфорс и Ревель, были переведены на Ригу.

Но еще ранее утверждения рассмотренного плана командующим флотом начальники составных частей экспедиции уже получили необходимые им задания для детальной разработки вопросов и производства необходимых распоряжений.

Важнейшими из этих вопросов являлись мероприятия, связанные с посадкою, перевозкою и высадкою десантного отряда. Среди этих последних главную роль играли совместные действия сухопутных и морских сил при производстве высадки на неприятельский берег.

Операция резко распадалась на две части: 1) погрузка десантного отряда на суда, перевозка его морем и высадка на неприятельский берег и 2) действия десантного отряда на неприятельском берегу. Первая из этих частей была по существу морскою; при выполнении ее десантный отряд являлся как бы пассажиром, которого флот обязывался доставить на неприятельский берег. Естественно, что при таких условиях все распоряжения принадлежали флоту. Во второй части операции господствующее положение играл сухопутный отряд. Успех его действий должен был являться главною заботою и флота, а потому в это время все требования должны были исходить уже от сухопутного командования, а флот обязан был всемерно помогать последнему в достижении поставленных ему целей.

Следовательно, разработку плана первой части операции должно было вести морское командование, а второй части— сухопутное. Такого решения требовали интересы дела, такое именно решение подсказывала практика Черного моря, но

командование Балтийским флотом решило вопрос иначе и поручило разработку основного плана операции начальнику «отряда особого назначения» [1]), генералу Геруа, прибывшему в штаб командующего флотом 5-го июля.

Первою его заботою, конечно, было создание штаба отряда, т. е. того органа, который должен был облегчить ему работу и по подготовке операции, и по ее выполнению. Начальником штаба Геруа наметил лично ему известного генерального штаба подполковника Верховского [2]).

8-го июля последний прибыл в Ревель и приступил к работе совместно с Геруа. По его указанию была составлена «Программа работы по подготовке высадки», заключавшая в себе следующее: [3])

«1) Назначить сразу одного начальника над флотом и сухопутными войсками—руководителя всей операции.

«2) Выяснить: а) число офицеров, людей, лошадей, повозок, орудий, автомобилей; б) под'емную силу флотилии. Разбить на эшелоны и установить, где и какой полк и дивизия пойдут (план посадки).

«3) Выяснить: а) под'емную силу первого броска—максимальную для всех средств высадки; б) через сколько времени остальные эшелоны.

«4) Произвести воздушную личную разведку района, где по стратегическим соображениям высадка выгодна. Выяснить все это.

«5) Установить план операции в зависимости от организации всей перевозки и боя и от средств высадки и результата разведки.

Если будет признана необходимой организация демонстраций, разрабатывать их параллельно и совершенно так же, как и главную операцию.

---

[1]) Первоначальное название десантного отряда.

[2]) Дело Морискома № 8.078, часть I, стр. 137. Телеграмма Геруа Начальнику штаба Северного фронта от 5-го июля 1916 г. №—741/сух.

«Для скорейшей организации штаба десантного отряда прошу немедленного командирования в Ревель долженствующего сегодня прибыть в Псков подполковника Верховского, одного обер-офицера генерального штаба по усмотрению вашего превосходительства, а также, если на то последует согласие прямого начальства, старшего ад'ютанта штаба 38-й пехотной дивизии, штабс-капитана Сандера и обер-офицера для поручений при управлении интенданта той же дивизии, штабс-капитана Дроздовского, в качестве отрядного интенданта. № 741/сух.».

Генерал-майор Геруа.

[3]) Дело Морискома № 8.078, часть I, стр. 398. Программа работы по подготовке высадки.

«6) Интендантство и артиллерист составляют расчет всего необходимого для высадки на берег с 1-м эшелоном.

Начальник инженеров — расчет тех организаций, которые необходимы ему по условиям операции, и средств для полной работы.

Организовать погрузку на пароходы так, чтобы один груз был минимум на двух пароходах (второй — на случай аварии).

«7) Войскам должны быть даны их первые задачи по высадке на берег.

Приказано соответственными маневрами репетировать развертывание на берегу и установление связи.

Установить условные знаки на берегу, к которым частям высаживаться.

Пробные посадки и высадки для ознакомления с техникою.

«8) Разработать организацию связи во все периоды операции.

«9) Организация артиллерийского, инженерного и интендантского довольствия на дальний путь.

«10) Разработать порядок высадки и выгрузки и приказ для боя (первые задачи)».

С морской стороны.

«1) Разработать, в соответствии с выработанным планом боя, разворачивание боевых кораблей и транспортного флота перед районом высадки и порядок построения транспортов в разные периоды боя.

«2) Разработать организацию артиллерийского огня, подсчитав точно число орудий и снарядов, сообразно той или другой задаче.

«3) Разработать распределение движения высадочных средств точно по кораблям.

«4) Разработать кругооборот транспортов за следующими очередями перевозки.

«5) Организация кругооборота интендантского, артиллерийского и инженерного довольствия.

«6) Оборудование базы высадки».

Изложенная, наспех составленная и страдающая многими недочетами, «Программа работы по подготовке высадки» является скорее памятною запискою с перечнем вопросов, которые необходимо было выяснить, обсудить и разработать совместно с представителями морского командования.

Первым результатом этой работы Геруа и Верховского явился «Схематический план десантной операции на побережьи Рижского залива (Основной, для предварительных расчетов)», который заключал в себе следующее [1]):

I. Цель операции.

«Высадкой десантного корпуса, произведенной у м. Роена [2]) по прошествии нескольких дней со времени перехода в наступление армий нашего Северного фронта и с достижением ими некоторых успехов, привлечь к этому удаленному от общего фронта району часть находящихся в бою неприятельских сил и тем, способствуя дальнейшему развитию успехов наших армий на главном их фронте, создать одновременно с сим активным нажимом угрозу всему левому флангу неприятельского расположения и тем обеспечить выход частей Северного фронта на фланг германских армий.

II. Избранный для десанта участок побережья.

Для производства десанта избран участок от устья р. Роен до с. Гибкен; основаниями для выбора места служили: 1) удобство побережья, благодаря наличию мелких пристаней, 2) достаточное количество дорог из района для возможного развития активных действий, 3) достаточное удаление от фланга германских армий, обеспечивающее слабость сопротивления в первые моменты высадки, и 4) опасность высадки в других удобных пунктах: а) у Ангернского озера и б) у Домеснеса—возможность более внимательного наблюдения и сильной охраны, благодаря бывшему здесь десанту.

Первый эшелон предположено высаживать у с. Гибкен, вследствие вероятности минирования устья р. Роен.

III. Сведения о противнике.

Левый фланг германских армий примыкает к побережью северо-западнее оз. Кангер. На охране побережья, по имеющимся последним данным, находятся части 1-й германской кавалерийской дивизии. Ближайшие резервы, могущие

---

[1]) Дело Морискома № 11.285, стр. 85. Схематический план десантной операции на побережьи Рижского залива (Основной для предварительных расчетов). Карты 1 и 2 вер. в 1 дюйме.

[2]) См. схему № 1.

быть двинутыми для противодействия десанту, находятся в районе Туккума.

Для переброски сил как от Виндавы, так и от Туккума и Митавы, служит железная дорога Митава-Виндава, имеющая поэтому громадное значение.

IV. Силы десантного корпуса.

а) Конница:

20-й драгунский Финляндский полк . .	6	эск.	4 пул.
Полк офицерской кавалерийской школы .	6	»	2 »
Ревельск. пограничн. конн. дивизион . .	$1^1/_4$	сот.	2 »
Партизанский отряд	200	коней	
Конная батарея	6	орудий.	

б) Пехота:

Три полка отдельной морской бригады .	6	бат.	30 пул.
116-я пехотная дивизия	12	»	48 »
4-й Видземский латышский баталион . .	1	»	4 »
2-й бат. 434-го Череповецкого полка . .	1	»	4 »

в) Артиллерия:

116-й артиллерийский дивизион	18	орудий
Дивизион полевой бригады морской крепости .	18	»
Две батареи отдельного морского дивизиона .	8	»
6 дм. гаубичная батарея морской крепости .	4	гаубицы.

г) Инженерные войска:

2-я крепостная Свеаборгская саперная рота.
2-я отдельная Сибирская саперная рота.
4-я рота 6-го запасного саперного баталиона.
Кабельное отделение телеграфной роты морской крепости.
Отделение воздухоплавательной роты морской крепости.
18-я инженерная рабочая дружина.
Островское инженерное строительство.
Гидротехнический отряд.

V. Морские силы.

Морские силы, участвующие в производстве десантной операции под общим командованием начальника минной дивизии, в составе:

линейный корабль «Слава . . .	IV-12″, XII-6″, IV-аэроп.
крейсер «Богатырь»	XVI—130 м/м.
» «Диана»	X—130 »
заградитель «Амур»	IX—120 »
канонерская лодка «Храбрый» . .	V—130 »
» » «Грозящий» .	IV—120 »
» » «Хивинец» . .	IV—120 »
» » «Бобр» . . .	II—120 »
» » «Гиляк» . .	II—120 »

1-й дивизион миноносцев	— 2 миноносца	—	VIII—105 м/м
4-й » »	— 4 »	—	XII—105 »
5-й » »	— 8 »	—	XVI—105 »
6-й » »	— 8 »	—	XXIV—105 »
9-й » »	—10 »	—	XX— 75 »

тральщики №№ 3, 11, 12 и 23.
Авиационное судно «Орлица».
Подводных лодок 6-го дивизиона — 5.

VI. Авиация.

Авиационное судно «Орлица» с одним судовым авиационным отрядом (4 аэропл.); авиационные станции: Менто (10 аппарат.), Аренсбург (3 аппарат.) и Руно (10 аппаратов).

VII. Морские транспортные и перевозочные средства.

а) Головной отряд первого эшелона будет погружен на боевые суда флота: 5 канонерок, заградитель «Амур», линейный корабль «Слава», крейсера «Богатырь» и «Диана». Для своза на берег: шлюпки с этих и других судов.

б) Для главных сил первого эшелона: транспортная флотилия под общим командованием капитата I-го ранга Иванова, в составе согласно особого приложения.

VIII. Пункты сосредоточения и посадки.

Для посадки на суда части десанта предварительно сосредоточиваются соответственно местам постоянного квартирования.

а) Части Отдельной морской бригады (6 бат. 8 орудий)—на остр. Моон; посадка Куйваст.

116-я пехотная дивизия (12 бат., 18 орудий) и 2-я крепостная Свеаборгская саперная рота—в Свеаборге; там же и посадка.

б) Сотня пограничников, дивизион полевой бригады, кабельное отделение и воздухоплавательное отделение морской крепости императора Петра Великого, 6 дм. гаубичная батарея, парк полевой бригады, 2-я отдельная Сибирская саперная рота, 4-я рота 6-го запасного саперного баталиона, 18-я инженерная дружина и Островское инженерное строительство—в Ревеле, где и посадка (всего $1^1/_4$ сотни, 22 орудия, 2 саперн. роты, 2 отделения).

в) 4-я отдельная каваллерийская бригада, 4-й Видземский латышский баталион, баталион 434 го полка и партизанский отряд в г. Риге, где и посадка (всего 12 эск., 2 бат. и 1 отряд).

IX. Разделение десанта на эшелоны.

Как основной принцип деления на эшелоны, принято положение:

а) в 1-й эшелон назначается возможно большее число бойцов и технических средств и минимум обоза,

б) во 2-й эшелон—все остальные бойцы и технические средства, войсковые и санитарные обозы и часть грузов, без коих невозможно обойтись в продолжение недели и

в) в последующие эшелоны—все остальные грузы.

Сообразно наличных транспортных средств, разделение войск на эшелоны предположено согласно прилагаемым ведомостям №№ 1, 2 и 3.

Из войсковых обозов предположено иметь при первом эшелоне обоз 1-го разряда, в составе, указанном ведомостью № 4 [1]).

X. База и снабжение.

Базой операции назначен порт императора Петра Великого.

Снабжение частей десантного корпуса возложено на морскую крепость императора Петра Великого.

I) Питание боевыми припасами.

Вопросами артиллерийского снабжения, на правах инспектора артиллерии корпуса, ведает командир полевой артиллерийской бригады морской крепости, полковник Чаплин; снабжение же возложено на начальника артиллерии сухо-

[1]) При «Схематическом плане» приложена записка: «Приложения будут объявлены дополнительно». Действительно, они были объявлены, но значительно позже и не под теми нумерами, которые указаны в плане.

путного фронта морской крепости императора Петра Великого, которым на месте высадки будет открыт местный парк.

Для питания боевыми припасами начальнику артиллерии предписано иметь постоянный запас, в размере:

винтовок Арисака	5.000	шт.
ружейных патронов.	10.000.000	»
пулеметных патронов	2.000.000	»
патронов 3 дм. скорострельных.	15.000	»
германских 77 м/м. патронов— весь наличный запас около .	4.000	»
снарядов и зарядов к 6 дм. кр. гаубицам	2.000	»

По мере расходования боевые припасы должны пополняться до указанной нормы. Сведения об общем числе боевых припасов, коими располагает отряд, и их распределении— в особых ведомостях инспектора артиллерии.

2) Снабжение продовольствием.

Снабжение продовольствием возложено на интенданта морской крепости, а заведывание интендантскою частью отряда возложено на состоящего при штабе отряда штабс-капитана Дроздовского.

В основу положено стремление питать людей печеным хлебом и свежим мясом, избегая всемерно перехода на сухари и консервы.

а) Хлеб. Подвозится на пароходе «Долли» из Риги, в размере двухдневного запаса Выпекается в заарендованных корпусным интендантом VII-го Сибирского корпуса хлебопекарнях.

б) Мясо. Подвозится на транспорте «Тор» из Аренсбурга ежедневно битое мясо на базу высадки.

В случае невозможности почему либо доставить свежее мясо, будет отпускаться мороженое мясо из холодильников «Сухона» и «Николай», находящихся в Моонзундской базе и могущих приходить, когда нужно, к базе высадки.

С началом движения отряда вглубь материка будет сформирован гурт скота, который может быть перевезен и пополняем транспортами.

в) Крупа, сало, консервы, сухари, соль, рис, чай, сахар, овощи и фураж. В базе высадки формируется расходный магазин, трехнедельная потребность

которого выражается в 80.000 пуд. (на 23.000 человек и 3.500 лошадей).

г) В случае увеличения отряда запас может быть доведен до потребной цифры, так как транспорты «Обсидион», «Флоур» и «Калева» могут поднять 150.000 пудов одновременно.

д) При продвижении отряда комендант морской крепости формирует корпусный продовольственный транспорт в 400 повозок (10.000 пудов)—4 взвода по 100 повозок поднимают трехдневный запас продовольствия и двухдневный хлебный запас на 23.000 человек и 3.500 лошадей.

3) Инженерные средства.

Из инженерных средств в первых эшелонах должны быть перевезены все части инженерных войск, инженерная рабочая дружина и необходимая по усмотрению инженера корпуса часть строительства и инженерного имущества. Ведомости №№ 5 и 6.

XI. Общий план высадки.

Все силы десантного корпуса, как указано раньше, делятся на три эшелона.

Головной отряд первого эшелона, доставленный к месту высадки ночью на военных судах и переброшенный на шлюпках этих судов на берег, овладевает после короткой артиллерийской подготовки участком побережья, расположенным в 6—12 верстах к северу от Роена. Непосредственно за ним высаженные части первого эшелона закрепляют высадочный плацдарм, а следующие за ними направляются к югу, овладевают гаванью Роена и прилегающим к ней районом и закрепляют за собой этот последний.

Для лучшего обеспечения всей операции, одновременно с высадкой у Роена, производится непродолжительный демонстративный артиллерийский обстрел побережья у м. Домеснеса и Мессерагоцема особыми отрядами судов, включающими в свой состав и транспорты, предназначенные к выгрузке во вторую очередь.

XII. Частные задачи отдельных частей флота.

1) Линейный корабль «Слава», крейсер «Богатырь», крейсер «Диана», заградитель «Амур», канонерские лодки «Храбрый», «Грозящий», «Хивинец», «Бобр», «Гиляк»,

миноносцы 4-го дивизиона и два миноносца 9-го дивизиона составляют головной отряд, долженствующий доставить головную часть десантного корпуса к месту высадки, произвести артиллерийскую ее подготовку, перебросить десант на своих шлюпках на берег, обеспечить в дальнейшим своим огнем выполнение возложенной на десант задачи и, в случае надобности, принять его обратно на свои суда.

2) 1-я группа миноносцев 5-го дивизиона с тральщиками №№ 3 и 11 и частью транспортов, по указанию начальника отряда транспортов, демонстративно обстреливают побережье у Мессерагоцема и подходят к берегу.

3) Два миноносца 1-го дивизиона с тральщиками №№ 12 и 23 и транспортами, по указанию начальника отряда транспортов, демонстративно обстреливают и подходят к побережью у м. Домеснеса.

4) 1-я группа миноносцев 6-го дивизиона конвоирует транспортную флотилию с 1-м отрядом главных сил десанта.

XIII. Подготовка операции.

1) Накануне дня, назначенного для выполнения операции, первый эшелон десантного корпуса, посаженный на суда флота и на транспорты, а также и морские силы сосредоточиваются на рейде Куйваст.

2) В период выполнения операции воздушная разведка будет организована следующим образом: а) воздушный отряд острова Руно с авиационным судном «Орлица« (10 аппаратов) каждые 3—4 часа будут производить налеты на гидроавиационную станцию на Ангернском озере и вести разведку в районе Мессерагоцема; б) второй отряд (10 аппаратов) с полуострова Цереля будет вести разведку Ирбенского пролива до Михайловского маяка и в) Килькондский отряд наблюдает за морем к западу от острова Эзеля.

Выясняется возможность установления 12-й армией воздушного наблюдения за железной дорогой Туккум-Виндава и за районом Туккум.

3) Одна подводная лодка высылается к вечеру на видимость кирки с. Гибкен, определившись по которой, она с наступлением темноты всплывает, становится, согласно диспозиции, на якорь и, открывая маячный огонь, указывает тем место по диспозиции для головного отряда.

XIV. План выполнения операции.

1) Переход к месту выполнения операции.

В 17 часов накануне дня, указанного для высадки десанта, боевые суда флота с посаженным головным отрядом, вместе с частями назначенными для производства демонстраций, выходят из Куйваста в море с расчетом, оставив остров Руно к W, подойти к месту по диспозиции для высадки десанта непосредственно перед рассветом, т. е. около 2 часов ночи.

С приходом на параллель острова Руно отряды, предназначенные для демонстраций, по сигналу адмирала отделяются от главного отряда и следуют каждый к месту своего назначения с расчетом быть там на рассвете.

Транспортная флотилия с главными силами десантного корпуса, под конвоем группы миноносцев 6-го дивизиона, выходит из Куйваста через $^1/_2$ часа вслед за головным отрядом и держится сзади него во все продолжение пути в 40 кабельтовых.

На походе на судах головного отряда проверяется расписание людей, идущих в десант, по шлюпкам, знакомство каждой части с поставленной ей боевой задачей и ведомость грузов, кои должны быть взяты на шлюпках с собой. К 2 часам ночи на паровых катерах разводятся пары и как катера, так и гребные шлюпки готовятся к спуску. На судах отряда все огни, кроме кильватерных, должны быть скрыты.

2) Постановка на якорь и посадка десанта на шлюпки.

С подходом на дистанцию 40 кабельтовых, с южной оконечности участка побережья, назначенного для высадки у с. Жоцен и обозначенного огнем подводной лодки, весь отряд поворачивает последовательно на 8 румбов вправо и, по сигналу адмирала, всеми судами вдруг становится на якорь по диспозиции № 1, в главных частях совпадающей с порядком судов на походе [1]).

Место по диспозиции назначено каждому кораблю так, чтобы десант свозился на берег прямо перед собою.

Немедленно по постановке судов на якорь спускаются на воду все шлюпки и, по особому расписанию, с половинным числом гребцов подаются к трапам. Первыми на бук-

---

[1]) Диспозиция приведена ниже при рассмотрении вопроса о содействии боевого флота десанту.

сире паровых катеров подходят вельботы, предназначенные для посадки на них разведывательных партий. Тотчас же начинается посадка на шлюпки разведывательных партий, а вслед за тем и других частей десанта. С окончанием посадки десанта шлюпки выстраиваются в кильватерной колонне на правом траверзе своих кораблей и принимаются на буксире паровыми катерами, находящимися под командою морских офицеров и вооруженными пулеметами. По готовности шлюпочных колонн корабли поднимают свои позывные.

Примечание. В случае недостаточного числа шлюпок на линейном корабле «Слава» для посадки всех находящихся на нем частей, к «Славе», сразу по постановке судов на якорь, направляются шлюпки на буксире паровых катеров с заградителя «Амур» и крейсера «Богатырь», которые в этом случае свозят своих людей во 2-ю очередь на шлюпках, освободившихся по высадке частей десанта первой очереди.

3) Своз десанта на берег и артиллерийская его подготовка.

Тотчас же по высадке на шлюпки разведочных партий, им через миноносец отдается приказание адмирала следовать к берегу. Миноносец идет впереди этих шлюпок для связи и непосредственной артиллерийской поддержки. Паровые катера при приближении к берегу, в том случае, если с берега по шлюпкам откроют огонь, обстреливают из пулеметов каждый на своем участке побережье и опушку леса.

Когда шлюпки с разведчиками отойдут на достаточное расстояние вперед, адмиралом через другой миноносец отдается приказание шлюпочным колоннам с десантом дать ход вперед. Каждая шлюпочная колонна направляется к берегу на ближайший его участок прямо перед собою. Миноносец идет к берегу впереди шлюпочных колонн с десантом для связи и непосредственной артиллерийской поддержки.

Движением шлюпок каждой колонны командует морской офицер, находящийся на паровом катере. Сухопутные начальники находятся на головных гребных шлюпках своих частей. Морской офицер, ведущий колонну шлюпок с десантом, старается подвести ее возможно ближе к берегу, насколько то позволяет глубина, но озабочивается вместе с тем во время отдать буксир, чтобы не посадить свой катер на мель. По пути к берегу, если таковой будет еще занят неприятелем, пулеметы паровых катеров, по указаниям развед-

чиков, уже с предельных дистанций открывают каждый на своем участке беглый огонь по оборонительным сооружениям неприятеля на берегу, а если таковых не видно, то по опушке леса.

При подходе к берегу десантные части пользуются указаниями разведчиков, которые, выйдя на берег первыми, уходят вглубь береговой полосы и устанавливают с берегом сначала искровую, а затем телефонную связь.

Отдав буксиры, шлюпки с десантом под веслами, по способности, приближаются к берегу, и десантные части по сигналу своего офицера бросаются в воду и, выйдя на берег, немедленно же занимают указанные для каждой части пункты.

Гребные суда, едва только они коснутся грунта, становятся кормой на дрек.

По освобождении шлюпок от первых партий десанта, они немедленно, если это нужно, возвращаются на буксире своих катеров за вторыми его партиями, а по окончательном свозе десанта на берег становятся против своих участков на дрек, на случай надобности принять десант обратно.

Одновременно с отплытием шлюпок с разведывательными партиями в направлении к берегу адмиралом отдается приказание судам отряда переменить свое место по диспозиции № 2 [1]).

С постановкою судов на якорь по новой диспозиции, они возможно точнее определяют свое место и, по сигналу адмирала, начинают артиллерийскую подготовку высадки десанта, которая ведется впродолжении того времени, пока шлюпки не подойдут на расстояние 10 кабельтовых к берегу. С приближением десанта на это расстояние к берегу, непосредственная артиллерийская его подготовка заменяется заградительным огнем артиллерии, служащим для обеспечения поддержки уже высадившихся на берег частей десанта.

Одновременно с началом огня канонерских лодок, линейный корабль «Слава» редким огнем 6 дм. артиллерии обстреливает побережье к югу от участка побережья, назначенного для высадки у Роена, и местность далее к югу в пределах своей дальности.

4) Артиллерийская поддержка высадившегося десанта.

«Как указано было выше, с высадкой десанта непосредственная артиллерийская его подготовка прекращается, заменяясь заградительным огнем всех канонерских лодок и 75 м/м.

[1]) Диспозиция приведена ниже, при рассмотрении вопроса о содействии боевого флота десанту.

артиллерии линейного корабля «Слава», который заключается в том, что огонь орудий всех калибров на каждом участке переносится с побережья вглубь территории на расстояние в 10—15 кабельтовых от береговой черты. При этом обращается внимание на более важные в военном отношении участки. Завеса продвигается вперед по мере движения передовых частей.

«Войска десанта в это же время, очистив от неприятеля самое побережье, продвигаются прямо перед собою вглубь территории и занимают противоположную берегу опушку леса, течение реки Роен на этом участке и узлы дорог на левом фланге у с. Жоцен и на правом—у с. Гибкен.

«По установлении связи с берегом и возможности корректировать стрельбу, заградительный огонь, по сигналу адмирала, прекращается и взамен него открывается для развития действий частей десанта теми же судами огонь по назначенным для них квадратам и целям.

«С продвижением частей десанта к югу в направлении Роена, тот же управляемый огонь по квадратам переносится соответственно к югу, для чего назначаются линейный корабль «Слава» и крейсер «Богатырь», каковые суда занимают для того новые места, согласно диспозиции № 3. [1])

«5) Высадка главных сил эшелона.

«Тотчас по закреплении на берегу частей головного отряда, по сигналу адмирала, начинается высадка главных сил десанта, каковые для этой цели своевременно сажаются на плашкоуты и другие перевозочные средства транспортной флотилии, занимающей, с отходом канонерок на якорное место по диспозиции № 2, якорное место по диспозиции № 1.

Вр. и. д. начальника отряда
особого назначения, генерал-майор Геруа.

Вр. и. д. начальника штаба, генерального штаба
подполковник Верховский.

Крепость императора Петра Великого.

10-го июля 1916 г.

Изложенный здесь «Схематический план» был рассмотрен и утвержден Каниным *11-го июля 1916 г.*, о чем свидетельствует следующая положенная на нем резолюция:

---

[1]) Диспозиция приведена ниже, при рассмотрении вопроса о содействии боевого флота десанту.

«Командующий флотом одобрил основные положения настоящего плана высадки для дальнейшей детальной его разработки».

Контр-адмирал Григоров.

11-го июля 1916 г.

Дальнейшая детальная разработка должна была вестись уже отдельно командованиями десантного отряда, транспортной флотилии и отряда прикрытия, но все время в полном согласии между собою, ибо подавляющее большинство вопросов самым живым образом затрагивало все указанные части экспедиции. Доминирующее значение в этих работах, естественно, должно было бы принадлежать командованию морскими силами Рижского залива, так как остальные части экспедиции являлись или вспомогательными, обслуживающими интересы сухопутного отряда (транспортная флотилия), или объектом переброски морем (сухопутный отряд).

Командованию десантным отрядом предстояло:

1) выяснить количество офицеров, нижних чинов, лошадей, орудий, повозок, автомобилей и запасов, подлежавших переброске на неприятельский берег;

2) получить от морского командования сведения о под'емной силе боевого и транспортного флотов, могущих принять участие в экспедиции, в целях определения силы первого броска десанта;

3) исходя из этой данной разбить живую силу, материальную часть и запасы десантного отряда на очереди (эшелоны) перевозки, а очереди разделить на отряды, т.-е. разработать план перевозки;

4) выяснить пункты посадки каждого из отрядов, места погрузки на каждый из кораблей и средства, которыми должна быть произведена погрузка, т.-е. разработать план посадки;

5) произвести все виды разведки (тайную, воздушную и личную) намеченных района и пункта высадки;

6) разработать порядок высадки и выгрузки и приказ для боя, обнимающий первые задачи войск на берегу,

7) разработать организацию связи во все периоды операции и 8) организовать артиллерийское, инженерное и интендантское довольствие десантного отряда во время перевозки и во время операций на берегу.

Командование отрядом прикрытия должно было:

1) разработать план обеспечения десантного отряда во время перехода морем;

2) разработать план боя и необходимых демонстраций;

3) выработать диспозицию для боя, организацию артиллерийского огня и ближайшей поддержки десантного отряда боевыми судами при самом производстве высадки на берег;

4) разработать план самой высадки;

5) разработать план боя с неприятельским флотом, в случае попытки последнего прорваться в Рижский залив и

6) установить организацию связи флота с сухопутными войсками.

Наконец, **командованию транспортной флотилией предстояло:**

1) организовать транспортный флот возможно большей под'емной силы;

2) оборудовать и приспособить транспорты для перевозки войск и грузов;

3) собрать возможно большее количество плавучих средств высадки, распределить их по транспортам и организовать службу их;

4) разработать план движения транспортного флота в зависимости от очереди и эшелона перевозки;

5) выработать порядок развертывания транспортного флота в бою, порядок построения транспортов в разные периоды боя и порядок производства высадки;

6) установить кругооборот транспортов за следующими очередями перевозки;

7) организовать оборудование базы высадки;

8) установить кругооборот подвоза интендантского, артиллерийского и инженерного довольствия;

9) разработать эвакуацию больных и раненых и

10) выяснить меры, необходимые для переноса базы в другой пункт побережья.

При исследовании детальной разработки соображений рассматриваемой операции мы будем придерживаться порядка указанных вопросных пунктов.

Выяснение количества людей, лошадей, материальной части и запасов, подлежавших переброске на неприятельский берег,

началось немедленно по получении приказа о производстве десантной операции, еще до прибытия Геруа, и производилось штабами Балтийского флота, десантного отряда, морской крепости и крепости Свеаборга в течение всего периода подготовки экспедиции. Эти основные подсчеты несколько раз нарушались изменениями состава десантного отряда, что неизбежно вызывало пересоставление всех ведомостей, расчетов и соображений погрузки, перевозки и высадки.

По сведениям к *16-му июля* [1]) подлежало переброске на неприятельский берег всего 1.065 офицеров, 47.656 нижних чинов, 11.665 лошадей, 314 голов скота, 234 орудий и пулеметов, 152 ящика, 3.197 повозок и двуколок, 16 автомобилей и мотоциклетов и 103.308 пуд. груза. В конце июля с назначением в состав десантного отряда еще двух мортирных батарей, двух артиллерийских парков и продовольственного транспорта, численность его еще увеличилась и, в общем, можно считать дошла до 50.000 человек и до 300.000 пуд. груза.

По сведениям, имевшимся к тому же *16-му июля* от транспортной флотилии, она располагала 32 транспортами, общим водоизмещением в 87.371 тонну; 10 транспортов, с общим водоизмещением около 25.000 тонн, находилось в периоде оборудования и, кроме того в запасе имелось еще 9 транспортов [2]).

Эти транспортные средства, по соображениям командующего транспортной флотилией, капитана 1-го ранга Иванова 8-го, могли поднять одновременно до 27.000 чел., 4.500 лошадей и 1100 повозок.

Кроме того, боевые корабли могли принять к себе на борт 70 офиц. и 2854 нижн. чина.

Следовательно, максимальная сила первого броска могла быть доведена почти до 30.000 чел., 4.500 лошадей и 1.100 повозок, не считая орудий, пулеметов и груза.

Исходя из этих данных и стремясь возможно менее нарушать организацию войсковых соединений, в штабе десантного отряда был составлен «План перевозки войск», причем вся перевозка была разделена на три очереди:

---

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть 1, стр. 275—282. План перевозки войск, составленный в штабе отряда особого назначения (десантного).

[2]) Дело Морискома № 13.135, стр. 90. Справка о состоянии организации транспортной флотилии особого назначения к 16-му июля 1916 г.

в 1-ю очередь—максимум бойцов и минимум грузов, во 2-ю очередь—остальные бойцы и максимум грузов, в 3-ю очередь—остальные грузы.

Согласно этому плану, войска и учреждения десантного отряда были распределены по эшелонам (очередям) следующим образом [1]):

№№ по пор.	Наименование частей.	Где грузятся	Отметка
	Первый эшелон (первая очередь)		
1	Штаб головного отряда с командами . .	Рига	На боевых судах
2	Латышский стрелковый баталион	»	
3	Баталион от 3-й стрелк. дивизии	»	
4	Спешенный дивизион 20-го драгунского Финляндского полка	»	
5	Партизанский отряд	»	
1	Штаб десантного отряда	Ревель	На транспортах
2	3-я стрелк. дивизия с артиллерийским дивизионом, перевязочным отрядом и частью обоза 1-го разряда	Рига	
3	Морская бригада с артиллерийским дивизионом, перевязочным отрядом и частью обоза 1-го разряда	Куйваст	
4	Кабельное отделение морской крепости .	Ревель	
5	Наблюдательная воздухоплавательная станция	»	
6	2-я отдельная Сибирская саперная рота .	»	
7	2-я Свеаборгская саперная рота	Гельсингфорс	
8	4-я рота 6-го запасного саперн. баталиона .	Ревель	
9	18-я инженерная рабочая дружина . . .	»	
10	Островское инженерное строительство . .	»	

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть 1, стр. 272—274. Распределение войск и учреждений по эшелонам перевозки.

№№ по пор.	Наименование частей.	Где грузятся	Отметка
11	Гидротехническая организация	Гельсингфорс Ревель.	На транспортах
12	Четыре искровых станции	1 из Ревеля	
13	Лошади и коноводы головного отряда . .	3 из Риги Рига	
	Второй эшелон (вторая очередь)		
1	116-я пех. дивизия с артиллерийским дивизионом, перевязочным отрядом и частью обоза 1-го разряда	Гельсингфорс	
2	4-я отдельная кавалерийская бригада (без дивизиона) с конной батареей, частью обоза 1 разряда и санитарным транспортом . . .	Рига	
3	Две батареи полевой бригады сухопутного фронта морской крепости	Ревель	
4	Отдельная телеграфная рота	»	
5	Искровая станция № 162	»	
	Третий эшелон (третья очередь)		
1	Сотня пограничной стражи	Ревель	
2	Батарея полевой бригады сухопутного фронта морской крепости	»	
3	6 дм. гаубичная батарея сухопутного фронта морской крепости с парком	»	
4	Парки всех частей	Из всех портов	
5	Остатки обозов 1 разряда	»	
6	Остатки обозов саперных рот и строительства	»	
7	Обозы 2-го разряда всех частей	»	
8	Дивизионные обозы всех частей	»	
9	Лазареты всех частей	»	
10	Питательный отряд союза городов . . .	Рига	

Приведенные перечни были достаточны для войсковых частей и учреждений, чтобы знать в какую очередь и где явиться на погрузку, но они не могли удовлетворить боевых судов и транспортную флотилию, которые должны были знать какое количество людей, лошадей, повозок и груза им предстоит принять на борт.

Поэтому, кроме означенных перечней, в штабе десантного отряда были составлены 4 плановых таблицы перевозки войск: таблица № 1—из Риги, № 2—из Куйваста, № 3—из Ревеля и № 4—из Гельсингфорса. (см. 180—185 стр.).

Позднее, а именно 26-го июля, когда последовало приказание о перевозке в Ригу по железной дороге из Гельсингфорса 116-й пехотной дивизии с ее артиллериею и из Ревеля дивизиона полевой артиллерийской бригады и 6 дм. гаубичной батареи, а равно об усилении состава десантного отряда двумя мортирными батареями, тремя артиллерийскими парками и некоторыми тыловыми учреждениями—эти планы перевозки пришлось переработать в том смысле, что транспорты, предназначенные для перевозки указанных частей из Гельсингфорса и Ревеля, должны были направляться для погрузки их в Ригу. Вместе с тем этою мерою было достигнуто сокращение рейсов большинства транспортов и ускорение кругооборота транспортов для принятия второй и последующих очередей.

При рассмотрении приведенных планов перевозки резко бросается в глаза то обстоятельство, что в 1-м и 2-м эшелонах перевозок с войсками следует только часть обозов 1-го разряда, а все остальные обозы перевозятся в 3-ю очередь. Таким решением вопроса десантный отряд лишался всякой оперативной способности на берегу впредь до прибытия транспортов 3-й очереди, что могло последовать лишь через несколько дней, в зависимости от погоды. До прибытия транспортов 3-й очереди, где были все обозы, отряд не мог отойти от Роена ни для давления на тыл германцев, ни для захвата южного берега Ирбенского пролива. Вследствие изложенного принятое решение необходимо признать совершенно неудовлетворительным и даже, при известных условиях, угрожающим катастрофою.

Следующим вопросом, стоявшим на очереди у штаба десантного отряда, был сбор сведений о противнике и разведка района, намеченного для высадки.

ПЛАН ПЕРЕВОЗКИ ВОЙСК.

ТАБЛИЦА № 1. ИЗ РИГИ.

Очереди	Офицеров			Нижн. чинов			Лошадей			Ско	та гол.		Орудий и пулеметов			Ящиков			Повозок и двухколок			Автомобил. и мотоциклет.			Груза		
	1-я	2-я	3-я	1-я	2-я	3-я	1-я	2-я	3-я	1-я	2-я	3-я	1-я	2-я	3-я	1-я	2-я	3-я	1-я	2-я	3-я	1-я	2-я	3-я	1-я	2-я	3-я
Штаб 3-й стрелковой дивизии	14	—	—	260	—	—	70	—	—	6	—	—	—	—	—	—	—	—	25	—	—	—	—	—	—	—	—
9-й стрелковой полк	69	7	—	3890	130	—	216	—	272	10	10	—	18	—	—	—	—	—	87	86	—	—	—	—	—	—	1500
10-й » »	69	—	9	3970	—	10	263	—	217	10	—	10	19	—	—	—	—	—	87	—	87	—	—	—	—	—	2000
11-й » »	70	—	11	3645	—	145	163	—	231	15	—	12	16	—	—	—	—	—	87	—	84	—	—	—	—	—	1000
12-й » »	70	—	9	3746	—	176	225	—	162	10	—	10	17	—	—	—	—	—	87	—	87	—	—	—	—	—	1000
Перевязочн. отряд	8	—	—	288	—	—	88	—	—	20	—	—	—	—	—	—	—	—	67	—	—	—	—	—	200	—	—
Дивизионные лазареты	—	—	6	—	—	170	—	—	80	—	—	8	—	—	—	—	—	—	—	—	39	—	—	—	—	—	200
Дивизионный обоз	—	—	9	—	—	391	—	—	516	—	—	140	—	—	—	—	—	—	—	—	217	—	—	—	—	—	2000
3-й стрелк. артиллер. дивизион и парк	22	—	9	723	—	587	630	—	630	18	—	15	18	—	—	34	—	44	93	—	161	—	—	—	1000	—	1000
Лошади и коноводы 20-го драгунск. Финляндск. полка	3	—	—	159	—	—	478	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	33	—	—	—	—	—	2800	—	—
Коноводы партизанск. отряда	1	—	—	70	—	—	200	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Полк офицерск. кавалерийск. школы	—	28	—	—	764	—	—	838	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	25	—	—	—	—	—	6150	—	—
Дивизион 20-го драгунского Финляндск. полка	—	14	—	—	483	—	—	559	—	—	—	—	4	—	—	—	—	—	33	—	—	—	—	—	5362	—	—
Штаб кавалерийск. бригады	—	7	—	—	52	—	—	58	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	460	—	—
Стрелковый дивизион кавалерийск. бригады	—	10	—	—	473	—	—	34	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	16	—	—	—	—	—	1400	—	—
Мотоциклетки и конно-саперн. команды	—	2	—	—	50	—	—	49	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	—	—	16	—	—	920	—	—
Конная батарея	—	9	—	—	212	—	—	284	—	—	—	—	6	—	—	12	—	—	3	—	—	—	—	—	2900	—	—
Санитарный транспорт	—	6	—	—	21	—	—	32	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	23	—	—	—	—	—	416	—	—
Искровые станции	3	—	—	60	—	—	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	25	—	—	—	—	—	—	—	—
Обоз латышск. баталиона	1	—	—	278	—	—	173	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	69	—	—	—	—	—	550	—	—
22-й передовой питательн. отряд.	—	—	14	—	—	100	—	—	102	—	—	15	—	—	—	—	—	—	—	—	55	—	—	—	—	—	2500

План перевозки войск.

Таблица № Из Куйваста.

Очереди	Офицеров.			Нижних чинов.			Лошадей.		Скота.			Оруди и пулеметов.			Ящиков.			Повозок и двуколок.			Автомобил. и мотоциклет.			Груза.		
	1-я	2-я	3-я	1-я	2-я	3-я	1-я	2-я	1-я	2-я	3-я	1-я	2-я	3-я	1-я	2-я	3-я	1-я	2-я	3-я	1-я	2-я	3-я	1-я	2-я	3-я
Управление морской бригады	8	—	—	132	—	—	15	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9	—	—	—	—	—	—	—	—
1-й морской полк	37	—	1	2247	—	40	116	—	—	—	—	10	—	—	—	—	—	42	—	40	—	—	—	2000	—	—
2-й » »	39	—	1	2232	—	40	150	—	—	—	—	10	—	—	—	—	—	42	—	40	—	—	—	2000	—	—
3-й » »	39	—	1	2201	—	40	104	—	—	—	—	10	—	—	—	—	—	42	—	40	—	—	—	2000	—	—
Перевязочный отряд	6	—	—	294	—	—	55	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	22	—	—	—	—	—	—	—	—
Морской артиллерийск. дивизион и парк	12	—	4	334	—	193	286	—	—	—	—	8	—	—	20	—	7	21	—	10	—	—	—	1000	—	—
Конно-пулеметные батареи	4	—	—	120	—	—	69	—	—	—	—	8	—	—	—	—	—	10	—	—	—	—	—	—	—	—
Дивизионный обоз	—	—	2	—	—	133	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	40	—	—	—	—	—	—

Таблица № Из Ревеля.

Штаб отряда с искровой станцией № 21	2	—	—	174	—	—	102	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	28	—	—	—	—	—	—	—	—
Дивизион полев. артиллер. бригады сухопутн. фронта и парк	—	18	8	—	467	582	—	344	—	—	—	—	12	6	—	16	8	—	42	77	—	—	—	—	1000	1000
6 дм. тяжелая батарея	—	—	6	—	—	219	—	—	—	—	5	—	—	4	—	—	11	—	—	13	—	—	—	—	—	2000
Сотня пограничн. стражи	—	—	4	—	—	130	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	13	—	—	—	—	—	—
Кабельное отделение	2	—	—	74	—	—	22	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	19	—	—	—	—	—	500	—	—
2-я отдельн. Сибирск. саперн. рота	5	—	—	315	—	—	41	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	25	—	—	—	—	—	500	—	—
4-я рота 6-го запасн. саперного батальона	4	—	—	223	—	—	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—
18-я инженерная рабочая дружина	13	—	2	1000	—	100	82	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	23	—	51	—	—	—	34000	—	8000
Строительство и организац.	8	—	—	9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Отдельная телеграфн. рота	—	4	—	—	200	—	—	120	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	50	—	—	—	—	—	1000	—
Наблюдательная воздухоплавательн. станция	—			И	д	е	т		в	о	с	о	б	о	й		б	а	р	ж	е.					
Искровая станция № 162	—	1	—	—	37	—	—	23	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12	—	—	—	—	—	—	—	—

План перевозки войск.

Таблица № 4. Гельсингфорса.

Очереди	Офицеров.			Нижн. чинов.			Лошадей.			Скота.			Орудий и пулеметов.			Ящиков.			Повозок и двуколок.			Автомобил. и мотоциклет.			Груза.		
	1-я	2-я	3-я	1-я	2-я	3-я	1-я	2-я	3-я	1-я	2-я	3-я	1-я	2-я	3-я	1-я	2-я	3-я	1-я	2-я	3-я	1-я	2-я	3-я	1-я	2-я	3-я
Штаб 116-й пехотной дивизии	—	15	—	—	157	—	—	37	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	19	—	—	—	—	7050	—	—
461-й пехотн. полк	—	69	—	—	3313	—	—	314	—	—	—	—	—	12	—	—	—	—	—	132	—	—	—	—	—	5500	—
462-й » »	—	71	—	—	3313	—	—	320	—	—	—	—	—	12	—	—	—	—	—	132	—	—	—	—	—	—	—
463-й » »	—	65	7	—	3152	161	—	160	155	—	—	—	—	12	—	—	—	—	—	58	74	—	—	—	—	—	—
464-й » »	—	65	8	—	3159	161	—	161	155	—	—	—	—	12	—	—	—	—	—	59	73	—	—	—	—	—	—
Перевязочный отряд	—	5	—	—	301	—	—	55	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	43	—	—	—	—	—	—	—
116-й артиллерийский дивизион	—	22	—	—	697	—	—	596	—	—	—	—	—	18	—	—	—	—	—	103	—	—	—	—	—	—	—
Дивизионные лазареты	—	—	14	—	—	232	—	—	110	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	28	—	—	—	—	—	400
Дезинфекцион. отряд	—	—	1	—	—	15	—	—	11	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	—	—	—	—	—	—
Свеаборгская саперная рота	5	—	—	245	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—
Дивизионный обоз	—	—	7	—	—	330	—	—	424	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	172	—	—	—	—	—	20

Сбор сведений о противнике был налажен с самого начала войны и велся систематически всеми доступными способами. Результаты его сообщались во все штабы сухопутных войск и флота и, таким образом, штаб десантного отряда был осведомлен о тех данных, которые имелись относительно противника, находившегося в районе предстоящих отряду действий.

Разведка этого района производилась тоже всеми доступными способами, а именно: по военно-географическим описаниям и картам крупного масштаба, воздушными наблюдением и фотографированием и личная — путем рекогносцировок с моря, произведенных начальником штаба десантного отряда 21-го июля и начальником отряда 8-го августа.

Описания и карты дали очень богатый и обстоятельный материал. Воздушная разведка и агентурные сведения дали возможность составить схему «Тыла противника» с указанием мест расположения войск и учреждений в интересовавшем отряд районе, а воздушная фотография дала с'емку побережья в крупном масштабе (80 саж. в дюйме) с указанием мест расположения фортификационных построек, искусственных препятствий и артиллерийских батарей. Прилагаемая схема «Тыл противника» и фото-схемы были изданы в красках и разосланы в войска десантного отряда.

Личная разведка еще более освежила, пополнила и проверила этот материал, но эта разведка была произведена несколько позже, уже по окончании разработки «Плана действий во время высадки и после нее в районе Роена», который явился руководящим для действий десантного отряда в первое время по высадке на берег.

Означенный документ заключал в себе следующее [1]):

По свойству побережья (минирование и естественные препятствия) на западном побережьи Рижского залива имеются лишь два удобных пункта: у Домеснеса и у Роена. У Домеснеса была высадка уже в прошлом [2]) году; сверх того, этот пункт чрезмерно удален от левого фланга германской армии. Поэтому необходимо остановиться для высадки на втором из намеченных участков (около 50—60 верст от левого фланга германской армии). Так как побережье близ самого Роена минировано и здесь имеются неприятельские батареи, то лучше высадку сделать севернее Роена, в 6 верстах от него,

---

[1]) Дело Морискома № 11.285. «План действий во время высадки и после нее в районе Роена».

[2]) В 1915 г.

на участке д.д. Гибкен—Жоцен [1]). Однако, устройство плацдарма в районе названных двух деревень не выгодно в том отношении, что побережье весьма удобное для высадки десанта, не имеет обеспеченных причальных пунктов, каковым является убежище для судов с волноломом у Роена. Поэтому, в целях удобства организации дальнейшего подвоза десантного отряда, необходимо базирование его на берегу именно на Роен.

На основании сказанного слагается три основных положения для действий отряда по высадке: 1) временное закрепление в районе Гибкен и Жоцен, 2) одновременный с сим захват Роена и 3) устройство укрепленного плацдарма у Роена, в качестве исходного для активных действий частей отряда.

Свойства местности, с которыми придется считаться, при устройстве плацдармов при высадке, а также при маневрировании для овладения Роеном, характеризуются, главным образом, лесистостью района, небольшим числом речек, из которых наиболее значительная—р. Роя имеет у своего устья 6—8 фут.

Речка Роя, кроме устья, везде проходима в брод. В районе д. Жоцен речка запружена и потому район выше запруды является затрудненным для движения.

Свойства этого района в равной мере одинаковы как для противника, так и для движения.

Район Гибкен-Жоцен, по сравнению с районом Роена, является более открытым. Район Гибкен-Жоцен определяется следующим фронтом: д. Гибкен—д. Яунарай—д. Зиепан—д. Брувер—д. Сирме—побережье моря в 2 верстах к востоку от Жоцена.

Плацдарм у Роена определяется следующими границами: пункт побережья в 2 верстах к юго-востоку от Жоцена—д. Сирме—фольв. Руден (Рудден)—фольв. Нейгоф—д. Думбер—высота 8,2 у южной опушки большого леса—д. Цаурнас.

Оба эти района дают возможность на занятие их фронтов израсходовать в первоначальный период по высадке, еще до фортификационной готовности позиции, по рассчету 1 батальон на версту—около 14 батальонов из имеющихся 20, чем сохраняется 6 батальонов для резервов и для активных действий.

Невыгода обоих указанных районов та, что, вследствие своей незначительной глубины, они могут быть прострели-

[1]) См. схему № 2.

ваемы не только тяжелой, но и легкой артиллерией противника, в особенности район Гибкен—Жоцен, глубина которого местами не превосходит 2—3 версты.

Если помнить, что этот район представляется более открытым, по сравнению с районом Роена, то делается ясным, что удержание его за собою продолжительное время не является удобным, в особенности, если принять в расчет то, что прилегающая к этому району с запада обширная лесная площадь (свыше 10 вер. шириною), без значительных прогалин, исключает всякую возможность расширения его в эту сторону. В несравненно более выгодном положении находятся район Роена. Глубина его всюду не менее 4—5 верст. Почти все его внутреннее пространство покрыто лесом. Наружный его обвод проходит по опушкам этого лесного пространства, при том на юге и юго-западе граничит с более или менее болотистыми площадями, усиливающими пассивную его оборону.

Из этого краткого обзора обоих районов ясно, что первый из них пригоден лишь для кратковременной, а второй для упорной и продолжительной обороны.

Из местных пунктов, принадлежащих обоим этим районам, особого внимания заслуживает открытая поляна у д. Сирме, от которой оба района простреливаются вдоль долин р.р. Роен и Рои, при чем первый из районов простреливается продольно по реке Роен насквозь, а второй—по р. Рое на половину, до гавани Роена включительно.

Отсюда является чрезвычайно важным удержание упомянутого района Сирме.

Для завершения характеристики избранного для десанта пункта необходимо упомянуть, что он находится в 40 вер. удаления от железной дороги Виндава—Митава, считая по направлению на Тальсен и Стенден и в 50 вер. удаления, считая на Тальсен—Церен.

В данное время упомянутая железная дорога, по имеющимся сведениям, не служила для противника одной из главных линий подвоза; однако, направление ее вдоль побережья Рижского залива с выходным портом у Виндавы в открытое Балтийское море и связь ее с Митавою—Туккумом, естественными районами расположения резервов противника, указывало на то, что эта железная дорога играла существеннейшую роль в обороне западного побережья Рижского залива. Ясно, что именно эта линия должна была сделаться об'ектом первых активных действий десантного отряда.

II. Силы десантного корпуса.

а) Конница:

20-й драгунский Финляндский полк	6 эск. 4 пул.
Полк офицерской кавалерийской школы	6 » 2 »
Ревельского пограничного конного дивизиона	$1^1/_4$ сот. 2 пул.
Партизанский отряд	200 коней
Всего	$13^1/_4$ эск и сот., 8 пул. и отряд.

б) Пехота:

Три полка отдельной морской бригады	6 бат. 30 пул.
3-я стрелковая дивизия	12 » 48 »
116-я пехотная дивизия	12 » 48 »
4-й Видземский латышский баталион	1 » 4 »
2-й баталион 434-го Череповецкого пехотн. полка	1 » 4 »
Всего	32 бат. и 134 пул.

в) Артиллерия.

Две батареи отдельного морского артиллерийского дивизиона	8 орудий
3-й стрелковый артиллерийский дивизион	18 »
116-й артиллерийский дивизион	18 »
Дивизион полевой бригады морской крепости	18 »
Конная батарея офицерской артиллерийской школы	6 »
6 дм. гаубичная батарея морской крепости	4 гаубицы
Всего	72 орудия

г) Инженерные войска:

2-я крепостная Свеаборгская саперная рота	
2-я отдельная Сибирская саперная рота	

4-я рота 6-го запасного саперного баталиона . . . . . .
Кабельное отделение телеграфной роты морской крепости . . .
Отделение воздухоплавательной роты морской крепости . . . . .
18-я инженерная рабочая дружина
Островское инженерное строительство . . . . . .

Всего . . 3 саперн. роты, кабельн. отд., отд. воздух. роты, инженерн. дружина строительство.

д) Морские силы, участвующие в производстве десантной операции, под общим командованием начальника минной дивизии, в составе:

Линейный корабль «Слава» IV—12″, XII—6″ и IV аэроп.

крейсера:

«Богатырь» [1]) . . . . XVI—130 мм.
«Диана» . . . . . X—130 »
заградитель «Амур» . . IX—120 »

канонерские лодки:

«Храбрый» . . . . . V—130 »
«Грозящий» . . . . . IV—6″
«Хивинец» . . . . . IV—120 »
«Бобр» . . . . . II—120 мм., II—75 мм. и IV аэроп.
«Гиляк» . . . . . II—120 » II—75 » и IV »

1-й дивизион миноносцев [2]):

2 миноносца . . . . . VIII—105 мм.

4-й дивизион миноносцев:

4 миноносца . . . . . XII—105 »

[1]) В «Плане десантной операции и ее обеспечения», составленном в штабе флота, значится в этом отряде крейсер «Аврора», а крейсер «Богатырь» показан в отряде для защиты Ирбенского пролива.

5-й дивизион миноносцев [1]):

8 миноносцев . . . . . XVI—105 мм.

6-й дивизион миноносцев:

8 миноносцев . . . . XXIV—105 »

9-й дивизион миноносцев [2]):

10 миноносцев . . . . . XX—75 »

Тральщики №№ 3, 11, 12 и 23
Подводные лодки 6-го дивизиона 5

Всего . . орудий 130 мм.—31, 120 мм.—17, 105 мм.—60, 75 мм.—24, 12 дм.—4, 6 дм.—16, аэро—12.

е) Авиация:

Авианосец «Орлица» с 1 судовым авиационным отрядом,

Авиационные станции:

Менто	10 аппаратов
Аренсбург	3 аппарата
Руно	10 аппаратов
Всего . . .	23 аппарата

ж) Морские транспортные перевозочные средства.

III. Сведения о противнике.

«О расположении противника известно, что побережье занято частями I-й каваллерийской дивизии с некоторым количеством артиллерии, которое замечено в районе Роена.

«В Тальсене, Уппегриве и Маркграфене, по сведениям агентуры, имеются искровые станции, что дает основание

[1]) По «Плану десантной операции и ее обеспечения», составленному в штабе флота, значится:

1-й дивизион миноносцев—в охране Ирбенского пролива,
1-я группа 5-го дивизиона—на содействии армии у Риги,
2-я группа 5-го дивизиона—в охране Ирбена,
2—3 миноносца 9-го дивизиона—на содействии воздушной разведке и лишь три миноносца 9-го дивизиона при высадке.

предполагать там наличие резервов. В Туккуме расположен штаб противника и целый ряд тыловых учреждений и, повидимому, есть свободные резервы I-й ландверной дивизии.

«Все это дает основание предполагать, что в избранном для высадки районе еще недавно едва-ли имелись значительные пехотные части, но, благодаря наличию железной дороги, они могут быть подвезены через Митаву, связанную с железнодорожною сетью Германии. Одноколейная дорога Митава-Виндава, при наличии достаточного количества подвижного состава, дает возможность перебросить дивизию в течение 1—$1^1/_2$ дней. Железнодорожные станции на этой линии—Туккум, Церен, Стенден, Спарен, Угален, Виндава.

IV. План действий десантного отряда во время высадки и после нее.

«Первоначальная задача частей 1-го эшелона: высадиться на берег и закрепить занятый плацдарм в районе Роена.

«Исполнение задачи:

«1) Высадка обеспечивается, главным образом, методическим и планомерным огнем артиллерии флота; первоначальный же захват побережья производится головным отрядом десанта, в составе латышского стрелкового баталиона, баталиона 434-го Череповецкого полка, роты сапер, спешенного дивизиона конницы и 3 легких переносных радио-станций. Означенный отряд, под общею командою полковника кн. Меликова, по высадке, быстро занимает следующие пункты: д. Гибкен, фольв. Гибкен и д.д. Жоцен и Жоцеме, с целью обеспечить фланг того побережья, на котором производится высадка. В это же время артиллерия флота должна вести огонь перед фронтом обоих упомянутых участков, с целью образования здесь огневой артиллерийской завесы, препятствующей частям противника наступать с материка в направлении к побережью, в разрез частей головного отряда. Одновременно бомбовый огонь флота должен быть направлен, согласно особо выработанному плану.

«2) Вслед за этим производится высадка морской бригады с двумя саперными ротами и с необходимым числом инженерного имущества и одной полевой радио-станцией. Задача отряда: выдвинуться на фронте фольв. Гибкен-Яунарай-Зиепан-Брувер-Жоцен, где и закрепиться.

«3) После высадки морской бригады общее командование над высадившимися частями принимает начальник этой бри-

гады, распоряжением которого части головного отряда оттягиваются к Жоцену, образуя резерв бригады.

«4) 3-я стрелковая дивизия начинает высадку по особому моему приказанию. Задача дивизии: овладение Роеном.

«5) Отряд полковника Меликова из Жоцена направляется на разведку в направлении на Тальсен.

«6) По захвате Роена части приступают к закреплению района по линии Жоцен-Сирме-фольв. Нейгоф-Думбер-лесн. опушка леса в 1 версте от лесн. Пункай (Пункай)—Цаурнас.

«7) Высадка 116-й пехотной дивизии и 4-й отдельной кавалерийской бригады, прибывающих со 2-м эшелоном, по особому приказанию.

V. Разведка.

«По высадке на берег все части немедленно высылают разведку перед своими районами. Перед переходом в наступление 3-й стрелковой дивизии с пункта высадки, по распоряжению начальника дивизии, конный дивизион, под командою полковника Меликова, выдвигается ядром на Тальсен [1]) и высылает разведку к железной дороге на участок Спарен-Церен, с целью разрушить железнодорожный путь и станционные сооружения, и в направлении на Туккум и Виндаву, с целью выяснить нахождение и передвижение противника.

VI. Связь.

Связь головного отряда с начальником десанта, по высадке, поддерживается посредством двух быстроходных катеров, которые будут находиться: один—у пункта высадки, в распоряжении начальника головного отряда, другой—у судна, на котором будет начальник отряда.

Начальник службы связи отряда принимает немедленно меры к устройству кабельной связи берега с флотом, а начальник головного отряда заботится о прокладке телефонных линий между собою и боевыми участками.

Кроме того, начальник головного отряда устанавливает связь с начальником десанта посредством трех легких искровых станций, которые распределяются: по одной на два боевых участка и одна—в штаб головного отряда. По высадке морской бригады, близ ее штаба открывается обыкно-

[1]) Это выдвижение могло осуществиться не ранее прибытия обозов II разряда, т. е. перевозок 3-й очереди.

венная полевая искровая станция, и вся радио-телеграфная связь переходит в подчинение командиру бригады, который сейчас же устанавливает телефонную связь между своим штабом и частями.

По высадке 3-й стрелковой дивизии, искровая связь поступает в распоряжение начальника этой дивизии, распоряжением которого учреждается одновременно телефонная связь между частями дивизии и штабами головного отряда и Морской бригады. Вместе со штабом 3-й стрелковой дивизии на берег переходит вторая обыкновенная искровая станция, располагающаяся у штаба этой дивизии.

«После занятия Роена штаб отряда переходит в это местечко, где и открывается центральная станция средствами кабельного отделения телеграфной роты; это же отделение устанавливает станции в штабе Морской бригады и штабе 3-й стрелковой дивизии. Кроме телеграфной станции, при штабе отряда открывается полевая искровая станция».

Врид. Начальника отряда особого назначения,
генерал-майор Геруа.

Врид. начальника штаба, генерального штаба
подполковник Верховский.

Крепость императора Петра Великого.

16-го июля 1916 г.
№ 62.

Приведенный план уже не представлялся на утверждение командующего флотом, а 18-го июля был прямо разослан в части войск и морскому командованию для осведомления о характере действий в течение первого периода операции десантного отряда, а также был представлен главнокомандующему армиями Северного фронта.

Этот план не касался деятельности боевого и транспортного флотов, а в отношении сухопутных войск указывал только задачи: головного отряда, морской бригады и 3-й стрелковой дивизии, т.-е. задачи, которые являлись неизбежными при слагавшихся условиях обстановки и которые поэтому можно было предвидеть.

В видах сохранения тайны названия различных пунктов в «плане» были заменены №№ (напр., высадиться на участках № 3—№ 4), а к плану была приложена записка, об'ясняющая значение этих №№.

Теперь предстояло указания «плана» перелить в жизнь путем отдания соответствующих приказов, приказаний и наставлений (инструкций). Но прежде исполнения этого акта нужно было зорко следить за всеми изменениями обстановки, а также личною разведкою проверить те условия, при которых должна была совершиться самая трудная часть операции—высадка десанта на неприятельский берег.

С этою целью были произведены две личные разведки: первая 21-го июля, начальником штаба отряда особого назначения Верховским, на миноносце «Достойный» и вторая 8-го августа—самим начальником отряда, Геруа, на миноносце «Дельный».

23-го июля начальник штаба отряда особого назначения донес начальнику отряда: [1]).

«Доношу, что разведкой западного побережья Рижского залива, произведенной мною 21-го сего июля, добыты нижеследующие данные:

1) проволочные заграждения обнаружены от м. Мессерагоцема [2]) до с. Уппегриве;

2) у с. Уппегриве расположена батарея противника (2 орудия); места расположения совершенно не видно; калибр—3-4 дм.;

3) у с. Мессерагоцена были видны два аэроплана противника;

4) проволочные заграждения тянутся на берегу у с. Уппегриве;

5) батарея противника (возможно 2 орудия) находится в районе с. Беккер;

6) от с. Уппегриве до Кирки по берегу проволочных заграждений не имеется; возможно, что они находятся по опушке леса, который здесь отходит от берега на $^1/_2$—$^3/_4$ версты;

7) около м. Цаурнаса обнаружена неприятельская батарея (1—2 орудия); окопов и проволочных заграждений на берегу не замечено;

8) в районе м. Цаурнаса обнаружены окопы;

9) около 2 миль ($3^1/_2$ верст) к юго-востоку от с. Роен замечено 2 орудия, у самого Роена—2 орудия не более 3 дм. и к северу—3 орудия;

10) к югу от Роена обнаружены окопы без проволочного заграждения; окопы расположены в 10 саж. за опушкой;

---

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть I, стр. 265. Рапорт начальника штаба отряда особого назначения начальнику отряда от 23-го июля 1916 г.

[2]) См. схему № 3. «Тыл противника».

11) версты на 3—4 к северу от Роена, повидимому, находятся окопы, расположенные по опушке леса, с проволочными заграждениями;

12) далее идут окопы без проволочных заграждений приблизительно до с. Жоцен;

13) до с. Роен по берегу идут дюны; далее к северо-западу берег плоский;

14) у с. Гибкен и правее его обнаружены проволочные заграждения до Силле;

15) к северу от с. Силле находится батарея в 2 орудия;

16) за с. Мельсиль начинаются снова дюны, высота которых доходит до 4—5 саж.; замечены сплошные проволочные заграждения на берегу;

17) до с. Аска обнаружены окопы по опушке, с проволочными заграждениями;

18) около д. Уние замечены окопы и проволочные заграждения;

19) во время производства разведки около с. Гибкена миноносец был атакован аэропланом противника, который бросал бомбы».

Генерального штаба
подполковник Верховский.

На обратном пути в Ревель, прибыв в Рогекюль, Верховский того же 21-июля послал начальнику минной дивизии следующую полевую записку [1]:

«По приказанию генерала Геруа докладываю результат разведки, произведенной мною сегодня на миноносце «Достойный» побережья от м. Мессерагоцема до м. Домеснес.

Окопы противника тянутся вдоль всего побережья [2].

Проволочные заграждения не замечены с моря только на участке от Уппагриве до Цаурнас и от Роена до Гибкена. Весь остальной берег затянут сплошной проволочной сетью [2]. Наблюдение мое не может [2] считаться достоверным относительно районов, где нет [2] проволоки. Таковая может быть замаскирована на опушке леса и ее заметить в этом случае нельзя.

Батареи противника, по 2 орудия не свыше 3 дюймов, открывали огонь от Уппегриве, от Беккер, повидимому, две у Роен, одна южнее, другая севернее его, и у Гибкена.

---

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть I, стр. 267. Полевая записка Верховского начальнику минной дивизии от 21-го июля 1916 г.

[2]) Курсив подлинника.

Всего 4—5 батарей. Едва ли у противника здесь есть орудия, кроме стрелявших. Миноносцы шли в 1—$1^1/_2$ милях от берега, и по такой цели стрельба с суши слишком соблазнительна.

Следовательно [1]), нам придется иметь дело с укрепленной позицией [1]) противника на берегу, чего предшествовавшие разведки не давали.

Как показывает опыт боев за укрепленные позиции, артиллерия [1]), ныне предоставленная, для этой задачи недостаточна [1]).

Необходимо:

1) добавить для разрушения проволоки 50—60 орудий 3 дм. калибра с 5—6 тысячами гранат.

2) для разрушения проволоки пододвинуть орудия на расстоянии не более $^1/_2$ версты (защита орудий от пуль).

3) практической отрельбой по проволоке ознакомить предназначенные для этого суда с этим новым для них видом стрельбы».

Подполковник Верховский.

Помимо этой записки Верховский, повидимому, имел и личное совещание с адмиралом Кедровым, потому что на следующий день, т.-е. 22-го июля, начальник минной дивизии отправил изложенную «полевую записку» начальнику штаба командующего флотом Балтийского моря при отзыве такого содержания [2]):

«Мною получена настоящая записка начальника штаба отряда особого назначения, в которой пред'являются требования к судам, прикрывающим операцию, совершенно невыполнимые.

Нельзя поставить суда в $^1/_2$ верст. от берега уже потому, что глубина этого не позволяет даже для гребных баркасов. Нельзя назначить 60-трехдюймовых орудий, потому что их не имеется во всем Балтийском флоте.

Мое впечатление, что этот склонный к необыкновенным требованиям подполковник совершенно не способен понять, не смотря на наши совещания с ним, что флот может дать в смысле артиллерии.

Озабочиваясь тем, чтобы, в случае какой-нибудь неудачи, наши армейские товарищи не говорили бы потом, как то

---

[1]) Курсив подлинника.

[2]) Дело Морискома № 8.078, часть I, стр. 268. Отзыв начальника минной дивизии начальнику штаба командующего флотом Балтийского моря от 22-го июля 1916 г. № 2.359.

обыкновенно делается, что флот их подвел, я и препровождаю настоящую записку на благоусмотрение».

контр-адмирал Кедров.

Приведенный отзыв Кедрова бросает до известной степени свет на отношения, существовавшие во время подготовки десантной операции между моряками и некоторыми чинами штаба десантного отряда, а также показывает насколько необдуманны иногда бывали требования, пред'являвшиеся сухопутным начальством, которое было мало знакомо с положением дел на флоте.

Верховский, вызванный по этому делу начальником штаба флота, Григоровым, представил ему 23-го июля следующие об'яснения: [1])

«Произведенная мною 22-го (?) июля разведка побережья от мыса Мессерагоцема до мыса Домеснес дала следующие результаты:

1) окопы противника видны почти вдоль всего побережья;

2) проволочное заграждение не замечено только на участке от Уппегриве до Цаурнас и от Роена до Гибкен; это может быть об'яснено не отсутствием, но просто лучшей маскировкой проволоки;

3) на всем этом побережьи открывало огонь 4 — 5 батарей противника по 2—3 орудия не свыше 3 дм.; не смотря на то, что миноносец шел в 1—$1^1/_2$ милях от берега, попаданий, кроме отдельных пуль и осколков, не было.

Одновременно с этим разведка 12-й армии дает исчезновение с фронта двух полков [2]). Таким образом, есть признаки, что мы встретим на берегу сопротивление на организованной укрепленной позиции и готовиться должны так, чтобы быть в силах сломить его, если бы оно в действительности было оказано. Опыт боев, неуспешных вначале, когда не были известны методы борьбы и нормы снарядов, и успешных, — когда эти вопросы были выяснены, дает по этому вопросу следующие указания:

---

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть II, стр. 146. Отношение начальника штаба отряда особого назначения начальнику штаба командующего флотом Балтийского моря от 23-го июля 1916 г. № 178.

[2]) Напечатанная курсивом фраза подчеркнута в подлиннике Бородаевским и против нее написано: «Т.-е. чем? В действительности исчезнувшая бригада 1-й ландверной дивизии обнаружена на р. Стоходе», т.-е. против войск нашего юго-западного фронта.

1) на каждую сажень фронта, при грубом рассчете, нужно дать 10 тяжелых снарядов,

2) на каждый проход в проволочной сети—350 трехдюймовых гранат; общее число в зависимости от нужного числа проходов,

3) полученное число должно быть удвоено для борьбы со второй линией позиции.

Нормы эти не подходят к данному случаю, так как сила позиции противника на берегу значительно уступает тому виду позиций, с которым приходится бороться на суше.

Норма—один снаряд на сажень кажется мне подходящей для первоначальной стадии боя, но, на случай наличия второй оборонительной линии в лесу, необходим запас для второй артиллерийской атаки еще по одному снаряду на сажень. При нашем фронте в 3.000 сажень получаем цифру в 6.000 тяжелых снарядов, ассигнованных для этого дела.

Для того, чтобы выпустить 3.000 снарядов в те 20—30 минут, пока шлюпки с десантом пойдут от кораблей на берег, рассчитывая по 2—3 выстрела на орудие (иначе точность стрельбы по окопу шириною 2—3 арш. не будет достаточна), получим число орудий, необходимых для обстрела укреплений, равное 50.

Число проходов в проволочной сети должно в первый период соответствовать числу разведочных партий, т.-е. восьми. По 350 снарядов на проход, т.-е. около 3.000 трехдюймовых снарядов. Число это должно быть удвоено на случай атаки 2-й линии, где стрельба будет уже корректироваться наблюдателями на берегу.

Итого около 6 тысяч 3 дм. снарядов для разрушения проволоки.

Для такой работы при атаке позиции на суше назначается 50—60 легких орудий.

Соображения эти были доложены мною контр-адмиралу Кедрову, который на мой доклад выдвинул следующие возражения:

1) В его распоряжении нет нужных 50 тяжелых и 50 легких орудий, равно как и нужного числа снарядов—6.000 тяжелых и 6.000 легких. Даже имеющееся у начальника минной дивизии количество не может быть им расстреляно, имея в виду возможность боя в Ирбенском проливе. Этот вопрос адмирал Кедров считал возможным решить лишь в штабе командующего флотом.

2) Для разрушения проволоки контр-адмирал Кедров может дать всего лишь 8 миноносцев и то с очень ограниченным количеством снарядов.

В виду отсутствия генерала Геруа, вызванного главнокомандующим армиями Северного фронта, докладываю результаты моей разведки и вытекающие из них рассчеты непосредственно в. п. на зависящее распоряжение.

Генерал Геруа во время артиллерийской подготовки будет лично в возможной близости следить за ее результатами; с той же целью на берег пойдут разведчики головного отряда.

Мне кажется, что приказ о высадке может быть дан лишь тогда, когда будет уверенность в том, что высаженные части не будут расстреляны на берегу на проволочных сетях. Вот почему я докладываю эти соображения сейчас, когда есть возможность принять все меры, рекомендуемые опытом войны для успешного проведения операции.

Приложение: Разведка побережья».

Генерального штаба
подполковник Верховский.

Однако, не смотря на все эти заявления подполковника Верховского, необходимо заметить, что категорические его указания, изложенные и в разведке, и в полевой записке Кедрову, и в отзыве начальнику штаба флота, не подтвердились, повидимому, разведкою несколько позже произведенною лично Геруа, а требования его о разрушении проволочных заграждений флота оказались неосуществимыми на опытах, специально произведенных по распоряжению штаба флота.

Результаты разведки Геруа видны из рапорта помощника флаг-капитана по военно-сухопутной части штаба командующего флотом Балтийского моря, Бородаевского, флаг-капитану по оперативной части от 15-го августа 1916 г. № 998/сух.

В этом рапорте Бородаевский доносил: [1])

«8-го августа в 6 часов миноносец «Дельный», под командою старшего лейтенанта Эймонта, вышел из Риги, имея на борту начальника сухопутного Балтийского отряда, генерал-майора Геруа, и. д. начальника штаба 3-й стрелковой дивизии, подполковника Кардашенко, командира 11-го стрелкового полка, полковника Комердынского и меня.

---

[1]). Дело Морискома № 8.078, часть I, стр. 383. Рапорт помощника флаг-капитана по военно-сухопутной части, подполковника Бородаевского флаг-капитану по оперативной части от 15-го августа 1916 г. № 998/сух.

Около 11 часов подошел на высоту д. Мельсиль [1]), пройдя в 2—3 милях от берега, начиная с Цаурнаса (юго-восточнее Роена).

До момента прохождения миноносцем параллели Роена шел мелкий дождь и берег был плохо виден из-за тумана.

Затем дождь прекратился, появилась возможность наблюдать, почему миноносец на высоте Мельсиля повернул к берегу и стал подходить к нему малым ходом, измеряя глубину лотом. На высоте обозначенного на морской карте отдельного строения (южнее Мельсиля) «Дельный» застопорил машину и остановился в расстоянии около мили от берега для наблюдения.

Через полчаса с берега был открыт огонь двумя, повидимому, 4 дм. пушками с морской установкой с открытой позиции. Замечены были только блески первого залпа, так как затем дым от миноносца, уходившего на SO, закрывал батарею. Батарея вела огонь, все время кладя снаряды без ошибки в направлении, из чего можно было заключить, что орудия на морской установке и стрельба велась с открытой позиции.

Последний залп был сделан по миноносцу, когда он находился в 8 милях от места батареи.

При прохождении Жоцена от последнего был также открыт огонь из двух легких полевых пушек, также с открытой позиции; всплески были примерно в $2^1/_2$ — 3 милях от берега, не достигая миноносца.

По подходе миноносца к высоте Жоцена вновь пошел дождь и берег покрылся туманом, почему дальнейшие наблюдения не производились.

На побережьи замечено много штабелей дров, вытащенные на берег лодки и баржи и ряды кольев на пляже, преимущественно вблизи рыбачьих поселков. Допустимо, что это колья для сушки сетей.

Ясно видимых проволочных заграждений на участке Жоцен-Мельсиль не обнаружено.

Равно не замечено какого-либо особого оживления на берегу, работ по укреплению, скопления людей, которое могло быть вызвано появлением вблизи берега миноносца и т. п.

Видны были лишь отдельные люди.

В общем, из данных наблюдения можно вывести следующие заключения:

---

[1]) См. схему № 3 «Тыл противника».

1) в указанной полосе берега никаких серьезных работ (во всяком случае в расстоянии 1 версты от береговой черты, по большей части видимой) по укреплению не производится;

2) значительных частей войск вблизи берега нет;

3) весьма вероятно, что 4 дм. батарея—подвижная, на рельсах или автомобилях, так как она открыла огонь только после получасового стояния миноносца на одном месте, иначе, т.-е. если бы она все время находилась в одном пункте, было бы непонятно столь долгое молчание ее в виду выгодной цели:

4) по берегу, вероятно, продолжается каботажное плавание, так как иначе непонятно было бы такое обилие сложенных в штабели на самом берегу дров; повидимому, они перевозятся морем; затем, большое количество лодок и барж также может подтвердить это предположение.

Примечание. На обратном пути не подходили близко к Роену, во первых, из-за тумана, а, во вторых, дабы не обнаруживать противнику слишком большой интерес к этому пункту, имея в виду предшествовавшие разведки».

Генерального штаба,
подполковник Бородаевский.

Сравнивая теперь сведения, добытые этими двумя личными разведками одного и того же участка побережья, нельзя не обратить внимания на то, что вторая разведка опровергла наблюдения, установленные разведкою Верховского, а именно: в рапорте Бородаевского значится, что «ясно видимых проволочных заграждений на участке Жоцен-Мельсиль не обнаружено», тогда, как в рапорте Верховского говорится: «14/у с. Гибкена и правее его обнаружены проволочные заграждения до Силле; 16) за с. Мельсиль... замечены сплошные проволочные заграждения по берегу». Принимая во внимание, что разведка Геруа производилась через 18 дней после разведки Верховского и что миноносец «Дельный», подойдя на 1 милю от берега близ Мельсиля, простоял свыше получаса и производил наблюдения, можно предположить, что сведения, сообщенные разведкою Верховского были преувеличенными.

Во всяком случае, обе эти личные разведки подтвердили допустимость высадки на участке Жоцен-Гибкен.

Параллельно с подготовкой экспедиции шла разработка тактической и технической сторон операции.

Выше мы уже привели «План действий во время высадки и после нее в районе Роена».

Этот план, являясь документом, об'яснявшим операцию десантного отряда, еще не передавал войскам категорически воли начальника, каковая могла быть им сообщена только боевым приказом. Но боевой приказ был разработан в штабе отряда и подписан лишь 15-го августа, по получении от главнокомандующего армиями Северного фронта директивы с требованием привести в исполнение предложенную операцию.

Этот документ заключал в себе следующее:[1])

ПРИКАЗ

войскам Сухопутного Балтийского отряда

Пароход «Боре I» № 1. 15-го августа 1916 г.

Немцы занимают против 12-й армии сильно укрепленную позицию и, наблюдая побережье частями 1-й кавалерийской дивизии с небольшими частями ландштурменных баталионов, переводят все резервы для противодействия наступлению нашего Юго-Западного фронта.

Дабы воспрепятствовать дальнейшей переброске и использовать выгодную обстановку, создавшуюся вследствие ослабления противника, войскам Северного фронта приказано перейти в наступление (12-й армии в направлении на Туккум).

Сухопутному Балтийскому отряду приказано: высадкой на западном побережьи Рижского залива в тыл противника и энергичным наступлением на Туккум, на соединение с частями 12-й армии, содействовать поражению левого фланга германской армии.

Приказываю:

Войскам отряда произвести перевозку в 3 очереди, согласно «планам перевозок».

Войскам первой очереди высадиться на берег, разбить части противника и укрепиться на берегу в ожидании сосредоточения частей всего отряда.

---

[1]) Дело Морискома № 11.285. Приказ этот войскам разослан не был, вследствие отмены производства экспедиции распоряжением Верховного командования.

1) Головной отряд.

Полковник Меликов.	
Спешенный дивизион	
20-го драгунск. полка .	3 эск.
11-го стрелк. полка . .	1 бат.
4-й латыш. Видземский баталион	1 »
Морской бригады . . .	$1^1/_2$ »
2-я отд. Сибирская саперная рота	1 рота
Легкие радио-станции:	
161 Л и 185 Л	2 ст.
Полевая радио-станция № 21	1 »

Всего $3^1/_2$ бат., 1 рота 3 эск. и 3 станц.

Под прикрытием огня флота, по сигналу начальника минной дивизии, высадиться на берег и овладеть участком берега Гибкен [1]) — фол. Гибкен—р. Роен-Жоцеме-Жоцен, с целью обеспечить высадку остальных частей, двигающихся на малоподвижных высадочных средствах от ружейного, пулеметного и артиллерийского огня противника.

2) Главные силы.

а) контр-адмирал Фабрицкий.

Морской бригады	$4^1/_2$ бат.
Артиллерийск. дивизион	8 ор.
4-я рота 6-го запасн. саперного батал.	I рота

Итого: $4^1/_2$ бат., 8 ор. и 1 рота

По сигналу начальника минной дивизии, непосредственно вслед за головным отрядом, высадиться на берег и овладеть на берегу плацдармом Гибкен-Яунарай-Брувер-Жоцен, с целью дать отряду совершенно покойную зону для дальнейшей высадки и развертывания для наступления на Роен. По достижении указанного рубежа бригаде закрепиться.

Немедленно по высадке выдвинуть разведку на фронт: Мельсиль-Виде-Калькен-Курбацеме-Люббен-Маркцеме-Роен.

По высадке на берег контр-адмирала Фабрицкого и его штаба, все части, находящиеся на берегу, переходят в его подчинение.

б) генерал-майор Абжелтовский.

3-й стрелков. дивизии .	11 бат.
3-го стр. артиллерийск. дивизиона	18 ор.
Легкая радио-станция № 187 Л	1 ст.

Итого: 11 бат., 18 ор. и 1 ст.

По приказанию начальника минной дивизии начать высадку на берег с целью овладеть местечком Роен и закрепить вокруг него плацдарм, обеспечивающий всему отряду прочную базу для дальнейших операций. Дивизии закрепиться по линии: берег моря в 2 вер. западнее Жоцен-Сирме-лес Пункай-Вейцемуйже и выслать охранение на линию Брувер-Мальвевер-Маркцеме-Саккер и занять небольшими авангардами выходы из леса у Люббена и Мукальнена.

Разведку выдвинуть на фронт: ф. Саркостен-мз. Попервален-Кутники-Уппегриве.

3) По высадке морской бригады, распоряжением контр-адмирала Фабрицкого части головного отряда оттягиваются в резерв, в район Жоцена, и поступают в мое распоряже-

[1]) См. схему № 2.

ние. $1^1/_2$ бат. Морской бригады и саперная рота переходят в распоряжение контр-адмирала Фабрицкого.

4) По выгрузке коноводов спешенного дивизиона, отряд Меликова, по дополнительному приказанию, направляется на Сасмакен, с целью произвести разведку на фронте Тальсен-Нарицеме.

5) Войскам 2-й и 3-й очередей будут даваться задачи по высадке на берег в штабе отряда.

6) В организации связи принять к руководству инструкцию по связи № 508 и радиосвязи № 683.

7) Организация задачи первой помощи раненым, согласно приказу № 7 от 12-го августа.

8) Первый период боя за высадку я буду находиться на миноносце «Сибирский Стрелок». После закрепления района высадки перехожу на пароход «Боре» или на берег, о чем будет сообщено.

9) Донесения присылать через 2 часа; экстренные — немедленно.

10) Время посадки будет сообщено дополнительно.

11) Заместители: генерал-майоры Абжелтовский и Побаевский и контр-адмирал Фабрицкий».

Генерал-майор Геруа.

И. д. начальника штаба, генерального штаба
подполковник Верховский.

Настоящий приказ совершенно правильно определял только задачи, которые должны были выполнить войска, но ни слова не говорил о том, как выполнить эти задачи в совершенно незнакомых войскам условиях. Рассчитывать в данном случае на инициативу частных начальников было невозможно, а потому начальником отряда в тот же день был подписан приказ о порядке своза десанта на берег, а еще ранее были изданы необходимые указания десантным частям. Принимая во внимание, что главная поучительность рассматриваемой операции для будущего заключается именно во всех распоряжениях технического характера, все документы этой категории мы постараемся привести здесь полностью.

Первый из этих документов заключал в себе следующее [1]):

«1) Порядок высадки частей отряда устанавливаю следующий:

---

[1]) Дело Морискома № 11.278, стр. 23. Приказ войскам Сухопутного Балтийского отряда от 15 августа 1916 г. № 11.

а) с боевых судов — головной отряд,

б) на моторных шлюпках — $1^1/_2$ баталиона морской бригады,

в) на плашкоутах — вся остальная пехота морской бригады,

г) на всех выгрузочных средствах — люди 3-й стрелковой дивизии,

д) артиллерия и обозы морской бригады и 3-й стрелковой дивизии,

е) выгрузка остальных частей и грузов 1-го эшелона — по особым моим указаниям, передаваемым начальнику транспортной флотилии,

ж) непосредственное руководство высадкой и затем выгрузкой на берегу, постройкой пристаней и порядком на полосе высадки, на правах коменданта, принадлежит начальнику базы высадки, капитану 2-го ранга Шишко. Все указания капитана 2-го ранга Шишко, а также указания комендантов пристаней по перечисленным вопросам, должны исполнятся войсками беспрекословно.

з) Побережье должно немедленно очищаться высадившимися войсками от обозов и грузов, дабы дать место для высадки вновь прибывающим войскам. Штабам всех частей обратить особое внимание на быстрое очищение пункта высадки, на упорядочение расположения войск и их обозов на берегу, на недопущение перемешивания частей.

2) На каждом переходе, где войсками оставляются обозы и грузы, должны быть оставлены люди для разгрузки в числе по указанию комендантов транспортов с тем, чтобы быстрота разгрузки, не прерывающейся днем и ночью, была обеспечена.

3) На каждую из четырех пристаней, в распоряжение капитана II-го ранга Шишко, от 18-й инженерной рабочей дружины назначить по одной роте для быстрой разгрузки подходящих обозов и грузов.

4) Выгрузку интендентских, артиллерийских и инженерных грузов начать по особому моему указанию, переданному через командующего транспортною флотилиею.

Места для устройства складов на берегу для этих грузов будут установлены начальником штаба отряда, для чего будет произведена предварительная разведка отрядным комендантом, в чье распоряжение в день высадки должны быть командированы офицеры от интендантства, инженерного управления и от инспектора артиллериии отряда.

5) Для укладки узко-колейной железной дороги от пристаней к складам, начальнику инженеров отряда назначить особые команды и распорядиться постройкой дороги.

6) Выгрузка обозов и грузов будет, по возможности, начата после устройства пристаней на берегу. Высадка же артиллерии должна производиться прямо с плашкоутов на берег.

7) Начальник базы высадки, во время высадки будет на моторном катере. Катер будет иметь на корме белый флаг с цифрой «9». На катерах комендантов пристаней будут белые флаги с цифрами «1», «2», «3» и «4».

У всех упомянутых лиц будут на рукаве красные повязки».

Второй документ, озаглавленный «Указания десантным частям», определял обязанности не только частей, но и отдельных лиц, входящих в состав десантного отряда. Он касался следующего [1]):

«1) Войска отряда, до последнего рядового, должны проникнуться сознанием, что сохранение в тайне всех передвижений, примерных посадок на суда [2]), составляет военную тайну, разглашение которой может повести за собою неудачу действий, а обнаружение лица, позволившего себе болтливость, предание его суду.

2) Перевозка на транспортах вещь трудная и требует большого напряжения со стороны чинов флота. Войска обязаны приложить все старания, чтобы облегчить эту работу.

Облегчить же работу можно: сохранением полного порядка на корабле, точным исполнением всех требований судового начальства и соблюдением возможной тишины. Исполнение этого возлагаю на гг. офицеров отряда.

3) При размещении на корабле, каждый нижний чин должен знать, по какому трапу (лестнице) ему придется подниматься на палубу при высадке. Надлежит на каждом корабле или транспорте установить очередь выхода частей для выгрузки, дабы нижние чины без надобности не толпились на палубе и тем не вносили беспорядок. Последовательный порядок выхода нижних чинов на палубу устанавливает старший начальник на каждом транспорте. Необходимо внушить нижним чинам, чтобы перед выходом на палубу брались бы все вещи; возвращение в трюм за забытой вещью может вызвать вредную приостановку разгрузки.

4) При посадке на плашкоуты необходимо соблюдать полную тишину и порядок. Если высадка будет ночью, на плашкоутах—ни одного огня или курящейся папиросы. Особо

---

[1]) Дело Морискома № 11.278, стр. 6. Указания десантным частям. Секретное приложение к приказу № 2.

[2]) Для выработки сноровок с целью быстрой посадки в период подготовки производились примерные посадки на суда.

назначенные офицеры, на каждом транспорте на палубе отсчитывают число нижних чинов на каждый плашкоут.

5) Весь район, в котором происходит высадка войск, находится в ведении начальника базы высадки. Начальником базы высадки назначен капитан 2-го ранга Шишко, к которому и надлежит обращаться за получением указаний.

6) Необходимо предупредить всех нижних чинов, что плашкоуты не смогут подойти непосредственно к берегу и им придется высаживаться в воду и в воде идти к берегу. Все нижние чины должны проникнуться сознанием в необходимости высаживаться прямо в воду, дабы это не было для них неприятной неожиданностью. При выходе на берег прежде всего надо выполнять свои боевые задачи, а уже потом заниматься приведением себя в порядок, как то: выливать воду из сапог, менять портянки и др.

7) Во время переезда на плашкоутах стрельба частей десантного отряда бесусловно воспрещается, дабы не обстрелять свои же части.

8) Возможно, что плашкоуты не смогут пристать к строго определенным пунктам высадки; поэтому все чины, по высадке, должны немедленно разбираться во взводах и ротах и направляться к отличительным флагам своих полков.

Только принятием самых решительных мер можно избежать путаницы и перемешивания частей, высадившихся войск, вполне возможных при усиленной и спешной высадке и свежей погоде.

9) Главной особенностью боя за высадку является то, что в самую серьезную минуту, во время развертывания войск после выхода на землю, у них не будет связи, не будет тыла. Такая обстановка требует с одной стороны предоставления подчиненным самой широкой инициативы, а с другой стороны, точной и ясной разработки плана действий—что кому именно надлежит делать.

Каждый офицер и нижний чин высаживаясь на берег, должны знать, что им делать и, как только высадятся, сейчас же должны приступить к выполнению поставленной задачи

Эти задачи будут служить основанием, на котором установится порядок на берегу.

Задачи, даваемые высадившимся частям, должны быть совершенно просты и ясны для всех; задачи должны быть ограничены по месту.

10) При продвижении вперед, высадившиеся части должны немедленно принять все зависящие меры к установлению самой тесной и прочной связи как по фронту, так и в тыл,

дабы начальник высадившихся частей мог руководить планомерным их действием».

Последний вопрос, являвшийся всегда слабым местом у наших сухопутных войск, в данном случае, при десантной операции приобретал особую важность, так как высаживавшиеся войска, действительно, не имели ни фронта, ни тыла, да еще вдобавок в большинстве никогда не были в бою.

Поэтому вопрос об организации связи весьма озабочивал штаб десантного отряда и для руководства войск была разработана начальником штаба отряда специальная инструкция под заглавием «Организация службы связи в десантной операции сухопутного Балтийского отряда [1])».

Согласно этой инструкции, на которую ссылался и приведенный выше боевой приказ о высадке десантного отряда, связь была организована следующим образом:

С момента посадки войск на суда вся служба связи должна была находиться в ведении морского начальства и только с началом высадки войск на берег, служба связи переходила в ведение штаба отряда.

Во избежение перерыва в работе связи необходимо было заблаговременно детально разработать организацию ее во все периоды операции, точно определить имеющиеся средства, наметить места их расположения, назначить очередь высадки на берег и указать время начала их работы.

Схемы и подробные расчеты начальники штабов дивизий и бригад должны были представить нарочными в штаб отряда, в Ревель, не позже 12-го аргуста.

За время перехода морская связь оказалась значительно перегруженной своей работой и пользоваться ею войскам можно было только в виде крайнего исключения; отсюда вытекало, что связи в море между частями войск отряда, собственно говоря, не было и потому все части должны были заранее получить абсолютно все распоряжения и директивы, необходимые для высадки и первоначальных действий на берегу.

С началом высадки разведчиков головного отряда устанавливалась семафорная связь берега с судами. С первым эшелоном разведывательных партий отряда Меликова шли назначенные с боевых кораблей распоряжением штаба минной дивизии 7 групп морских сигнальщиков, которые, оставаясь

---

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть II, стр. 178. Организация службы связи в десантной операции сухопутного Балтийского отряда.

на берегу у мест высадки первых партий, образовывали цепь семафорных станций. Станции эти должны были поддерживать связь только с судами.

В 2—3 кабельтовых от берега должны были держаться распоряжением штаба минной дивизии два катера с такими же сигнальщиками, служа как бы промежуточной станцией между берегом и боевыми судами.

Каждая морская семафорная станция была снабжена: красными флагами, белыми ратьерами и белым экраном; на последних были обозначены №№ станций от 1 до 7, причем станция № 4 должна была располагаться на центральной станции головного отряда Меликова.

На берегу между высадившимися разведывательными партиями Меликова устанавливалась связь флажниками (флажный семафф).

С началом высадки головного отряда 6 теплоходов Свеаборгской крепости, под руководством лейтенанта Гусаковского должны были начать установку кабеля для телефонной связи берега со стреляющими судами, баржей с воздушным шаром и транспортом «Боре 1-й».

Эскадренный миноносец «Достойный», назначенный для сопровождения названных теплоходов, должен был следовать непосредственно за первым эшелоном разведчиков и стать на якорь против середины высадки в 15 кабельтовых от берега. После высадки разведчиков теплоходы приступали к прокладке кабеля от судов к береговой центральной станции.

Связь эта обслуживалась моряками и их телефонными аппаратами.

С первыми партиями разведчиков на берег высаживались телефонные средства головного отряда и немедленно приступали к установке телефонной связи между разведывательными партиями и артиллерийскими наблюдателями с центральной станцией Меликова. Каждая из этих телефонных линий—боевая и артиллерийская—были, в смысле переговоров, вполне самостоятельны.

Для корректирования стрельбы на центральную станцию был назначен распоряжением начальника минной дивизии морской офицер-артиллерист.

При каждой телефонной станции Меликова находились по 2 велосипедиста, а на крайних по 3 мотоциклиста для посылок.

Отличительным флагом станций головного отряда был назначен желтый с цифрой, обозначающей № станции.

Телефонная связь головного отряда могла быть готова через час времени после начала установки; приблизительно этот же срок нужен был для установки морского кабеля. Таким образом, в первый час от начала высадки можно было рассчитывать только на связь флажниками и морскими сигнальщиками.

На центральной станции головного отряда, распоряжением Меликова устанавливались две легкие (№ 185 Л и № 187 Л) радио-станции, которые немедленно по установке должны были связаться с эскадренным миноносцем «Стройный» условными цифровыми сочетаниями (длина волны легкой станции 450 метров).

Задача «Стройного» состояла в том, чтобы поддерживать связь с берегом и корректировать стрельбу кораблей.

Все переговоры с берегом «Стройный» (впоследствии— «Грозящий») должен был отрепетовать (повторить) в том же виде, как были им приняты (по этому же коду) или переданы по семафору или телефону.

Когда, позднее, легкая станция заменялась, распоряжением Меликова, полевой (№ 21), то переговоры должны были продолжаться по тем же правилам, но длина волны передатчика полевой станции увеличивалась до 1.400—1.000 метров.

Таким образом, к концу высадки головного отряда должна была быть установленной связь: сигнальная, телефонная и радио.

Начальник и оперативная часть штаба Сухопутного Балтийского отряда с началом высадки должны были перейти на эскадренный миноносец «Сибирский Стрелок».

Последний мог сноситься с берегом или через эскадренный миноносец «Стройный» (впоследствии—«Грозящий»), или непосредственно: с легкой радио-станцией на расстоянии не более 5 морских миль, волною 700—500 метров, и с полевой (когда таковая устанавливалась)—волною 1.400—1.000 метров.

Штаб и управления отряда должны были оставаться на транспорте «Боре 1-й» (белый пароход с двумя желтыми трубами), на борту которого находились семафорная, телефонная и радио-станции, а для посылок имелись две моторных шлюпки.

Кроме того, со вторым эшелоном головного отряда на шлюпках транспорта «Боре 1-й» выбрасывались на берег телефонные средства штаба отряда для организации цепи телефонных станций вдоль берега. На этих стан-

циях штаба каждая только что высадившаяся часть должна была получить сведения о сложившейся обстановке и донести о своей высадке на берег.

Все донесения, принятые на этих станциях штаба, должны были считаться как бы принятыми непосредственно в штабе отряда. На центральную станцию головного отряда предназначался офицер связи штаба отряда

Станции штаба должны были располагаться в одной версте одна от другой и обозначаться разбитой солдатской палаткой и красным флагом с телеграфным знаком.

Организованная, таким образом, связь должна была оставаться до окончательной высадки на берег полков морской бригады и установления ею своей самостоятельной связи (станции морской бригады обозначались андреевскими флагами); после сего, с разрешения начальника этой бригады, контр-адмирала Фабрицкого, средства связи головного отряда должны были присоединиться к отходившему в резерв отряду Меликова.

Центральная станция отряда Меликова вместе с радиостанциями должна была перейти в ведение штаба отряда.

Связь штаба морской бригады со стреляющими судами должна была производиться через центральную станцию штаба отряда.

3-я стрелковая дивизия, получив приказ высаживаться, должна была производить высадку под прикрытием полков морской бригады и устанавливать свою самостоятельную связь, связаться с центральной станцией штаба отряда и пользоваться для своих первоначальных распоряжений цепью штабных станций. Станции 3-й стрелковой дивизии обозначались малиновыми флагами.

Число штабных станций с началом наступления частей 3-й стрелковой дивизии должно было увеличиваться на число верст вновь захваченного берега.

С устройством на месте высадки пристаней, цепь штабных станций вдоль берега снималась и вместо них, с той же целью первоначальной ориентировки высаживающихся частей, открывались телефонные станции на каждой из устроенных пристаней. На каждую станцию штаба на пристани, распоряжением штаба отряда, назначались проводники для указания дороги в назначенные для сбора прибывающих частей пункты.

В день высадки к острову Руно направлялся с морским кабелем транспорт «Выборг», который, как только берег

высадки будет закреплен, должен был начать прокладку кабеля на базу.

Через 14—16 часов после получения приказа о прокладке, распоряжением морской службы связи конец кабеля должен был быть подан на берег, а оттуда на транспорт «Боре 1-й», где он включался в аппарат Морзе штаба отряда, и таким образом устанавливалась телеграфная связь, через Руно-Аренсбург, с внешним миром.

В Аренсбурге для усиления морской телеграфной станции были установлены штабом отряда аппараты Юза и Морзе.

С переходом штаба отряда на берег, устанавливался распоряжением штаба отряда аппарат Юза для непосредственных переговоров через Аренсбург с Ревелем, Псковом и Ригой.

Для переговоров берега с флотом устанавливалась распоряжением начальника базы морская автомобильная радиостанция; войсковые полевые и легкие радиостанции после этого должны были обслуживать только войска: полевая № 162 открывала свои действия при штабе отряда, полевая № 21 при конном отряде Меликова, легкие при штабах: 3-й стрелковой дивизии—№ 161 Л, 116-й пехотной дивизии—№ 185 Л и Морской бригады—№ 187 Л.

Для телеграфных сношений при штабах дивизий и бригады, средствами штаба отряда, должны были устанавливаться аппараты Морзе.

Для передачи пакетов назначались мотоциклисты и конные посты, выставлявшися от штабов дивизий до штаба отряда средствами дивизий, а от штаба отряда на базу—средствами штаба отряда.

Ответственность за исправность поддержания связи возлагалась на штабы младших начальников.

Все спешные и особенно важные донесения, во избежание промедлений и неточности передачи их малограмотными телефонистами, должны были передаваться и приниматься дежурными офицерами.

Связь между собою полагалось держать всем справа налево.

Телефонные провода, во избежание разрывов, требовалось всегда подвешивать. Так как в виду спешности устройства телефонной связи в головном отряде можно было предвидеть случаи прокладки кабеля по песку побережья, то от высаживающихся войск требовалось особое внимание, чтобы эта связь ими не была нарушена.

Для более наглядного пояснения организации связи к инструкции были приложены две схемы: 1) Схема связи после высадки войск головного отряда и 2) Схема телеграфной сети отряда особого назначения.

Питание частей отряда боевыми припасами во время операции предположено было производить:

1) из возимых войсковых запасов,

2) из приданных частям парков (3-й стрелковый и 116-й парковые артиллерийские дивизионы),

3) из приданных отряду парков (1-е парки 6-й и 40-й парковых артиллерийских бригад, парк полевой бригады морской крепости и парк 6-го паркового мортирного артиллерийского дивизиона),

4) из местного отрядного парка

и 5) из отрядного склада огнестрельных припасов.

При погрузке войска должны были иметь при себе все возимые запасы, которые и следовали за ними по высадке, при чем та часть запасов, которая не могла быть поднята перевозочными средствами частей (кроме артиллерийских снарядов, которые сдавались в местный отрядный парк), должна была быть сложена в местах высадки и охраняться попечением самих частей.

Первоначальное питание предполагалось производить из возимых запасов и этих временных складов.

Одновременно с высадкой частей начиналась разгрузка транспортов с запасами местного отрядного парка, который перевозился в 1-ю очередь.

По мере разгрузки, которую предположено было производить так, чтобы одновременно на берегу сосредоточивались боевые припасы всех видов, распоряжением начальника инженеров отряда должен был оборудываться местный отрядный парк, место которого указывалось войскам.

Так как войсковые и отрядные парки перевозились во 2-ю и 4-ю очереди [1]), то первоначальное пополнение возимых войсковых запасов, по израсходовании для этой цели своих временных складов, должно было производиться непосредственно из местного отрядного парка.

---

[1]) 4-я очередь перевозки была решена после усиления отряда некоторыми частями в конце июля 1916 г., после составления планов перевозок.

По мере продвижения частей отряда вперед и высадки войсковых и отрядных парков порядок питания должен был видоизменяться.

При удалении передовой линии пехоты до 20—25 верст от береговой полосы, пополнение войсковых запасов должно было производиться из войсковых и части отрядных парков, а последних—из местного отрядного парка. Места войсковых парков, которые с продвижением войск вперед должны соответствующим образом эшелонироваться, назначались начальниками дивизий и сообщались инспектору артиллерии отряда для об'явления о том войскам отряда.

Одновременно, по указанию инспектора артиллерии отряда, для питания частей, не входивших в состав дивизий, выдвигались: парк полевой бригады морской крепости и парк 6-го мортирного артиллерийского дивизиона; последний предназначался исключительно для питания мортирной батареи; парк же полевой бригады—для питания соответствующих частей пехоты и кавалерии и гаубичной батареи морской крепости. Питание дивизионов: полевой бригады и отдельного морского и конной батареи школы должно было производиться из запасов ближайших дивизий.

В случае исключительной спешности, питание отдельных частей могло производиться из любого ближайшего парка, при чем предлагалось иметь в виду, что парк 3-й стрелковой дивизии имел ружейные патроны исключительно 3-х линейные, парк 116-й дивизии—исключительно японские, а парк полевой бригады морской крепости—и те, и другие. Однако указанного сейчас порядка питания рекомендовалось, по возможности, избегать, дабы не произошло неравномерного опустошения отдельных парков.

При дальнейшем продвижении вперед, когда удаление передовой линии пехоты от береговой линии превзойдет 20—25 верст, между тыловыми эшелонами войсковых парков и местным отрядным парком, выдвигались, по указанию инспектора артиллерии отряда, отрядные парки (1-е парки 6-й и 40-й парковых артиллерийскх бригад), после чего тыловые эшелоны войсковых парков пополнялись из отрядных, а последние—из местного парка.

При еще большем продвижении частей отряда вперед могло потребоваться эшелонирование и отрядных парков. Новые места расположения всех парков должны были каждый раз сообщаться войскам.

Пополнение местного отрядного парка предполагалось производить подвозом на транспортах боевых припасов из отрядного склада огнестрельных припасов в Ревеле.

Приемщики, прибывающие за пополнением как от войсковых частей, так и от парков, должны были иметь письменные требования, произвольной формы, за подписью соответствующих начальников и расписываться в талонных книгах парков. Однако, паркам предлагалось удовлетворять по словесным требованиям приемщиков, но расписка последних в талонной книге являлась всегда обязательной.

Для учета боевых припасов ежедневно, к 20 часам, на имя инспектора артиллерии отряда должны были представляться по телефону или телеграфу точно проверенные сведения о суточном расходе и приходе их (с указанием откуда прибыли), а также о наличном состоянии к указанному времени. В этих сведениях должны были показываться (отдельно по полкам) ружейные и пулеметные патроны, артиллерийские снаряды по родам их, ручные гранаты и бомбометные бомбы, тоже по родам, и, кроме того, наличие исправных винтовок, пулеметов, бомбометов и орудий.

Части, входившие в состав дивизий и бригад, должны были представлять эти сведения через соответствующие штабы; прочие же части — непосредственно от себя.

Представление указанных сведений делалось обязательным, начиная с первого дня высадки.

Приведенные указания по снабжению боевыми припасами, не представляя из себя чего-либо нового, тем не менее являлись безусловно необходимыми для импровизированного, сборного отряда, каковым был Сухопутный Балтийский отряд. Вследствие этого означенные указания были об'явлены в приказе отряду от 15-го августа за № 9 [1]).

В целях обеспечения отряда интендантским довольствием даны были следующие указания:

1) Безотлагательно пополнить всем частям и учреждениям подвижные (носимые и возимые) неприкосновенные запасы продовольствия и фуража; размер носимого запаса на людях определялся на три дня; размер возимого запаса: в полковых обозах — на два дня, а в дивизионном (бригадном) обозе — на четыре дня. Запас фуража — на три дня; количество овса разрешалось увеличить за счет сена, в расчете найти на месте подножный корм.

---

[1]) Дело Морискома № 11.278, стр. 17. Приказ Сухопутному Балтийскому отряду № 9—15-го августа 1916 г.

2) В начале операции, при посадке на пароходы, все части должны были иметь, кроме указанного выше, еще при себе на текущее довольствие на пароходах и если останется, на берегу (образовав на берегу свой запас до образования отрядного магазина):

а) хлеба и всех продовольственных продуктов—на три дня,

б) мяса—на три дня (на первый день—в котле, на второй день—в битом виде и на третий день—дополнительная банка консервов); поэтому необходимо было получить, кроме неприкосновенного запаса консервов (один день на людях и два дня в дивизионном обозе), еще по одной банке на человека на текущее довольствие;

в) фуража—на три дня; количество овса тоже разрешалось увеличить за счет сена.

3) В расчете на всякие случайности требовался самый аккуратный расход продовольствия и фуража.

4) Неприкосновенный запас разрешалось расходовать при исключительных обстоятельствах, когда подвозом невозможно было снабдить войска пищей; о нарушенных запасах требовалось немедленно доносить начальнику отряда (по управлению отрядного интенданта), тотчас же пополняя их из полковых и дивизионных (бригадных) обозов, а последние—из расходного отрядного магазина. В крайнем случае войска могли пополнять свой носимый запас из обоза 1-го разряда, который первоначально должен был подвозить продукты на текущее довольствие непосредственно из расходного магазина, так как обозы 2-го разряда и дивизионные могли выгрузиться только на 3-й—5-й день операции.

После высадки войск и закрепления за собою плацдарма, за обозами 1-го разряда должны были начать выгрузку продуктов пароходы: «Калева», «Флоур» и «Обсидиан», и на берегу моря образовать расходный магазин. Из указанных пароходов предложено было выгрузить следующие продукты: сухари, консервы, крупу гречневую, крупу ячневую (взамен риса), масло, подболточную муку, соль, чай, сахар, сушеные овощи, перец, табак, мыло, овес и сено — все это по расчету на двенадцать с половиною дней для всего отряда, и снетков—на два дня. Подвоз мяса к расходному магазину предполагалось начать из Аренсбурга, на пароходе «Тор», а хлеба — из Риги, на пароходе «Долли», на 2-й день операции.

Всем частям указывалось взять в обозы 1-го и 2-го разрядов на текущее довольствие сколько представится возможным картофеля и квашеной капусты. При получении из расходного магазина консервов вместо мяса, предполагалось выдавать — на 2 нижних чинов одну банку консервов с добавком картофеля.

Хлеба требовалось взять на текущее довольствие (на 3 дня) по расчету 3 фунта в день на человека; выдавать же в пути разрешалось по $2^1/_2$ фунта, каковым путем предполагалось образовать некоторый запас хлеба.

Все указанные распоряжения были об'явлены войскам отряда заблаговременно, 4-го августа, в приказе по отряду.[1])

Относительно оказания помощи раненым и больным войска отряда тоже получили соответствующие указания.

Во время посадки войск на суда случайные раненые должны были оставляться на берегу и направляться в лечебные заведения.

Во время перехода морем медицинскую помощь должен был оказывать медицинский персонал частей войск.

По прибытии к месту высадки вместе с войсками должны были отваливать от транспортов 7 санитарных плашкоутов, имевших на бортах знаки красного креста на белом поле и порядковый нумер. Плашкоутам указывалось идти за войсками и становиться на якорь в один ряд вдоль береговой полосы на глубине $1^1/_2$ фут. По постановке на якорь плашкоуты должны были поднять флаги Красного креста. На каждом плашкоуте полагалось иметь: 1 зауряд-врача, 2 санитаров и 12 носилок; каждый плашкоут мог поднять до 20 лежачих или до 50 легко раненых.

Если раненые появились бы во время самой высадки, то таковые, получая первоначальную помощь, по возможности, от своих частей, должны были переправляться на санитарные плашкоуты, куда могли помещаться раненые, и не получившие первоначальной перевязки. Санитарные плашкоуты, по заполнении ранеными, должны были требовать семафором буксир, который отвел бы их к госпитальному судну и возвратил бы их обратно для приема новых партий раненых.

По высадке войск на берег, начальники дивизий и бригад должны были указать главным врачам перевязочных отрядов места для открытия главных перевязочных пунктов, а командиры полков — старшим полковым врачам

---

[1]) Дело Морискома № 11.278, стр. 9. Праказ Сухопутному Балтийскому отряду № 4. 4-го августа 1916 года.

места для передовых перевязочных пунктов. С главных перевязочных пунктов предполагалось направлять раненых к береговой полосе на санитарные плашкоуты сначала средствами главных перевязочных пунктов, а по мере удаления от береговой полосы — средствами 407-го санитарного транспорта или 4-го кавалерийского передового санитарного транспорта союза городов. Раненые, направлявшиеся с перевязочных пунктов и требовавшие в дальнейшем медицинской помощи в первую очередь, должны были иметь поверх повязки красную тесьму.

По устройстве на берегу специальных пристаней, к ним, помимо плашкоутов, должна была подходить санитарная баржа, имевшая 40 носилок и способная принять до 150 раненых (40 лежачих и 100 легких).

Госпитальное судно «Ариадна», после приема 500 раненых, должно было идти в Рогекюль. Одновременно с уходом «Ариадны» штабом отряда должно было передаваться в Гапсаль требование выслать в Рогекюль санитарный поезд, каковых в Гапсале должно было находиться три (в Ревеле должно было находиться еще три таких же поезда, готовых по первому требованию выйти в Гапсаль). В Рогекюле раненые должны были перегружаться в поезд, направлявший их немедленно на эвакуационный пункт. По разгрузке «Ариадна» должна была тотчас же возвращаться к месту операции.

Во время отсутствия «Ариадны» раненые должны были доставляться плашкоутами на госпитальное судно «Николай II-й», способное принять тоже до 500 раненых и, по заполнении, также отправлявшееся в Рогекюль. При отсутствии на месте операции одновременно обоих госпитальных судов, раненые должны были доставляться плашкоутами на один из транспортов по назначению командующего транспортною флотилиею, капитана 1-го ранга Иванова 8-го.

После закрепления войск на берегу из Гапсаля предполагалось передвинуть на базу высадки 301-й полевой и 82-й запасный госпитали.

Изложенная организация эвакуации раненых, в общем, вполне удовлетворяла необходимым требованиям [1]). Однако, подвергая ее строгому разбору, нельзя не указать на два неправильно решенные вопроса:

---

[1]) Эти правила были об'явлены в приказе Сухопутному Балтийскому отряду от 12-го августа 1916 г. за № 7. Дело Морискома № 11.278, стр. 15.

1) в Рогекюле следовало открыть головной эвакуационный пункт; таковой же пункт, по окончании высадки, необходимо было иметь и на базе высадки; меры эти вызывались необходимостью самым тщательным образом упорядочить эвакуацию раненых в наиболее трудные ее моменты: погрузки раненых на госпитальное судно и перегрузки их в санитарный поезд;

и 2) постоянное наличие трех санитарных поездов в Гапсале и трех—в Ревеле, специально приуроченных к нуждам десантного отряда, не вызывалось совершенно необходимостью и напрасно только ослабляло санитарные средства фронта в разгар боевых действий под Ригой. Наличие достаточного числа мест для раненых в госпиталях Рогекюля и периодическое посещение, в мере надобности, этого пункта санитарными поездами Северного фронта вполне разрешало задачу о самой комфортабельной эвакуации раненых десантного отряда.

На этом мы заканчиваем рассмотрение детальной разработки плана сухопутной части десантной операции.

Подводя итоги этой работе, необходимо указать, что составление плана собственно десантной операции, т.-е. плана высадки десанта выпало в действительности на долю командования Сухопутным Балтийским отрядом при большем или меньшем содействии со стороны различных органов морского командования, тогда как существо дела требовало совершенно обратной постановки работы.

Вся работа по созданию «Схематического плана десантной операции», явившегося основным для дальнейшей детальной разработки, была выполнена в две недели (начата 5-го—6-го июля и окончена к 21-му—23-му июля), не считая, конечно, последующих приказаний, распоряжений или исправлений, вызывавшихся или увеличением состава десантного отряда, или изменением условий его перевозки (сокращение перевозки морем путем заблаговременной перевозки войск из Гельсингфорса и Ревеля по железной дороге в Ригу).

Для того же, чтобы судить о тех условиях обстановки, при которых производилась эта работа, достаточно ознакомиться с дневником начальника штаба десантного отряда, Верховского, дававшего себе труд время от времени записывать свои дневные впечатления.

В этом своем дневнике [1]) Верховский пишет:

---

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть I, стр. 399 и 400 и часть II, стр. 1, 2, 40—45. Дневник подполковника Верховского.

«8-го июля 1916 г. Приехал в Ревель, в распоряжение генерала Геруа, и получил приказание формировать корпусный штаб.

К моему приезду план боя уже в общих чертах намечен [1]).

Решена высадка открытой силой под огнем флота. Детали мне не ясны.

Все время мы тратим на составление плана операции [1]) для рассылки его частям и наверх.

Трудно это очень, так как штаба нет [1]).

Что-ж, будем формировать и посмотрим, что выйдет. Сегодня — ровный нуль; ни чернильницы, ни человека [1]).

Состав отряда: 116-я дивизия — в Гельсингфорсе, морская бригада — в Куйвасте и 4-я кавалерийская бригада — в Риге. Обе пехотные части незаконченного формирования.

12-го июля 1916 г. Начали прибывать офицеры. Ограбил штаб 107-й дивизии на инспекторского ад'ютанта, начальника и команду связи, и штаб крепости—на 4 писарей.

Одновременно нужно вести подготовку операции. Первым долгом установить план боя, чтобы моряки знали все, что им делать [2]). Подготовить организацию связи.

У нас пока никаких средств нет.

Одновременно организовать разведку. Дано задание воздушной разведке.

Под'емная сила транспортной флотилии — 25.700 людей, 4.800 коней, 1.000 повозок.

Скорость погрузки: с шаланд в час—25 лошадей, с пристаней—50 лошадей.

116-я дивизия совершенно не готова. Только что начала перевооружаться 3 дм. пушками [1]). Полки едва сработаны.

14-го июля 1916 г. Подана и принята мысль организовать связь стреляющих кораблей и берега путем телефонных кабелей, протянутых от берега на пустые мины около кораблей и от них на корабли. Это может облегчить управление стрельбой. Одновременно принята мысль о необходимости подготовить средства для установления связи с внешним миром по закреплении на берегу.

---

[1]) Курсив наш.

[2]) Курсив наш. Этот вопрос подробно разобран в следующей III части труда.

16-го июля 1916 г. Ездили смотреть морскую бригаду в Куйваste. Хорошая часть по составу людей и внешнему виду, но офицерство без понятий—из адмиралтейских офицеров. Маневрировать не умеют.

После осмотра были в Рогекюле у адмирала Кедрова и совместно с ним выработали план морского развертывания и инструкцию артиллерии [1]).

Именно: боевые корабли с десантом головного отряда подходят к берегу на 2 мили и на своих шлюпках спускают десант на берег. Подход — на рассвете; высадка — засветло, под прикрытием огня артиллерии (дают моряки 20 тяжелых орудий и, за время движения войск к берегу — 20 минут, каждое сделает около 40 — 60 выстрелов). Высаживается непосредственно следом морская бригада; 116-я дивизия подходит и высаживается вслед.

Какая бездна мелочей при формировании штаба. Весь день что-нибудь надо делать.

Офицеры пока с техникой дела не знакомы. Журнальная часть и связь—прапорщики, очень старательные и толковые, но мало знакомые. Капитан Гурко с разведкой штаба только знакомится.

18-го июля 1916 г. В состав отряда назначена 3-я стрелковая дивизия, стоящая в резерве под Ригой. Это собственно единственая настоящая часть [1]).

19-го июля 1916 г. Штаб отряда перешел на пароход «Боре».

У противника на побережьи есть всего 1-я кавалерийская дивизия.

21-го июля 1916 г. Генерал Геруа смотрел 3-ю стрелковую дивизию и 4-ю каваллерийскую бригаду. Закончена разработка посадки. Назначены эшелоны перевозки и количество людей, лошадей и повозок каждой очереди [1]); так как части очень разбросаны, то очень трудно было получить нужные сведения. На местах начальники поставлены в связь с комендантами посадок для детальной разработки посадки.

22-го июля 1916 г. Произвел разведку побережья. Есть позиция по всему берегу, хотя и не сильная. Проволока в 3—4 ряда, не больше, и окопы. Сразу заехал к адмиралу Кедрову. Оказалось, что он дает для подготовки всего 7 канонерок, т.-е. 20 орудий. После споров уговорил дать

---

[1]) Курсив наш.

8 миноносцев бить проволоку и поставить крейсера, если разрешит Канин. Поеду уговорить флот.[1])

23-го июля 1916 г. Прибыли люди на укомплектование обоза штаба. Послал саперного офицера с проволокой и людьми установить проволоку для пробной стрельбы флота.

24-го июля 1916 г. Отправился в Гельсингфорс в штаб флота доложить результаты моей разведки. Мое требование—50 тяжелых орудий и 6 тыс тяжелых снарядов, 50 легких орудий и 6 тыс. легких снарядов[1]).

Посылают флагманского артиллериста устроить это.

Организация посадки закончена в деталях[1]).

25-го июля 1916 г. Штаб—Ревель, пароход «Боре».

3-я стрелковая дивизия — ст. Родденпойс, к востоку от Риги.

116-я дивизия—Гельсингфорс.

Морская бригада—Куйваст.

4-я кавалерийская бригада—Ней-Бильдерлингсгоф.

Получены сведения, что на побережье стягиваются: три полка Баварской кавалерийской дивизии, 7-й егерский резервный и гвардейский стрелковый баталионы.

В наше распоряжение прибыла телеграфная рота (4-я отдельная Сибирская).

Вернулся из Гельсингфорса. Меня спросил начальник штаба флота — «готова ли сухопутная сторона подготовки?» Я ответил: «кроме мелкой—готово».

Видел капитана 1-го ранга Альтфатера (начальника оперативного отделения морского штаба верховного главнокомандующего). Убеждал[1]) не откладывать операции. Теперь будет трудно, через 2 недели — будет невозможно[2])

Поднят вопрос Альтфатером—не перевезти ли 116-ю дивизию в Ригу, а оттуда уже на пароходах. Если перевозку сделать во-время, то морская часть передвижения сократится на 3 дня, т. е. вместо 10 дней—7.

Везде, т. е. во всех четырех частях произведены погрузки небольших частей для практики. Несколько ценных указаний.

---

[1]) Курсив наш.
[2]) Слова, оказавшиеся пророческими.

Возникает мысль: раз у противника проволока и артиллерия, не лучше ли центр тяжести высадки перенести на ночь, перед рассветом, чтобы неожиданным нападением захватить берег, а потом уже высаживаться днем.

Моряки посылали 30 лайб заграждать Ирбенский пролив у Домеснеса. Немцы их приняли за десант и расстреляли.

26-го июля 1916 г. Отправился с флагманским артиллеристом, капитаном 1-го ранга Игнатьевым, в Рогекюль для производства опытов стрельбы по проволочной сети. Участок ее в 3 кола и 50 саж. длины, был построен на берегу. Выпущено 40 снарядов 4 дм. и 60—3 дм.; одно попадание в проволоку; проход не сквозной. Это сразу показало, что назначенных 20 орудий мало; нужно дать все, что возможно.

После стрельбы прошел в Куйваст, в штаб морской бригады, повидать начальника штаба и уговорить его разработать во всех деталях высадку бригады, чтобы каждый знал, куда ему идти и как организовывать связь. Это указано о производстве соответствующих маневров—я ему и сообщил.

27-го июля 1916 г. Утром снова был на стрельбе в Рогекюле. Вчера стреляли с 1 мили и было очень много рикошетов; здесь стали стрелять с 2 миль. Выпущено 60 снарядов; почти все перелеты. Наблюдение с 2 миль не позволяло установить перелеты или недолеты. Поэтому в проволоке одно попадание.

После этого я поехал в Ревель, где штаб требует еще работы над ним. Вместо себя послал капитана Щербакова.

Получено указание, что 116-я дивизия будет перевезена в Ревель на транспортах, а отсюда по железной дороге на Ригу.

28-го июля 1916 г. Вместо меня на опыты поехал капитан Щербаков, но он приехал уже после стрельбы и ничего не видал. Он только осмотрел произведенное разрушение, которое не увеличилось с прошлого раза. Всего один снаряд—один неполный проход.

Флагманский артиллерист признал, что стрельба морской артиллерии по проволоке безнадежна[1]). Игнатьев в последний раз стрелял сам, и выяснилось, что, меняя прицел на самую малую величину—$^1/_4$ кабельтова, он одну среднюю траекторию положил перед, а другую за проволокой.

---

[1]) Курсив наш.

Выпустили 400 снарядов. Опыт признан бесполезным и разрушение проволоки неосуществимым [1]).

Отсюда выводы, что высадка открытой силой—вещь невозможная, и нужно организовать высадку, основанную на неожиданности.

Послал ряд указаний дивизиям репетировать высадку маневрами, именно разворачивание частей и связи. [1]).

116-я дивизия погружалась в Гельсингфорс на пароходы и завтра перевозится в Ревель, а отсюда по железной дороге в Ригу. Такая организация дает выигрыш в 3 дня общей перевозки.

Разработаны и присланы нам для сведения: морская инструкция связи, инструкция для движения транспортов, артиллерийская инструкция. Все наши пожелания приняты к исполнению.

Иногда с моряками легко работать [1]).

29-го июля 1916 г. С утра стали подходить эшелоны 116-й дивизии. Общий распорядитель—капитан Текелин. От него: 1) офицер на пристани, при нем офицер-моряк—комендант побережья, 2) офицер на станции для руководства посадкой.

Каждую часть провожает конный посыльный. Все перекрестки провешены чинами с красными повязками.

Все части немедленно очищают пристань и уходят на вокзалы по указанию капитана Текелина (вокзалов погрузки два).

Получено и передано приказание перевезти в Ригу и части из Ревеля (артиллерию).

На каждый трех-батальонный полк дали всего 3 эшелона по 45 вагонов. Поэтому посадка очень затруднилась. Первый транспорт подошел около 10 час. утра, а первый эшелон отправлен в 6 час. вечера.

Посланы указания частям ознакомиться со способом стрельбы по квадратам, установленным по соглашению кн. Меликова и Минной дивизии.

30-го июля 1916 г. Транспортная флотилия предполагает достать 20 мелкосидящих пароходов, но для этого нужно приказание Ставки, так как командующий флотом имеет распоряжение их во все время войны, что бы ни случилось, не брать.

---

[1]) Курсив подлинника.

Сегодня прибыли наши лошади. Таким образом, штаб отряда окончательно сформирован[1]). 11 офицеров, 120 нижних чинов и 64 лошади.

31-го июля 1916 г. Головные части 116-й дивизии высаживаются в Риге. Артиллерийский дивизион и парк начали подходить в Ревель. Перерыв в посадке был от 10 час. 30-го июля до 12 ч. сегодня. Транспорты привезли пехоту и поехали за артиллерией. Это и было причиной перерыва.

Вернулся генерал Геруа. Он побывал в Ставке, докладывал государю, наштаверху, ген. Гурко. Решение произвести высадку совершенно твердое, и она должна будет произойти в начале августа. Генерал Геруа привез нам директиву Гурко, которой ставится задача—для содействия наступлению 12-й армии и использования ее успеха произвести высадку. Начало—когда наметится успех. Указан район—тот, который и мы намечали. Первая задача на берегу—разбить резервы, которые противник против нас двинет.

1-го августа 1916 г. Приезжал генерал Гурко для свидания с командующим флотом. Установлена помощь флота при наступлении 12-й армии в приморском фронте. Установлено, что наш приказ будет дан лишь тогда, когда выяснится успех. Закончили перевозку 116-й дивизии. Нам дают еще две мортирных батареи.

2-го августа 1916 г. Сегодня из Гельсинфорса прибыли парки 116-й дивизии; погружены и отправлены по железной дороге.

Также погружены и отправлены: артиллерийский дивизион морской крепости, 6 дм. гаубичная батарея и парки этого дивизиона.

Начальник базы высадки, капитан 2-го ранга Шишко, приходил рассказать об ее организации. У него 8 пристаней. В первую очередь он будет строить 4 пристани, а 4 попридержит, в зависимости от обстановки.

Я рассказал ему о нашей базе связи и просил его немедля связать пристани со станциями.

Приходится вести борьбу с тем, что бы моряки точно определили порядок движения транспортов в колоннах, что бы нам знать, где и какой будет полк. Без этого точной разработки боя за высадку не будет.

---

[1]) Курсив подлинника.

3-го августа 1916 г. Снова была произведена стрельба по проволоке с крейсера «Аврора» 6 дм. пушками; выпущено 209 снарядов; 3 попадания в проволоку и 3—в окоп. Мое впечатление, что серьезного характера эта стрельба не имеет, и я еще более убедился, что нападение должно быть неожиданным на широком фронте.

На генерала эта стрельба произвела обратное решение. Он нашел, что если увеличить число снарядов (что не может быть сделано по недостатку снарядов во флоте), то эффект получится. Нужно только сосредоточить огонь с 6 на 1 версту.

Наш отряд получил название «Сухопутный Балтийский отряд».

4-го августа 1916 г. Для обсуждения результатов стрельбы и окончательного установления плана действий на «Боре» собрались: Кедров—начальник минной дивизии, со штабом, начальник транспортной флотилии, капитан 1-го ранга Иванов, и начальник штаба. Генерал Геруа и адмирал Кедров остановились на том, чтобы сосредоточить огонь на 1 версте и на ней делать дневную высадку.

Днем были собраны все начальники снабжений для обсуждения, как будем выгружать все 300 тысяч пудов груза. Необходимо иметь по 100 человек на пароход для разгрузки на самом пароходе, установить правильные рейды плашкоутов, установить кому, на какой пристани (интенд., артиллер., инженерн.) и на каждой пристани иметь роту для разгрузки.

В виду того, что у нас теперь большая часть частей в районе Риги, пришлось старшего начальника дивизии сделать начальником гарнизона, для всех распорядков, и одного офицера общим сухопутным комендантом посадки.

5-го августа 1916 г. Ночью получена телеграмма нового главнокомандующего, вызывающая начальника отряда в Ригу для окончательного установления времени десанта.

Начдив 116 извещает генерала Геруа письмом, что дивизия его ни к чему[1]). Это чувствовалось и раньше, но теперь нужно попробовать принять меры. Раз дивизия все равно в Риге, поставить ее на фронт, а взять с фронта другую, настоящую. В этой—ни офицерского, ни унтер-офицерского кадра. Командиры полков—из 4-х три очень слабы[1]).

На совещании 4-го августа мне было поручено разработать демонстративную высадку южнее Роена. Генерал

[1]) Курсив наш.

Геруа и адмирал Кедров признали принципиальную желательность ее, но не знают, насколько допускают средства. Выяснилось, что моряки дают 4 миноносца типа «Новик», а мы—2 баталиона 3-й стрелковой дивизии.

В идее разработка должна лечь на 3-ю стрелковую дивизию.

6-го августа 1916 г. Утром, около 7 часов пришли на миноносце «Дельный» в Ригу, где уже собрались все начальники штабов дивизий, по вызову, для обсуждения всех технических вопросов. Выяснилось, что детали всеми разработаны, кроме только что прибывшей 116-й дивизии, к которой переходит вся разработка 3-й стрелковой.

Передал начальнику штаба 3-й стрелковой приказание приступить к разработке. Его возьмет генерал Геруа на разведку побережья на «Дельном» и оттуда в Рогекюль для свидания с начальником 1-го дивизиона «Новиков».

Вечером вернулся в Ревель.

К переговорам в Риге 6-го августа:

1) насколько полно разработана разбивка на эшелоны, 2) насколько полно разработана посадка, 3) как организовано управление и связь остающихся частей, 4) ясны-ли первые задачи, поставленные дивизиям, 5) какие задачи поставлены и кому, 6) ясен ли порядок полков в периоды высадки.

7-го августа 1916 г. Закончен разработкой приказ связи.

Выяснилось, что все артиллерийские грузы на одном «Ваверисе». Устроил, чтобы были на двух пароходах, ибо от одной страшной мины...

8-го августа 1916 г. Август все идет да идет. Уже месяц, как я здесь и все по старому. Может быть теперь решат что-нибудь в Риге. Выправили раньше допущенную ошибку—разгрузили артиллерийские припасы на два парохода.

Хлопочем, чтобы дали пароход для телеграфной роты и по 2 парохода для 4-й кавалерийской и морской бригад для усиления состава каждой на 400 коней.

Окончательно установлено, что 31-й полк 1-й ландверной дивизии переведен на юго-западный фронт. Есть слух, что 33-й полк той же дивизии уведен туда-же.

9-го августа 1916 г. Приехал начальник морской бригады. Оказывается, что транспортная флотилия подготовила на 2 баталиона легкие баркасы с моторами. Моряки будут выкинуты почти вслед за головным отрядом. Оригинально, что мы узнали об этом позже, чем они. Маневры морской бригады идут успешно.

Поднят вопрос о перевооружении дивизиона морской бригады нашими пушками [1]). Пушки уже есть, ящики подходят.

В штабе флота идея об организации дополнительной высадки не встречает сочувствия. Хотел видеть начальника 2-го дивизиона капитана Развозова, которому поручено это дело, но его держат в Гельсингфорсе так, что сговориться нельзя.

10-го августа 1916 г. Генерал Геруа приехал из Риги в Ревель. За сегодня не сделано ничего.

11-го августа 1916 г. Генерал Геруа вернулся из своей поездки в Ригу, во время которой им были осмотрены 116-я дивизия, артиллерия, а также произведена личная разведка побережья, выяснившая, что с 22-го июля никаких работ произведено не было.

Готовность 12-й армии намечается на 14-е августа.

У нас кн. Меликов и адмирал Фабрицкий сговорились о том, как они будут работать, ибо части морской бригады будут постепенно вливаться в головной отряд.

Произведен маневр по устройству линии связи отряда после высадки на берегу со шлюпками, моторами и проч.

12-го августа 1916 г. Получена директива главнокомандующего. Приказано 12-й армии рвать 14-го августа на Туккум; нам быть готовыми к посадке.

Командующий флотом послал телеграмму, что погода теперь уже не благоприятна для высадки [1]).

Приехал начальник штаба 3-й стрелковой и командир II-го полка. Я пригласил капитана I-го ранга Развозова, назначенного для разработки морской стороны операции [2]), и представителя транспортной флотилии.

Обсуждали вопрос о высадке второго головного отряда. Выяснилось (хотя это ясно собственно и без этого), что для этой высадки нужно всю подготовку вести, как и для главной, а это в 2 дня сделать невозможно. Меньший срок— 7 дней. Затем, штурман местного плавания, уроженец Цаурнаса, выяснил, что берег страшно каменист, а ночью высаживаться совершенно нельзя. Ближайшие районы, где высадка возможна, это—укрепленный Домеснес и Мессарагоцем. Там слишком далеко и сложность очень велика,

Генерал Геруа решил обойтись без демонстраций.

---

[1]) Курсив наш.

[2]) Т. е. демонстрации к югу от Роена.

На время командования десантным отрядом генералу Геруа предоставлены права командира неотдельного корпуса, а всем чинам управления—права чинов управлений неотдельного корпуса, но с сохранением содержания по штатным должностям.

«13-го августа 1916 г. Получена директива главнокомандующего. Для того, чтобы довести операцию на южном фронте до решительного конца, туда нужны новые войска У нас же вся операция приостанавливается[1]).

«15-го августа 1916 г. Испрошено и получено согласие командующего флотом на организацию маневра морской бригады со всеми теми средствами, которые будут в действительности. Точно время еще не назначено, так как нужно собрать транспорты.

«На маневр решено пригласить весь командный состав стрелковой и 116-й дивизий и 4-й кавалерийской бригады.

«Разработан оперативный приказ для высадки и приказ по технической части высадки.

«Получено извещение, что просимая нами узкоколейная железная дорога, для быстрой разгрузки транспортов с пристаней к складам, нам отпущена: три версты, 15 дуг правых и 15 левых, несколько поворотных кругов и 15 вагонеток (груз этот идет на 9 платформах).

«Инженер считает, что 4 пристани будут этим числом обслуживаться хорошо.

«Составлена инструкция пользования радио-станциями[2]).

16-го августа 1916 г. Осмотрен транспорт «Николай», обращенный в госпиталь.

«Директива главнокомандующего—отряд расформирован.

Теперь, исчерпав все документы, относящиеся к выработке плана операции, задуманной к осуществлению в Рижском заливе летом 1916 г., мы можем обратиться к критическому разбору не только самого плана, но и порядка его разработки.

Рассматриваемая операция принадлежит к смешанным экспедициям. Последнее название обусловлено совместным участием в них сухопутных и морских вооруженных сил.

---

[1]) Курсив наш.

[2]) Эта инструкция в делах «Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914—18 гг. на море» не сохранилась.

Наиболее больным вопросом всех смешанных экспедиций всегда был вопрос командования. Соревнование сухопутного и морского начальства, столкновение интересов самолюбия и честолюбия неизменно являлись причиною неполного успеха, а иногда и полных неудач. Но опыт военной истории не прошел даром, и наше верховное командование еще в январе 1916 г. разрешило этот вопрос в окончательной форме, путем издания «Положения о начальнике высадки[1]). Это «положение» имело целью урегулировать взаимоотношения морских и сухопутных властей при подготовке смешанных экспедиций на Черном море и было об'явлено в дополнение и изменение соответствующих статей «Положения о перевозке войск на Черном море».

Согласно «положению о начальнике высадки», последний являлся ответственным исполнителем захвата неприятельского побережья. Он подчинялся командующему флотом, а ему с момента начала операции непосредственно подчинялись все войсковые части и, на правах флагмана, отдельно командующего,—морские силы, назначенные для подготовки, производства и поддержки операции захвата неприятельского побережья.

Начальник высадки, совместно со старшим войсковым начальником и с начальником корабельной поддержки, должен был разрабатывать общую диспозицию операции захвата побережья и, назначая момент ее начала, руководить ее исполнением до момента закрепления войск на побережьи. Этот момент определялся старшим войсковым начальником, который обязан был доносить о том начальнику высадки.

С момента получения означенного донесения, определяющего собою момент окончания операции захвата побережья, прекращалось подчинение высадившихся на берег войск начальнику высадки.

По требованию старшего войскового начальника высадившихся на берег войск, начальник высадки обязан был назначать суда для выполнения боевых заданий старшего войскового начальника, оказывая ему во всем полное содействие.

Кроме указанного, на обязанности начальника высадки возлагались: непосредственная охрана водного района высадки, установление и поддержание связи между флотом и берегом

---

[1]) Дело Морискома № 13.135, стр. 55. Приказ начальника штаба верховного главнокомандующего от 16-го января 1916 г. № 66.

и оборудование баз высадки для безопасного, быстрого и удобного своза войск и их снабжений. В этих видах ему подчинялись все суда и средства охраны района операции, личный и материальный состав баз высадки, перевозочные средства, гарнизон баз высадки и район службы связи побережья высадки.

Всесторонняя подготовка с технической и хозяйственной стороны и заготовление всех средств, необходимых для оборудования баз высадки, а также комплектование их личным составом, возлагалось на командующего транспортною флотилиею.

По командованию подчиненными ему отрядами судов, начальник высадки руководствовался в своей деятельности постановлениями морского устава «о флагмане, отдельно командующем», и пользовался дисциплинарною властью, согласно ст. 75 книги XVII Св. морск. постан.; на территории же баз высадки, границы коих определялись им самим,—правами командира корпуса.

При обратной посадке на транспорты, войсковые части поступали в подчинение начальника высадки с момента получения им извещения старшего войскового начальника о необходимости приступить к этой операции.

Являясь ответственным за всестороннюю подготовку к десантной операции как подчиненного ему личного состава, так и находящейся в его ведении материальной части, он обязан был ученьями и маневрами готовить личный состав и руководить деятельностью начальников баз высадки по подготовке материальной части.

Из изложенного видно, как блестяще был разрешен «положением о начальнике высадки» больной вопрос разграничения власти сухопутных и морских начальников и их взаимное подчинение при смешанных экспедициях.

Применяя это «положение», командующему флотом Балтийского моря подлежало избрать из числа подчиненных ему морских начальников лицо, по своим способностям отвечавшее требованиям, которые пред'являлись к начальнику высадки, и поручить ему всю подготовку операции по захвату западного побережья Рижского залива.

Согласно тому же «положению», этот вновь назначенный начальник высадки, совместно с начальником сухопутного десантного отряда, разработал бы план операции захвата побережья, подготовил бы соответсвенным образом отряды

боевых судов и транспортную флотилию и руководил бы исполнением самой операции до момента закрепления войск на побережьи.

Этих мер адмиралом Каниным принято не было.

В первой же своей телеграмме от 26-го июня 1916 г. за № 1.030/оп. с изложением своих общих соображений относительно производства операции, он, как мы видели, предполагал общее руководство операциею оставить за собою, подняв свой флаг на линейном корабле «Слава», находившимся в водах Рижского залива.

В той же телеграмме он сообщает адмиралу Русину, что командование транспортною флотилиею им возложено на капитана I-го ранга Иванова 8-го, командование отрядом боевых судов на контр адмирала Колчака и командование сухопутным десантным отрядом на генерал-майора Былим-Колосовского.

Не касаясь пока положения командующих транспортною флотилиею и сухопутным десантным отрядом, остановимся на той роли, которую предназначал Канин Колчаку.

Колчак в рассматриваемый момент (конец июня 1916 г.) находился на крайне важном и ответственном посту начальника минной дивизии, на котором лежало командование всеми морскими силами Рижского залива. Согласно проекту Канина, круг деятельности Колчака сужался, ограничивался командованием лишь отрядом боевых судов прикрытия десантного отряда, ибо, с поднятием своего флага на линейном корабле «Слава», Канин себе лично уже подчинял все отряды боевых и транспортных судов, исполнявшие отдельные назначения.

Такими отрядами, согласно плану, разработанному несколько позже в штабе командующего флотом, в Рижском заливе были:

1) отряд боевых судов прикрытия высадки (линейный корабль «Слава», крейсеры «Диана» и «Аврора», заградитель «Амур», канонерские лодки: «Храбрый», «Грозящий», «Хивинец», «Бобр» и «Гиляк» и три миноносца 9-го дивизиона);

2) отряд боевых судов обороны Ирбенского пролива (линейный корабль «Цесаревич», крейсеры «Адмирал Макаров» и «Богатырь» и 1-й дивизион миноносцев);

3) дозор в Ирбенском проливе (2-я группа миноносцев 5-го дивизиона);

4) дозор впереди Ирбенского минного поля (6-й дивизион подводных лодок);

5) отряд боевых судов для содействия армии у Риги (крейсер «Баян« и 1-я группа миноносцев 5-го дивизиона);

6) отряд для производства демонстрации у Мессерагоцема (8-й дивизион тральщиков под прикрытием миноносцев 6-го дивизиона);

7) отряд транспортов, идущих из Моонзунда (транспорты и 2-я группа миноносцев 6-го дивизиона);

8) отряд транспортов, идущих из Риги (транспорты, 1-я группа миноносцев 6-го дивизиона и 4-й дивизион миноносцев);

9) отряд содействия воздушной разведке (миноносцы 9-го дивизиона)

и 10) отряд охраны Моонзунда (1-й дивизион подводных лодок).

Один этот перечень отрядов, предназначенных для действий в Рижском заливе, уже показывает, что начальнику, поднявшему свой флаг на линейном корабле «Слава», было над чем подумать, на чем сосредоточить свое внимание, что комбинировать и чем руководить для достижения хотя и очень важной, но все-таки частной цели—захвата неприятельского побережья.

Но кроме этой частной цели, на обязанности флота Балтийского моря оставалась и главная цель—оборона Финского залива и подступов к Петрограду.

Командующий флотом Балтийского моря, беря на себя руководство десантною операциею в Рижском заливе, отрывался от указанной главной задачи флота и территориально, и интеллектуально. Между тем остальные боевые силы Балтийского флота во время рассматриваемой операции требовали особого его внимания, потому что по его же инициативе боевые силы Финского залива, во первых, предполагалось значительно ослабить выделением нескольких отрядов в отдельные назначения и, во вторых, вывести главные силы флота вперед в видах более строгой боевой готовности всех сил флота в период десантной операции, которая могла привлечь большие силы германского флота в Балтийское море.

Как мы видели уже, согласно общему «плану десантной операции и ее обеспечения», помимо действий в Рижском заливе, еще предполагалось:

1) вывести 1-ю и 2-ю бригады линейных кораблей и 1-ю бригаду крейсеров на рейд Лапвик,

2) выслать 2-ю бригаду крейсеров в Ботнику

и 3) выделить из сил Финского залива и Або-Оландской шхерной позиции в Рижский залив: линейный корабль «Цесаревич», крейсеры «Адмирал Макаров», «Богатырь», «Баян», «Диана» и «Аврора», заградитель «Амур», пять канонерских лодок и два дивизиона подводных лодок.

Принимая во внимание, во первых, важность наступавшего для Балтийского флота момента (вероятность появления больших сил германского флота в Балтийском море), во вторых, ослабление главных сил флота выделением целых организационных подразделений и отдельных боевых единиц и, в третьих, деятельность самих главных сил флота (переход в Лапвик, высылка 2-й бригады крейсеров в Ботнику) нельзя не придти к заключению, что командующий флотом Балтийского флота должен был лично остаться при главных силах флота, назначив начальника высадки для руководства операциею по захвату побережья в Рижском заливе на правах флагмана, отдельно командующего.

Таковым начальником мог быть назначен один из адмиралов, по выбору Канина, и в частности Колчак, как старший начальник в водах Рижского залива.

Но может быть Канин не верил в способности Колчака, не ценил его дарований. Такое предположение должно быть отброшено, ибо оно опровергается всем поведением Канина несколько дней спустя, т. е. около 1-го июля 1916 г., когда нежелание потерять Колчака, как сотрудника, заставило Канина столь резко протестовать против назначения последнего командующим флотом Черного моря, что протест этот едва не стоил Канину потери всей его служебной карьеры.

Чем же об'яснить тогда желание Канина оставить общее руководство десантной операцией за собою? Об'яснение может быть только одно: отсутствие крупных операций в Балтийском море с начала войны пробудило жажду личной деятельности; удовлетворение этой жажды можно было найти в личном участии в десантной операции в Рижском заливе—в первой крупной операции Балтийского флота. Это участие, повидимому, соблазнило Канина и толкнуло его на решение оставить общее руководство операциею за собою.

Ближайшим последствием такого решения явилась ненормальная постановка всей организации операции, принявшей тотчас же характер импровизации.

При нормальной, установленной приказом от 16-го января 1916 г. № 68, организации дела, начальник высадки являлся ответственным за успех захвата неприятельского побе-

режья и обязан был принять к этому все необходимые меры, начиная с разработки плана всей операции и кончая производством высадки сухопутного отряда и обеспечением пребывания последнего на неприятельском берегу со стороны моря.

Таким образом, первенствующая роль во всей организации захвата побережья и в исполнении самой операции должен был играть морской начальник—начальник высадки. Но такового назначено не было. Его обязанности возложил на себя командующий флотом, который, вследствие переобременения другими делами, естественно, не мог всецело отдаться этому вопросу, как мог и должен был бы это сделать специально назначенный для того начальник высадки.

Добровольно возлагая на себя обязанности начальника высадки, Канин принужден был подчинить непосредственно себе командующего боевым прикрытием, начальника сухопутного десантного отряда и командующего транспортною флотилиею. Такое подчинение, в свою очередь, привело к ненормальной разработке основного плана операции самого захвата побережья, которая была сделана, как мы видели, сухопутным начальником, а не морским, и лишь по соглашению с командующими отрядом боевого прикрытия и транспортной флотилии.

Исходя из того, что вся операция захвата неприятельского побережья от самого начала своего и до закрепления сухопутного отряда на берегу включительно, является операциею чисто морскою, при которой сухопутные войска являются лишь материалом, который погружается на суда, перевозится морем и высаживается на берег, материалом, лишенным во время пребывания на судах всякой боеспособности,—творцом и исполнителем этой операции должен был быть морской начальник, с большою властью флагмана, отдельно командующего, как то и предусматривало положение о начальнике высадки.

К сожалению, в рассматриваемом случае такая твердая организация не нашла себе места.

Однако, в период подготовки операции Канину стало ясно, что личного руководства при исполнении операции ему иметь не придется, вследствие чего руководство действиями флота во время производства высадки и после нее он поручил преемнику Колчака на посту начальника минной дивизии, Кедрову.

Такое решение вопроса без проведения в жизнь положения о начальнике высадки и без предоставления Кедрову прав

флагмана, отдельно командующего, ставило последнего в положение безвластного начальника, потому что не ему поручалось составление основного плана захвата неприятельского побережья, а сухопутному начальнику, который разрабатывал этот план по соглашению с Кедровым, и, во вторых, он не распоряжался подготовкою экспедиции во всей ее полноте, а должен был действовать тоже по соглашению с командующим транспортною флотилиею и начальником сухопутного десантного отряда.

Выше был приведен план экспедиции, составленный Геруа под заглавием «Схематический план десантной операции на побережьи Рижского залива (основной для предварительных расчетов).

В этом плане было 14 частей.

I. Цель операции.
II. Избранный для десанта участок побережья.
III. Сведения о противнике.
IV. Силы десантного отряда.
V. Морские силы.
VI. Авиация.
VII. Морские транспортные и перевозочные средства.
VIII. Пункты сосредоточения и посадки.
IX. Разделение десанта на эшелоны.
X. База и снабжение.
XI. Общий план высадки.
XII. Частные задачи отдельных частей флота.
XIII. Подготовка операции.
XIV. План выполнения операции:

а) Переход к месту выполнения операции.
б) Постановка на якорь и посадка десанта на шлюпки.
в) Своз десанта на берег и артиллерийская его подготовка.
г) Артиллерийская поддержка высадившегося десанта.

Мы умышленно привели эти заголовки частей плана, разработанного Геруа, чтобы показать, что в нем только состав десантного отряда (ч. IV) и исчисление потребности этого отряда в артиллерийских, интендантских и инженерных грузах (в ч. X) относились к компетенции сухопутного командования. Все остальные полностью относились к компетенции командования морского, и было бы много целесообразнее возложить разработку плана операции на последнее, потребовав от штаба десант-

ного отряда необходимые цифровые сведения; но этого сделано не было.

Затем, нам приходится обратить внимание на «Программу работы по подготовке высадки», тоже приведенную выше и составленную Верховским по указанию Геруа. В ней сухопутное командование, как можно понять, предполагает взять на себя «установление плана операции в зависимости от организации всей перевозки и боя и от средств высадки и результата разведки, и если будет признано необходимой организация демонстраций, разрабатывать их параллельно и совершенно также, как и главную операцию».

Во второй же части своей программы сухопутное командование пред'являет к командованию морскому следующие требования:

1) Разработать в соответствии с выработанным планом боя диспозицию боевых кораблей и транспортного флота перед районом высадки и порядок построения транспортов в разные периоды боя;

2) разработать организацию артиллерийского огня, подсчитав точно число орудий и снарядов сообразно той или другой задаче;

3) разработать распределение движения высадочных средств точно по кораблям;

4) разработать кругооборот транспортов за следующими очередями перевозки;

5) разработать организацию кругооборота интендантского, артиллерийского и инженерного довольствия

и 6) разработать оборудование базы высадки.

При чтении этого перечня естественно является вопрос: неужели же морское командование, ежегодно практиковавшееся в производстве десантных операций еще в мирное время, нуждалось в напоминании ему со стороны сухопутного начальства необходимости выполнения перечисленных азбучных требований. Предполагать это сухопутное командование не имело никаких оснований, а потому пред'явление им указанных требований следует отнести к вторжению в сферу компетенции морского командования.

К сожалению, таковое вторжение не ограничивалось изложенным, а продолжалось во время подготовки экспедиции.

Припомним «полевую записку», посланную Верховским Кедрову 21-го июля 1916 г. в Рогекюле. Она начинается словами: «По приказанию ген. Геруа докладываю результаты разведки, произведенной мною сегодня» и т. д.: Под этими

словами вовсе не следует понимать, что Геруа одобрил и разделяет последующее содержание полевой записки. Геруа, отпуская Верховского на разведку побережья, приказал ему на обратном пути в Ревель зайти в Рогекюль и доложить результаты разведки Кедрову. Таким образом, Геруа не был осведомлен о том, что докладывалось Кедрову и к каким выводам пришел Верховский.

На этом вопросе мы остановили свое внимание потому, что тон этой полевой записки весьма характерен. В ней начальник штаба сухопутного отряда дает ответственному за успех высадки морскому начальнику указания, что нужно сделать и пред'являет требования, кстати сказать, недостаточно продуманные.

Мы знаем уже какой отпор встретила эта записка со стороны Кедрова, но и характер этого отпора (жалоба начальнику штаба командующего флотом), показывает, что у Кедрова не было власти поставить на свое место лиц, выходивших из рамок предоставленной им компетенции. Да и сам Кедров, повидимому, не отдавал себе ясного отчета в ненормальности своего положения, ибо в противном случае, он в отзыве Григорову не ссылался бы на возможность упреков в будущем со стороны «армейских товарищей», а прямо указал бы на необходимость в интересах дела предоставить ему соответствующую власть.

Тот факт, что сухопутное командование имело тенденцию учить моряков яснее всего виден из «дневника» Верховского, и надо только удивляться такту и выдержке морских начальников, сумевших сохранить при этих условиях добропорядочные отношения со своими сухопутными товарищами.

Под рубрикой «12-го июля 1916 г.» Верховский в своем «дневнике», между прочим, говорит «Первым долгом—установить план боя, чтобы моряки знали все, что им делать[1]).

Затем, под рубрикой «16-го июля 1916 г.» говорится: «После смотра были[1]) в Рогекюле у адмирала Кедрова и совместно с ним выработали[1]) план морского развертывания и инструкцию артиллерии. Именно: боевые корабли с десантом головного отряда подходят к берегу на 2 мили и на своих шлюпках спускают десант на берег. Подход на рассвете, высадка засветло под прикрытием огня артиллерии (дают моряки[1]) 20 тяжелых орудий и за время движе-

[1]) Курсив наш.

пия войск к берегу—20 минут, каждое сделает около 40—60 выстрелов)»...

Далее, под рубрикой «22-го июля 1916 г.»: «Произвел разведку побережья...

...Сразу заехал к адмиралу Кедрову. Оказалось, что он дает[1]) для подготовки всего 7 канонерок[2]), т. е. 20 орудий. После споров уговорил дать[1]) 8 миноносцев бить проволоку и поставить крейсера, если разрешит Канин. Поеду уговорить флот[1]).

Под рубрикой «24,го июля 1916 г.»: «Отправился в Гельсингфорс в штаб флота доложить результаты моей разведки. Мое требование[1])—50 тяжелых орудий и 6 тысяч тяжелых снарядов и 50 легких (орудий) и 6 тыс. снарядов. Посылают флагманского артиллериста устроить это (?!).

Наконец, под рубрикой «2 августа 1916 г.»: ...Приходится вести борьбу с тем, чтобы моряки точно определили порядок движения транспортов в колоннах, чтобы нам знать, где и какой будет полк. Без этого точной разработки боя за высадку не будет».

Все изложенное мы привели для того, чтобы обрисовать взаимоотношения Кедрова и его сотрудников в составе сухопутного отряда. Неправильная организация, созданная Каниным, сделала так, что не Кедров—главный исполнитель операции—указывал и требовал, а ему не только напоминали, но и указывали и от него требовали те лица, которые при нормальных условиях только исполняли бы его приказания.

III.

Деятельность морского командования по детальной подготовке морской части десантной операции.

Выше мы видели в какое ненормальное положение командующий флотом Балтийского моря поставил начальника морских сил Рижского залива. Не давая последнему необходимой власти, командующий флотом возлагал на него всю ответственность исполнителя

[1]) Курсив наш.

[2]) Очевидное недоразумение. Для подготовки высадки были назначены: канонерки: «Храбрый», «Грозящий», Хивинец, «Бобр» и «Гиляк», заградитель «Амур», линейный корабль «Слава» и крейсеры «Диана» и «Аврора».

операции, ибо он был обязан сохранить владение Рижским заливом, он фактически становился начальником всех отрядов боевых и транспортных судов, сосредоточивавшихся в Рижском заливе, он являлся руководителем их движений и действий, он должен был овладеть с боя неприятельским побережьем и высадить десант.

Сколь ответственно и трудно было положение контр-адмирала Кедрова при рассматриваемой операции показывают: 1) докладная записка флагманского штурмана минной дивизии, старшего лейтенанта Муромцева, командующему флотом Балтийского моря от 7-го июля 1916 г. и 2) рапорт ему же контр-адмирала Кедрова от 21-го июля 1916 г. за № 166/оп.

В первом из этих документов заключалось следующее: [1])

«Выполняя в настоящем году по указанию бывшего начальника минной дивизии, ныне вице-адмирала, Колчака, ряд работ по усилению Ирбенской позиции, я имел возможность близко ознакомиться с некоторыми свойствами минных позиций вообще и Ирбенской в частности. Продолжительное плавание на теплоходах по минному полю при постановке заграждения в разное время дня и ночи, при различных условиях погоды, и ряд тральных работ вдоль его границы и далее, в районе неприятельских заграждений с затраливанием и под'емом на борт мин, а также изучение обстановки на месте с точки зрения навигационной и географической,—все это привело меня к некоторым вполне определенным и непоколебимым выводам, о коих, в виду обстоятельств момента, считаю своим прямым долгом донести незамедлительно.

«При этом для ясности дела я принужден буду, вероятно, обременить в. в. изложением попутно и некоторых до известной степени «избитых» истин.

«Состояние прошлогоднего заграждения, судя по большому количеству взрывов и снесенных мин, видимо, неудовлетворительно. Полагаю, что мелкопоставленные мины пострадали особенно сильно. Линии таковых почти безопасны, судя по ледяным торосам, которые я наблюдал в Рижском заливе с ледоколов весной этого года. Эти линии не могут служить препятствием для плавания неприятельских тральщиков типа наших теплоходов. Таковые наблюдались в коли-

---

[1]) Дело Морискома № 12. 805 стр. 125. Докладная записка старшего лейтенанта Муромцева командующему флотом Балтийского моря от 7-го июля 1916 г. и, судя по отметке на ней, доложенная Канину 8 июля 1916 г.

честве восьми штук капитаном 1-го ранга Дудоровым между Люзерортским и Михайловским маяками при налете наших гидроаэропланов. Эти моторные суда, по словам капитана 1-го ранга Дудорова, размерами больше наших теплоходов и, судя по струе, имеют ход не менее 15 узлов. Следовательно, базируясь на Виндаву, они каждую ночь могут безпрепятственно выходить на наше минное поле на работу. Еще легче это сделать в туманный день, похожий, например, на день выхода теплоходов за Церель, когда траление наше физически не могло быть обнаружено неприятелем в течение всей работы, т. е. 18 часов. Это время вполне достаточно, при восьми теплоходах, снабженных катерными тралами, хотя бы нашего образца, и маленькими моторами для выбирания тралов (такими, например, как у лота Томсона нового типа),— для того, чтобы прорезать нашу позицию в любом направлении. Образовавшийся проход может быть обставлен, в зависимости от цели операции или малозаметными буйками, или же вехама с моторных или паровых шлюпок, идущих непосредственно за тралами. При известной организации, вытраленные мины 1908 года могут быть разоружены или, в крайнем случае, ими можно пренебречь. Некоторым препятствием следует считать мины 1912 года, так как взрыв их при затраливании может обратить внимание наших дозорных миноносцев.

«Поставленных в этом году, т. е. вполне действительных, линий 1912 года только две [1]). Эти линии не прикрывают вполне позиции, оставляя проходы под берегом и с норда [1]). Кроме того, насколько мне известно, мины эти не всегда рвутся по опускании на дно после затравливания. В этом случае они делаются еще более удобными для неприятеля, чем мины 1908 года, которые увеличивают собою число плавающих мин.

«Таким образом, и это соображение в нашу пользу нельзя, к сожалению, считать существенным.

«В итоге, существующее убеждение в непроходимости позиции в настоящем своем виде или, по крайней мере, полная уверенность в особой длительности операции протраливания пути через заграждения,—связано с некоторой недоговоренностью в этом вопросе. В длительность операции обычно вводился промежуток времени от принципиального решения ее неприятелем и начала приготовительных работ до начала самой операции.

---

[1]) Курсив наш.

Этот промежуток может быть сокращен до минимума следующими обстоятельствами:

«1. Тралящий караван из 8-ми моторных катеров, по вполне определенным данным воздушной разведки, уже раз совершенно неожиданно для нас появился на нашем минном поле. Видимо, он базируется на Виндаву, т. е. находится в $1^1/_2$—2 часах хода от сердца нашей позиции [1]). Могу с уверенностью сказать, что силы этого отряда вполне достаточны для образования нешироκого, но вполне безопасного прохода, годного, в особенности, для подводных лодок и миноносцев [1]).

«Конечно, сказанное относится к настоящему положению вещей, обусловленному отсутствием в глубине позиции мелкопоставленных мин и полной невозможностью следить за минным полем ночью и в туман, за неимением подходящих моторных катеров.

«2. Вторым обстоятельством, которое может затянуть подготовку неприятелем операции, считается сосредоточение сил, достаточное для прорыва. Это последнее связано с нашей блестяще налаженной деятельностью разведывательной части штаба командующего флотом и службы связи.

«Тем не менее, своевременное получение сведений не всегда возможно, а сосредоточение, например, подводных лодок в Виндаве может пройти, при известной осторожности со стороны неприятеля, совершенно незамеченным нами.

«Миноносцы, малые крейсеры и некоторое количество судов для демонстрации могут быть с полной безопасностью сосредоточены неприятелем у Люзерорта. Защищенные с оста и веста заграждениями от наших подводных лодок и артиллерийского огня, эти суда будут чувствовать себя совершенно уверенно. В итоге приходится придти к заключению, что длительность операции подготовки прорыва может оказаться не столь длительной, как то принято считать [1]).

«Полагаю, что во всякий нужный неприятелю момент возможно ожидать:

«1) появления большого количества подлодок в Рижском заливе,

«2) атаки наших дозорных миноносцев не только подлодками, но и превосходными силами неприятельских миноносцев,

---

[1]) Курсив наш.

«и 3) демонстрации неприятельского флота, при чем пункты 1 и 2 не исключаются, а могут быть комбинированы.

«Что касается прорыва больших сил неприятельского флота в Рижский залив, то, не исключая его возможности, полагал бы полезным исследовать этот вопрос с точки зрения неприятеля, исходя из высказанных выше положений, а также прошлогоднего опыта.

«Вполне возможное появление неприятельских подлодок, уничтожение наших дозорных миноносцев и образование неширокого протраленного пути в наших заграждениях—условия, которые, несомненно, до крайности упрощают задачи неприятеля. Некоторое количество новых судов, которые, благодаря каналу черезМоонзунд, есть надежда провести в Рижский залив, не уравновесит эти неблагоприятные для нас условия, и задача, легко выполненная неприятелем в прошлом году, очевидно, может быть выполнена также и в этом, при наличии достаточного количества судов [1]).

«Приходится считаться также и с тем, что суда, коими возможно будет усилить морские силы Рижского залива, не дают той дистанции огня, которая позволяла бы состязаться с неприятелем на равных условиях артиллерийского боя [1]).

«Таким образом, вопрос, с точки зрения неприятеля, сводится к следующим пунктам:

1) неожиданно для нас сосредоточить при входе в Ирбен подавляюще превосходящие нас силы [1]) с большим количеством миноносцев и охранных «против подлодок» судов,

2) получить моральный толчок [1]), оправдывающий необходимость для отечества этой операции, которая, конечно, не может обойтись без потерь;

3) достаточный об'ект для нападения в Рижском заливе [1]), так как в прошлом году главная трудность предприятия, как показал опыт, была не в прорыве, а в удержании за собой залива. Если же удар в Рижском заливе может быть короток и решающий для блага армии, то отпадает необходимость в последующей нудной операции флота, лишенного ближних баз, угрожаемого из Моонзунда и блокирующего в нем остатки наших морских сил Рижского залива.

---

[1]) Курсив наш.

«Относительно превосходства сил полагаю, что только при отходе неприятеля из Рижского залива ему понадобятся силы, превосходящие наш Балтийский флот [1]), т. е. дредноуты. Для первой стадии операции будет достаточно иметь силы, превосходящие лишь наши в Рижском заливе, так как от нападения наших дредноутов они будут гарантированы нашим и своим заграждением, о котором они, судя по результатам последнего траления у Цереля, уже позаботились.

«Возможно, что, при ограниченности числа и удобства выходов нашего флота из Финского залива, неприятель ограничится усилением дежурств подводных лодок.

«Переходя к настоящему моменту и принимая во внимание, что неприятелю известна предполагаемая операция с высадкой десанта [1]), мы видим, что два последних условия на лицо, т. е. моральная необходимость решительных действий и возможность произвести в кратчайший срок, не оставаясь долго в заливе [1]). Остается только выполнить третье условие, т. е. тайно сосредоточить нужные силы [1]). Трудно рассчитывать, чтобы неприятельские эскадры, даже после боя в Северном море, были в таком расстройстве, чтобы не смочь выделить их.

«Таким образом, прорыв открытою силою нужно считать весьма вероятным [1]).

«Намечаемая армией, при помощи Балтийского флота, грандиозная десантная операция обострила до крайности вопрос об Ирбенской позиции и придала ему совершенно неотложный характер.

«Трудно предположить, что обширная работа по изготовлению транспортов и прочих средств по перевозке десанта остались для неприятеля тайной. Возможно, что последний налет на Ревель имел целью проверить распространившиеся слухи о десанте. Естественно, что неприятель перед угрозой занесенного над ним удара должен подумать о защите [1]). При оживленной борьбе почти на всех фронтах и занятости, по крайней мере, в настоящий момент всех войск, неприятель [1]), естественно, должен подумать о флоте [1]). Можно с уверенностью сказать, что операция в Ирбене должна срочно разрабатываться в германских морских штабах.

---

[1]) Курсив наш.

«Последнее появление германских моторных тральщиков следует рассматривать, как производство опытов на нашем минном поле.

«Не могут быть тайной для неприятеля и взгляды крайней осторожности на наступление наших армий, исповедуемые высшим командным составом нашего северо-западного [1]) фронта. В виду вытекающей из этих взглядов медленности наступления, а также хорошего развития германских укреплений под Ригой, неприятель может рассчитывать, что соединение десантного корпуса с нашими войсками вряд ли может произойти с молниеносной быстротой.

«Таким образом, для немцев может быть ясно, что десант, во время более или менее длительных действий на их тыл и закрепления исходного укрепленного плацдарма, должен будет базироваться на побережье Рижского залива, лишенное портов или даже мест, сколько-нибудь приближающихся к этому понятию. В итоге длительность нашей операции является особо крупным козырем для неприятельского флота, который может выбрать удобное время для нападения [2]).

«Возможно даже, что он даст время для окончания высадки и израсходования значительного запаса снарядов для стрельбы по берегу, даст время для ослабления нашей энергии и внимания в смысле защиты Ирбена и других чисто морских задач, отвлеченных к задаче нашего десанта. Такое явление будет особенно уместно при взгляде сухопутных властей на десантную операцию, как на чисто морскую, не связанную прямым подчинением и инициативой высадки с командующим соседней армией [2]).

«Таким образом, вполне естественно, что флот не может не принять близко к сердцу нужды своего десанта, остающегося длительное время на его ответственности и поддержке.

«Усиленное расходование снарядов, а возможно офицеров и людей, посланных для связи и для обслуживания десантных судов, будет естественно связано с операцией.

«Усиленная служба минной дивизии, принимая во внимание возраст большинства миноносцев и их тяжелую службу во время войны, поведет к увеличению числа чинящихся и выведенных из строя для защиты Ирбена судов.

---

[1]) Еще в половине 1915 г. Северо-западный фронт был разделен на два: Северный и Западный, которые и существовали в 1916 г. Здесь речь идет о Северном фронте.

[2]) Курсив наш.

«Заключение. Из изложенного выше можно с уверенностью вывести следующее заключение:

1) Ирбенская позиция должна быть в кратчайший срок усилена и наблюдение за нею увеличено [1]); план этого усиления составит предмет особой записки;

2) тем не менее, следует считать, что неприступной позиции создать в условиях Ирбена, где один берег занят неприятелем, — нельзя [1]);

3) срок, который ставится нам сухопутными военными начальниками для окончания десантной экспедиции, т. е. до соединения десанта с армией, является решающим фактором [1]) в этом вопросе. Если он велик, то операция не может считаться обеспеченной со стороны неприятельского флота [1])».

Изложенная докладная записка является весьма ценным документом, показывающим, как смотрел на вероятность и возможность прорыва германского флота в Рижский залив офицерский состав минной дивизии, на которую должна была лечь главная тяжесть обороны Рижского залива.

Мы видели в ней, во-первых, как Муромцев оценивает силу Ирбенского минного поля и приходит к заключению, что прорыв является возможным. Затем, он рассматривает вопрос вероятности прорыва и решающим фактором в нем выставляет фактор моральный — безусловную необходимость для германцев поддержать армию флотом, в случае осуществления нами десантной операции.

Наконец, он принимает к учету всю продолжительность нашей десантной операции и, считая ее весьма значительной, рассматривает эту данную, как данную в пользу противника.

Его выводы, естественно сводятся к необходимости усилить во что-бы то ни стало Ирбенскую минную позицию, хотя он не делает себе иллюзий в ее неприступности, опираясь на те соображения, что один из берегов пролива находится во власти противника и что срок, в течение которого необходимо удерживать эту позицию, слишком велик.

Записка Муромцева обнаруживает нам действительное состояние Ирбенского минного поля

---

[1]) Курсив наш.

к 7-му июля 1916 года, т. е. к началу подготовки десантной операции. Излагаемая им характеристика этого минного поля показывает, что к заграждениям 1915 года весною 1916 года были прибавлены только две линии, проектированные Колчаком в его рапорте командующему флотом Балтийского моря от 4-го февраля 1916 г.; указания же командующего флотом относительно постановки более глубокого заграждения и не с прямыми, а с зигзагообразными линиями, к этому времени еще исполнены не были.

Дальнейшие рассуждения автора рассматриваемой записки, касающиеся возможности и вероятности прорыва германского флота в Рижский залив, глубоко продуманы и проведены, исходя из вполне реальных комбинаций данных обстановки с учетом моральных факторов. Особую ценность в этом отношении представляет рассмотрение им вопроса о цели прорыва германского флота. Отвергая вероятность такого прорыва без особых побудительных причин, он доказывает его полнейшую вероятность при наличии последних. К числу таковых побудителей он основательно относит безусловную необходимость выручки флотом левого фланга германской армии, в тыл которого заносился нами грозный удар десантом.

Таким образом, и состояние нашей Ирбенской минной позиции, и вероятность форсирования ее германским флотом, и безотлагательная необходимость возможного ее усиления в рассмотренной записке обрисованы самым исчерпывающим образом. Для нас из нее были ясны два вывода: 1) всяческое усиление Ирбенской позиции (новые минные поля и новая охрана их) и 2) всякое сокращение времени производства десанта (увеличение числа транспортов и сокращение их пробега). Вместе с тем, освещение этих вопросов Муромцевым проливает свет и на грандиозность и тяжесть задачи, предстоявшей Кедрову, как начальнику всех морских сил Рижского залива в период десантной операции.

Если сопоставить содержание докладной записки Муромцева с содержанием письма Канина Русину от 11-го июля 1916 г. № 1.120/оп. и принять во внимание, что записка была доложена Канину 8-го июля Черкасским—вероятным составителем указанного письма, то можно видеть, что многие мысли и факты, приведенные в докладной записке Муромцева, не были забыты и в письме командующего флотом.

Наконец, эта докладная записка еще раз подтверждает, что убеждение Геруа в безопасности морских сообщений де-

санта не имело никаких оснований и не могло быть почерпнуто ни из каких слоев командного состава Балтийского флота.

Возможность и вероятность прорыва неприятеля в Рижский залив являлись отправными данными при решении самого главного вопроса десантной операции—охраны транспортов в движении к месту высадки и во время высадки и охраны базы высадившегося десанта.

Кедров, на ответственность которого ложилась эта задача, вошел 21-го июля к командующему флотом с рапортом, в котором просил принципиальных указаний относительно борьбы в Ирбене и далее, в случае прорыва, в Рижском заливе.

Кедров писал [1]):

«При сем представляю Вашему Высокопревосходительству схему минной позиции у южного входа в Моонзунд, каковую полагаю полезным разработать, дабы заранее выяснить могущую создаться обстановку и получить принципиальные указания ваши на борьбу морских сил Рижского залива с неприятельским флотом в Ирбене и далее в Рижском заливе.

Вопрос представляется мне в следующем виде:

В случае серьезного намерения неприятеля форсировать Ирбенский пролив могут быть с нашей стороны две точки зрения. Первая, выражаясь образно, состоит в том, что защищать позицию следует до последней капли крови, т. е. путем сближения на дистанции решительного артиллерийского боя и минных атак, не жалея кораблей [2]), добиться нанесенными неприятелю потерями деморализации его, иначе выражаясь, заставить его усомниться в том, что приносимые им жертвы оправдывают цель прорыва. Здесь большую роль может играть случай: удачные минные атаки или подрыв на мине заграждения большого корабля, очень свежая погода, разбросавшая тралящий караван, несочувствие морского начальника возможно навязанной ему армией операции и т. п.—все это элементы, которые весьма вероятны и могут дать нам надежду на благоприятный для нас исход боя.

Единственным не случайным элементом может явиться лишь наша упомянутая выше первая точка зрения: наша главная задача—Ирбен, корабли жалеть не

---

[1]) Дело Морискома № 12.805, стр. 129. Рапорт начальника минной дивизии командующему флотом Балтийского моря от 21-го июля № 166/оп.

[2]) Курсив наш.

следует, атаковать при сколько-нибудь возможной обстановке—необходимо, не дожидаясь лучшей, так как времени нет [1]). Очень возможно, что такая точка зрения, проникнув в сознание защитников Ирбена, поколеблет волю противника, и после ряда потерь с нашей стороны и известных потерь с его, он откажется от прорыва.

Не следует закрывать глаза на то, что, при большей решимости, хорошо организованные и несоразмерно превосходящие нас силы неприятеля, имея под боком если не базу, то опорный пункт—Виндаву и свой берег, могут преодолеть наше самое энергичное сопротивление и пройти за позицию, уничтожив значительную часть морских сил Рижского залива, вероятно, прямо пропорционально энергии нашего сопротивления.

Упомянутые два исхода могут быть результатом первой точки зрения. Как мы видим, результат такой оборонительной операции весьма гадателен.

Инициатива при этом нераздельно переходит к противнику.

Вторая точка зрения может быть формулирована так: если неприятельский флот не будет принужден отказаться от операции [1]), благодаря понесенным им потерям в первый период боя [1]), когда мы имеем своими союзниками линии заграждения, то дальнейшее сопротивление [1]) на создаваемых жидких и легко проходимых позициях далее к осту у Домеснеса или Руно является лишь игрой на нумер в рулетку и в 35 случаях из 36 не даст результатов, но потребует большого расхода мин. Создавать позиции следует только из подводных лодок [1]), прикрывая их артиллерийским огнем от сторожевых судов и миноносцев. Эти позиции дают некоторый шанс к деморализации противника потерями—больший, чем жидкие минные заграждения, поставленные через все море, и почти верное средство к отводу главных сил Рижского залива в тыл. Здесь мы подходим к центру тяжести этой второй точки зрения: отводя наши морские силы за новую [1]), хорошо продуманную, глубокую позицию, созданную за время нашего отступления [1]) в сравнительно узкой части залива, у южного входа в Моонзунд [1]), рядом с нашими опорными [illegible]стами, мы имеем громадные шансы [1]), при

---

[1]) [illegible]сив наш.

известных условиях, «выкурить» неприятеля из залива [1]), как то непроизвольно случилось в прошлом году.

Упомянутые выше благоприятные условия могут быть в значительной степени созданы нами, нашей интенсивной работой по оборудованию этого нового маленького театра, хотя бы самыми примитивными и дешевыми средствами, в роде 100 или 130 м/м. батареи на Кюбосаре, наблюдательного поста и т. п.

Германцы, растянувши свою коммуникационную линию, не имея ни ближней базы, ни даже защищенной якорной стоянки, принуждены будут или вновь стараться уничтожить наш флот в более трудных условиях, или же установить за нами блокаду, или, по крайней мере, тесное наблюдение. Одновременно, если они пожелают форсировать Ригу, с ее хорошими морскими орудиями, минными заграждениями и спрятавшимися в Усть-Двинске подводными лодками, то задача германского флотоводца будет не легкая. Конечно, при условии, что уже на этот раз мы не будем упускать удобных случаев для решительных и смелых действий, хотя бы и сопряженных с потерями с нашей стороны.

Минные атаки группами миноносцев ночью и в ненастную, туманную погоду, нападение открытой силой на сторожевые крейсеры, минные банки в тылу неприятеля, подводные лодки—вообще, самая интенсивная активная деятельность наших морских сил Рижского залива может и должна здесь иметь место.

Инициатива должна быстро перейти в наши руки, если лично все от мала до велика приложат к тому дружные усилия; условия будут для этого вполне благоприятны.

Для личной инициативы и стремления к подвигу будет открыто широкое поприще с полной надеждой на победоносный исход отдельных столкновений.

Для первоначального оборудования позиции, по прилагаемому проекту, нужно около 1.600—2.000 мин. Эти мины, приготовленные к постановке, на заградители могут быть взяты лишь временно и условно; так как это заграждение будет поставлено только в случае прорыва неприятеля в Рижский залив, то вряд ли временное изменение назначения этих мин может вызвать осложнения.

Так как стимул для прорыва в Рижский залив пропадает или сокращается до минимума по ликвидации десантной опера-

[1]) Курсив наш.

ции[1]), то и временная перемена назначения этих 2.000 мин, вероятно, ограничится сроком этой операции. Правда, часть их может уйти на заполнение протраленного неприятелем, при его попытке прорваться, пути в западной части Ирбенской позиции, что может быть сделано сравнительно небольшим количеством мин на старом минном поле с мелкосидящих судов.

Остается только рассмотреть возможные результаты, могу с большой долей уверенности сказать, «кратковременного хозяйничания немцев в Рижском заливе».

Полагаю, что печальные результаты этого периода могут быть, главным образом, морального характера. В виду глубокой неосведомленности в морских вопросах даже высших чинов оперирующих по соседству армий, появление неприятельского флота в Рижском заливе может вызвать явление, сходное с паникой. Трудно об'яснить, что состязание флота с береговыми батареями, даже бомбардировка им незащищенных местностей,—явление не столь непоправимо ужасное и решающее, как то им представляется.

Примером тому может служить то, что немцы, не смотря на наш обстрел, сидят себе на самом берегу у Клапкальнцема.

Высадка же десанта, как мы знаем из собственного небольшого опыта, вещь не такая простая, даже при наличии лишних войск, чего у немцев нет. Обстрел же Аренсбурга и Пернова и двух-трех населенных пунктов побережья, кроме 2—3 убитых жителей и полдюжины разрушенных домов, ничего не даст. Получатся для города результаты, сходные с таковыми же от налета аэропланов и дирижаблей. Конечно, для стратегии это не должно иметь значения. Таким образом, главный минус появления германского флота в Рижском заливе мог бы до известной степени быть ликвидирован возможностью обратить внимание армий на приведенные выше соображения.

Значительно более серьезным вопросом является *судьба нашего десанта. Если прорыв или, вернее, начало решительных действий против позиции произойдет до высадки, то благоразумнее десанта не высаживать до выяснения результатов боя в Ирбене. В случае же уже произведенной высадки, хотя бы 1-го эшелона десанта, очевидно, ему*

[1]) Курсив наш.

придется героически пробиваться к нашей армии, отойдя от береговой полосы. Если высадка будет совпадать с несомненным решительным успехом на северо-западном фронте, то у десанта, при встречном усилии 12-й армии, могут быть некоторые шансы на успех. Транспортная же флотилия должна будет спешно отойти в Моонзунд, побросав наиболее тихоходные суда и сняв с них людей, если не представится возможности довести их до новой позиции для затопления [1]).

Для устройства достаточно прочной минной позиции потребуется 1500 мин, при чем установить их предполагаю следующим образом: первая линия—южная, в виде ломанной, длиной 10 миль, вторая—зигзагообразная, 600 мин, третья—северная, прямая, 240 мин, четвертая—у Лайдунена для прикрытия Кюбосарской батареи, если таковая будет поставлена.

«Для выполнения этой операции необходимо четыре заградителя: «Нарова» с 600 минами ставит среднюю линию; «Волга» с 240 минами—северную; «Амур» с 320 минами и «Свирь» с 320 минами—южную, при чем, так как общее количество мин «Амура» и «Свири»—640, а требуется для южной линии 400, излишек предполагаю употребить на двойные мины; таким образом, на «Амуре» будет 120 ординарных и 100 двойных, на «Свири»—120 ординарных и 100 двойных, и еще останется на каждом по 20 свободных мин. Наличие кое-где в южной линии двойных мин в значительной степени усилит ее и нет сомнения, что подрыв корабля на протраленном месте произведет сильное впечатление на противника и понизит его стремление форсировать свежую и абсолютно незнакомую ему позицию.

«В случае утверждения настоящего проекта, необходимо теперь же снабдить «Амур» минами 12-го года и сотней соединительных поршней для двойных мин; сто же поршней отправить на «Свирь». Заградитель «Нарова» должен находиться в Лапвике с тем, чтобы по первому требованию прибыть в Моонзунд. На нем должно быть 600 мин.

Порядок постановки следующий: по моей радио «Нарова», «Амур», «Волга» и «Свирь» соединенно выходят из Куйваста и следуют к месту постановки, где занимают следующие

---

[1]) Курсив наш.

пункты: «Амур» идет к точке А, «Свирь»—к точке Б, «Нарова»—к точке В и «Волга»—к точке Д. По моей радио «начать постановку», «Нарова» начинает ставить среднюю зигзагообразную линию. Остальные заградители стоят на местах на якоре. Через один час «Амур», «Свирь» и «Волга», по сигналу с «Наровы», дошедшей до точки Е, начинают свои постановки, по окончании которых идут безопасными курсами в Куйваст, оставив в точке А катер «Илим» или плавучий Люзерортский маяк на якоре.

«В случае согласия в. в. с последней из упомянутых точек зрения, прошу не отказать в соответствующих распоряжениях, дабы к выполнению необходимых мероприятий было приступлено теперь же.

«Что касается Ирбенской позиции, то к укреплению таковой сетями, затопленными лайбами и новыми линиями заграждения приступлю, согласно утвержденному в. в. плану, как только позволит погода.

«Относительно маневрирования судов на новой позиции я ограничился указанием на прилагаемой кальке, районов, боевого маневрирования отдельных больших судов и миноносцев. Развертывание их и переход от Ирбена к Куйвасту полагал бы полезным разработать в кратчайший срок и представить на ваше усмотрение в зависимости от той точки зрения, какую вы одобрите Эти указания полагал бы удобным издать в виде дополнения к инструкции для боя на Ирбенской позиции. В таковое могут войти также и указания на роль новых кораблей в Ирбене и некоторые изменения в развертывании и маневрировании судов, связанные с изменением восточной границы Ирбенской позиции. Сосредоточения судов от места десанта также должны войти в это дополнение. До получения упомянутых выше принципиальных указаний в. в. такая работа не могла бы быть построена на определенной руководящей идее и, следовательно, была бы не в состоянии дать отдельным начальникам и командирам ясного и определенного взгляда на выполнение ими своего долга и придать им должную решимость в тяжелую минуту».

Приведенный нами документ представляет многосторонний интерес. Во первых, он заключает в себе д в а п л а н а действий морских сил Рижского залива на случай попыток германского флота форсировать Ирбенский пролив; во вторых, он характеризует до известной степени отношение моряков к работе командования сухопутными армиями и в третьих,

он показывает отношение моряков к десантной операции в том виде, как она была задумана Алексеевым.

Такое богатство настоящего документа внутренним содержанием заставляет остановиться на отмеченных нами вопросах.

Свой рапорт Кедров начинает с рассмотрения, как он выражается, двух точек зрения, т. е. двух способов действий морских сил в Рижском заливе и, в частности, в Ирбенском проливе.

Первый способ заключался в бое на Ирбенской позиции «до последней капли крови», не жалея кораблей и имея одною целью не допустить неприятельский флот войти в Рижский залив.

Второй способ преследовал задачу недопустить неприятельский флот оставаться в Рижском заливе и слагался из боя на Ирбенской позиции во время форсирования противником заграждений, из отхода к Моонзунду, одновременно с созданием перед южным входом в него новой системы заграждений, и из активных действий всех видов с целью «выкурить», как выражается Кедров, противника из Рижского залива.

Из духа всего документа можно почувствовать, что симпатии Кедрова клонятся в сторону второго способа, хотя он не единым словом не делает на это намека. С этим взглядом Кедрова, повидимому, приходится согласиться, а равно и с тем, что этим двум планам действий он дает название «точек зрения».

Действительно, от «точек зрения» на задачи Балтийского флота вообще и задачи морских сил Рижского залива в частности, от «точки зрения» на соответствие этих задач силам, на которые они возлагались, зависела постановка целей, к достижению которых должны были стремиться силы всего флота или, в частности, одного Рижского залива.

Главнейшею задачею всего Балтийского флота было недопустить неприятельский флот в Финский залив и преградить ему доступы к Петрограду. Германский флот и числом кораблей, и типами их, и вооружением во много раз превосходил Балтийский флот, для слабых сил которого возложенная на него задача была весьма тяжела.

Стремясь к приращению своей силы, Балтийский флот, естественно, искал себе опоры в береговых вооруженых и в прочных минных позициях, при чем к созданию последних и к борьбе за них в сущности свелась вся деятельность Балтийского флота в течение 1914—1917 г.г.

Оборона центральной минной позиции—на линии Порккалауд-Нарген и передовой позиции—на линии Руссаре-Тахкона облегчалась тем, что флот владел на флангах их Або-Оландской шхерной позицией и Моонзундской укрепленной позицией, дававшими, с одной стороны, убежище нашему минному флоту, а с другой стороны, лишавшими неприятельские суда баз и опорных пунктов, необходимых при ведении тральных работ против минных полей. Пример значения Виндавы при тральных работах германцев на Ирбенском минном поле достаточно доказывает всю важность наличия в этом случае близкого опорного пункта.

Прорваться через Ирбенское поле немцы могли, но удержать за собою Рижский залив были не в состоянии до тех пор, пока не овладели бы Моонзундским архипелагом. Овладению же последним препятствовали морские силы Рижского залива с одной стороны главные силы Финского залива—с другой.

Решительный бой, бой »до последней капли крови» в Ирбенском проливе вписал бы новую славную страницу в историю флота, но, имея своим следствием уничтожение морских сил Рижского залива, мог все таки не остановить германский флот, а тогда уже Моонзунд оставался без обороны и легко попадал в руки противника.

Уничтожение морских сил Рижского залива и, как следствие этого, падение Моонзунда наносили страшный удар всей обороне подступов к Петрограду. С овладением Моонзундом неприятель выходил в тыл передовой минной позиции на линии Руссаре-Тахкона, получал возможность систематически вести подговительные операции против центральной минной позиции и до крайности облегчал себе операции против Ревеля на суше.

Вторая точка зрения Кедрова на употребление морских сил Рижского залива имела в виду возможное сбережение последних, в видах оспаривания у неприятеля не только владения Моонзундом, но и самым Рижским заливом. Склоняясь в сторону этой точки зрения, риск потерять Моонзунд сводился к минимальным размерам, вследствие чего это решение получало значение решения, проистекавшего из главной задачи всего Балтийского флота.

В отношении требований к доблести личного состава морских сил Рижского залива второй способ введения их в дело едва ли уступал место первому, ибо он открывал

широкое поле для проявления инициативы всем командирам кораблей и требовал от них безграничной энергии и смелости.

Единственным побудителем стать на первую точку зрения, т. е. решиться на бой «до последней капли крови» в Ирбенском проливе, являлась десантная операция, теоретически безусловно требовавшая недопущения неприятельского флота в Рижский залив.

Однако, это требование оставалось только теоретическим, ибо практически вопрос разрешался боем, непосильным для флота, в случае введения неприятелем значительно превосходных сил.

Принимая это во внимание, а также значение гибели морских сил Рижского залива для разрешения главной задачи Балтийского флота, станет понятным как бы несочувствие Кедрова десантной операции, сквозящее в приведенном нами его рапорте командующему флотом.

Не настаивая на этом нашем предположении, мы, тем не менее, не можем не высказать, что с точки зрения морского начальника при данной обстановке такое отношение к десантной операции надо считать естественным.

Действительно, единственным побудителем для прорыва германского флота в Рижский залив являлась десантная операция. Она же ставила вопрос о защите Ирбенского пролива «до последней капли крови». Не будь десантной операции, Балтийский флот не рисковал бы потерею возможности выполнить до конца свою главную задачу—оборону морских подступов к Петрограду. И это несочувствие десанту проскальзывает не только у Кедрова. Его мы видели и у самого Канина, когда он писал Русину [1]:

«Наблюдая за действиями Северного фронта и зная его большое численное превосходство над противником [2]), я не вижу осуществления идеи не позволять неприятелю сосредоточивать свои силы против наших наступающих частей, производя наступление не в одном пункте фронта, а одновременно в разных. Между тем для организованного Северного фронта это несравненно проще, чем операция десанта, к тому же не весьма обеспеченная и находящаяся в зависимости от

---

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть II, стр. 66. Письмо Канина Русину от 11-го июля 1916 г. № 1.120/оп.

[2]) Курсив наш.

множества условий, начиная с погоды. Почему десант может спасти положение, если все нужные условия наличествуют у самого Северного фронта? А если средств не хватает, то не лучше ли усилить Северный фронт теми самыми средствами, кои жертвуются для десанта?».

Это ли не явное несочувствие десантной операции в том виде, как она была задумана Алексеевым?

Несочувствие Кедрова десантной операции выражается в решительном предпочтении, которое он отдает перед выручкой десанта исполнению чисто морских задач при появлении неприятельского флота в Рижском заливе, а об'ясняется оно, как и у Канина, потерею веры в правильность действий высшего сухопутного командного состава и даже в знание им своего дела.

Чтобы несколько об'яснить себе это явление, вспомним телеграмму, посланную Кедровым командующему флотом после своего представления главнокомандующему армиями Северного фронта, Куропаткину, 3-го июля 1916 г. [1])

«...Вместе с тем узнал от главнокомандующего армиями Северного фронта, телеграфировал Кедров, что идея связи [1]) десантной операции с наступлением Северного фронта оставлена [1]) и десант получил самостоятельное значение. Предположено высадить две дивизии, занять Роен, укрепиться и ждать отступления неприятеля от района реки Западной Двины, что может тянуться более двух месяцев [1]). За это время десант должен будет базироваться на морские силы Оландских шхер [2]), в ведении командующего флотом».

Казалось бы, что и одного этого факта достаточно, чтобы потерять веру в знания и энергию сухопутного командования, а если припомнить еще пожелание Куропаткина, чтобы десант был произведен в районе Кестерцема [3]), т. е. в заведомо недоступном для флота пункте, и один из проектов Алексеева—«рассчитывая исключительно на свои (десанта) силы и учитывая свой отряд, придать операции местное

---

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть I, стр. 169. Телеграмма Кедрова командующему флотом Балтийского моря от 3-го июля 1916 г. № 137.

[2]) Очевидная оговорка; следовало сказать: «на морские силы Рижского залива», а не Оландских шхер.

[3]) Дело Морискома № 8.078, часть I, Телеграмма Куропаткина Канину от 24-го июня 1916 г. № 6.382/Б.

значение—утвердиться прочно на побережьи, по возможности в районе Ангерна, привлечь на себя часть сил немцев и отсюда развить дальнейшие действия, сообразуясь с обстановкой» [1]),—то потеря флотом веры в способность сухопутного командования понять обстановку на море и положение Балтийского флота найдет себе достаточное оправдание.

Сухопутное командование точно забыло о той великой и тяжкой задаче, которая лежала на Балтийском флоте, и, проектируя десантную операцию, игнорировало интересы флота и те жертвы, которые она требовала от него.

Мы уже неоднократно указывали, что сама основная идея десантной операции (операционное направление от Роена на Туккум) была ошибочна и, обрекая сухопутный отряд на безрезультатную неудачу, тем не менее, требовала от флота огромных жертв, принесение которых должно было страшно ослабить всю морскую оборону.

Флот указывал на ошибку, протестовал против нее, но сухопутное командование было глухо. Канин писал Русину черным по белому [2]):

«... Все эти соображения приводят меня к заключению, что десант имеет значение лишь для развития успехов Северного фронта и захвата побережья Курляндии. Последствием овладения южным берегом Ирбенского пролива является гораздо более надежная защита Рижского залива от проникновения неприятельского флота, причем продолжительные операции нашего транспортного флота явятся уже возможными, а, следовательно, и возможно будет накапливание на фланге немцев ударной группы, которая заставит их отойти за Неман. Вместе с тем германский флот лишится баз на Курляндском побережьи, а мы, приобрев их, получим возможность дальнейших операций флотом, каковая в настоящее время дошла до минимума»...

Письмо это Русин передал Алексееву, а последний оставил его без ответа [3]).

---

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть I, стр. 119. Телеграмма Алексеева Канину от 1-го июля 1916 г. № 1.331/Б.

[2]) Дело Морискома № 8.078, часть II, стр. 65. Письмо Канина Русину от 11-го июля 1916 г. № 1.120/оп.

[3]) Личное свидетельство Русина.

Таким образом, высшее сухопутное командование не желало прислушаться к мнению флота и войти в интересы последнего. Оставляя на нем тяжелую задачу обороны морских подступов к Петрограду, оно заставляло его рисковать большим числом кораблей в интересах заранее обреченной на неудачу десантной операции. Оно или из упрямства, или по невниманию игнорировало мнение флота, не давало себе труда вдуматься в соображения последнего, которые не только клонились к улучшению стратегического положения на Балтийском море, но выводили и сухопутное командование на безусловно верный путь разрешения лежавшей перед ним задачи.

Район южного берега Ирбенского пролива лежал далеко от пунктов, где находились резервы противника. Войск для овладения им требовалось немного, не более бригады. Операция захвата южного берега пролива—Ахилесовой пяты нашей Ирбенской позиции, могла быть скоротечной, непродолжительной и давала всем дальнейшим действиям нашего флота огромную устойчивость, превращая Рижский залив в почти недоступные неприятелю внутренние воды.

Труднее было удержать за собою захваченный южный берег Ирбена, но здесь то и должен был сыграть свою роль сильный десант, высаженный у Роена. Выставив заслон в сторону Туккума и уверенный в безопасности своего тыла со стороны Рижского залива, он должен был быстро наступать к Виндаве и овладеть этим портом, что не представляло особых затруднений, ибо значительных сил противника там не было.

Захват Северной Курляндии неминуемо привлек бы на себя серьезные силы с германского сухопутного фронта и тем облегчил бы армиям задачу прорыва. Полное же владение Рижским заливом позволило бы усиливать десантные войска до произвольных размеров и тем расширять их оперативную свободу действий.

Переход в русские руки южного берега Ирбенского пролива с его батареями делал Ирбенскую позицию неприступной для германского флота, так как без предварительного траления он идти на прорыв не мог, а тралить пролив, не имея под боком опорной точки в Виндаве, было невозможно.

Этого не понимало или не желало понять высшее сухопутное командование, но все это отлично понималось всем командным составом флота и, в частности, Кедровым.

Захват южного берега Ирбена не был сопряжен с потерей драгоценных кораблей; он требовал лишь доблести от

личного состава флота, т. е. того, недостатка в чем флот никогда не имел. На эту операцию с восторгом откликнулись бы те самые моряки, которые теперь пессимистически смотрели на навязанную им десантную операцию по плану сухопутного командования.

Возвращаясь теперь к задаче, выпавшей на долю Кедрова, мы видим, что он, обеспечивая владение Моонзундом, должен был в то же время обеспечить и десантную операцию от покушений неприятельского флота. Задача эта до известной степени могла быть облегчена: 1) тщательным наблюдением за действиями противника и 2) возможным усилением Ирбенской позиции.

Все эти меры принимались в видах обороны Моонзунда; десантная же операция, составляющая предмет настоящего исследования, влияла на них лишь отчасти, вызывая экстренные распоряжения по усилению Ирбенской позиции в течение всего периода подготовки операции. К числу последних относятся: а) ускоренная подготовка минных заграждений и б) затопление лайб под Курляндским берегом пролива. Первая из этих мер осуществлялась планомерно, согласно предположениям, утвержденным командующим флотом, и к 11-му августа, т. е. ко дню, когда была дана директива о производстве десантной операции, минные заграждения Ирбенского пролива представляли собою целую систему линий. Вторая мера, т. е. затопление лайб, приводилась в исполнение с 26-го июля по 8-е августа включительно, когда миноносец «Доброволец» подорвался и затонул на мине, поставленной неприятелем на нашем маневренном поле Ирбенской позиции.

Лайбы затоплялись по приказанию командующего флотом с целью затруднить неприятельским судам проход в залив под занятым им берегом, по небольшим глубинам. Вследствие присутствия на берегу в этом месте, как потом выяснилось, одной тяжелой батареи на морской установке и нескольких полевых батарей, менявших свои места, операция представляла собою предприятие рискованное и опасное. О батареях агентурно было известно еще до операции.

Следует полагать, что операция затопления лайб, хотя и не доведенная до конца вследствие распоряжения командующего флотом, все же заставляла подводные лодки неприятеля отходить в этих местах от берега, так как впоследствии были получены агентурные сведения, что лодки начали проникать в Рижский залив, ложась на курс N, не доходя до места затопления лайб, потопленных 1-го августа. Пред-

полагалось затопить значительное количество лайб между берегом и южной вехой, а затем промежуток засыпать минами.

Операция по существу должна была быть крайне длительной, а свежие ветры значительно мешали ее выполнению.

Так, во время первого затопления, сначала аэроплан помешал «Гайдамаку» занять точно свое место, а затем всю экспедицию, за время ожидания подхода «Дины», отнесло ветром на SSO, вследствие чего лайбы были затоплены несколько восточнее, чем предполагалось. Второе затопление было более удачно, в смысле выбора места, так как «Финн» весьма точно занял свое место. Следующим затоплениям помешала погода, при чем «Финн» опять заранее занимал свое место для обозначения исходной точки, по направлению на которую затапливались лайбы.

Лайбы и баржи, подлежавшие затоплению под берегом, занятым неприятелем, были приведены на Аренсбургский рейд двумя партиями.

Первую партию привели из Пернова буксиры: «Эрви», «Черноморский» и «Дина» и тральщик № 3, под конвоем эскадренных миноносцев: «Эмир Бухарский», «Москвитянин» и «Финн». Вывод лайб из Пернова был довольно затруднителен, так как ему препятствовала погода, и только 26-го июля утром лайбы могли быть приведены на Аренсбургский рейд. Буксиры часто лопались, лайбы обрывались и миноносцам приходилось оказывать им помощь. Ход был от 4 до 5 узлов.

Вторую партию лайб буксиры привели из Моонзунда.

Предполагалось топить лайбы от S-й маневренной вехи по направлению к берегу и возможно ближе к нему. Для выполнения этой задачи была создана следующая организация:

Походный порядок:

«Эмир Бухарский» под брейд-вымпелом начальника дивизиона,
«Москвитянин»,
«Финн»,
«Доброволец» (в отсутствии из за ремонта)

Лайбы в четырех партиях:

I-я партия—буксир «Черноморский № 1-й» с двумя большими железными баржами и одной лайбой.
II-я партия—тральщик № 3 с лайбами.
III-я партия—спасательное судно «Эрви» с тремя лайбами.

IV-я партия—буксир «Дина» (минный офицер, производивший взрывы) с двумя лайбами.

2-я группа миноносцев 5-го дивизиона находилась в дозоре у Ирбена и ее задачи были следующие:

«Гайдамак»—стать у S-й вехи и открыть угловое освещение для ориентировки конвоиров и каравана лайб. Светить по направлению, от которого они должны подойти.

«Уссуриец» и «Всадник»—на походе присоединиться.

«Амурец»—поддерживать телефонную связь на бочке Церель.

Перед затоплением, когда лайбы уже приведены на место, к концевым лайбам каждой партии должен был подходить один из миноносцев, подавать ей на корму буксир и растягивать всю партию по желаемому направлению в одну линию, препятствуя лайбам сойтись.

Первую партию, которую вел «Черноморский», должен был растягивать «Финн»,вторую—принять на буксир «Уссуриец», а растягивать «Всадник»; третью, на буксире у «Эрви»—растягивать опять «Финн», по окончании работы с 1-й партией. После затопления буксир обрубался.

На каждой лайбе и барже находилось по 3 человека команды, из которых один—обязательно минер. Эти люди стояли на руле и работали с буксирными концами. Для затопления лайб и барж, из которых каждая имела груз песка или камня, служили головые патроны, весом от 6 до 20 фунтов, помещенные внутри и ниже ватерлинии в одном или двух местах. Фитили на 10 минут горения зажигались минерами.

«Дина» должна была обходить лайбы, взрывать их и снимать людей. За недостатком буксиров, «Дине» же было поручено буксировать две лайбы, а перед затоплением передать их на буксир к «Эрви». Таким образом, последняя партия, которую вел «Эрви», состояла из пяти лайб.

Следуя заранее составленному расписанию, 26-го июля 1916 г. в 18 ч. 45 м. караван,—в составе тральщика № 3, буксиров «Черноморского 1-го», «Эрви» и «Дины» и одиннадцати лайб и барж, вышел от SO части острова Абро, под конвоем эскадренных миноносцев «Эмир Бухарский» (брейд-вымпел начальника дивизиона), «Москвитянин» и «Финн» к южному берегу Ирбенского пролива, где предполагалось затопить лайбы от S-й маневренной вехи перпендикулярно к берегу. Ветер WNW, 3 балла, ясно. Считая, что еще недостаточно темно и что движение судов может быть замечено с башни Шлиттер, в 20 ч. 5 м. все по сигналу

застопорили машины. «Гайдамак», который должен был стать у вехи и светить в сторону приближающихся судов угловым светом в 12° и, таким образом, дать возможность точнее определить место затопления лайб, занял свое место.

Через 40 минут после захода солнца «Гайдамак», идя к вешке, был атакован аэропланом, сбросившим 5 бомб. Миноносец маневрировал, избегая попаданий. Бомбы легли близко у борта. На палубе найдены осколки.

В 21 ч. 12 м., когда стало достаточно темно, караван двинулся по назначению. «Уссуриец» и «Всадник» вышли от Цереля и в 23 ч. 02 м. присоединились к каравану. При приближении к берегу видели у Домеснеса отдаленный свет прожектора. Перед выходом имели предупреждение от начальника минной дивизии, что на берегу стоят неприятельские батареи.

27-го июля, в 1 час, головные миноносцы приблизились к «Гайдамаку». В 1 ч. 30 м. двинулись к берегу, оставив «Гайдамак» позади. Миноносцы, по расписанию, подавали буксиры с носа и кормы на соответствующие лайбы. Погода была ясная, берег видно отчетливо.

«Эрви» во время буксировки сильно отстал, что не могло быть замечено с головных миноносцев. «Дина», следовавшая за «Эрви», также отстала, так как должна была по приходе на место передать ему свои лайбы.

В 1 ч. 40 м. застопорили машины в ожидании «Эрви» и «Дины». В 2 ч. 35 м. «Дина», передав свои лайбы на буксир к «Эрви», подошла к головным миноносцам. Светало. В 2 ч. 45 м. дали ход, приближаясь к берегу, и в 3 часа пришли на глубину 20 фут.

В 3 ч. 7 м. «Черноморский» привел и поставил на якоря лайбы, после чего отошел на N. «Финн» задним ходом оттягивал лайбы. «Дина» подходила к ним, зажигала фитили патронов, снимала людей и отходила.

Неприятель начал в двух местах берега открывать прожектора, освещая отряд судов и лайб, после чего закрывал свет, а неприятельские батареи сразу производили выстрелы. Возможно, что на берегу был всего один прожектор, который передвигался, периодически освещая отряд. Во всяком случае, он находился на берегу очень близко к месту затопления лайб. Один раз луч упал прямо на мостик «Бухарского», на что последний ответил выстрелами по прожектору из носового орудия.

В 3 ч. 20 м. были взорваны первые две баржи и «Дина» перешла к концевой лайбе I-й парти. К этому времени относится

начало интенсивной стрельбы береговых батарей фугасными снарядами и шрапнелью. Неприятель сосредоточивал огонь по лайбам и окружавшим их миноносцам. «Дина» зажгла фитили на концевой лайбе 1-й партии, сняла с нее людей и, следуя условному сигналу с «Бухарского» красным клотиковым фонарем, сделанному после открытия огня неприятеля, отошла на N. «Финн», после взрыва 1-й партии, обрубил перлин и задним ходом отошел к месту стоянки II-й партии, где и застопорил машины.

«Уссуриец» привел II-ю партию на место таким образом, что его нос оказался на правой раковине оттягивающего 1-ю партию «Финна», в расстоянии от него $^1/_4$ кабельтова. Перед самым открытием огня батареями, «Уссуриец», считая лайбы на месте и растянутыми, приказал лайбам стать на якоря, что было исполнено первой лайбой. По открытии огня батареями и по сигналу с «Бухарского», «Уссуриец» задним ходом отошел на N. «Всадник», растягивающий эту партию лайб, тоже отошел на N, когда у него лопнул носовой буксир. «Эмир Бухарский» и «Москвитянин», не занятые лайбами, обстреливали берег, стреляя сначала по прожекторам, а когда заметили по вспышкам места батарей, — по батареям. К их стрельбе присоединились освободившиеся от лайб «Уссуриец» и «Всадник».

Так как «Дина», сняв людей 1-й партии, следуя сигналу, отошла, а II-я партия лайб уже стала на якорь, увести II-ю партию не было возможности. Буксиров для снятия людей близко не было, и на II-й партии остались люди, что заметили на «Бухарском» и «Финне». Эти миноносцы, находясь под огнем батарей, остались у лайб, спустили шлюпки и послали их за людьми. «Бухарский» спустил сначала мотор, а когда выяснилась его неисправность, спустил и послал четверку и двойку. В 3 ч. 45 м. возвратились шлюпки «Бухарского» и «Финна» и были подняты.

Неприятель вел огонь, вероятно, тремя батареями, калибром около 3 дм., фугасными и шрапнельными снарядами, часть которых рвалась над лайбами. Большая часть снарядов ложилась перелетами через «Бухарский» и «Финн», между ними и миноносцами 2-й группы.

III-ю партию из 5 лайб «Эрви» привел к «Гайдамаку», где в 3 ч. 20 м. поставил ее на якорь, снял людей и отошел на N. В 3 ч. 45 м. «Гайдамак» снялся с якоря и с застопоренными машинами ожидал приказаний.

Сняв людей II-й партии и подняв шлюпки, «Бухарский» и «Финн» в 4 ч. 10 м. отошли на N. К этому моменту

относится конец перестрелки с батареями, начавшейся в 3 ч. 20 м. Стало совсем светло.

В 4 ч. 20 м. отправили «Финн» конвоировать буксиры в Аренсбург. «Бухарский» и «Москвитянин» пошли затопить артиллерийским огнем II-ю партию лайб, а миноносцы «Уссуриец», «Всадник» и «Гайдамак» были посланы взять на буксир поставленные «Эрви» на якорь лайбы III-й партии и вести их в Аренсбург.

В 4 ч. 30 м. неприятель открыл огонь по миноносцам, из которых «Уссуриец» уже взял на буксир свою пару лайб. «Всадник» должен был взять вторую пару, а «Гайдамак» пятую и последнюю лайбу. Тогда же (4 ч. 30 м.) «Бухарский» и «Москвитянин» открыли огонь по незатонувшим лайбам II-й партии, стоявшим на якоре. Миноносцы 2-й группы дивизиона открыли ответный огонь по берегу.

В 4 ч. 35 м. неприятель перенес огонь на 1-ю группу дивизиона. К этому моменту «Бухарский» и «Москвитянин» затопили одну баржу и одну лайбу и начали отходить на N, перестреливаясь с батареями. В 4 ч. 40 м. 2-я группа отошла на N, оставив лайбы и действуя согласно заранее полученным инструкциям. Окончив перестрелку с берегом, все миноносцы пошли к Церелю, где «Всадник» и «Гайдамак» остались в дозоре, а остальные прошли в Аренсбург.

В Аренсбурге «Уссуриец» получил приказание с группой прибуксировать оставленные у места стоянки «Гайдамака» пять лайб (III-я партия). «Бухарский» и «Москвитянин» пошли в Моонзунд, а «Финн» туда же конвоировал буксиры. Идя из Аренсбурга «Уссуриец» увидел, что оставшиеся на якоре лайбы затапливаются двумя неприятельскими аэропланами. Лайбы затонули.

Для сбора новой, второй серии лайб в Пернов был послан «Москвитянин», а за ним «Финн». Эту серию, под конвоем «Москвитянина», к которому у Соркхольма присоединился «Финн», повели из Пернова тральщик № 23 и буксиры «Добрыня» и «Черноморский». Кроме того, шел еще малый буксир «Виктория», который подбирал оторвавшиеся лайбы. Некоторые лайбы имели течь и, пока их вели, приходилось откачивать воду.

30-го июля, в 15 час., караван пришел на Аренсбургский рейд, где лайбы поставили на якорь, а «Добрыню» отправили в Куйваст, куда его вызывали для нужд крепости императора Петра Великого.

В 19 ч. 20 м. подошли «Бухарский», «Доброволец» и «Амурец». Предполагалось в ночь на 1-е августа затопить

лайбы. В виду выяснившихся недостатков прежней организации, последняя была изменена следующим образом. Взяли меньшее число лайб (8) и разделили их на две партии, по четыре лайбы:

«Черноморский» с четырьмя лайбами на буксире;

«Артиллерист» с четырьмя лайбами на буксире;

«Цандер» и «Елизавета» должны были оттаскивать концевые лайбы, а «Москито» и катер «Виктория» — взрывать лайбы.

На «Виктории» находился начальник дивизиона, передававший голосом все распоряжения на «Бухарский».

«Финн» должен был заблаговременно стать на S-ю маневренную веху для того, чтобы дать возможность определить место затопления. Ему было поручено светить угловым фонарем навстречу каравану и сделать сигнал, если условия станут неблагоприятными. Посреди пути каравана был поставлен «Амурец», так как при буксировании счисление очень затруднено. «Бухарский» и «Москвитянин» должны были подойти к берегу, остановиться на параллели «Финна», к осту от последнего, «Доброволец» же к весту на той же параллели, при чем расстояние между миноносцами назначено два кабельтова.

Все миноносцы должны были в случае надобности открывать огонь по берегу и привлекать на себя огонь неприятеля, если бы он стал стрелять по лайбам.

В 18 ч. 15 м. «Амурец» и «Финн» были отправлены на указанные им места, а в 20 ч. 5 м., при тихой, ясной погоде и полной луне, все остальные суда вместе с лайбами снялись с якоря. В 20 ч. 20 м. «Амурец» занял свое место посреди пути, а в 22 ч. 45 м. «Финн» стал у вехи. Ветер — слабый NO, видимость, благодаря луне, более 3-х миль.

1-го августа, в 1 ч. 25 м.. миноносцы и конвоируемые ими лайбы подошли к «Финну», стоявшему у вехи, после чего миноносцы заняли места по диспозиции, а буксиры повели лайбы к берегу. Считалось, что затопление 27-го июля было произведено под самым берегом. Поэтому новую группу предполагалось затопить уже не на 20 футовой глубине, как первый раз, а на 24 футах.

В 1 ч. 50 м. «Черноморский» поставил лайбы на якорь, в 2 ч. они были взорваны и в 2 ч. 5 м. первая партия лайб затонула.

В 2 ч. 7 м. тяжелая батарея (8 - 9 дм.) неприятеля открыла огонь, сделав два выстрела с расстояния, как впоследствии выяснилось, не больше семи кабельтов. Снаряды

легли между «Финном» и «Бухарским» и рикошетировали. Миноносцы не стреляли.

В 2 ч. 8 м. была взорвана вторая партия лайб, из которых три затонули, а одна осталась на плаву.

В 2 ч. 15 м. буксиры отошли за линию миноносцев. Проходя на «Виктории» мимо «Финна», начальник дивизиона приказал ему сделать сигнал, по которому все миноносцы с буксирами отошли на N. Отойдя на дистанцию около 40 кабельтов, миноносцы застопорили машины и приняли людей с буксиров. Начальник дивизиона перешел на «Бухарский».

В 2. ч. 30 м. «Финн» и «Доброволец» были отправлены конвоировать буксиры в Аренсбург, а «Бухарский» с «Москвитяниным» подошли к «Амурцу» и в 4 ч. 15 м. втроем направились к незатонувшей лайбе с тем, чтобы ее расстрелять.

В 4 ч. 34 м. они открыли огонь по этой лайбе. В 4 ч. 35 м. тяжелая (8 - 9 дм.) неприятельская батарея тоже открыла огонь по миноносцам, на что миноносцы отвечали, стреляя по берегу, отходя на N.

Затопить лайбу не удалось, так как все миноносцы сосредоточили огонь по берегу. Стрельба береговой батареи была действительна. Снаряды ложились в непосредственной близости миноносцев. Так, в 4 ч. 48 м. один снаряд лег между «Бухарским» и «Москвитяниным» и так близко к носу последнего, что миноносец вошел в столб воды, поднятый падением снаряда. Находившиеся на верхней палубе миноносца были облиты водой. В 4 ч. 50 м. подошли из дозора «Охотник» и «Пограничник» и приняли участие в перестрелке.

Около 5 час. прекратилась стрельба и от SO показались три неприятельские аэроплана, которые в 5 ч. 17 м. сбросили по миноносцам несколько бомб, упавших довольно близко у борта «Москвитянина». В 5 ч. 22 м. аэропланы скрылись на S. К 9 час. миноносцы пришли в Аренсбург.

Затопление лайб предполагалось продолжить при первой возможности. «Всадник» и «Гайдамак» были посланы за лайбами в Лапвик, а так как имелись на лицо лайбы, приведенные «Артиллеристом» из Куйваста, то 4-го августа, пользуясь тихой и пасмурной погодой, было решено их затопить при той же организации, как 1-го августа, и в том же составе.

4-го августа, в 19 ч. 10 м. «Финн» вышел и стал на S-ю веху через 15 м. после полуночи, открыв угловое освещение навстречу идущим от N судам. Посреди пути и

немного в стороне «Охотник» встал маячным судном, но туман помешал его видеть.

В 20 ч. 10 м. снялись «Бухарский», «Москвитянин», «Доброволец» и «Амурец», конвоируя «Черноморского» и «Артиллериста» с лайбами на буксире, и пошли к южному берегу. Погода тихая, пасмурная, временами туман, препятствующий совместному движению отряда с лайбами и буксирами.

В 1 ч. 45 м., опасаясь, что, вследствие медленного движения вперед, отряд подойдет, когда будет уже светло, повернули обратно и в 1 ч. 59 м. буксиры с лайбами отправили в Аренсбург, под конвоем «Добровольца». «Бухарский» и «Москвитянин», отойдя от берега, стали на якорь, а в 5 ч. 30 м. пришли к Церелю. «Амурец» же был послан для предупреждения «Стройного» о действиях дивизиона, после чего вернулся к Церелю. «Финн», получив радио с приказанием вернуться, в 2 ч. 15 м. снялся с якоря и пришел к Церелю в 3 ч. 12 м. Утром «Финн» и «Москвитянин» были посланы в Куйваст за углем. Операция затопления лайб была отложена до более благоприятной погоды.

7-го августа 1-я группа 5-го дивизиона ходила дозором вдоль позиции, а операция затопления лайб была продолжена 8-го августа, при чем, в виду выяснившейся необходимости иметь маячное судно на пути к южному берегу, на это место был послан «Доброволец». «Финн» стал у S-й вехи, а «Москвитянин», под брейд-вымпелом начальника дивизиона, и «Бухарский» конвоировали лайбы.

В 16 ч. снялся «Доброволец» и около 19 ч. занял свое место. «Финн» вышел около 17 час., а в 18 ч. пошли «Бухарский» и «Москвитянин» с «Черноморским», «Артиллеристом» и лайбами.

В 21 ч. 8 м. «Москвитянин» открыл огонь «Добровольца», стоявшего маячным судном. Ветер от NNO в 3 — 4 балла, постепенно свежел.

Начальник дивизиона, находившийся на катере «Виктория», считая погоду неблагоприятной, в 21 ч. 45 м. приказал «Бухарскому» с лайбами возвращаться, а «Москвитянину» дать «Финну» радио о том-же. Во время отдачи этого приказания голосом видели вспышку на месте стоянки «Добровольца», после чего «Москвитянин» был послан узнать, в чем дело. «Доброволец» затонул.

В 22 часа «Москвитянин» подошел к месту гибели «Добровольца» и начал спасать команду, спустив шлюпки, бросая пояса и койки.

«Финн» в 21 ч. 45 м. снялся от вехи № 2 для следования к S-й вехе. Около этого времени им была получена радио начальника дивизиона, посланная с «Москвитянина» еще до момента взрыва «Добровольца», с приказанием возвратиться в Аренсбург.

В 22 ч. 5 м., согласно полученному приказанию, «Финн» повернул в Аренсбург. С «Финна» взрыв «Добровольца» замечен не был. Видели лишь вспышку данного им выстрела.

Окончив спасение команды «Добровольца», «Москвитянин» стал на месте его гибели.

9-го августа, в 1 ч. 15 м., «Финн» вернулся в Аренсбург, где около 4 ч. получил радио с приказанием идти на соединение с «Москвитянином«. В 4 ч. 30 м. «Финн» подошел к «Москвитянину», который уже входил с лайбами на рейд.

После 8-го августа операции по затоплению лайб, по приказанию командующего флотом, были прекращены.

Мы привели в подробностях описание операции затопления лайб, дабы показать, сколь тяжела и напряженна была служба минной дивизии, на которую целиком ложилась обязанность по охране и усилению Ирбенской позиции.

11-го июля 1916 г. командующий флотом утвердил «Схематический план десантной операции на побережьи Рижского залива», составленный Геруа при содействии Кедрова.

Содержание этого документа было приведено нами в предыдущей главе; резолюция же, положенная на нем, гласила:

«Командующий флотом одобрил основные положения настоящего плана высадки для дальнейшей детальной его разработки».

Контр-адмирал Григоров.

11-го июля 1916 г.

Дальнейшая разработка этого плана по сухопутной части нами была уже приведена.

Работа для той же цели со стороны командования морскими силами Рижского залива распадалась на две части:

1) разработка действий боевых судов

и 2) общие указания для действий транспортной флотилии.

Рассмотрим сначала все, что было сделано по п. 1, т.-е. относительно действий боевых судов.

21-го июля Кедровым был подписан очень важный документ, озаглавленный: «Инструкция для движения

передового отряда десанта. Сигналы десанту и организация связи для управления артиллерией» и заключавший в себе следующее: [1])

«Суда, сопровождающие шлюпки с десантом. Для сопровождения десанта, посаженного на шлюпки, назначаются: 4-й дивизион миноносцев и два миноносца 9-го дивизиона («Громящий» и «Стройный»), которые, по сигналу «диспозиция № 1», занимают места и держатся на ходу: 4-й дивизион — в кильватер адмиралу, а 9-й дивизион — во второй колонне. Дистанция между колоннами — $^1/_2$ каб.-1 каб. Третий миноносец — «Дельный» подводит к тому же месту баржу к аэростатом, а четвертый — «Достойный» — шесть теплоходов Свеаборгского порта с материалами для проводки телефонной связи между флотом и берегом. Около адмирала держатся спущенные с «Громящего» и «Пограничника» моторы с офицерами, снабженные сигнальщиками с семафорными флажками и ручными ратьерами.

В момент, когда адмирал найдет нужным начать движение десанта к берегу, он передает голосом на «Стройный»: «разведчикам идти вперед, начинать высадку».

Начало движения. «Стройный», сопровождаемый моторными катерами, идет по линии шлюпок и голосом передает то же приказание шлюпкам с разведочными партиями, которые начинают движение к берегу.

За фланговыми шлюпками следуют: на правом фланге «Охотник», на левом — «Пограничник».

Передав приказание, миноносец «Стройный» выходит вперед шлюпок и самым малым ходом следует к берегу, указывая этим направление движения разведчиков.

Подход к берегу. Для успешной высадки разведчиков необходимо как можно больше сблизить моменты прекращения артиллерийской подготовки и вступления первой партии людей на береговую черту.

Поэтому «Стройный» подходит к берегу насколько позволяют глубина и падение снарядов наших судов. То же делают и миноносцы 4-го дивизиона.

Все три миноносца отдают якорь «на панер».

Шлюпки с разведчиками, на буксире паровых катеров, проходят за линию миноносцев настолько близко к берегу, насколько позволяет артиллерийский огонь наших судов.

---

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть II, стр. 189. Подписана контр-адмиралом Кедровым 21-го июля 1916 г. за № 165/оп.

Прекращение огня судов. Руководствуясь движением шлюпок, «Стройный» поднимает на фок-мачте флаг «Щ» до места, дает по радио сигнал о прекращении огня артиллерийской подготовки и делает три красных выстрела пистолетом Вери. На судах должна быть разнообразными способами налажена связь между командованием и артиллерией и употреблены крайние старания, чтобы перерыв артиллерийской подготовки произошел бы мгновенно.

«Эти сигналы «Стройного» репетуются адмиралом и миноносцами 4-го дивизиона, при чем на флагманском корабле опускается «Н», согласно артиллерийской инструкции.

«Высадка разведчиков. Лишь только огонь прекращен, на «Сибирском Стрелке», а за ним на всех миноносцах 4-го дивизиона и на «Стройном», спускается до половины «Щ» и дается три зеленых выстрела пистолетом Вери. Этот сигнал обозначает приказание шлюпкам с разведчиками стремительно направиться к берегу, следуя сколько можно на буксире паровых катеров, а затем под веслами. По высадке всех разведчиков «Щ» спускается.

«Заградительный огонь. По новому сигналу адмирала суда открывают заградительный огонь (см. артиллерийскую инструкцию).

«Поддержка разведчиков. При высадке разведчиков миноносцы, их сопровождающие, пользуясь связью при помощи двух моторов, поддерживают разведчиков и обстреливают пункты на берегу, согласно указаниям аэростата, когда последний поднимется.

«Связь с разведчиками. Для связи с моторами и через них с миноносцами, если же можно, то и непосредственно с миноносцами, разведчики оставляют на берегу бывших с ними сигнальщиков, которые находятся при телефонных аппаратах, имеющих связь с ушедшими вглубь берега разведчиками. Как только возможно, все телефонные станции стягиваются в середину и образуют одну центральную телефонную станцию на берегу против стоящего на якоре «Стройного». Между этой станцией и «Стройным», когда она будет установлена, помещаются для связи моторы.

«Кроме того, на берег вместе с разведчиками будут свезены переносные радио-станции, которые должны способствовать связи между «Стройным» и центральной телефонной станцией.

«Радио этой станции относятся до одного «Стройного».

«Дальнейшее развитие связи. Непосредственно вслед за разведчиками идет «Дельный», ведущий

баржу с аэростатом, и «Достойный»—с теплоходами. Аэростат предназначается для корректирования стрельбы, главным образом, в случае обнаружения неприятельских батарей, а теплоходы немедленно по высадке разведчиков, согласно особой инструкции, приступают к проводке телефонной связи между стреляющими кораблями и берегом.

«Высадка передового (головного) отряда десанта. Движение десанта. Рассчитав время после отхода шлюпок с разведочными партиями, адмирал передает голосом на эскадренный миноносец «Громящий»— «десанту итти к берегу, начать высадку». Это приказание тем же порядком, как и приказание разведчикам, передается по линии шлюпок с десантом, после чего, следуя за эскадренным миноносцем «Громящий», они начинают движение к берегу. Расстояние между разведчиками и главными силами передового (головного) отряда должно при этом быть около 8 кабельтов. За десантом в центре следуют флагманский миноносец «Сибирский Стрелок» и эскадренный миноносец «Генерал Кондратенко».

«С под'емом «исполнительного» на миноносце, идущем с разведчиками, адмирал может задержать главные силы десанта в ожидании высадки разведчиков. Для остановки десанта на флагманском корабле поднимается сигнал «шлюпочный» «С».

Лишь только разведчики высадились, десант начинает движение вперед по сигналу адмирала «шлюпочный» «Б«. Эти сигналы адмирала репетуются «Громящим» и «Генералом Кондратенко». Шлюпки на сигналы отвечают, показывая ответный вымпел.

«Связь с главными силами передового (головного) отряда. При высадке десанта «Громящий» становится на якорь и швартовится борт о борт с «Достойным» в 15 кабельтовых от берега. Против него на берегу должна быть расположена центральная телефонная станция, с которой «Громящий» немедленно связывается телефоном при помощи одного из теплоходов Свеаборгской крепости и, соединившись, принимает на себя управление огнем, сообщив об этом на «Стройный». Этот последний подходит к «Громящему» для ознакомления начальника 9-го дивизиона с обстановкой.

«В дальнейшем управление стрельбой по квадратам ведется «Громящим» согласно артиллерийской инструкции, при чем все приказания с него обязательны для всех стреляющих кораблей.

«Диспозиция № 3 и окончательная схема связи. Лишь только телефонная связь на середине и на флангах теплоходами установлена, адмирал или начальник 9-го дивизиона, руководствуясь общей обстановкой, поднимает сигнал «Диспозиция № 3» общий или с позывными отдельных судов. По этому сигналу суда занимают места по диспозиции № 3, становясь на шпринг или сошвартовливаясь кормами друг с другом, при чем старшие в группах принимают от теплоходов телефонную связь с берегом; по установлении телефонной связи между судами и берегом, управление стрельбой производится при помощи телефона, при чем заведывание управлением стрельбою переходит к флотскому артиллерийскому офицеру, находящемуся на берегу на центральной станции. «Громящий», передав связь с берегом старшему из второй стреляющей группы, становится на якорь вблизи «Боре». Около «Громящего» собираются миноносцы 9-го дивизиона и освободившиеся теплоходы.

«Связь при поддержке наступления на Роен. В зависимости от обстановки суда могут получить приказание перейти для поддержки огнем наших войск, наступающих на Роен. Приказание это будет передано адмиралом под'емом сигнала с позывными того или другого корабля или без позывных—«Диспозиция № 4». По этому сигналу корабль занимает место, а служба связи заботится о немедленном сообщении корабля с берегом по телефону таким же способом, как и в предыдущих случаях, при этом, в случае недостатка кабеля, снимаются лишние линии по указанию штаба отряда.

«До установки телефонного кабеля в этом случае, как и в предыдущем, пользуются радио-корректировкой по коду Меликова, при помощи «Громящего» или полевой радиостанции, если таковая будет установлена».

Эта инструкция была издана в виде приказа начальника минной дивизии от 21-го июля 1916 г. за № 165/оп. и к ней были приложены: «Схема связи при диспозиции № 3 [1]), «Инструкция морской службе связи», «Тактический приказ начальника минной дивизии Балтийского моря за № 15» и «Инструкция для управления огнем по радио» (последняя была выпущена в свет лишь 28-го августа 1916 г., т. е. уже после отмены десантной операции).

«Инструкция морской службе связи при высадке десанта» заключала в себе следующее [2]):

---

[1]) См. схему № 4.

[2]) Дело Морискома № 8.078, часть II, стр. 188. Подписана Кедровым 21 июля 1916 г. за № 163/оп.

«1) При посадке десанта на шлюпки подходят и держатся вблизи адмирала:

а) эскад. мин. «Дельный», сопровождающий баржу с воздушным шаром,

б) эскад. мин. «Достойный», сопровождающий 6 теплоходов Свеаборгской крепости, имеющих по одной учебной мине заграждения и материалы для проводки телефонных линий между судами и берегом.

«2) При движении разведчиков к берегу миноносцы с баржей и теплоходами следуют непосредственно за ними.

«3) Подойдя к линии канонерских лодок, эскад. мин. «Дельный» ставит баржу на якорь около «Амура» и сам швартовится к барже. По готовности телефонной связи при диспозиции № 3, баржа и «Дельный» переходят и занимают места по диспозиции. Для передачи корректировки и прочих указаний стреляющим и управляющим стрельбой кораблям и берегу «Дельный» пользуется где удобно семафором, а где нужно—радио (по коду Меликова), согласно «инструкции для управления огнем по радио».

«4) Эскад. мин. «Достойный», ведущий теплоходы с телефонной принадлежностью, подводит их к берегу против сопровождавшего разведчиков миноносца «Стройный» и становится сам на этом месте на якорь в 15 кабельт. от берега.

«После высадки разведчиков 1-й теплоход ставит учебную мину на поверхность в нескольких саженях от миноносца и проводит кабель от мины к центральной телефонной станции. При этом кабель должен закрепляться на мине так, чтобы оставался свободный конец сажень в 50 для подачи на корабль.

«По приходе «Громящаго» налаживание связи при помощи этого теплохода передается ему, и эскад. мин. «Дельный» переходит для наблюдения за работой других теплоходов.

«2-й и 3-й теплоходы в то же время ставят мины (корпуса) в 15 каб. от берега на флангах против фланговых канонерских лодок и, проведя кабель от мин на берег, передают концы кабелей людям начальника сухопутной службы связи для присоединения к центр. станции. Для большей видимости и для помощи подходящим судам теплоходы остаются у мин. Суда при подходе соединяются с закрепленными на минах концами кабелей тонкими проводниками с гуттаперковой изолировкой или отрезком кабеля. И то, и другое, вместе с телефонными аппаратами подается судам теплоходами.

«По готовности этих трех линий и по проверке связи их с центральной станцией, эскад. мин. «Достойный» под-

нимает свои позывные, на которые отвечает «Громящий», а если адмирал видит, то и адмирал; теплоходы же поднимают флаги «Г».

«4-й теплоход проводит тем же способом телефонную линию для баржи с воздушным шаром (см. диспозицию № 3), а 5-й—между пароходом «Боре» и центральной станцией. 6-й теплоход остается в запасе.

«Для успешности связи необходимо, чтобы баржа с воздушным шаром, «Громящий» и «Боре» оказались в непосредственной близости друг к другу.

5) В случае, если отряд начнет перемещаться вдоль берега в ту или иную сторону и суда также будут менять места, служба связи озабочивается немедленной проводкой новых линий между судами и берегом, снимая старые, в случае надобности, по указанию штаба отряда».

Приведенная инструкция и «Организация службы связи в десантной операции сухопутного Балтийского отряда» взаимно дополняют одна другую и вместе представляют весьма тщательно разработанную организацию, долженствовавшую установить связь между частями сухопутного отряда и отрядом боевых судов во время трудной операции захвата неприятельского побережья.

Насколько важна была эта связь для боевых целей экспедиции показывает «Инструкция для стрельбы по берегу при высадке десанта, состоявшая в следующем [1]):

«I. Артиллерийская подготовка.

«По посадке на шлюпки разведчиков и десанта, корабли снимаются с якоря и идут к месту по диспозиции № 2, где становятся на шпринг в расстоянии от берега 25 кабельтовых и на интервалах друг от друга—5 кабельтовых.

«Придя на это место, по сигналу с адмиральского корабля «Н» до места и по радио кодом Меликова, все корабли открывают огонь.

«Одновременно с разведчиками идут к берегу в строе фронта, считая справа, следующие миноносцы: «Охотник», «Генерал Кондратенко», наличное число миноносцев 9-го дивизиона и «Пограничник»; расстояние между миноносцами—3—$3^1/_2$ кабельтовых.

---

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть II, стр. 183. Подписана контр-адмиралом Кедровым 22-го июля 1916 г. № 261/ар.

«Эти миноносцы огнем носовых пушек стараются уничтожить проволочное заграждение, которое начинается от самой береговой черты и идет до опушки леса. Поэтому миноносцы открывают огонь без сигнала, как только рассмотрят на берегу расположение означенного заграждения. Для более точной стрельбы наводка производится в береговую черту и, меняя прицел и целик, засеивают, по возможности, всю площадь от береговой черты до леса, по возможности, стараясь уничтожить все видимое заграждение.

«Скорость стрельбы—4 выстрела в минуту из орудия (4 орудия стреляют легкими снарядами). Огонь прекращается по радио кодом Меликова и сигналом «5ЧЖ».

«Если, в зависимости от обстановки, явится необходимость прекратить огонь, то на адмиральском корабле «Н» спускается, а также дается радио кодом Меликова.

«На всех кораблях прожекторы должны быть готовы к действию.

«Порядок кораблей, считая справа, следующий:

«Храбрый», «Гиляк», «Бобр», «Амур», «Хивинец», «Грозящий», «Слава».

Во второй линии стоят крейсеры «Аврора» и «Диана», которые должны быть готовы для усиления огня в квадрате, который будет указан с их позывными.

«Каждый из кораблей по пеленгу «SW 40» выбирает себе предмет на берегу и наводит на него, считая от форштевня, второе орудие, приняв на нем по целику поправку на деривацию.

«Огонь кораблей, ведется исключительно по опушке леса, уходя в глубину на $^1/_4$ кабельтова. По ширине каждый корабль должен обстреливать 5 кабельтовых, т. е. на каждое орудие приходится 125 сажень. Вследствие этого, найдя для второго орудия предмет на берегу и взяв поправку на целике 50 делений в ту и другую стороны, соседние правая и левая пушки будут наводиться в тот-же предмет и класть снаряды в стороны по 125 сажень каждая.

«Для крайней же левой пушки надо выбрать на берегу предмет, отстоящий от предмета, куда наводят все остальные, на 100 делений влево, и тогда, также имея поправку только на деривацию, кормовое орудие будет попадать на 250 саж. левее носового среднего.

Если явится возможность найти для каждой пушки на берегу свой предмет, то на таковой каждое орудие наводится и на целике берется поправка только на деривацию.

Корабли начинают пристрелку каждого калибра, по опушке леса, подходя к ней с недолетов; считая, что сна-

ряд лег хорошо, корабли открывают огонь всеми пушками данного калибра и меняя целик перед каждым выстрелом у каждого орудия на 5 делений вправо, дают 10 выстрелов (т. е. целик изменится на 50 делений); тогда увеличивают прицел на $^1/_4$ кабельтова и, меняя целик перед каждым выстрелом у каждого орудия на 5 делений влево, дают еще по 10 выстрелов, после чего уменьшают прицел на $^1/_4$ кабельтова и начинают сначала.

Если будет замечено, что соседний корабль обстреливает ту-же часть опушки леса, то огонь заметившего корабля переносится на соседний необстреливаемый участок.

Скорость при этой стрельбе—2 выстрела в минуту из орудия.

Этот огонь судов адмирал, вероятно, будет держать во время движения десанта к берегу, вследствие чего огонь должен быть управляем и дисциплинирован в руках офицера, управляющего огнем, и под тщательным наблюдением плутонговых командиров, которые должны внимательно следить, чтобы не было случайных недолетов, дабы не поражать свои суда и шлюпки, через которые огонь будет вестись. Если удастся заметить положение неприятельской батареи или пулеметов, то, без приказания с адмиральского корабля, батареи или пулеметы тушатся огнем, после чего огонь переносится снова на опушку. Особенно внимательно следить за адмиралом, немедленно прекращая огонь согласно его сигналам. Огонь прекращается самим кораблем, когда он видит, что огонь угрожает собственным шлюпкам и войскам.

Линейный корабль «Слава» находится на левом фланге, открывает огонь по особому приказанию, стреляя по селению Жоцен (квадраты 437 и 460). Этот корабль, заметив расположение неприятельской батареи или пулеметов, открывает огонь, стараясь затушить эти батареи, не ожидая приказания от адмирала, но не тратя снарядов понапрасну, так как обстрел может затянуться больше суток. Открывая беглый огонь в случае крайней необходимости на весьма непродолжительное время, во всех остальных случаях корректирует каждый залп или даже каждый выстрел. Возможно, что этому кораблю придется стрелять после высадки десанта на берег, вследствие чего ему вменяется в обязаность особенно тщательно наблюдать за своими снарядами, дабы не поражать своих же разведчиков.

Когда миноносец, идущий к берегу, одновременно со шлюпками, поднимет «Щ» на стеньге, даст три красных выстрела пистолетом Вери и сообщит по радио кодом Меликова—огонь

всех кораблей прекращается. Одновременно с этим на адмиральском корабле «Н» спускается и также дается знать по радио кодом Меликова.

II. Заградительный огонь.

После под'ема на адмиральском корабле сигнал «Н» «Н» до места и радио по коду Милекова: «открыть заградительный огонь», корабли открывают огонь по квадратам:

«Гиляк».	граница квадратов. . .	343 и 365,
«Бобр»	» » . . .	389 » 411,
«Хивинен»	» » . . .	459 » 460,
«Грозящий»	» » . . .	475 » 510.

Цель этого огня—не позволять неприятелю пользоваться пунктами, могущими быть очень ценными. Скорость стрельбы при обстреле этих квадратов—2 выстрела в минуту, при чем, чтобы их засеять, необходимо двигать по $^1/_2$ кабельтова, а на целике—по 10—20 делений.

Возможно, что особым сигналом будет передано на миноносцы приказание обстрелять некоторые пункты, для более точного указания которых миноносцу будет указан квадрат, где лежит этот пункт; тогда миноносец, руководствуясь картой квадратов и своим приблизительным положением относительно берега, производит редким огнем обстрел данного пункта.

Заградительный огонь прекращается по сигналу с адмиральского корабля—спускается «Н» «Н» и по радио кодом Меликова.

III. Стрельба по квадратам с корректировкой.

По установлении связи между миноносцем «Грозящий» (идущим к берегу одновременно со шлюпками, на которые посажены разведчики) и разведчиками, высадившимися на берег, управление ведется с этого миноносца помощью радио кодом Меликова. Если же в это время будут действовать и другие радио-станции, могущие корректировать стрельбу, то корректировка будет даваться и с них, согласно «Инструкции кораблям для стрельбы по берегу.

Распределение квадратов при стрельбе с корректировкой следующая:

«Храбрый»	квадраты севернее линии	301—323,
«Гиляк»	линии квадратов . .	324—345,
«Бобр»	» » . .	346—368,

«Амур»	линии квадратов . .	369—391 и	392—414,
«Хивинец»	» » . .	415—438 »	439—461,
«Грозящий»	» » . .	464—490 »	491—516,
«Слава»	квадраты южнее линии.	491—516.	

Возможно, что вследствие малой дальности, орудиям некоторых кораблей обстрел дальних квадратов их линий не будет возможен; тогда, если до этих квадратов могут дострелить «Слава» и «Храбрый», как обладающие большей дальнобойностью, им будет предложено обстрелять такой то квадрат, но всегда в таком случае с упоминанием их позывных.

По установлении телефонной связи в середине и на флангах, адмирал или начальник 9-го дивизиона поднимает сигнал «диспозиция № 3»; по этому сигналу корабли занимают места согласно данной диспозиции; стрельба ведется по своим же квадратам, но передача происходит на стреляющие корабли непосредственно с берега телефоном (на каждую пару кораблей своя линия).

При движении отряда к Роену линейному кораблю «Слава», вероятно, будет предложено обстрелять местечко Цаурнас, квадрат 621. Означенный обстрел может быть произведен без перемены места, так как расстояние до него 10—11 верст.

Канонерские лодки «Бобр», «Хивинец», «Грозящий» и заградитель «Амур» переходят к Роену, где становятся на шпринг по диспозиции № 4 и стреляют по квадратам, как ниже указано. Если же корректировки их стрельбы не будет, то стреляют по тем же квадратам без корректировки, т. е.— стрельба по площади.

«Амур»	линия квадратов . . .	464—490,
«Бобр»	» » . . .	491—516,
«Хивинец»	» » . . .	517—542,
«Грозящий»	» » . . .	543—568.

Для отражения неприятельских аппаратов на всех кораблях, вооруженных противоаэропланною артиллериею, иметь специальных людей для наблюдения за неприятельскими аппаратами и прислугу у противоаэропланных пушек. Огонь открывается судами самостоятельно, по мере приближения неприятельских аппаратов. Особое внимание должно быть обращено, чтобы не расстрелять своих, для чего назначаются специальные люди для каждого аппарата и не упускают его из своих наблюдений. Кроме того, следить

за сигналами с адмиральского корабля (см. тактический приказ начальника дивизии № 20 от 18 июля с. г.

Примечание. Возможно, что, в случае затруднительности высадки десанта в данном пункте, головной отряд будет высаживаться по диспозиции № 2-б; в этом случае артиллерийская подготовка не меняется, т. е. стрельба по опушке.

Квадраты распределяются для обстрела по кораблям следующим образом:

«Храбрый»	севернее линии квадратов.	27— 36,
«Гиляк»	линия квадратов	37— 48,
«Бобр»	» »	49— 62,
«Амур»	» »	65— 78,
«Хивинец»	» »	79— 96,
«Грозящий»	» »	97—116,
«Слава»	южнее линии квадратов .	117—138.

К этой инструкции было приложено «Дополнение к коду Меликова на время высадки десанта», заключавшее в себе условную передачу приказаний, наиболее употребительных для управления огнем при обстановке высадки.

Выше нами было упомянуто, что «Инструкция для движения передового отряда десанта» указывала, в числе приложений к ней, на «Тактический приказ начальника минной дивизии Балтийского флота от 20-го мая 1919 г. № 15». Этот приказ, отданный еще Колчаком, в бытность его начальником минной дивизии, регулировал радио-связь с сухопутными войсками, которым оказывал поддержку флот. Он говорил [1]):

Вследствие необходимости вступать иногда в радио-связь с сухопутными войсками, оперирующими в Рижском районе, об'являю правила, коими следует в этом случае руководствоваться:

1) сноситься по радио-телеграфу только при отсутствии телефонной или проволочной связи,

2) радио-переговоры вообще вести только по шифру для переговоров полевых радио-станций с судовыми,

3) радио-переговоры при корректировании стрельбы вести по коду Меликова и по своду В. Ф. 1916 года,

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть II, стр. 180.

4) при радио-переговорах руководствоваться прилагаемой «Инструкцией для радио-переговоров морских и сухопутных станций Рижского района», каковая должна храниться в телеграфных рубках,

5) настоящий приказ заменяет собою тактический приказ от 16-го ноября 1915 г. № 4; оттиски приказа № 4 сжечь в присутствии офицера».

Другой приказ, относившийся к радио-переговорам и касавшийся исключительно корректирования стрельбы кораблей гидропланами и аэропланами, был отдан Кедровым только 27-го августа 1916 г. за № 28 и заключал в себе следующее:

«Предлагаю теперь же принять к руководству проверенные опытной стрельбой, давшей очень хорошие результаты, «Инструкцию для корректирования артиллерийской стрельбы гидропланами и аэропланами при помощи радио-телеграфа» [1]). В виду того, что такой метод стрельбы является для нас совершенно новым делом, предписываю пользоваться каждым удобным случаем, чтобы практиковаться в связи, переговорах и примерном корректировании. Для этой цели каждую благоприятную погоду прошу командира «Орлицы» посылать один из своих аппаратов летать недалеко от расположения кораблей, о чем предупреждать часа за два старшего из них. То же прошу делать и начальника станции у Цереля. Старший на рейде, назначив одному из кораблей или миноносцев отвечать на радио и сообщив название корабля на «Орлицу» и на станцию, принимает меры к тому, чтобы, и остальные корабли, стоящие на рейде, слушали работу гидроплана; сам же и дежурные корабли продолжают принимать проходящие и очередные радио-телеграммы. Обо всех замеченных неудобствах и желательных изменениях предлагаю мне сейчас же доносить.

Прошу командира «Орлицы» и начальника станции у Цереля, кроме посылок гидропланов для практических переговоров с кораблями, учредить занятия летчикам-наблюдателям для практики в разговоре по Морзе.

«Корректирование гидропланами стрельбы кораблей по морским невидимым целям может оказать нам в Ирбене громадную услугу, почему прошу к предлагаемым занятиям отнестись серьезнее и производить их, как можно, чаще до момента полной уверенности в надежности такого способа и уменьшения времени, потребного на пристрелку до минимума».

Последний приказ относится скорее к подготовке морских сил Рижского залива к боевым действиям, вообще, чем

к распоряжениям, вызванным десантною операциею, но мы привели его здесь на том основании, что проведение его в жизнь было вызвано необходимостью усовершенствовать стрельбу боевых судов по квадратам, т. е. тот способ, который должен был, как мы видели, найти себе широкое применение при осуществлении десантной операции.

Всеми приведенными приказами и инструкциями начальника минной дивизии, в сущности, исчерпывались распоряжения, связанные с употреблением боевых судов при захвате неприятельского побережья в районе Роена.

Но, помимо боевых судов, начальнику минной дивизии, как начальнику всех морских сил Рижского залива, приходилось еще иметь высшее руководство движениями в Рижском заливе и действиями при высадке судов транспортной флотилии, командующий которой, капитан 1-го ранга Иванов 8-й, собственно говоря, подчинялся непосредственно командующему флотом Балтийского моря, так как положение о начальнике высадки к рассматриваемой операции применено не было, как равно не было и какого бы то ни было приказа, которым командующий транспортной флотилией подчинялся бы командующему морскими силами Рижского залива.

Однако, в отношении действий судов транспортной флотилии при высадке никакого особого распоряжения Кедровым отдано не было, и он, повидимому, предполагал осуществить свое руководство в силу его собственного служебного положения, как старшего морского начальника при высадке десанта на берег.

Что же касается порядка движения транспортов, то таковой был им регулирован изданием «Схемы движения транспортной флотилии в Рижском заливе», которая заключалась в следующем [1]).

I. Предварительное сосредоточение судов в пунктах посадки.

Движение через Моонзунд.

Суда идут через Моонзунд, руководствуясь инструкцией штаба командующего флотом № 1.061/оп.. При этом суда

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть II, стр. 186. Схема подписана контр-адмиралом Кедровым 18-го июля 1916 г. № 1/157 оп.

с осадкой более 16 фут следуют каналом, согласно указаниям, получаемым с брандвахты на внешнем Рогекюльском рейде. В смысле якорной стоянки или входа в гавань базы суда получают указания от начальника охраны водного района Моонзунда или же подчиненных ему брандвахт. В южной части Моонзунда обычным местом якорной стоянки судов, идущих небольшими отрядами на юг, следует считать район у маяка Вердер, к N от брандвахты, как это указано на якорной диспозиции судов. Место 1-го отряда транспортов назначено на створах IV и V. Плашкоуты, буксиры и т. п. ставятся к северу от них.

Движение судов в Рижском заливе.

Обычный путь судов транспортной флотилии, идущих из Моонзунда на юг, проходит под О-вым берегом, где будут поставлены добавочные вехи, согласно приложению № 2. У банки Ларина будет стоять миноносец или тральщик. Ночной вход под О-вым берегом запрещен. В этих случаях разрешается пользоваться фарватером для военных судов по W-вую сторону заграждения. План этого входа по карте № 1.520 должен храниться в секретных делах командиров транспортов.

Для выхода в Рижский залив, где весьма вероятны атаки аэропланов, принимаются следующие меры. На каждом транспорте должна быть вооруженная команда, которая своей стрельбой будет препятствовать снижению неприятельских аэропланов на высоту, удобную для атаки. В случае одновременного отправления в залив нескольких ценных транспортов и тихой погоды, старший на рейде в Куйваете, с разрешения начальника минной дивизии, дает охрану из миноносца с пулеметами или даже 40 м/м. бомбометами.

Для следования в Ригу суда от банки Ларина прокладывают курс на видимость Руно в расстоянии, зависящем от ясности горизонта, с целью иметь по нему хорошее определение. Следующий курс на входной буй ($320^1/_2°$ от Усть-Двинского маяка в $11^1/_2$ милях). Подчеркивается, что прямым фарватером на Усть-Двинск могут пользоваться суда с осадкой не более 14 фут, что обусловливается углублением инженерного заграждения. Остальные суда идут особым фарватером под проводкой лоцманов. Вход в Усть-Двинск согласно инструкции штаба командующего флотом № 1.069/оп.

II. Движение судов к месту высадки.

Движение первого отряда транспортов.

По готовности, транспорты 4-х узловым ходом, совместно с плавучими средствами, выходят из Куйваста восточным проходом с расчетом быть у места высадки в 2 ч. ночи, т. е. выход из Куйваста намечается около 5 час. утра. У N-ой вехи у Руно отряд должен быть в 10 ч. вечера. Таким образом, в день высадки, в 2 ч. ночи, 1-й отряд транспортов подходит к тральщику, стоящему на южной границе якорного расположения отряда, и строем кильватера выравнивается на линии В—Г, где и становится на якоре в ожидании дальнейших приказаний. Отряд имеет при себе такое количество плашкоутов и буксиров, которое позволяло бы ему пройти расстояние от поворота до якорной стоянки в промежуток времени с 10 часов до 2 часов. В момент постановки на якорь боевые суда с отрядом Меликова находятся в $1^1/_2$ милях на SW от них. Приказания о дальнейшем движении могут быть двух родов. В нормальном случае, если авангард Меликова займет удачно берег, первый отряд транспортов, снявшись с якоря, идет строем фронта в промежуток между стреляющими боевыми судами, стараясь пройти по середине между ними дабы этим последним не пришлось приостанавливать стрельбы. Следует внушить транспортам, что при расстоянии до стреляющего судна в 10 кабельтовых снаряды летят так высоко, что находиться под ними безопасно.

Этим курсом, направленным прямо к берегу, примерно SW, 1-й отряд идет до глубины $4^1/_2$—5 саж., где вновь становится на якорь и высаживает десант.

Второй, менее вероятный, случай может быть такой: 1-й отряд получает приказание идти на линию Д—Е. Это может быть вызвано невозможностью высадки в назначенном пункте. Существует предположение произвести при таких обстоятельствах высадку севернее, именно к югу от маяка Домеснес. Возможно, что начальник десанта в этом случае возложит обязанности головного отряда на морскую бригаду. Тогда 1-й отряд, заняв линию Д—Е, действует применительно к инструкции для высадки головного отряда. Боевые суда подходят для его поддержки артиллерийским огнем.

Плавучие средства, не взятые 1-м отрядом транспортов, от N-ой вехи у Руно ложатся на W и, пройдя 14 миль, с рассветом становятся на якорь близ места, назначенного для 2-го, 3-го и 4-го отрядов транспортов.

Движение судов 2-го, 3-го и 4-го отрядов транспортов.

«Эти суда выходят из Риги, где они принимают войска и грузы, с расчетом прибыть к месту высадки в 3 часа утра. Приближенный ход—6 узлов, почему эти суда около 3 часов дня должны выйти из Усть-Двинска и около 11 час. быть у тральщика у Руно. Отсюда они идут в назначенное место, где ожидают приказаний.

III. Охрана транспортов от воздушных атак.

1-й отряд транспортов охраняется 2-й группой 6-го дивизиона и, кроме того, до наступления темноты—крейсерами «Адмирал Макаров» и «Богатырь».

2-й, 3-й и 4-й отряды транспортов охраняется 1-й группой 6-го дивизиона и до наступления темноты—«Славой», «Авророй» и «Дианой».

Суда, назначенные для охраны, даже в том случае, если командиры их старше начальников отрядов транспортов, не вмешиваются в распорядок транспортной флотилии. Их назначение—только охрана от аэропланов и, в случае нужды, навигационная помощь. Только в случаях особой важности старший морской начальник берет на себя общее командование и принимает нужные меры.

Обратное движение пустых транспортов производится распоряжением начальника отряда транспортов, при чем, по всей вероятности, выделить охранные миноносцы не удастся. Надобность в них не будет велика, так как об'ектом нападения будут скорее суда, остающиеся для поддержки десанта. Ко времени прибытия второго эшелона миноносцы будут высланы навстречу в Моонзунд» [1]).

На этом закончились указания начальника морских сил Рижского залива командующему транспортной флотилиею, который во всех остальных отношениях был самостоятелен и подчинялся только командующему флотом Балтийского моря.

Заблаговременная, тщательная подготовка транспортной флотилии к быстрым переброскам войск к месту высадки, к свозу их на берег и к дальнейшему подвозу войск и всякого рода снабжения, необхо-

---

[1]) Эта инструкция была разработана еще до приказания о переброске по железной дороге 116-й дивизии в Ригу, вследствие чего второй эшелон в ней и предполагается следующим из Гельсингфорса через Моонзунд.

димого для экспедиционного отряда, составляет одно из главнейших условий успеха десантных операций.

Эта подготовка должна клониться к тому, чтобы:

1) маневр своза на берег войск без артиллерии и обоза производился в кратчайший срок для скорейшего закрепления плацдарма, намеченного к занятию, и для наивыгоднейшего использования светлого времени первых суток для своза артиллерии и обоза; (черноморской транспортной флотилии при неоднократных десантных операциях удавалось свозить на берег войска, в составе одной дивизии пехоты с пулеметной командой и некоторым количеством артиллерии, в течение одного—полутора часа);

2) Суда транспортной флотилии не имели на буксире какие либо перевозочных средств, кроме тех, которые, в случае надобности, могут стать автономными (самоходные, мореходные баржи);

3) Приведение транспортной флотилии и всех ее средств в состояние готовности производилось в кратчайшие сроки, дабы не придать широкой огласке предполагающуюся десантную операцию,

и 4) Транспортная флотилия во всякое время была достаточно укомплектована постоянным кадром обученной и организованной команды.

Этим требованиям транспортная флотилия Балтийского моря не удовлетворяла.

Недостаточность материалов и данных по вопросам, касавшимся мобилизации торгового флота, суда которого должны были пополнить транспортную флотилию, и перевозочных средств, неподготовленность портов и личного состава к оборудованию, снабжению и обслуживанию транспортной флотилии, а также недостаток личного, в особенности офицерского, состава для назначения на суда, придали всей работе по созданию и организации транспортной флотилии Балтийского моря характер импровизации, не гарантировавшей успеха столь серьезной операции, как своз десанта на неприятельский берег. Десантная операция, задуманная Алексеевым, получила широкую огласку, вследствие экстренного привлечения к делу целого ряда портов, частных заводов, фирм и лиц.

26-го июня 1916 г., командующий флотом Балтийского моря, сообщая в Ставку свои первоначальные соображения относительно производства десантной операции на побережьи Рижского залива, наметил командующим транспортною фло-

тилиею капитана 1-го ранга Иванова 8-го и приказал приступить к реквизиции пароходов торгового флота.

29-го июня последовало одобрение верховным командованием предположений Канина, а 5-го июля им были отданы следующие приказы [1]):

№ 464. «Назначается: Капитан 1-го ранга Иванов 8-й—командующим транспортною флотилиею особого назначения, с 30-го июня сего года».

№ 465. «Временно назначаются, с оставлением в занимаемых должностях: старший лейтенант Довконт—исполняющим должность старшего флаг-офицера штаба командующего транспортною флотилиею особого назначения;

Лейтенант Милашевич—флаг-офицером штаба командующего транспортною флотилиею особого назначения;

Капитан 1-го ранга Кирилин и капитан 2-го ранга Юрковский — начальниками отряда транспортов.

Капитан 2-го ранга Шишко—начальником базы высадки.

Капитаны 2-го ранга: барон фон-дер-Остен-Сакен 2-й, Дараган и Шидловский 1-й, старший лейтенант Эйлер, лейтенанты: Королев, Смирнов и Гернет — комендантами пунктов посадки.

Лейтенант Трубченинов—комендантом пункта высадки. Все тринадцать с 30-го июня сего года».

Канин.

Приведенный приказ показывает, что по получении из Ставки задания о производстве десантной операции, Канину пришлось приступить к созданию транспортной флотилии, которая была бы способна удовлетворить пред'явленным требованиям. Это создание флотилии он начал с организации управления ею, которое уже должно было реквизировать необходимое количество пароходов и плавучих средств, привлечь к делу экспедиции казенные транспорты и плавучие средства, и все это организовать, приспособить и оборудовать в целях наилучшего исполнения полученного задания.

---

[1]) Дело Морискома № 13. 135, стр. 125. Приказы командующего флотом Балтийского моря от 5-го июля 1916 г. за №№ 464 и 465.

Но задание, как мы видели, постепенно расширялось, по мере увеличения сил сухопутного десантного отряда, и так как это увеличение продолжалось почти до самого дня, назначенного для посадки, то, следовательно, и изменение задания транспортной флотилии было непрерывным в течение всего периода подготовки экспедиции.

Другим фактором, повлиявшим на изменение задания транспортной флотилии, кроме изменения силы десанта и количества его грузов, явилось изменение пунктов посадки. Целый месяц, с 26-го июня по 26-е июля установленными пунктами посадки являются: Рига, Куйваст, Ревель и Гельсингфорс. 26-го июля, с получением приказания перевезти по железной дороге в Ригу: 116-ю пехотную дивизию — из Гельсингфорса и дивизион полевой артиллерийской бригады и гаубичную батарею — из Ревеля, — изменились и пункты посадки и расчет кругооборота транспортов. Это изменение тоже осложняло работу командного состава транспортной флотилии в период наибольшего ее напряжения.

Принимая во внимание: 1) два приведенные условия, весьма неблагоприятно влиявшие на планомерность подготовки транспортной флотилии, 2) что самая ее организация в силу сложившихся условий должна была принять характер импровизации, 3) что реквизиция частных пароходов вызывала назначение на них личного состава из состава Балтийского флота, который сам был не вполне укомплектован, и 4) что реквизиция иностранных пароходов приводила к необходимости назначения на них офицеров, владеющих английским языком, каковых было немного в составе Балтийского флота — мы должны придти к заключению, что обстановка для создания и подготовки транспортной флотилии Балтийского моря в середине 1916 г. была весьма неблагоприятною.

Насколько тяжело легло создание транспортной флотилии на командный состав Балтийского флота показывает то, что приказами командующего флотом от 5-го, 7-го, 16-го и 21-го июля 1916 г. в распоряжение командующего транспортною флотилиею было назначено 77 офицеров и врачей. Но и этого количества оказалось недостаточно.

26-го июля из морского генерального штаба пришла на имя адмирала Григорова следующая телеграмма: [1])

«Наморштаверх телеграфирует: снеситесь с адмиралом Каниным о привлечении всех пароходов, как занятых пере-

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть I, стр. 132. Телеграмма начальника морского генерального штаба контр-адмиралу Григорову от 26-го июля 1916 г. № 8842.

возкой леса, так и могущих еще быть взятыми для перевозки из Свеаборга к предстоящей операции; запросите, куда надо направить для срочного оборудования, если в пароходах имеется надобность. № 1579/Б.

Русин.

Прошу сообщить ответ командующего № 8/842».

Каннист.

Таким образом, Ставка желала усилить состав транспортной флотилии с целью ускорить переброску десанта. Штаб командующего флотом вполне сознавал необходимость этого, но состояние личного состава явилось препятствием к дальнейшему более широкому усилению флотилии.

27-го июля Григоров ответил начальнику морского генерального штаба [1])

«8/842. Признается нужным оборудовать в Петрограде еще шесть пароходов на случай замены поврежденных. Укомплектовать их флот не может [2]); поэтому необходимо распоряжение формировать, для укомплектования хотя бы части их, команды из состава Чудской и других озерных и речных флотилий, находящихся в бездействии. На остальные оборудованные пароходы команды будут посылаться, в случае необходимости замены, с аварийных транспортов. [3]) № 1.216/оп.»

Григоров.

Уже одна эта телеграмма Григорова достаточно показывает насколько тяжелы были условия формирования транспортной флотилии.

19-го июля 1916 г., приказом № 494, командующий флотом Балтийского моря зачислил в состав транспортной флотилии 66 транспортов, реквизированных пароходов и судов, и плавучих средств портов Балтийского моря, каждому из которых были присвоены специальный номер.

Позднее в состав транспортной флотилии еще были зачислены 17 пароходов; кроме того, в состав плавучих средств транспортной флотилии были взяты: [4])

---

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть I, стр. 130. Телеграмма Григорова начальнику морского генерального штаба от 27-го июля 1916 г. № 1.216/оп.

[2]) Курсив наш.

[3]) Дело Морискома № 13.135, стр. 111. Приказ командующего флотом Балтийского моря от 19-го июля 1916 г. № 494.

[4]) Дело Морискома № 13.135, стр. 113.

от морской крепости императора Петра Великого 4 баржи, из которых одна с змейковым аэростатом;

от Кронштадтского порта — три баржи;

от Свеаборгского порта—шесть барж;

от Свеаборгской крепости—шесть барж; в Гельсингфорсе было реквизировано около 65 моторных шлюпок и 82 плашкоута;

в Ревеле было реквизировано 7 портовых небольших буксиров и 31 плашкоут; были, наконец, приготовлены для затопления 2 лайбы и 3 парохода. В распоряжение начальника транспортной флотилии был предоставлен особый спасательный отряд, в составе пароходов:

«Эрви» «Протектор» «Ассистент» «Карина».

Работа различных органов транспортной флотилии была организована на следующих общих основаниях: [1])

1) Командующий транспортною флотилиею руководит операциею посадки и высадки, ведает всеми транспортами, взятыми для перевозки, и вспомогательными плавучими средствами, взятыми для посадки и высадки.

При нем: штурман, два флаг-офицера, инженер.

2) Начальники отрядов транспортов (в числе 5) командуют группами транспортов.

3) Коменданты транспортов (по числу транспортов) организуют размещение войск на транспортах, ведают распорядком на них, являются посредниками между войсковыми начальниками на транспортах и судовыми начальниками, а также и командующим транспортною флотилиею.

На транспортах, идущих совместно группою от 3 до 6, старший из комендантов является начальником группы.

4) Начальник эшелона из состава перевозимых войск назначается старшим войсковым начальником.

5) Коменданты пунктов посадки подготовляют транспорты, оборудуют их при содействии порта и крепости, организуют посадку, назначая участки набережной под грузы, обозы и орудия; следят за размещением сосредоточивающихся транспортов и плавучих средств.

6) Начальник базы высадки — определяет точные места высадки, производя рекогносцировку побережья, руко-

---

[1]) Дело Морискома № 13.135, стр. 109.

водит высадкой, организует базу, оборудует пристани и подходы для следующих эшелонов.

7) Комендантыпункта высадки—непосредственные помощники начальника базы высадки.

В транспортную флотилию были зачислены все пароходы и транспорты, взятые для перевозки, как казенные, так и частные, и все плавучие средства, служащие для буксировки, выгрузки и погрузки.

На транспорт, если им командовал не офицер, назначался комендант, которому непосредственно подчинялся капитан транспорта. Комендант не вмешивался в управление транспортом, но, в исключительных случаях, ему предоставлялось право взять на себя управление маневрированием транспорта, на котором он находился, с принятием на себя ответственности за последствия. Случай этот должен был заноситься в вахтенный журнал, с указанием начального и конечного моментов.

Комендант транспорта пользовался дисциплинарною властью командиров судов 2-го ранга.

Он передавал все распоряжения командующего транспортной флотилии и начальника своего отряда начальнику эшелона. В нетерпящих же отлагательства случаях, касающихся внутреннего распорядка и соблюдения корабельных правил, он распоряжался лично и затем уже сообщал о том начальнику эшелона.

По прибытии войск на транспорт, комендант транспорта знакомил людей эшелона с размещением на транспорте, указывал места, где выстраиваться, где обедать, где умываться, где расположены: кухни, лазарет, гальюны, места для курения, места, где брать пресную воду, места, где подвешены спасательные круги.

Суточный наряд, включая караул и дежурную часть, подчинялся коменданту транспорта, как начальнику гарнизона. Комендант транспорта вносил в табель постам караула инструкцию, согласно требованиям морской службы (напр., чьи приказания исполняют часовые у шлюпок, кого они пропускают на шлюпки и т. д.). В случае необходимости, он имел право призывать на помощь судовой команде людей эшелона, как рабочую силу, для чего должен был обращаться к начальнику эшелона.

Комендант транспорта следил, чтобы установленный порядок судовой жизни соблюдался всеми чинами и обращал особое внимание на то, чтобы при возникновении пожара, при обнаружении течи, при авариях и т. п. все люди

занимали бы определенные места и исполняли распоряжения судовой администрации.

Он же наблюдал за тем, чтобы погрузка и выгрузка производились своевременно. Если на транспорт погружались легковоспламеняющиеся предметы, то комендант транспорта, был обязан принять все зависящие от него меры предосторожности.

Комендант транспорта вел «исторический журнал» и в него заносил:

1) имя парохода; имя судовладельца или общества; длину, ширину и осадку судна, грузопод'емность парохода в брутто и нетто тонажа;

2) время привлечения парохода по военно-судовой повинности и порт, в котором это привлечение состоялось; время прихода в порт оборудования;

3) оборудование парохода: число мест для офицеров, солдат, лошадей и повозок; кем оборудован; время начала и окончания работ, перечисление всего сделанного: как устроены умывальники, камбузы, гальюны, стоки для жидкой грязи, количество их; как обеспечено снабжение людей и лошадей питьевой водой; погружен ли балласт, сколько именно, какой именно;

4) зачисление транспорта в состав отряда, начало компании; личный состав как офицерский, так и матросский (военный и вольнонаемный), перемены в личном составе— с какого дня и по какой день;

5) все походы, с указанием ежедневного полуденного места судна; время стоянки и постановки на якорь, встречи с военными и транспортными судами и неприятелем, и, вообще все то, что имеет отношение к плаванию транспорта;

6) перечисление имеемых десантных средств и способ их хранения и под'ема;

7) посадка и высадка войск: точное время начала и окончания их, порт посадки и высадки; условия, в которых они производились; число перевезенных войск по родам оружия; способ погрузки и выгрузки и обстановка; число рейсов десантных ботов и катеров; число ботов и катеров, буксируемых одним паровым и моторным катером;

8) выдающиеся случаи судовой жизни.

По окончании операции высадки войск, журналы должны были представляться командующему транспортной флотилией.

Сверх изложенных постановлений, комендант транспорта руководствовался также постановлениями морского устава о пассажирах.

Не взирая на служебное положение никто из лиц, состоящих на службе, не в праве был препятствовать приведению в исполнение распоряжений коменданта транспорта, основанных на законе или полученных инструкциях, а также отказывать в исполнении его законных требований или в помощи и содействии для восстановления нарушенного порядка.

Капитан транспорта производил погрузку и выгрузку тяжестей, повозок, лошадей и т. п., с полной ответственностью за их целость. Во время похода он отвечал также за сохранение назначенного ему места в строю.

Если капитан транспорта считал приказание коменданта транспорта неправильным или могущим быть опасным для транспорта и перевозимых на нем людей и грузов, то докладывал свое мнение коменданту транспорта и, в случае, если приказание последнего не отменялось, заносил об этом в вахтенный журнал; приказание же исполнял и подавал коменданту транспорта рапорт.

По отношению к чинам, находившимся у него под командой, капитан транспорта сохранял за собой те права, которыми он пользовался до привлечения транспорта по военно-судовой повинности, за исключением права увольнения и нового найма команды, каковое осуществлялось им лишь при согласии на то коменданта транспорта.

С привлечением транспорта по военно-судовой повинности капитан его представлял командующему транспортной флотилией копию судовой роли, а затем доносил через своего коменданта о каждом происшедшем в ней изменении.

Войсковые части, перевозившиеся на одном транспорте, составляли эшелон. На каждом транспорте распоряжением старшего войскового начальника назначался начальник эшелона.

Начальнику эшелона подчинялись все перевозившиеся сухопутные чины, за исключением лиц, старших его чином.

Начальник эшелона исполнял во время нахождения на транспорте все требования коменданта транспорта, касавшиеся внутреннего распорядка на транспорте, а во время посадки и высадки, кроме того, требования соответствующих комендантов, касавшиеся посадки и высадки.

Начальник эшелона наблюдал за правильным выполнением всеми чинами эшелона правил судового порядка. По всем вопросам, касавшимся пребывания войск на транспорте, начальник эшелона обращался исключительно к коменданту транспорта. О всех недочетах, неисправностях и т. п. начальник эшелона доносил по команде, а копию

этого донесения представлял командующему транспортной флотилией.

При распределении войск для посадки был использован опыт транспортной флотилии Черного моря [1]) и все назначения на транспорты производились сообразно с выработанными ею данными.

В отношении неделимости частей были приняты следующие нормы:

1) в пехоте—неделимою считалась рота, в составе 3 офиц., 241 солдат пехотинцев, 5 лошадей, 1 походн. кухни и 4 двуколок;

2) в кавалерии такою единицею признавался взвод, в составе 1 офицера, 37 кавалеристов, 38 лошад. и 1 двуколки;

3) в артиллерии: а) в тяжелой—1 орудие, 66 человек, 23 лошади, 3 зарядных ящика и 2 парн. повозки; б) в легкой—1 орудие, 36 человек, 34 лошади, 2 зарядных ящика; в) в горной—1 орудие, 57 человек, 34 лошади, 2 зарядных ящика, 2 парные повозки, 11 двуколок; г) в мортирной—1 орудие, 58 человек, 46 лошадей, 4 зарядных ящика, 1 четырехконная повозка, 2 парных повозки и 1 двуколка.

При размещении на транспортах частей различных родов войск руководствовались данными, отвечавшими требованиям соответствующих родов войск.

В частности при размещении пехоты принималось, что междупалубное пространство должно быть не менее $6^1/_2$ фут. На каждых 8 человек или на 3 лошади полагалась площадь в 80 кв. фут. Каждому офицеру, по возможности устраивалась каюта и во всяком случае ему давались от транспорта: койка, подушки, постельное белье и одеяло. Груз, несомый каждым нижним чином, принимался в 2 пуда, в число коих входил трехдневный запас провизии. В полковом обозе, перевозившимся, по возможности со своею частью, имелся запас на 7 дней.

На роту вышеуказанного состава полагалось: а) две патронных двуколки (та-же площадь) в одну лошадь каждая; б) одна походная кухня (площадь 35 кв. фут.) и две лошади; в) одна офицерская двуколка (площадь 35 кв. фут.) и одна лошадь.

---

[1]) Дело Морискома № 13.135, стр. 1. Копия рапорта штаба командующего транспортной флотилией Черного моря от 16-го февраля 1916 г. за № 479.

Таким образом, ротный обоз, составляли: одна походная кухня и три двуколки; лошадей с ротою шло пять. Фуража при них бралось не больше того, что каждая повозка могла везти без ущерба грузу.

Полковой обоз принимался состоящим из: а) одной хозяйственной двуколки (площадь 36 кв. ф.); б) 26 парных повозок (площадь 72 кв. ф. для каждой); в) 8 парных патронных двуколок; г) 4 аптечных двуколок; д) 2 походных кухонь; е) 2 телефонных двуколок; ж) 6 лазаретных двуколок и з) 2 автомобилей (могли быть).

Всего в составе полкового обоза считалось: 5 офицеров. 214 человек и 82 лошади.

Принципиально считалось, что полковой обоз идет обязательно в том же отряде транспортов, где и полк, и его, по возможности, следует не разбивать на разные транспорты. Требование это, исполнимое для мощного тоннажа транспортной флотилии Черного моря, было совершенно невыполнимо при слабых средствах транспортной флотилии, сформированной для рассматриваемой десантной операции.

Но если тоннаж судов не допускал перевозки полкового обоза на том же транспорте, на котором шла часть, то перевозка его, а равно и дивизионного обоза, на транспортах той же очереди уже являлась обязательной, так как иначе совершенно утрачивалась оперативная свобода десантных войск. Последнее обстоятельство, к сожалению, не было принято во внимание сухопутным командованием отряда, и полковой обоз, вместе с дивизионным, прибывал лишь в 3-ю очередь, т. е. через 7 дней, если не больше.

Для расчетов перевозки пулеметной команды принималось, что в ее состав входят: 3 офицера, 101 человек, 72 лошади, 8 пулеметов и 16 ящиков. В действительности, число пулеметов в полках 3-й стрелковой дивизии превышало указанное число, так как все пулеметы, взятые с бою у неприятеля в течение войны приспособлялись под русский патрон и оставлялись во взявшем их полку.

Наконец, запас питьевой воды рассчитывался по $1^1/_2$ ведра на человека в сутки.

При размещении кавалерии междупалубное пространство должно было быть не менее 7 фут. Погрузка лошадей в нижние трюмы или жилые палубы воспрещались. На каждые три лошади отводилась площадь в 80 кв. ф. Стойла лошадей должны были быть обязательно из строганного леса.

Трехсуточный запас фуража размещался во вьюках и в эскадронном обозе. Запас питьевой воды рассчитывался по 3 ведра в сутки на лошадь.

В обозе эскадрона (сотни) считались: а) одна походная кухня, б) одна офицерская двуколка; в) две патронные двуколки.

В полковом обозе считались: а) 8 парных повозок б) 3 патронных двуколки; в) 22 хозяйственных двуколки; г) 2 аптечных двуколки; д) 2 лазаретных двуколки; е) 7 телефонных двуколок; ж) 2 походные кухни; з) 2 легких автомобиля и и) один грузовой автомобиль.

Всего в составе полкового обоза считалось: 3 офицера, 72 человека и 58 лошадей.

При размещении артиллерии ни длина, ни ширина орудий в расчет не принимались, так как они не мешали погрузке в любой люк. Площадь орудия с передком или двух ходов зарядного ящика принималась в 72 кв. фута.

Дышла и оглобли при погрузке обязательно снимались. Колеса снимать отнюдь не полагалось.

Легкие и горные пушки грузились целиком; гаубицы и мортиры, если стрелы не могли поднять целиком, разбирались на две части: орудие и лафет. Стропы брались за оси и хобот, но отнюдь не за колеса. Для каждого типа орудий и повозок были выработаны специальные тросы.

Вес орудия принимался: легкого и горного—60—62 пуда, зарядного ящика (один ход)—30 пуд., 6 дм. тяжелой гаубицы—150 пуд. и 4,2 дм. мортиры—130—140 пуд.

Легкие автомобили грузились целиком, так как вес их обыкновенно не превышал 2 тонн. Погрузка грузовых автомобилей зависела от системы, фирмы и назначения автомобиля. При автомобиле считались: шоффер, подручный и обычный инвентарь каждого автомобиля.

С войсками шли клади, в состав которых входили:

1) провизия, в том числе: а) хлеб печеный в мешках; б) мука и сухари в мешках; в) капуста в бочках; г) консервы в ящиках; д) соль в мешках; е) мясо битое (рефрижератор); ж) кормовой скот.

2) фураж, в том числе: а) овес и ячмень в мешках; б) сено и солома, прессованные в тюках.

3) снаряжение, в том числе: а) патроны в ящиках; б) снаряды в ящиках.

Опираясь на все эти данные, а также на тактические требования, заявленные начальником десантного отряда к 16-му июля 1916 г., были составлены общие соображения по пере.

возке десантного отряда, под названием «Справка о состоянии организации транспортной флотилии особого назначения к 16-му июля 1916 г.», которая заключала в себе следующее [1]):

I. Задание по перевозке войск.

1) Общий план перевозок. Все перевозки должны быть произведены в 3 очереди: 1-я очередь — максимум бойцов и минимум грузов; 2-я очередь — остальные бойцы и максимум грузов; 3-я очередь — остальные грузы.

2) Порты перевозки и состав войск. а) Гельсингфорс: 116-я пехотная дивизия, 2-я Свеаборгская саперная рота; б) Куйваст: Отдельная морская бригада; в) Рига: Отдельный головной отряд; г) Ревель: Дивизион полевой артиллерийской бригады сухопутного фронта морской крепости. Средства связи. Инженерные средства.

II. Состояние флотилии к 16-му июля.

1) Войсковые транспорты. Оборудованных транспортов—32, водоизмещением—37.371 тонн.

В случае перевозки одних людей, без лошадей,— могут поднять 31.310 чел.; не уменьшая количества принимаемых людей, можно принять еще 720 лошадей.

В случае перевозки максимального числа лошадей — могут поднять 18.885 чел., 3.754 лошади и 900 повозок.

Оборудуются еще 10 транспортов, с общим водоизмещением более 25.000 тонн. Грузопод'емность их еще не выяснена точно.

Кроме того, имеются в запасе 9 транспортов, из которых 5 готовы (пароходы—заградители).

Все войсковые транспорты разделены на отряды. В каждом отряде при перевозке первой очереди состоят: во первых, транспорты преимущественно войсковые, на которых идут люди, пулеметы, походные кухни и во вторых, 1—2 транспорта обозных для лошадей и груза.

2) Вспомогательные транспорты: провизионных 5, спасательных 4, водолеев 3, госпитальных 2.

Примечание: Намечено еще 1 госпитальное судно.

---

[1]) Дело Морискома № 13.135, стр. 7.

3) Буксирные средства: 30 буксиров, 9 теплоходов, 4 мотора.

Примечание. Из них 21 вооружены пулеметами.

4) Моторные катера: реквизировано—35, реквизируется в Ревеле—8, реквизируется в Гельсингфорсе около 15—25.

5) Плашкоуты и баржи: На учете состоит до 30 барж, которые пойдут под грузы для оборудования пристаней и базы. Плашкоутов реквизировано: в Гельсингфорсе—85, в Ревеле—30.

Примечание. Гребные шлюпки с военных кораблей переданы в распоряжение начальника минной дивизии.

III. План перевозки войск в 1-ю очередь.

1) Гельсингфорс. 116-я пехотн. дивизия без артиллерии: 274 офиц., 12.909 человек, 794 лошади, 48 пулеметов, 395 повозок.

а) 1-й отряд транспортов:

8 войсковых
1 обозный } 6.700 чел., 494 лошади, 290 повозок.

б) 2-й отряд транспортов:

9 войсковых
2 обозных } 6.635 чел., 332 лошади, 105 повозок.

Всего на 13.335 чел., 826 лошад., 395 повозок.

Примечание. На 2-м обозном транспорте 2-го отряда пойдет 2-я Свеаборгская саперная рота—5 офиц., 245 человек, 2 лошади, 1 повозка.

2) Куйваст. Отдельная морская бригада: 135 офиц., 6.817 человек., 8 орудий., 30 пулеметов, 505 лошад., 262 повозки.

3-й отряд транспортов:

7 войсковых
2 обозных } 8.225 чел , 510 лошад., 390 повозок.

3) Рига. Если головной отряд, в составе 70 офиц., 2.854 человек, 8 пулем., 6 руж.-пул., пойдет на военных кораблях, то часть кавалерийской бригады и главную часть

обозов из общего состава 79 офиц., 2.492 человек, 2.507 лошад., 127 двуколок, 41 повоз., 6 пулемет., 6 оруд., 12 зарядных ящиков, 2 автомобилей, 16 мотоциклетов и 27.000 пуд. груза, предположено взять на ныне оборудываемые 8 транспортов.

Если головной отряд пойдет весь на транспортах, то в 1-ю очередь будут перевезены лишь части с минимальными обозами.

4) Ревель. Артиллерия и инженерная часть: 61 офиц., 2.099 человек 570 лошад., 18 оруд., 134 повоз., 14.000 пуд. груза и 10.000 досок.

4-й отряд транспортов:

4 грузовых транспорта (готовых).

Примечание. Остающийся один оборудуемый транспорт идет под артиллерийский груз.

IV. Схема сосредоточения флотилии и схема высадки.

Транспорты по-отрядно постепенно сосредоточиваются в Ревеле и Гельсингфорсе. В Ригу и Куйваст будут отправлены лишь по особому приказанию. Транспорт «Колывань» с буксирами, к нему приписанными, и с баржами, груженными материалами для постройки пристаней, будет состоять в распоряжении начальника базы высадки.

Для высадки к каждому транспорту будут приписаны буксиры, плашкоуты и моторные катера. Плашкоуты к месту высадки пойдут на буксире транспортов, моторные катера будут подняты на борт.

Плашкоуты и баржи сосредоточиваются уже в настоящее время в Рогекюле, где 15-го июля состояло: плашкоутов крытых—43, плашкоутов открытых—37, барж плоскодонных—27.

Командующий транспор. флотил. кап. I р. Иванов 8-й.

И. д. старшего флаг-офицера, ст. лейт. Довконт.

Из приведенной справки можно видеть:

1) что 116-я пехотная дивизия без артиллерии первоначально предназначалась к перевозке в 1-ю очередь.

2) что 116-й артиллерийский дивизион совсем не был включен в соображения о перевозке,

3) что назначение 3-й стрелковой дивизии в состав десантного отряда к этому времени еще решено не было

и 4) что все артиллерийские грузы (боевые запасы), кроме следовавших с частями войск, предполагалось перевезти на одном транспорте.

Последнее обстоятельство, в случае потопления этого транспорта, могло сразу лишить десантный отряд всех боевых запасов. Эта ошибка была усмотрена только в последних числах июля и исправлена разгрузкою транспорта, уже нагруженного артиллерийскими грузами, на два транспорта.

К 20-му июля 1916 г. штабом транспортной флотилии были составлены уже подробные планы перевозок по отрядам транспортов и по портам отправления. В каждом таком плане, в графе «предположено», было показано число офицеров, солдат, лошадей и повозок лишь схематически и это число подлежало исправлению при точной разверстке, когда, главным образом, и соблюдалось требование о размещении на одном транспорте целых рот и команд без дробления. При этом кухни должны были следовать обязательно при своих частях, а в отношении остального обоза допускалось размещение и на других транспортах. Эти планы составлялись комендантами пунктов посадки и начальниками отрядов транспортов по соглашению с подлежащим сухопутным начальством.

Планы перевозок в окончательном виде представляли следующее [1]) (см. таблицы на стр. 302—311).

Приведенные планы перевозок в последних числах июля подверглись некоторым изменениям, вследствие изменения пунктов отправления и добавления некоторых частей в состав десантного отряда, но, в общем, эти изменения не имели существенного значения для распределения войск и грузов, уже назначенных на транспорты.

Кроме планов перевозки, штабом командующего транспортной флотилии был разработан целый ряд инструкций, регулировавших как движение судов флотилии, так и деятельность ее чинов при самом совершении операции своза десанта на берег.

Относительно движения судов было дано две инструкции:

1) «Правила для плавания транспортов по Моонзунду и Рижскому заливу и

2) «Схема движения флотилии транспортов особого назначения».

---

[1]) Дело Морискома № 13.135, стр. 96—104.

Перевозка первой очереди.

I-й отряд.

Порт отправления—Куйваст.

Начальник отряда—капитан 1-го ранга Кирилин.

№ транспорта.	НАЗВАНИЕ ТРАНСПОРТА.	Вместимость. Офиц.	Нижн. ч.	Нижн. ч. лошад.	Повозок	Предположено. Офиц.	Нижн. ч.	Лошадей.	Повозок.	КОМЕНДАНТ.
11	Сирена	8	400	400/—	10	3	400	—	2	Мичм. Асямолов.
4	Грузовой	2	500	150/120	38	2	200	100	2	» Соколов.
32	Христиан	5	635	635/—	15	5	635	—	3	Лейт. Соколов.
9	Кокшер	5	650	650/—	6	5	650	—	3	» Салмин.
56	Капелла	15	900	400/62	—	10	900	—	4	Мичм. Мусселиус.
58	Скобелев	30	1.000	1.100/—	46	20	1.200	—	46	» Миллер.
23	Меркурий	60	3.200	1.200/368	30	35	1.200	365	10	» Хмызников.
26	Митава	100	2.200	2.200/250	142	55	2.200	80	142	Кап. I р. Кирилин.
2	Лахта	10	400	250/250	63	10	250	250	60	Лейт. Тизенко.
	Итого . . .					145	7.635	795	272	Оруд. и пул. / Авт. и ящик. / Груза.
	Состав эшелона. Отдельная морская бригада: штаб, 1-й, 2-й и 3-й полк, артиллер. дивизион, две конно-пулеметн. батареи и перевязочн. отряд					145	7.560	795	188	8/38 / 2/20 / 7.000 п.

Перевозка первой очереди.

II-й отряд.

Порт отправления—Р и г а.

Начальник отряда—капитан 2-го ранга Юрковский.

№ транспорта.	НАЗВАНИЕ ТРАНСПОРТА.	Вместимость. Офиц.	Нижн. ч.	Нижн. ч. лошад.	Повозок.	Предположено. Офиц.	Нижн. ч.	Лошадей и скота.	Повозок.	КОМЕНДАНТ.
54	Вассиан	—	450	450/—	—	4	450	—	3	Мичм. Павлов
60	Толедо	25	450	450/—	—	6	450	—	3	» Моисеенко.
25	Поллукс	10	650	350/80	15	11	650	—	15	» Телесницкий.
64	Бен-Ломонд	—	1.300	1.000/136	—	12	750	—	14	» Крюгер.
29	Ген. Циммер.	14	750	200/185	34	12	750	—	34	Лейт. Ломанов.
3	Хектос	10	1.500	800/150	—	25	1.500	—	15	Мичм. Калакуцкий.
35	Дагмар	8	1.500	1.000/150	54	15	1.000	150	54	» Лукк
14	Секрет	10	1.000	1.000/18	—	25	1.000	18	15	Подпор. Гарфельд.
34	Драгомиров	—	1.100	1.100/310	—	25	1.000	310	15	Лейт. Житков.
56	Люси	—	800	700/210	100	25	800	151	100	Мичм. Крупенский.
	Итого . . .					160	8.450	629	268	

	Оруд. и пул.	Авт. и ящик.	Груза.
3-я стрелковая дивизия: штаб, 9-й и 10-й стрелковые полки и перевязочный отряд . .	24/13	2	—

Перевозка первой очереди.

III-й отряд.

Порт отправления — Рига.

Начальник отряда—капитан 2-го ранга Дудкин.

№ транспорта.	Название транспорта.	Вместимость				Предположено				Комендант.		
		Офиц.	Ниж. ч.	Ниж. ч. лош.	Повозок.	Офиц.	Ниж. ч.	Лошадей и скота.	Повозок.			
13	Ваза	10	500	400/24	20	15	500	—	—	Мичм. Пасвик.		
12	Гуррикане	2	500	500/—	18	4	500	—	—	» Хохлов.		
7	Лембит	6	700	450/70	54	8	700	—	—	» Филянович.		
24	Орион	25	800	250/49	18	25	800	—	—	» Виноградов.		
6	Кодума	6	825	825/—	60	8	825	—	—	» Чечот.		
59	Норден	—	925	700/91	—	10	925	—	—	Лейтен. Черепанов.		
8	Мартин	10	1.200	695/125	47	20	1.200	—	—	Мичм. Хорошкин.		
16	Хера	12	1.200	600/138	12	20	600	115	—	» Врангель.		
10	Бурлак	3	500	200/89	65	4	200	89	—	» Биерклунд.		
61	Мин	—	1.900	1.400/209	—	26	1.400	209	—	» Томкевич.		
	Итого . . .					140	7.650	413	—	Оруд. и пул.	Авт. и ящик.	Груза.
	3-я стрелковая дивизия: 11-й и 12-й стр. полки					140	7.391	388/25	174	24/9	—	—

Перевозка первой очереди.

IV-й отряд.
Порт отправления — Р и г а.

Начальник отряда — старш. лейтен. К а р п и т с к и й.

№ транспорта.	Название транспорта.	Вместимость				Предположено				Комендант.		
		Офиц.	Нижн. ч.	Ниж. ч. лош.	Повозок.	Офиц.	Нижн. ч.	Лошадей и скота.	Повозок.			
27	Жулан	14	1.700	700/400	108	14	500	400	108	Ст. лейт. Карпитский.		
66	Тинтерн-Аббей	—	650	400/102	—	4	123	100	30	Мичм. Бук.		
5	Кабельный	4	450	150/150	—	4	100	148	7	» Нарбут.		
	Итого . . .					22	720	648	145	Оруд. и пул.	Авт. и ящик.	Груза.
	3-й стрелковый артиллер. дивизион					22	723	630/18	93	18	34	1000 п.
30	Гр. Толстой	74	1.200	100/304	20	6	179	279	31	Мичм. Коженков.		
63	Нева	—	950	500/167	—	2	278	173	69	Лейт. Вохин.		
	Итого . . .					8	457	452	—			
	Остаток партизан. отряда					1	70	200	—			
	Пять искровых станций					5	109	79	31			
	Остаток двух батальонов					2	278	173	69			
28	Елизавета	14	3.200	500/470	90	3	159	478	33	Мичм. Бродовский.		
	Остаток спешенн. отряда					3	159	478	33			

Перевозка первой очереди.

V отряд.
Порт отправления—*Ревель* и *Гельсингфорс*.

Начальник отряда—лейтенант Агафонов.

№ транспорта.	НАЗВАНИЕ ТРАНСПОРТА.	Вместимость. Офиц.	Ниж. ч.	Ниж. ч./лош.	Повозок.	Предположено. Офиц.	Ниж. ч.	Лошад.	Повозок.	КОМЕНДАНТ.
37	Лиссабон . . .	—	1.400	800/157	—	—	—	15	—	Прапорщик Кочин.
57	Вольта	—	1.200	1.200/36	—	—	—	—	—	Мичман Азбелев.

				Оруд. и пул.	Авт. и ящик.	Груза.
Кабельное отделение	2	74	22	19	—	—	500 пуд.
Две саперных роты	9	538	47	2	—	—	1.000 »
Инженеры	21	1.000	82	23	—	—	2.000 досок.
							14.000 пуд.

1	Колывань . . .	2	200	200/2	—	База и Свеаборгская саперная рота.	Лейтенант Агафонов.
52	Балтония . . .	1	350	350/2	—		Прапорщик Ласис.
33	Вера	—	900	—	—		Мичман Клосовский.

На время 1-го рейса поступают в V-й отряд.

№№	НАЗВАНИЕ.	Комендант.	№№	Водолеи.	№№	Спасат. суда.	№№	Госпит. суда.
41	Тор	—	50	Водолей № 1.	47	Эрви.	—	Ариадна.
42	Долли	Прап. Мельниц.	49	» № 4.	48	Герро.	40	Виола.
43	Флоур	» Штибинг.	51	Вассербот.	46	Ассистент.		
44	Обсидиан	» Шарыпков.			45	Протектор.		
39	Калева	» Васильев.						

Перевозки второй и третьей очередей.

I-й отряд.
Порт отправления: 2-й очереди—Гельсингфорс.
3-й » —Гельсингфорс.

Начальник отряда—капитан 1-го ранга Кирилин.

№ транспорта.	Название транспорта.	Предположено. Офиц.	Нижн. чин.	Лошадей и скота.	Повозок, орудий и автомобил.	Офиц.	Нижн. чин.	Лошадей и скота.	Повозок, орудий и автомобил.	Комендант.
11	Сирена	2	400	—	10	запасный.				Мичман Асямолов.
4	Грузовой	2	150	120	38	2	150	150	38	» Соколов.
32	Христиан	5	635	—	15	запасный.				Лейтенант Соколов.
9	Кокшер	5	650	—	6	запасный.				» Селлинг.
36	Капелла	15	900	—	—	15	400	62	2	Мичман Мусселиус.
58	Скобелев	30	1.100	—	46	30	1.100	—	30	» Миллер.
23	Меркурий	60	1.200	368	30	60	800	368	60	» Хмызников.
26	Митава	100	2.200	80	142	100	2.000	80	160	Кап. 1 р. Кирилин,
2	Лахта	10	250	250	63	10	250	250	63	Лейтенант Тизенко.
	Итого	229	7.485	818	350	217	4.700	880	353	

	Вторая очередь.				Третья очередь.				
Штаб 116-й пех. дивизии 461-й полк и 462-й полк со всеми обозами и перевязочн. отрядом.	160	7.084	736	350	37	899	855	353	Остальные обозы 463-го и 464-го пех. полков, лазареты, дезинф. отряд и дивизонный обоз.

Перевозки второй и третьей очередей.

II-й отряд.

Порт отправления: 2-й очереди—Гельсингфорс.
3-й » —Ревель.

Начальник отряда—капитан 2-го ранга Юрковский.

№ транспорта.	НАЗВАНИЕ ТРАНСПОРТА.	Предположено:								КОМЕНДАНТ.
		Офиц.	Нижн. ч.	Лошад. и скота.	Автомоб. орудий и повозок.	Офиц.	Нижн. ч.	Лошад. и скота.	Автомоб. орудий и повозок.	
54	Вассиан	10	450	—	4	—	450	—	—	Мичм. Павлов.
60	Толедо	5	200	93	22	з а	п а	с н	ы й.	Лейт. Котлецов.
25	Поллукс	10	350	30	15	з а	п а	с н	ы й.	Мичм. Телесницкий.
64	Бен Ломонд	15	1.000	136	20	Кома	ндиру	ется в	V отр.	» Крюгер.
29	Циммерман	14	200	185	34	14	200	185	34	Лейт. Ломанов.
3	Хектос	23	1.500	—	5	з а	п а	с н	ы й.	Мичм. Калакуцкий.
35	Дагмар	20	1.000	150	54	8	1.000	150	56	» Лукк.
14	Секрет	20	1.000	18	4	з а	п а	с н	ы й.	Подпор. Гарфельд.
34	Драгомиров	15	1.100	310	4	5	600	310	20	Лейт. Житков.
56	Люси	20	700	150	100	4	700	150	60	Мичм. Крупенский.
	Итого . . .	152	7.500	1.112	262	31	2.950	795	170	

	Вторая очередь.				Третья очередь.				
463 пехотн. полк, 464 пехотн. полк, 116-я артилл. дивизион	152	7.008	917	262	16	901	712	170	Батарея и парк дивизиона легкой артиллер. бригады сухопутн. фронта Морской крепости, 6 дм. тяжелая батарея и инженерн. дружина.

Перевозки второй и третьей очередей.

III-й отряд.
Порт отправления 2-й очереди—Р е в е л ь.
3-й » —К у й в а с т.

Начальник отряда—капитан 2-го ранга Д у д к и н.

№ трансп.	Название транспорта.	П р е д п о л о ж е н о								Комендант.
		Офиц.	Ниж. чин.	Лошад и скота.	Автомоб. орудий и повозок.	Офиц.	Ниж. чин.	Лошад. и скот.	Автомоб. орудий и повозок.	
	Ваза.		Д л	я	п р	о в	и з	и и		Мичм. Пасвик
	Гуррикане			З а	п а	с н	ы й			» Хохлов.
	Лембит.			Д л	я	с к	о т	а		» Филянович.
	Орион	25	250	49	18	З а	п а	с н	ы й	» Виноградов.
	Кодума.	6	825	—	60	6	825	—	60	» Чечот
	Норден.	3	250	91	10	2	700	91	10	Лейт. Черепанов
	Мартин.	10	700	125	47	10	625	125	47	Мичм. Хорошкин.
	Хера.	12	625	138	12	12	600	138	12	» Врангель.
	Бурлак.	3	600	89	65	3	200	89	65	» Биерклунд.
	Мин.	По о	конча	нии в в	ысадк IV-й	и 1-й отряд.	очеред	и пост	упает	» Томкевич.
	Итого	59	3.250	492	212	33	2.950	443	194	
	Две батареи легкой артиллерии бригады сухопутного фронта морской крепости, отд. телегр. рота, станция радиотелеграфа.	В т о р а я о ч е р е д ь.				Третья очередь.				Обозы и парк отдельной морской бригады.
		23	657	476	135	10	446	363	177	

Перевозки второй и третьей очередей.

IV-й отряд.
Порт отправления: 2-й очереди—Рига.
3-й » —Рига.

Начальник отряда—старший лейтенант Карпитский.

№ транспорта.	Название транспорта.	Предположено:								Комендант.
		Офиц.	Нижн. ч.	Лошадей и скота.	Автомоб. орудий и повозок.	Офиц.	Нижн. ч.	Лошадей и скота.	Автомоб. орудий и скота.	
27	Жулан	14	700	400	108	14	700	400	108	Ст. лейт. Карпитский.
66	Тинтерн-Аббей	5	400	102	10	5	100	102	20	Мичм. Бук.
30	Гр. Толстой	74	100	304	20	74	100	304	22	» Коженков.
63	Нева	5	500	167	10	5	100	167	29	Лейт. Вохин.
28	Елизавета	14	500	470	90	14	500	470	90	Мичм. Бродовский.
5	Кабельный	По окончании высадки 1-й очереди переходит в V-ый отряд.								» Нарбут
61	Мин	5	1400	209	100	5	100	209	180	» Томкевич.
62	Сальтбурн	5	900	150	20	5	100	150	100	Лейт. Подгоричани-Петрович.
	Итого . . .	122	4500	1802	358	122	1700	1802	549	

	Вторая очередь.				Третья очередь.				
4-я отдельная кавалерийская бригада без санитарного транспорта и мотоциклетной команды	68	1984	1771	105	28	1299	1539/177	549	Обозы 3-й стр. дивизии: 11-го и 12-го стр. полков, дивизионный обоз и парк 3-го стр. арт. дивизиона.

Перевозки второй и третьей очередей.

V-й отряд,
Порт отправления: 2-й очереди — Рига.
3-й » — Рига.

Начальник отряда—лейтенант Агафонов.

№ транспорта.	Название транспорта.	Предположено:								Комендант.
		Офиц.	Ниж. ч.	Лошад. и скота.	Автом., оруд. и повозок.	Офиц.	Ниж. ч.	Лошад. и скота.	Автом., орудий и повозок.	
37	Лиссабон	7	130	157	86	9	100	157	80	Прап. Кочин.
57	Вольта	6	600	36	27	8	900	36	65	Мичм. Азбелев.
33	Вера	за	пас	ны	й	за	пас	ны	й	» Клоссовский.
5	Кабельный	2	100	150	8	4	100	150	7	» Нарбут.
64	Бен-Ломонд	Только в 3-ю очередь.				8	600	136	30	» Крюгер.
	Итого	15	830	343	121	29	1000	479	182	
	Обоз 9-го стр. полка, мотоциклетная команда и санитарный транспорт 4-й отд. кавалер. бригады	Вторая очередь.				Третья очередь.				Обоз 10-го стр. полка, 22-й передовой питательный отряд и дивизионный лазарет.
		15	201	307	121	29	370	427	182	

Согласно первой из этих инструкций [1]) следовало входить в Моонзунд в светлое время дня 16-ти футовым фарватером. Обязательно идти на внешний Рогекюльский рейд (к W от Руке-Рака) и стать на якорь по указанию брандвахтенного судна. О времени предполагаемого прихода на Рогекюльский рейд, а если необходим лоцман у Штапельботенского буя, то и с просьбой об этом, обращаться к начальнику охраны водного района Моонзунда (кап. 1-го р. Лосев—Рогекюль) через службу связи, заблаговременно, перед выходом в Моонзунд. От начальника водного района следовало получить указания для похода и инструкцию. В случае неимения на борту ружей начальник охраны водного района должен был дать конвойную ружейную команду, если транспорт шел в Рижский залив. Пароходы с осадкою более 16 фут пользовались каналом. Получив приказание от начальника охраны—«следовать далее каналом», нужно было идти исключительно под проводкой лоцмана, в точности выполняя все его указания.

Получив приказание—следовать 16-ти футовым фарватером», в случае, если капитан не знал фарватера до Куйваста, он должен был просить лоцмана с брандвахты Рогекюля.

При подходе к Куйвасту транспорт, если следовал в Рижский залив, встречался конвоиром для проводки через заграждение (лоцман снимался); если же корабль оставался в Куйваste, то становился на якорь по указанию лоцмана в районе, лежащем к югу от параллели N-й вехи (веха на SO от Шильдауского бакана в $^3/_4$ мили); протяжение района на юг — 5 кабельтовых от вехи и к О от меридиана той же N-й вехи до меридиана О-й вехи; протяжение на О около 8 кабельтовых.

Распоряжением старшего на рейде или командира брандвахты Куйваст транспорт мог быть задержан временно в Куйваste.

Под проводкой конвоира или лоцмана от Куйваста транспорт шел в светлое время дня вдоль восточного берега пролива к банке Ларина, где стояла брандвахта (фарватер был обставлен добавочными вехами); лоцман снимался и корабль следовал по назначению, не заходя к W-у от меридиана маяка Руно.

Ночью, по особому разрешению, допускался проход вдоль W-го берега пролива до W-й вехи у гряды Тудиназва, а от вехи—самостоятельно.

---

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть II, стр. 175.

Вход в Усть-Двинск разрешался лишь в светлое время дня.

На $320^1/_2°$, от Усть-Двинского маяка, в $11^1/_2$ милях от него был поставлен входный буй, к которому надо было подойти и ждать лоцманское судно.

Лоцманское судно высылалось к бую Усть Двинским постом службы связи. Идя из Куйваста, транспорт не заботился извещением о времени подхода к бую, но, идя из другого пункта Рижского побережья, сообщал на ближайший пост службы связи о времени подхода к бую, для передачи Усть-Двинскому посту. Получив от лоцманского судна разрешение на вход, должно было следовать под его проводкой. Войдя в реку и миновав маяк, с брандвахты надо было принять лоцмана для проводки по реке до пристани.

Выход из Риги разрешался и ночью. Выходить можно было, имея через службу связи или внутреннюю брандвахту в Больдераа разрешение коменданта крепости. При входе зажигались маяк и створные огни.

Необходимо было, чтобы начальник охраны водного района Моонзунда был бы уведомлен, через службу связи, заблаговременно, перед выходом, о времени выхода, порте отправления и времени подхода к банке Ларина (если корабль идет в Моонзунд и засветло) или о времени подхода к W-й вехе, близ гряды Тудиназва (почти на параллели Ларина), если идет ночью. В этом случае надо было передать на Вердер: «зажечь маяки и створы в таком-то часу»; тогда в указанный час зажигались: маяк Кюбосар (белый проблесковый огонь; маяк находился на мысе Эзеля, на южной оконечности мыса, где кордон), Вердер, Патерностер и створы. Брандвахта Куйваста, которой служил бывший маяк Люзерорт, переходила со своего обычного места у маяка Вердер к 30-ти фут. рифу (шир. 58° 31,9′; долг. 23° 27,5′) и открывала белый постоянный огонь и штаговый. Люзерорт мог быть поставлен и у входного буя (место № 2; шир. 58° 23,8′; долг. 23° 27,8′), тогда он открывал свой штатный (Люзерортский) бело красный затмевающийся огонь. От места брандвахты № 1 (у 30-ти фут. рифа) на О от нее оставлен был небольшой проход, а далее по направлению на веху (у 30 фут. рифа к S-у от Вердера) протянут бон; у вехи также был небольшой проход. Приближенное направление бона 85°. Приняв у Ларина или у W-й вехи Тудиназва лоцмана, шли в Куйваст.

Далее, следуя распоряжениям начальника охраны водного района Моонзунда и приняв, если надо, из Куйваста лоц-

мана, нужно было идти на внешний Рогекюльский рейд (по каналу обязательно с лоцманом). В Роге-Кюле следовало получить от начальника охраны водного района в Моонзунде указания для дальнейшего пути, а, если надо, и лоцмана до Штапельботенского буя.

Если транспорт шел в Ревель, то начальник охраны водного района Моонзунда сам извещал начальника охраны водного района Ревеля о времени подхода корабля к меридиану Сурепа.

Вход на Ревельский рейд разрешался лишь засветло. Не переходя меридиан Верхнего Сурепа, следовало ждать лоцмейстерское судно.

Корабли, сидящие менее 12 фут, ожидали лоцмана у вех мыса Сурепа и шли прибрежным фарватером.

Если засветло было не поспеть, то нужно было идти в Балтийский порт, а утром по телефону просить охрану водного района Ревеля о высылке лоцмана к назначенному часу.

Плавание ночью в Финском заливе и Моонзунде производилось с отличительными огнями, в Рижском заливе—со всеми затушенными огнями.

В «Схеме движения флотилии транспортов особого назначения»[1]) указывалось, что предварительное сосредоточение транспортов должно было производиться в пунктах посадки. Суда следовали через Моонзунд, руководствуясь «правилами для плавания». Для судов, двигавшихся небольшими отрядами, местом якорной стоянки в южной части Моонзунда служил район у маяка Вердер к N-у от брандвахты. Места для 1-го отряда транспортов были назначены на IV и V створах. Плашкоуты, буксиры и т. п. ставились к N-у от них.

При движении в Рижском заливе, обычный путь из Моонзунда проходил под О-м берегом, где были поставлены добавочные вехи. У банки Ларина должен был стоять миноносец или тральщик. Ночью следовало пользоваться исключительно фарватером по W-ую сторону заграждения.

Мерою против гидропланов служила вооруженная винтовками команда, а иногда в охрану давался и миноносец.

При следовании в Ригу, курс прокладывался от банки Ларина на видимость Руно, для определения по нему. Далее брали курс на входной Усть-Двинский буй. Место буя—на $320^1/_2^\circ$ от Усть-Двинского маяка в $11^1/_2$ милях.

---

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть II, стр. 162.

Прямым фарватером можно было пользоваться лишь с осадкою не более 14 фут, вследствие заграждения; остальные суда должны были проводиться лоцманами особым фарватером (см. вышеприведенные «правила для плавания»).

При движении к месту высадки 1-й отряд с плавучими средствами должен был идти из Куйваста ходом в 4 узла, восточным проходом, с расчетом быть у места высадки в 2 часа ночи. У N-ой вехи Руно должен был стоять тральщик с открытым белым огнем кругового освещения [1]). В месте высадки должен был быть поставлен другой тральщик с белым огнем, открытым в NO-ую четверть. Оставив тральщика вправо, вплотную, кильватерная колонна 1-го отряда должна была вытягиваться на линии В Г[1]) (глубина около 17 сажен.) и, взяв интервал между кораблями 4 кабельтова, стать на якорь, начиная с концевого корабля, который отдавал якорь в 1 кабельтове от тральщика.

Для остальных плавучих средств место назначалось на NO от транспортов.

При подходе к месту высадки 1-ый отряд должен был застать миноносцы и другие боевые суда с отрядом Меликова уже стоящими на SW в $1^1/_2$ милях.

Для дальнейшего движения могли быть даны приказания двоякого рода: 1) если авангарду Меликова удалось бы занять берег, то 1-й отряд получал приказание высадить десант; снявшись с якоря, отряд должен был идти строем фронта в промежуток между стреляющими судами; этим курсом (прямо к берегу) отряд должен был идти до предельной глубины, где стать на якорь и высадить десант; 2) если бы берег занять не удалось, то отряд должен был получить приказание идти на линию ДЕ; обязанности головного отряда тогда переходили на морскую бригаду и 1-й отряд, придя на линию ДЕ, должен был высаживать свои войска, как головные; боевые суда, в этом случае, подходили для поддержки огнем.

II-й, III-й и IV-й отряды должны были выходить из Риги с рассчетом подойти к месту высадки в 3 часа ночи. Ход— 6 узлов. Курсы указывались с расчетом пройти вне видимости неприятельских постов. В месте высадки для этих отрядов должен был стоять еще тральщик (без огня), который указал бы концевому кораблю II-го отряда его место. Отряды должны были становиться на якорь в 3 колонны, по-отрядно,

[1]) См. схему № 5.

отдавая якоря с концевого (глубина около 20 саж.). В колоннах интервалы между кораблями—около 4 кабельтовых.

I-й отряд должен был охраняться от воздушных атак 2-й группой миноносцев 6-го дивизиона, а до наступления темноты и крейсерами «Адмирал-Макаров» и «Богатырь».

II-й, III-й и IV отряды предполагалось охранять 1-й группой миноносцев 6-го дивизиона, а до наступления темноты—«Славой», «Авророй» и «Дианой».

Суда, назначенные для охраны, даже в том случае, если бы командиры их были старше начальников отрядов транспортов, не должны были вмешиваться в распорядок флотилии транспортов. Их назначением было—только охрана от гидропланов и, в случае нужды, навигационная помощь. Только в случае особой важности старший морской начальник мог взять на себя общее командование и принять нужные меры.

Обратное движение пустых транспортов должно было производиться распоряжением начальника отряда транспортов, при чем предполагалось, что выделить охранные миноносцы, вероятно, не удастся. К тому же об'ектом для нападения в это время скорее всего должны были явиться суда—поддержка десанта. Ко времени прибытия в Моонзунд транспортов 2-й очереди предполагалось туда выслать охранные миноносцы.

Изложенные две инструкции определяли правила и порядок движения судов транспортной флотилии при сосредоточении их в порты отправления и при перевозке десантного отряда к пункту высадки. Но они совершенно не касались работы транспортов во время высадки и для этой последней цели был дан целый ряд специальных наставлений.

Для общей ориентировки командного состава транспортной флотилии ему был сообщен в сжатом виде «План высадки экспедиционного отряда»[1]).

В этом плане прежде всего указывался состав отряда экспедиции: латыши, спешенная конница, морская бригада с дивизионом легкой артиллерии, 3-я стрелковая дивизия с артиллерийским дивизионом, 116-я пехотная дивизия с артиллерийским дивизионом, инженерные войска, 6 дм. гаубичная батарея морской крепости императора Петра Великого и дивизион легкой артиллерии сухопутного фронта той же крепости[2]).

---

[1]) Состав отряда был приведен весьма в общих чертах и даже с пропуском такой крупной части, как 4-я отдельная кавалерийская бригада.

[2]) Дело Морискома № 8.078, ч. II, стр. 171.

Состав транспортной флотилии был указан только в подразделении на отряды с упоминанием, кто командует, а именно:

I-й отряд	капитан 1-го ранга	Кириллин
II-й »	» 2-го »	Юрковский
III-й »	» » »	Дудкин
IV-й »	старший лейтенант	Карпитский
V-й »	капитан 2-го ранга	Шишко.

В отношении порядка высадки говорилось, что весь отряд экспедиции высаживается в 3 или 4 очереди:

I-я очередь.

1) Головной отряд на боевых судах.
2) Морская бригада в I-м отряде.
3) 3-я стрелковая дивизия на II-м, III-м и IV-м отрядах.
4) Инженерные войска—на IV-м отряде.
5) База высадки—V-й отряд.

II-я очередь.

1) Штаб 116-й пех. дивизии, и 461-й 462-й полки со всеми обозами и перевязочный отряд—на I-м отряде.
2) 463-й и 464-й полки и 116-й артиллерийский дивизион—на II-м отряде.
3) Две батареи, отдельная телеграфная рота и станция радиотелеграфа—на III-м отряде.
4) Отдельная кавалерийская бригада без санитарного транспорта и мотоциклетной команды—на IV-м отряде.
5) Обоз 9-го стрелкового полка—на V-м отряде.

III-я очередь.

1) Остальные обозы 463-го и 464-го полков, лазареты, дезинфекционный отряд и дивизионный обоз—на I-м отряде.
2) Батарея и парк дивизиона легкой артиллерии сухопутного фронта, 6 дм. тяжелая батарея и инженерная дружина—на II-м отряде.
3) Обозы и парк морской бригады—на III-м отряде.
4) Обозы 11-го и 12-го стрелковых полков, дивизионный обоз 3-го стр. дивизии и парк 3-го стр. артилл. дивизиона—на IV-м отряде.
5) Обоз 10-го стр. полка, дивизионный лазарет 3-го стр. дивизии и 22-й передовой питательный отряд—на V-м отряде.

Развертывание транспортной флотилии должно было происходить по особой схеме, к выполнению которой начальники отрядов приступали по особому распоряжению. Особая схема и навигационная инструкция [1]) к ней были выданы всем начальникам.

В назначенное по схеме время корабли с головным отрядом должны были подойти к месту назначения, высадить два фланговых отряда в определенных пунктах и приступить к обстреливанию берега, заняв места по особой диспозиции. По сигналу командующего флотилией, I-й отряд, занявший свое первое якорное место по схеме, должен был приступить к спуску шлюпок моторной флотилии, посадить на них 1-й бросок и далее действовать согласно инструкции о высадке десанта I-го отряда. По окончании высадки эшелонов (без обоза) I-й отряд должен был уйти за линию обстреливающих кораблей и, не мешая им перейти к северу, оставаясь в видимости отдаленного сигнала на якоре. Там ему следовало ожидать своей очереди, перейти, по особому приказанию, в место, ближайшее к выгрузке обоза и артиллерии, для чего база высадки обязана была дать средства.

По окончании этой выгрузки I-й отряд идет в назначенное место сосредоточения 2-й очереди перевозки.

По схеме развертывания флотилии II-й, III-й и IV-й отряды с 3-й стрелковой дивизией должны были придти в назначенное место, где или стать на якорь, или удерживаться на месте на ходу впредь до получения приказания— «приступить к высадке». По этому приказанию назначенный отряд должен был идти к месту высадки, заменяя собою суда I-го отряда и стать на якорь в ближайшем расположении от берега. Суда I-го отряда должны были оставить вешки на своих якорных местах, затем судам II-го отряда следовало приступить к подготовке II-й очереди к посадке. Плашкоуты и другие плавучие средства должны были подводиться к транспортам начальником базы. К посадке следовало приступать немедленно, а вызов буксиров и плашкоутов делать особым сигналом.

Если боевые суда продолжали бы обстрел берега, то, прорезывая их линию при подходе к берегу на свою предельную глубину, коменданты транспортов должны были принять все меры, чтобы не мешать обстрелу, памятуя, что на 10 кабельтовых, даже в секторе их обстрела, опасаться попаданий не следует. По окончании выгрузки людей, транс-

[1]) Эти схема и инструкция приводятся ниже.

порты с неразгруженным обозом и артиллерией должны были перейти, не дожидаясь особого приказания, в тыл стреляющих судов и стать на якорь близ I-го отряда, где и ожидать распоряжения подойти к месту выгрузки обозов и артиллерии.

По этому плану должен был действовать и следующий отряд. IV отряду следовало ожидать особого приказания— идти к месту выгрузки и приступить к выгрузке обоза и артиллерии.

По окончании выгрузки I-й очереди, II-й, III-й и IV-й отряды, в порядке последовательности, должны были идти в порты посадки II-й очереди.

Согласно схеме сосредоточения, V-й отряд должен был двигаться совместно с I-м отрядом до о. Руно, идти в назначенный ему пункт К-И, где и удерживать свое место, ожидая распоряжений. Транспорты и плавучие средства базы высадки (самостоятельная группа V-го отряда) должны были следовать в расстоянии видимости сигнала с I-го отряда, не мешая ему однако маневрировать. При первой остановке саперную роту и морскую партию предполагалось перевести с транспортов на баржи с материалами базы, затем, по сигналу командующего флотилией, направить эти баржи к месту высадки, где их должны были встретить начальник базы и коменданты пристаней, от которых баржи и получали дальнейшие указания.

Транспорты с баржами II-й очереди должны были держаться соединенно с остальными судами V-го отряда и ждать дальнейших распоряжений.

По получении особого приказания, транспортам с инженерными войсками следовало идти к месту выгрузки и по получении барж и плавучих средств начинать выгрузку, по окончании которой идти в места назначения для погрузки II-й очереди войск.

Транспорты саперной роты и морской партии должны были по особому приказанию стать на месте у базы высадки, выгрузить, когда потребуется, обоз и грузы и ждать дальнейших распоряжений.

Вышеупомянутая «Инструкция для своза десанта с I-го отряда»[1]) требовала, чтобы I-й отряд, следуя движению своего головного корабля, выравнялся по линии В-Г (схема № 5) и стал на якорь, по сигналу начальника отряда, имея интервалы между судами около 4 кабельтовых; к этому времени десантные шлюпки должны были

[1]) Дело Морского № 8.078, ч. II, стр. 165. См. схему № 6.

изготовиться к спуску. По сигналу начальника отряда «начать высадку» десантные шлюпки спускались на воду с возможной быстротой и I-я очередь эшелона с полковыми врачами и санитарами садились в свои шлюпки. Заполненные шлюпки отваливали от борта и выстраивались в колонну мористее отряда, по линии транспортов, развернувшись носом к берегу. Каждая моторная шлюпка имела у себя на буксире гребную судовую шлюпку или десантный бот. Когда все десантные шлюпки отваливали от своего транспорта, последний поднимал свои позывные. Со спуском позывных на головном транспорте спускались позывные на всем отряде. Тогда вся колонна давала ход вперед и шла прямо к берегу, пока не притыкалась к мелкому месту. Тотчас же десант должен был выскакивать из шлюпок и быстро занимать берег. Освобожденные шлюпки немедленно возвращались к своим транспортам, но если видели, что нужно помочь высадке войск с плашкоутов, то подходили к ним и содействовали скорейшей высадке.

Движением десантной колонны к берегу руководил начальник базы и подчиненные ему коменданты высадок со своих моторных судов. Последние вооружались сигнальными мачтами и пулеметами. Десантную колонну сопровождали также теплоходы минного баталиона, тоже вооруженные пулеметами и футштоками. Теплоходы, равняясь в колонне со шлюпками, должны были оказывать аварийным шлюпкам содействие и открывать по берегу и видимому неприятелю огонь из пулеметов, по сигналу начальника базы, репетуемому его помощниками на своих моторах. Пулеметный огонь должен был прекращаться тотчас же со спуском сигнала начальника базы.

Моторные баркасы и теплоходы, дойдя до предельной глубины, стопорили машины и отпускали колонну вперед. По выходе людей на берег начальник базы и назначенные теплоходы должны были идти с промером к своим транспортам, обозначив условными вешками глубины: 4 фута—малой желтой вешкой с желтым флажком, 6 фут.—синей вешкой с синим флажком и 10 фут.—белой вешкой с белым флажком. Этими вешками следовало руководствоваться глубоко-сидящим буксирам при подходе их к берегу с плашкоутами.

I-й отряд, отпустив десантную колонну с первым броском на берег, снимался с якоря и шел нормально к берегу высадки, вновь становился на якорь на предельной глубине и в зависимости от своей осадки и состояния моря. При нормальных условиях следовало иметь 6 фут. под килем.

Став на якорь, надо было подвести к трапам плашкоуты и начинать посадку следующих очередей эшелона.

Для более безопасного и скорейшего подхода к берегу транспорты должны были посылать приписанный к ним буксир, снабженный большими панерными вешками и лотами с промером впереди себя. Указанную ему глубину для постановки на якорь он должен был отмечать одной белой большой панерной вешкой с белым флагом, а ближайшую опасную для транспорта глубину—одной красной большой панерной вешкой с красным флагом.

При движении судов I-го отряда к берегу на предельную глубину приходилось прорезать линию боевых кораблей (25 кабельтовых от берега), обстреливающих берег; при этом следовало помнить, что проходить в интервалах совершенно безопасно, но, следуя далее к берегу, не надо было входить в сектор огня каждого отдельного корабля на расстоянии ближе 10 кабельтовых.

Буксир, отметив якорное место своего транспорта большой белой вехой и поставив красную—предупреждающую, возвращался к нему и принимал груженные плашкоуты для буксировки их к берегу. Буксиры, дойдя до предельной своей глубины, должны были отдать буксирные концы и сейчас же идти за новыми плашкоутами к своему транспорту, а если этот последний уже свез весь эшелон, то идти к соседнему или другому транспорту на помощь им. Плашкоуты, имея старшину и команду из морских чинов, оставленные буксирами, должны были продолжать движение к берегу при помощи чинов десанта, пользуясь шестами, которыми были снабжены все плашкоуты. Приткнувшись на мелком месте у берега, плашкоуты должны были сбросить в воду сходни, а десант по ним быстро сойти на берег.

К семи транспортам I-го отряда были приписаны плашкоуты для раненных, отмеченные красным крестом на борту. При движении плашкоутов с эшелоном на берег, санитарный плашкоут принимал наравне с другими войска, но после выхода людей на берег, оставался с санитарным персоналом у берега и ни в коем случае не отбуксировывался вновь к транспортам для последущих посадок.

Остальные плашкоуты при помощи шестов и буксирных концов должны были выходить на глубину, позволяющую буксирным катерам их принять и доставить к очередным транспортам для следующих погрузок.

Всеми движениями плашкоутов и буксиров, наравне с моторными шлюпками, должен был руководить начальник

базы с момента их отваливания от борта и трапов. Все плавучие средства имели сигнал о бедствии и о вызове буксиров. Санитарные плашкоуты были снабжены мачтой с флагом красного креста и, как все, сигналом о вызове буксира. Место флагманского врача указывалось синим флагом с красным крестом. Всякий буксир, не занятый срочным делом, обязан был немедленно подойти к санитарному плашкоуту с ранеными и отбуксировать его к госпитальному судну.

Все буксиры и плашкоуты должны были оставаться у места высадки, не следуя движениям отрядов, к коим были приписаны. На всех плашкоутах морские команды должны были быть снабженными суточным запасом провизии и воды.

В «Инструкции начальнику базы» требовалось, чтобы все плавучие средства флотилии с их снабжением находились в ведении начальника базы высадки. Коменданты пунктов высадки, подчиненные начальнику базы высадки, по его усмотрению получали в свое непосредственное ведение отдельные части плавучих средств.

До начала операции плавучие средства сосредоточивались в Роге-Кюле. По схеме посадки войск и сосредоточения отрядов к пункту высадки плавучие средства распределялись между отрядами флотилии.

Все буксиры должны были быть укомплектованы одним моряком преимущественно унтер-офицерского звания; люди должны были быть толковые, так как они являлись посредниками и представителями военной силы на судах с вольнонаемной командой. Они требовали точного выполнения отданных буксирам распоряжений. На мелкосидящих буксирах (4—8 фут.) устанавливались пулеметы и при них полагался комендор.

Часть буксиров предназначалась к буксировке морем барж и плашкоутов; другая часть буксиров была приписана к транспортам I-го отряда и шла на буксире транспортов. Буксиры должны были иметь большие красные и белые панерные вешки, лоты и провизию на двое суток.

Теплоходы №№ 1—9 и моторные баркасы №№ 153—157 были приписаны каждый к своему транспорту I-го отряда на время перехода от места посадки до места высадки. Они снабжались пулеметами, футштоками, малыми вешками для малых глубин с белым, синим и желтым флагами, инструкцией и таблицей позывных и относящихся до них сигналов, пулеметными лентами, одним комендором и провизией на двое суток.

Теплоходы, снабженные телефонными принадлежностями для проводки кабеля между миноносцами и берегом для связи с разведчиками, получали особые инструкции от начальника минной дивизии.

Буксиры №№ 176—185 шли к месту высадки из Риги с II-м и III-м отрядами и по приходе к месту назначения поступали в ведение начальника базы.

Баржи №№ 276—290, груженые материалами базы, составляли особый отряд с транспортами «Балтония» и «Колывань» и пустыми баржами, предназначенными для выгрузки обоза; они буксировались транспортами «Вольта», «Лиссабон», «Вера», «Ваверлей», «Калева», «Обсидиан» и «Флоур».

К этим же транспортам были приданы лайбы и пароходы для затопления в голове пристаней. Все баржи должны были быть укомплектованы военной командой из морской партии; на каждой из них имелся футшток, якорь или верп, провизия на двое суток и сигнал «нужен спасательный пароход—терплю бедствие» (условный).

Плашкоуты №№ Ш I—Ш 34, открытые, остроносые, были приданы I-му отряду на время похода и шли у него на буксирах.

Плашкоуты №№ П 1—П 21, крытые—тупоносые (всего 20) и №№ К 1 — К 17, конские (всего 16) составляли особый караван и буксировались свободными буксирами или транспортами.

Плашкоуты №№ В 1—В 48, открытые—тупоносые (всего 45) оставались в резерве в Куйвасте или по особому распоряжению буксировались особо назначенными судами.

Каждый плашкоут должен был иметь:

1) 10—12 шестов, 2) две сходни с найтовными концами, 3) брагу для буксировки, 4) буксирные концы или шкентеля, 5) крытые перекидные мосты.

На борту каждого плашкоута наносился порядковый №, который служил для него и позывным.

Открытые остроносые плашкоуты были занумерованы литерой Ш и № от 1 до 34; например — Ш № 3; крытые тупоносые — литерой П от № 1 до № 21, напр. П № 7; открытые тупоносые конские—литерой К и №; напр. К № 10; открытые тупоносые — литерой В и №, напр. В № 45. Плашкоуты открытые для раненых, кроме порядкового №, имели на борту нарисованный красный крест на белом поле. Они снабжались шестом—мачтой для под'ема флага красного креста и сигналом о требовании буксира; кроме того, перед

посадкой десанта они снабжались от своих транспортов санитарною частью.

В распоряжение флагманского врача при подходе отряда к месту высадки назначался один буксир для подачи помощи на транспортах по требованию последних. Место нахождения флагманского врача обозначалось синим флагом с красным крестом.

Как только по занятии берега головным отрядом десанта выяснялась возможность высадки морской партии и саперных частей, начальник базы обязан был немедленно уведомить об этом командующего флотилией. Последний отдавал соответствующее распоряжение помощнику начальника V-го отряда. Одновременно с этим начальник базы намечал места, наиболее благоприятные для постройки пристаней, и отдавал соответствующие распоряжения комендантам пунктов высадки. Последние имели, вместо кормовых флагов минного баталиона, белые флаги с №№, соответствующими №№ пристаней.

Для руководства движением буксиров и плашкоутов один или более комендантов пунктов высадки, по указанию начальника базы высадки, не привлекался к постройке пристаней, а всецело ведал передвижением плавучих средств между берегом и транспортами.

По окончании постройки пристаней начальник базы должен был донести командующим флотилией для соответствующих распоряжений; при этом следовало указывать сколько пристаней готово и для каких назначений. Пристани для пехоты обозначались красным флагом, а для обоза — белым флагом, подымаемым на шесте - мачте в голове пристани. Для своза раненых пристань обозначалась белым флагом с красным крестом.

Все плашкоуты и моторные шлюпки, по мере прекращения ими рейсов, должны были идти в распоряжение начальника базы. До перехода в руки десанта надежной гавани на неприятельском берегу плашкоуты должны были становиться вдоль берега на мелких местах, задерживаясь на дреке или камнях, если таковыми будут снабжены, или надежно вытягиваются на берег. Команда плашкоутов должна была остаться на них ночевать и пользоваться для продовольствия консервами, выданными на каждый плашкоут.

Если выгрузка войск с плашкоутов оказалась бы затруднительной, вследствие их неудобоуправляемости, то начальник базы до постройки пристаней должен был стараться использовать крытые плашкоуты, устанавливая их в виде понтонного моста, последовательно один за другим на дреках-

камнях, а если бы потребовалось, то и заполняя их водою для большей устойчивости. Таких плашкоутов имелось 20, что давало возможность другим плашкоутам подходить на буксире, не пользуясь шестами. Понтонные плашкоуты соединялись перекидными мостами, которыми были снабжены.

Тотчас же по занятии войсками десанта ближайшей гавани или порта-убежища начальник базы обязан был перенести туда место выгрузки войск и обозов и принять все меры к скорейшему оборудованию новой базы, стремясь создать надежное убежище для всех мелких плавучих средств базы. Раньше перехода базы на новое место, водное пространство на подходе к нему должно было быть протралено и изучено особой разведочной партией, выделенной из состава морской партии и плавучих средств. Начальнику этой партии начальник базы обязан был дать заблаговременно инструкцию и снабдить всеми необходимыми средствами.

В случее перемены базы десантным отрядом флот должен был быть извещен без промедления.

Особая инструкция, под названием «Санитарная организация транспортной флотилии особого назначения»[1]) указывала, что все транспорты должны быть снабжены походными аптечками и необходимыми перевязочными материалами. При следовании транспорта с войсками каждый эшелон обслуживался сухопутным санитарным персоналом и снабжением.

На 1-ом отряде, кроме санитарной части морской бригады, помещался и санитарный отряд флотилии. Восемь транспортов были укомплектованы каждый одним зауряд-врачем, двумя санитарами и полным санитарным оборудованием одного плашкоута.

Каждый транспорт, в числе приписанных к нему плашкоутов, имел один предназначенный для раненых. На борту его имелся порядковый № плашкоута и красный крест на белом поле.

При посадке войск на плашкоуты санитарный плашкоут должен был принимать наравне с другими и войска, не считая санитарного персонала и снабжения.

После первого подхода к берегу санитарные плашкоуты поступали в заведывание зауряд-врачей. Санитарный персонал их должен был поднять флаг красного креста, развернуть перевязочный пункт и принимать раненых. Лишь по

[1]) Дело Морискома № 8.078, часть II, стр. 161.

заполнении плашкоута последними требовался буксир, памятуя, что этим вызовом отрывается буксир от работы по свозу на берег следующих войсковых частей.

Все санитарные средства флотилии поступали в ведение начальника базы высадки, при которых состоял врач штаба командующего флотилией.

В дальнейшем врачи флотилии, под начальством врача штаба, должны были организовать санитарный пункт базы, заведывать эвакуацией раненых и больных на госпитальные суда, пользуясь плавучими средствами и специальными пристанями для посадки раненых. Санитарные пункты со всем персоналом подчинялись непосредственно начальнику базы.

При посадке войск первого броска с 1-го отряда на моторные шлюпки должны были садиться назначенные врачи морской бригады с санитарным персоналом и снабжением. Они участвовали в первой высадке на берег, где оказывали первую помощь раненым, впредь до прибытия санитарных плашкоутов флотилии.

Один из зауряд-врачей, по указанию врача штаба флотилии, с необходимым санитарным снабжением, переходил при начале высадки на особо назначенный буксир. Суда флотилии, в случае нужды в медицинской помощи, должны были вызывать санитарный буксир позывными его порядкового нумера. При враче состоял сигнальщик.

На этом мы заканчиваем исследование хотя и не осуществленной, но, тем не менее, весьма поучительной «Смешанной операции в Рижском заливе в июне — августе 1916 г.»

Ее поучительность обусловливается: во-первых, теми причинами, вследствие которых она не могла быть осуществленной, во-вторых, тем, что она, представляя собою отдельный малый эпизод великой мировой войны, тем не менее отношением к себе различных представителей высшего командования дала характеристику и строгую оценку этому командованию, в-третьих, тем, что она пролила свет на истинные отношения нашего высшего сухопутного командования к флоту и, в-четвертых, тщательной разработкой всех подготовительных мероприятий, обеспечивавших исполнимость операции.

Выше нами уже указывалось, что рассмотренная операция не была приведена в исполнение, вследствие изменения обстановки на море. Это независимое, на

первый взгляд, от деятельности русского высшего командования явление, при ближайшем рассмотрении, оказывается вызванным к жизни его ошибочными взглядами и распоряжениями. Если бы это командование сразу поставило бы десантному отряду правильную задачу и дало бы ему отвечающий назначению состав, — благоприятный случай нанести германцам страшный, весьма чреватый последствиями удар, не был бы упущен.

Поставив в самом начале войны Балтийскому флоту задачу преградить врагу морские доступы к Петрограду, высшее командование как бы забыло о флоте и об условиях его работы и все свое внимание, повидимому, сосредоточило на более знакомом ему деле—на операциях на сухопутном театре военных действий.

Незнакомство с флотом породило недоверие к нему и к его командованию и игнорирование мнения последнего при постановке задач десантному отряду в рассмотренной нами операции.

Задачею оборонять морские доступы к Петрограду, поставленною Балтийскому флоту, уже определялось значение Або-Оландской шхерной и Моонзунской укрепленной позиций, при чем условия обороны последней в значительной степени зависели от того, кто являлся хозяином северной Курляндии вообще и, в частности, южного берега Ирбенского пролива.

Ненормальность условий обороны Ирбенского пролива чувствовалась каждым офицером флота, о ней неоднократно и настойчиво доносилось командованием флота в Ставку, но Ставка или не слышала, или не хотела слышать, или не понимала серьезности обстановки на Балтийском море.

Десантная операция на западном берегу Рижского залива была по сердцу флоту Балтийского моря, томившемуся тесными рамками своей деятельности, которые явились следствием потери нами северной Курляндии и ее баз.

Быстрый захват южного берега Ирбенского пролива нашим десантом давал возможность Балтийскому флоту превратить доступный для германского флота Рижский залив в недоступное внутреннее озеро, пользуясь которым, можно было наполнить северную Курляндию своими войсками, овладеть Виндавой и операциями в тыл сухопутному фронту германцев, веденными одновременно с наступлением армий Северного фронта, заставить немцев не только отойти от Двины, но, быть может, уйти и за Неман.

Такие перспективы, передавая в руки не только Виндаву, но и Либаву, открывали Балтийскому флоту вновь возможность работать в открытом Балтийском море и у берегов Германии. Но десантная операция в том виде, в каком она была приказана, могла быть смертельной для флота, а с гибелью последнего открывались врагу и морские пути на Петроград.

Флот отлично понимал, что десантная операция требует решительного боя в Ирбенском проливе, боя «до последней капли крови», как выражался Кедров в своем рапорте Канину, а бой этот без предварительного захвата южного берега Ирбенского пролива не имел почти никаких шансов на успех.

Все это создавало до некоторой степени недоброжелательное отношение флота к десантной операции, которое не могло быть неизвестным верховному командованию. Связь Ставки с Балтийским флотом поддерживалась не только оффициальными сношениями по телефону, но и личными беседами командующего флотом и чинов его штаба с приезжавшими в Ревель или Гельсингфорс из Могилева. Из этих разговоров Ставка могла составить себе представление о том отношении, какое сложилось во флоте к задуманной десантной операции. И тем не менее Ставка из упрямства закрывала на это глаза!

Какое же после этого могло быть доверие командного состава флота к сухопутному командованию вообще и к высшему в особенности? Это недоверие проскальзывает во многих оффициальных документах и в особенности ярко выразилось в письме Канина Русину от 11-го июля 1916 г. Флот чувствовал, что высшее сухопутное командование мало думает об его (флота) интересах и даже больше—мало заботится о судьбе самого флота, если посылает его заведомо «на убой» без достаточных к тому причин.

Этого не случилось, быть может, только потому, что у командующего флотом Балтийского моря хватило гражданского мужества в последнюю минуту категорически отказаться от производства десантной операции. Такая твердость делает честь адмиралу Канину, но этим самым вносит еще новую черту в характеристику высшего сухопутного командования, указывая еще более уже обнаружившуюся нетвердость последнего в принятых им решениях.

Действительно, такие колебания наверху мы видели несколько раз даже в период подготовки рассмотренной нами операции. Задумав высадку 6—8 батальонов морской бри-

гады, Алексеев не возражает против проекта Канина высадить 24 баталиона, 13 сотен и 54 орудия, не считая частей вспомогательного назначения, т.-е. соглашается на широкое развитие десантной операции в связи с наступлением 12-й армии. Но стоило лишь главнокомандующему армиями Северного фронта заявить о том, что он не признает возможным оказать серьезное содействие десанту, как Алексеев, понимая под этим содействием наступление 12-й армии на Туккум, готов уже или совсем отказаться от производства десанта, или придать операции «местное» значение. И что же мы видим? Моряк—адмирал Канин, во-первых, убеждает начальника штаба верховного главнокомандующего не отказываться от задуманной операции, обещающей большие выгоды, во-вторых, указывает ему же, что придание операции «местного» значения сделает последнюю не только бесполезною, но даже вредною и, в третьих, обращает внимание Алексеева на то, что он, Канин, вовсе не просит содействия 12-й армии в виде наступления обязательно на Туккум, но просит наступления в любом направлении, лишь бы это наступление велось настойчиво, энергично и большими силами. Странным кажется, что такие простые советы по сухопутной части подает адмирал и кому же — начальнику штаба верховного главнокомандующего! Но это обстоятельство наведет нас на еще большие размышления, если мы вдумаемся в характер всех предложений Канина.

Если мы припомним последовательно все предложения командующего флотом Балтийского моря, сделанные им Алексееву в развитие указаний последнего, то мы невольно заметим, что все эти предложения отличаются важностью целей и широтою размаха в исполнении по сравнению с заданиями, ставившимися Алексеевым, и с теми средствами, при помощи которых он хотел разрешить эти задания.

Попробуем проследить это поближе.

Верховный главнокомандующий ставит армиям Северного фронта крупную цель — заставить германцев отойти от Западной Двины [1]). К достижению этой крупной цели Алексеев стремится мелкими средствами: 1) он соглашается на предложение Куропаткина произвести прорыв в направлении на Балдон, который едва ли мог привести к намеченной верховным главнокомандующим цели и

[1]) То, что эта цель была поставлена самим верховным главнокомандующим, доказывается телеграммою Алексеева от 23-го июня за № 3.343.

2) для облегчения производства этого прорыва он предлагает Канину сделать демонстрацию высадки или самую высадку 6-8 батальонов на западном побережьи Рижского залива. На это последнее указание Канин сразу отвечает предложением: а) захватить всю северную Курляндию [1]) и б) для этой цели высадить не 6-8, а 24 батальона, 13 эскадронов и сотен и 54 орудия.

Далее, под содействием, которое войска 12-й армии могут оказать десанту, Алексеев понимает наступление в направлении на Туккум, а Канин отвечает ему, что наступление может вестись в любом направлении, но должно быть энергичным, продолжительным и настойчивым.

Наконец, изверившись в успехе лобового удара 12-й армии, Алексеев решает перенести центр тяжести операции на действия десанта, но, усумнившись в пригодности его войск для столь ответственной задачи, предлагает усилить десант дивизией, в крайности, бригадой полевых войск. Канин же, узнав об этой новой задаче десанта, прямо ходатайствует о назначении в его состав целиком XIX-го армейского корпуса, об'ясняя все выгоды такого решения.

На это предложение Канина Алексеев ответил молчанием, потому что против логических доводов командующего флотом Балтийского моря возразить было нечего, но и не принял этого предложения, ибо против него говорила вся натура Алексеева, неизменно стремившаяся к достижению целей дешевыми средствами.

В выявлении этой внутренней работы верховного командования сосредоточивается главный интерес рассмотренной нами неосуществленной операции. Глубокое исследование других операций на сухопутных фронтах и на море, несомненно, подтвердит то, что в мировую войну успех достигался, в большинстве случаев, не тогда, когда верховное командование посылало вперед частного начальника, а когда последний настойчиво вырывал соответствующее повеление от верховного командования. Этим, главным образом, мы и можем об'яснить целый ряд «упущенных благоприятных случаев» нанести врагу тяжелые удары, к числу которых относится и десантная операция в Рижском заливе, подготовлявшаяся летом 1916 года.

Н. А. Данилов.

---

[1]) Эта идея сквозит уже в самых первых соображениях Канина, изложенных в его телеграмме от 26-го июня 1916 г. № 1,030/оп.

Приложение № 1.

Сведения о нахождении судов на рейдах, в гаванях портов и постов, и на якорных стоянках Балтийского моря.

22-го июня 1916 г.
№ 933
Гельсингфорс.

Командующий флотом Балтийского моря, адмирал Канин	на «Кречете».
Начальник Штаба командующего флотом Балтийского моря, контр-адмирал Григоров.	на «Кречете».
Посыльное судно «Кречет»	Гельсингфорс.
I-я бригада линейных кораблей:	
линейн. кор. «Петропавловск» . . .	
» » «Севастополь»	
» » «Гангут»	
» » «Полтава»	
II-я бригада линейных кораблей:	
линейн. кор «Андрей Первозванный»	
» » «Имп. Павел I» . . .	
» » «Цесаревич»	
» » «Слава»	Шильдау.

Крейсера.

I-я бригада:			
брон. крейсер	«Рюрик»	Гельсингфорс.	
» »	«Адмир. Макаров» . .	Ревель.	
» »	«Баян»		
» »	«Олег»		
» »	«Богатырь»		
II-я бригада:			
брон. крейсер	«Громобой».	Кронштадт.	
» »	«Россия»	Гельсингфорс.	

брон. крейсер	«Аврора»	Биоркэ.
» »	«Диана»	Гельсингфорс.

Минная дивизия.

I-й дивизион:

эскад. минон.	«Победитель»	Ревель.
» »	«Забияка»	Гельсингфорс.
» »	«Орфей»	Ревель.
» »	«Гром»	

II-й дивизион:

эскадр. минон.	«Капитан Изыльметьев»	Гельсингфорс.
» »	«Летун»	Кронштадт.

IV-й дивизион:

эскадр. минон.	«Сибирский Стрелок» .	Куйваст.
» »	«Генерал Кондратенко»	
» »	«Охотник»	Гельсингфорс.
» »	«Пограничник» . . .	

V-й дивизион:

эскадр. минон.	«Эмир Бухарский» .	Куйваст.
» »	«Финн»	Рогекюль.
» »	«Москвитянин» . .	Куйваст.
» »	«Доброволец» . . .	21/VI ушел от Куйваста на «S».
» »	«Всадник»	6/VI ушел от Усть - Двинска на «SW»
» »	«Гайдамак»	
» »	«Амурец»	Куйваст.
» »	«Уссуриец» . . .	

VI-й дивизион:

эскадр минон.	«Ставропольский» .	Ревель.
» »	«Казанец»	Куйваст.
» »	«Стерегущий» . .	Церель.
» »	«Страшный» . . .	
» »	«Донской Казак» .	
» »	«Забайкалец» . . .	
» »	«Украйна»	21/VI ушел от Куйваста на «S».
» »	«Войсковой» . . .	Куйваст.

IX-й дивизион:

эскадр. минон.	«Стройный»	Гельсингфорс.
» »	«Сторожевой»	
» »	«Сильный»	
» »	«Разящий»	
» »	«Дельный»	Моон.
» »	«Деятельный»	Рогекюль.
» »	«Достойный»	
» »	«Расторопный»	Гельсингфорс.
» »	«Видный»	Рогекюль.
» »	«Громящий»	Гельсингфорс.

Вспомогательные суда при минной дивизии.

транспорт	«Ангара»	Ревель.
»	«Кама»	Моон.
»	«Лахта»	Ревель.
»	«Борго»	
»	«Печора»	Куйваст.
»	«Ока»	Рогелюль.
»	«Сухона»	
»	«Либава»	Кронштадт.
»	«Водолей № 1»	Кертель.
»	«Водолей № 2»	Рогекюль.
госпит. судно	«Лава»	
теплоход	«№ 2»	
катер	«Илим»	

Дивизия подводных лодок.

1-й дивизион:

подв. лодка	«Барс»	22/VI прошла В. Даго на Ost.
» »	«Вепрь»	Ревель.
» »	«Гепард»	
» »	«Волк»	Орхинегрунд.
» »	«Единорог»	Петроград.
» »	«Змея»	

II-й дивизион:

подв. лодка	«Тигр»	16/VI прошла Н. Даго на W.

подв. лодка	«Львица»	Ревель.
» »	«Пантера»	
» »	«Кугуар»	

V-й дивизион:

подв. лодка	«Белуга»	Ревель.
» »	«Пескарь»	Або.
» »	«Стерлядь»	
» »	«Щука»	Ревель.
» »	«Дракон»	Мариехамн.
» »	«Крокодил»	Або.
» »	«Кайман»	Ревель.
» »	«Аллигатор»	Або.

VI-й дивизион:

подв. лодка	«Макрель»	Ревель.
» »	«Окунь»	
» »	«Минога»	Рогекюль.
» »	«Граф Шереметьев»	6/VI ушли в море.
» »	«Касатка»	

Дивизион подводных лодок особого назначения:

подв. лодка	№ 1-й	Петроград.
» »	№ 2-й	

Вспомогательные суда при минной дивизии:

Транспорты (базы):

«Европа»	Ревель.
«Тосно»	Рогекюль.
«Хабаровск»	
«Оланд»	Або.
«Святитель Николай»	Мариехамн.
«Волхов»	Ревель.
посыльное судно «Беркут»	Ревель.
» » «Конвоир»	Або.
» » «Перископ»	
» » «Спутник»	Рогекюль.
» » «Охранный»	Або.

Флотилия английских подводных лодок.

подводн. лодка Е—1	Ревель.
» » Е—8	
» » Е—9	
» » Е—19	
Вспомогательн. судно при флотилии — транспорт «Двина»	

Отряд судов Або-Оландской шхерной позиции.

VII-й дивизион эскадр. миноносцев.

эскадр. мин. «Выносливый»	Гельсингфорс.
» » «Внимательный»	
» » «Инж. механик Дмитриев»	Або.
» » «Инж. механик Зверев»	
« » «Бдительный»	скрылись от Люпертэ на NW.
» » «Внушительный»	
» » «Бурный»	Або.
» » «Боевой»	Эрэ.

Канонерские лодки:

«Храбрый»	Рижский залив.
«Грозящий»	Рогекюль.
«Хивинец»	Люпертэ.
«Бобр»	Або.
«Гиляк»	Кронштадт.
Заградитель «Ильмен»	22/VI прошел южнее Гогланда на Ost.
Блокшив № 3	Або.

Вспомогательные суда при отряде:

Посыльн. судно «Роксана»	Або.
» » «Ствол»	22/VI ушло от Утэ на N.
» » «Дуло»	Або.
» » № 128	
» » № 129	

Транспорт «Кивима»	Боксе.
» «Кимито»	Дегербю.
» «Мезень»	Або.
Теплоход № 3	21/VI прошел Юнгфрузунд на
» № 4	SO. Ледзунд.
» № 7	
Сторож. катер «Шашка»	Або.
» » «Палаш»	
» » «Пистолет»	
» » «Цапфа»	
» » «Тумба»	
» » «Пуля»	

Минная оборона.

Дивизия сторожевых судов.

I-й дивизион:

Посыльн. судно «Чайка»	Гельсингфорс.
» » «Посадник»	
» » «Ястреб»	
» » «Кончик»	
» » «Коршун»	
Транспорт «Ледокол № 2»	21/VI ушел от Ганге на SO.
Ледокол «Владимир»	Рогекюль.

II-й дивизион:

Посыльн. судно «Барсук»	Гангэ.
» » «Выдра»	Стурмер.
» » «Куница»	Гангэ.
» » «Соболь»	
» » «Горностай»	
» » «Хорек»	
» » «Ласка»	

III-й дивизион:

Тральщик «Китобой»	Гангэ.
» «Невод»	
» «Намет»	
» «Гарпун»	
» «Якорь»	

IV-й дивизион:

Эскад. минон.	«Молодецкий»	Гангэ.
» »	«Крепкий»	
» »	«Легкий»	
» »	«Меткий»	
эскад. минон.	«Мощный»	Гельсингфорс
» »	«Ловкий»	
» »	«Искусный»	
» »	«Лихой»	

Вспомогательные суда при дивизии:

заградитель	«Ловать»	Ганге
»	«Вытегра»	

Отряд заградителей:

Заградитель	«Нарова»	Гельсингфорс
»	«Амур»	Лапвик
«	«Волга»	Рогекюль
»	«Урал»	Ревель
»	«Свирь»	Гельсингфорс
»	«Молога»	Ганге
»	«Шексна»	
»	«Мста»	Гельсингфорс
»	«Лена»	
»	«Демосфен»	

Вспомогательные суда при отряде:

Блокшив № 2	Гельсингфорс
» № 4	Рогекюль
» № 9	Гельсингфорс
Баржа № 44	Ганге
» № 49	Гельсингфорс
Теплоход № 1	
» № 8	Рогекюль

Дивизия траления.

1-й отряд тралящих судов.

I-й дивизион тральщиков:

Посыльн. судно	№ 212	Або
» »	№ 213	

Посыльн. судно	№ 214	Гельсингфорс
»	№ 215	Лапвик
»	№ 216	Гельсингфорс
»	№ 217	
»	№ 218	
»	№ 219	
»	№ 220	
»	№ 222	

II-й дивизион тральщиков:

Миноносец	«Прыткий»	Або
»	«Прочный»	Гельсингфорс
»	«Подвижный»	Або
»	«Послушный»	
»	«Прозорливый»	Гельсингфорс
»	«Ретивый»	Або
»	«Резвый»	
»	«Рьяный»	Гельсингфорс

III-й дивизион тральщиков:

тральщик	«Фугас»	Эрэ
»	«Запал»	
»	«Минреп»	
»	«Капсюль»	Гельсингфорс
»	«Груз»	
»	«Щит»	

IV-й дивизион тральщиков:

Тральщик	№ 18	Гельсингфорс
»	№ 19	
»	№ 22	
»	«Планета»	
»	«Комета»	Лапвик
»	«Чека»	Гельсингфорс
»	№ 103	

II-й отряд тралящих судов.

V-й дивизион тральщиков:

тральщик	№ 2	Балтийский порт
»	№ 3	Церель
»	№ 4	Усть-Двинск

тральщик № 11	Рогекюль
» № 23	

VI-й дивизион тральщиков:

тральщик № 7	Або
» № 8	Ганге
» № 9	Або
» № 10	Балтийский порт
» № 12	Церель

VII дивизион тральщиков:

тральщик № 14	Ревель
» № 15	Эрэ
» № 16	Гельсингфорс
» № 17	Эрэ

VIII-й дивизион тральщиков:

тральщик «Искра»	Ганге
» «Пламя»	
» «Патрон»	
» «Илья Муромец»	Петроград
» «Алеша Попович»	
» «Поток Богатырь»	
» «Микула»	
» «Добрыня»	
« «Святогор»	

Вспомогательные суда при дивизии:

транспорт «Фата»	Гельсингфорс
» «Проводник»	Балтийский порт
госпит. судно	Гельсингфорс
теплоход № 6	
» № 9	Лапвик

Служба связи.

Посыльн. судно «Лейтенант Бураков»	Ревель
» » «Поражающий»	22/VI ушло от Куйваста на N
» » № 104	Або
» » № 119	Гельсингфорс
» » № 120	О. Гогланд

Учебное судно «Орлица»	Куйваст
Транспорт «Самоед»	Ревель
Портовое судно «Скатуден» . . .	22/VI ушло от Дегербю на SW
» » «Силач»	Гельсингфорс
Посыльное судно «Невка» . . .	Ревель
Катер «Авиация»	
Посыльн. судно «Гельсингфорс»	

Учебно-артиллерийский отряд.

Учебное судно «Имп. Александр II»	Биоркэ
» » «Имп. Петр Великий»	

Учебно-минный отряд.

Учебное судно «Николаев»	Кронштадт
» » «Азия»	
» » «Рында»	
Транспорт «Ораниенбаум»	
» «Дюна»	
» «Константин»	
Теплоход № 5	

Водолазная партия.

Учебное судно «Африка	Кронштадт
» » «Океан»	
Посыльное судно «Ласточка»	Кронштадт
Газолин. миноноска № 1	
Вспомогательные суда:	
Портовое судно «Николай»	
» » «Буксир»	
» » «Михаил»	
» » «Работник»	
» » «Котка»	

Отряд транспортов.

Транспорты (угольные):	
«Аз»	Моон
«Буки»	Гельсингфорс
«Веди»	
«Глаголь	21/VI прошел Нарген на NO

«Добро»	Люпертэ
«Есть»	Кронштадт
«Живете»	Куйваст
«Земля»	Гельсингфорс
«Иже»	Кронштадт
«Како»	Гельсингфорс
«Люди»	Куйваст
«Мыслете»	Усть-Двинск
«Наш»	Рогекюль
«Он»	Рогекюль
«Покой»	Гельсингфорс
«Рцы»	Або
«Слово»	Ревель
«Твердо»	Гельсингфорс
«У»	Кронштатд
Транспорт «Анадырь»	Гельсингфорс
» «Рига»	Гельсингфорс
» «Снаряд»	Гельсингфорс
» «В. К. Александр Михайлович»	Гельсингфорс
» «Михаил»	Ревель
» «Татьяна»	Гельсингфорс
» «Тамара»	Петроград
» «Волга»	Рогекюль
» N	Гельсингфорс
» «Аргунь»	Кронштадт
» «Митава»	Гельсингфорс
» «Руль»	Ревель
» «Алфавит»	Гельсингфорс
» «Альфа»	Моон
» «Ц» 22/VI ушел из Гельсингфорса на SW	
» «Люси»	Кронштадт

Охрана водного района Свеаборгской крепости.

Посыльн. судно «Славный»	Гельсингфорс.
» » «Кронштадт»	Гельсингфорс.
» » № 142	Гельсингфорс.
Транспорт «Охранный»	Гельсингфорс.
Портовое судно «Стокфорс»	Гельсингфорс.
» » «Ирс»	Гельсингфорс.
» » «Брокер»	Гельсингфорс.
» » «Секрет»	Гельсингфорс.

»	«Войма»	Гельсингфорс
»	«Ловиза»	
»	«Ассистент»	
Брандвахта	«Эрансгрунд»	
»	«Ахкера»	
»	«Виола»	
»	«Моряк»	
»	«Забава»	
Ледокол	»	
»	«Торнео»	
Сторожевой катер	№	

Охрана водного района крепости Императора Петра Великого.

Посыльн. судно	«Абрек»	Ревель
»	«Кондор»	
Портовое судно	«Виндава»	
»	«Молодец»	
»	N	Рогекюль
»	«Могучий»	Кронштадт
»	N	Ревель
»	«Ловиза»	
»	«Котка»	
»	«Алиса»	
»	N	
»	N	
»	«Идумея»	
»	«Лоц Командир Юргенсон»	Моон
»	«Иван Воложбенский»	Ревель
»	«Цецилия»	
»	«Геркулес № 2»	Рогекюль
Посыльн. судно	«Озилия»	Ревель.
»	«Баржа Р. С. О. № 1»	
Брандвахта	«Преграда»	
Плавучий маяк	«Ревельштейнский»	
»	«Либавский»	
»	«Кальбаденгрундский»	
Ледокол	«Ермак»	
»	«Царь Михаил Федорович»	Кронштадт.
»	«Город Ревель»	
»	«Геркулес № 1»	Рогекюль.

Охрана водного района Кронштадтской крепости.

Транспорт «Имп. Николай II»	Кронштадт.
» «Константин»	
» «Дюна»	
» «Эрос»	
« «Усть-Нарова»	
Портовое судно «Ижора»	
» » «Помощник»	
» » «Котлин № 2.	
Госпит. судно «Ариадна»	Гельсингфорс.

Лоция Балтийского моря.

Транспорт «Артельщик»	Кронштадт.
» «Компас»	Рогекюль.
» «Секстан»	Ревель.
» «Лот»	Рогекюль.
» «Бригитовка»	Рогекюль.
« «Сирена»	Ревель.
» «Красная Горка»	Кронштадт.

Суда гидрографической экспедиции.

Транспорт «Описной»	Гангэ.
» «Промерный»	Рогекюль.
» «Алидада»	Поркалауд.

Гидрографический отряд особого назначения.

Портовое судно «Славянка» 22/VI	прошло Юссаре на Ost.
Портовое судно «Мина» 21/VI	ушло из Гангэ на W.
» » «Буря»	Гельсингфорс.
» » «Посыльный»	Гангэ.
» » «Трал»	Або.
Транспорт «Азимут»	Лапвик.
Посыльн. судно «Орел»	Гельсингфорс.
» » «Страж»	

Суда лоцманского и маячного ведомства Финляндии.

Яхта «Элекен»	Або.
Ледокол «Муртая»	Гельсингфорс.

Пароход	«Курс»	Барезунд.
»	«Секстан»	Ледзунд.
»	«Юпитер»	Гельсингфорс.
»	«Оланд»	Або.
»	«Трал» 21/VI. ушел из Або на SW.	
»	«Вильманстранд»	Або.
»	«Валвоя»	

Суда таможенного ведомства Финляндии.

Пароход	«Аура»	Або.
»	«Суоме»	
»	«Викинген	
»	«Н	Николайштадт.
»	«М	Гельсингфорс.
»	«В	
»	«Б	Або.
»	«Фалькен»	
»	«Веста»	
»	«Эккере»	

Яхты:

«Штандарт»	Петроград.
«Полярная звезда»	
«Александрия»	
«Царевна»	
«Зарница»	
Посыльн. судно «Дозорный»	
» » «Разведчик»	
Яхта «Нева»	
» «Стрела»	

Суда приморского фронта крепости Петра Великого.

Пароход	«Трувор»	Ревель.
»	«Колывань»	
»	«Грузовой»	Гангэ.
»	«Бурлак»	Ревель.
»	«Кабельный»	
»	«Приемыш».	Гельсингфорс.
»	«А	Ревель.
»	«Добрыня»	

Пароход	«Матрос»	Гапсаль.
»	«Солдат»	Гангэ.
»	«Крепыш»	Ревель.
»	«Комендор»	
»	«Гальванер»	Ревель.
»	«Шхерный»	Гангэ.
»	«Владимир»	Гельсингфорс.
»	»Рейн»	Ревель.
»	«Нормань»	
»	«Москито»	Шильдау.
»	«Мейбат»	Гапсаль.
Баржа	«Паргас»	
»	«Онни»	
Пароход	«Лембит»	Ревель.
»	«Линель»	
»	«Кодума»	

Суда в распоряжении командира Порта императора Петра Великого.

Пароход	«Эрви»	Барезунд.
Портовое судно	«Нарген»	Ревель.
» »	«Суроп»	
» »	«Либава»	
» »	«К	Гельсингфорс.
» »	«Тока»	Ревель.
Плавучие маяки:	«Некмангрунд»	Ревель.
» »	«Сарычев»	
» »	«С	
» »	«Люзерортский»	
Транспорт	«Кокшер»	Ревель.
»	«Гагара»	Дегербю.
»	«Готланд»	Гельсингфорс.
Пароход	«Аванс»	Або.
»	«Астрея»	Гельсингфорс.
»	«Балтик»	Кронштадт.
»	«Боре I»	Або.
»	«Конкордия»	Ревель.
»	«Эгир»	
»	«Капелла»	Кронштадт.
»	«Орион»	
»	«Тор»	Ревель.

Приложение II.

Сведения о боевом составе и квартирное расписание частей войск, подчиненных командующему флотом Балтийского моря.

К 1-му июля 1916 г.

I. Морская крепость императора Петра Великого.

а) Приморский фронт.

Управление Приморского фронта, хозяйственные и санитарные части Приморского фронта, артиллерийский склад, канцелярия, нестроевая рота и артиллерийская мастерская артиллерийского склада Приморского фронта . .	г. Ревель.
Управление, 1-я, 2-я, 3-я, и 4-я роты и учебная команда 1-го отдельного баталиона	о. Нарген.
Управление 2-го отдельного баталиона	г. Гапсаль.
1-я рота 2-го отдельного баталиона . .	о. Вормс.
2-я, 3-я и 4-я роты 2 отдельного баталиона	о. Даго.
Управление, 1-я, 2-я, 3-я и 4-я роты и катера № 3 и «Рассыльный» 3-го отдельного баталиона . . .	г. Ревель и район морской крепости.
Управление и 1-я рота 4-го отдельн. баталиона	г. Ревель.
4-я рота 4-го отдельн. баталиона . .	о. Макилотто.
Управление, 1-я и 2-я роты 5-го отдельного баталиона	о. Руссаре.
Управление, 1-я и 3-я роты 6-го отдельного баталиона	о. Моон.
2-я рота 6-го отдельного баталиона .	полуостр. Вердер.

б) Артиллерия сухопутного фронта.

Управление начальника артиллерии, управление командира крепостной артилл. бригады и команда писарей.	г. Ревель.
Управление артиллер. склада, команды: писарей, нестроевая, мастеровых и лабораторная, лазарет, два гаража, электротехническая рота, три артиллерийских мастерских и ветеринарный лазарет артиллерийского склада . .	
Управление полевой артилл. бригады и команды: писарей и управления бригады	
1-я, 2-я и 3-я батареи полевой бригады	Район морск. крепости.
4-я и 5-я батареи полевой бригады .	о. Оланд.
6-я батарея полевой бригады . . .	Балтийский порт.
1-й парк полевой бригады	Район морск. крепости.

1-й полк артиллерии.

Штаб полка, команды: писарей и хлебопеков, гараж и конный двор полка, полковая гауптвахта, 1-я, 2-я, 4-я, 5-я, 6-я, и 8-я роты полка и 1-я, 2-я, 3-я и 4-я роты Брест-Литовской крепостной артиллерии.	г. Ревель и район морской крепости.

2-й полк артиллерии.

Штаб полка, команды: писарей, музыкантская и шоферов, конный двор и приемный покой полка, 1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 5-я, 6-я и 7-я роты полка и 5-я, 6-, 7-я и 8-я роты 2-го баталиона Оссовецкой крепостной артиллерии.	г. Ревель и район морской крепости.

8-я рота 2-го полка артиллерии сухопутного фронта	Моонзундская позиция.
3-й полк артиллерии.	
Штаб полка, 1-я, 2-я,, 3-я, 5-я, 6-я 7-я и 8 роты полка, околодок, приемный покой полка. . . .	Район морской крепости.
9-я, 10-я, 11-я и 12-я роты 3-го батальона запасного артиллерийского полка и 2-я рота Карской крепостной артиллерии. . . .	Район морской крепости.
4-я рота 3-го полка артиллерии сухопутного фронта	Командировка на Северный фронт.

в) Инженерные войска морской крепости.

Инженерное управление и склад инженерного имущества.

1-я крепостная саперная рота.	
Штаб роты, мастерские и помещения для хозяйственных надобностей, лазарет, конюшня, помещения офицеров и молодых солдат, 1-й, 2-й, 3-й и 4-й взводы . .	Район морской крепости.
Крепостная воздухоплавательная рота.	
Три наблюдательные станции, 1-й, 2-й, 3-й и 4-й взводы, обозная команда и сараи, склад хирургических материалов и газодобывательн. завод.	
Штаб, команда нижних чинов, склад и гаражи крепостного авиационного отряда	Район морск. крепости.
Крепостные: автомобильная и железнодорожные роты	Район морск. крепости.
Штаб, казармы и конюшни крепостной телеграфной роты . . .	

Штаб, нестроевая команда, околодок, 1-й, 2-й, 3-й и 4-й рабочие взводы Ковенской крепостной военно-телеграфной роты . .	Гор. Або и район Або-Оландской позиции.
г) 107-я пехотная дивизия.	
Управление и штаб дивизии, управление дивизионного интенданта, команды: автомобилистов, мотоциклистов, обоза, конвоя и связи, 1-й, 2-й, 4-й и 5-й взводы дивизионного обоза, дезинфекц. отряд, перевязочный отряд и рота носильщиков	Район морск. крепости.
427-й пехотный Пудожский полк.	
Штаб полка, команды: пулеметная, учебная, связи, конных разведчиков и нестроевая, две хлебопекарни, 1-я—12-я роты полка, околодок полка и прикомандированный к полку от 107-й пехотной дивизии дивизионный обоз	Район морск. крепости.
428-й пехотный Лодейнопольский полк.	
Штаб полка, команды: нестроевая, пулеметная и связи и 1-я—12-я роты полка	Район морск. крепости.
Ревельский пограничный конный дивизион.	
Штаб, 1-я—4-я сотни и пулеметная команда дивизиона	Район морск. креп. и побережье.

II. Свеаборгская крепость.

а) Штаб крепости.	
Штаб и состоящие при нем команды: жандармская, автомобильная, пожарная, нестроевая и этапно-ветеринарного лазарета . . .	Район крепости Свеаборга.

б) 116-я пехотная дивизия.

Штаб дивизии, 461-й пех. Зубцовский полк, 462-й пехотн. Старицкий полк, 463-й пех. Краснохолмский полк, 464-й пех. Селигерский полк, 116-й артиллерийск. дивизион, 116-й артиллерийск. парковый дивизион, дивизионный обоз, 1-й и 2-й лазареты 116 й пех. дивизии, дезинфекц. и перевязочный отряды 116-й пех. дивизии	Район Свеаборгской креп.

в) Инженерные войска.

Управление начальника инженеров и строителя Свеаборгской крепости, Свеаборгский креп. минный баталион, Свеаборгск креп. телеграфная рота, Свеаборгская креп. воздухоплавательная рота и 1-я и 2-я крепостные саперные роты	Район Свеаборгской креп.

г) Крепостная артиллерия.

Управление начальника артиллерии крепости, Свеаборгский крепостной артиллерийский полк . .	Район Свеаборгской креп.

д) Крепостное интендантство.

Свеаборгское крепостное интендантское управление, Свеаборгский креп. продовольственный магазин, Свеаборгский креп. расходный продовольственный магазин и три гурта порционного скота Свеаборгской крепости .	Район Свеаборгской креп.

е) Санитарная

Крепостное военно-санитарное управление, 1-й и 2-й креп. Свеаборгский временные госпитали, Свеаборгский местный лазарет . .	Район Свеаборгской креп.

III. Моонзундская позиция.

Штаб Моонзундской позиции . . .	Остров Эзель.
а) Отдельная морская бригада.	
Штаб бригады, штаб, обоз, команды: службы связи, хозяйственная, подрывная и пулеметная, 1-я—8-я роты 1-го морского полка .	Остров Эзель.
Штаб, лазарет, команды: пулеметная, подрывная, связи, конно-разведочная, нестроевая, 1-я—8-я роты 2-го морского полка . .	
Штаб, команды: пулеметная, подрывная, связи и конно-разведочная, 1-я—8-я роты и ротные околодки 3-го морского полка . .	Остров Эзель.
3-я конно-пулеметная батарея . .	Остров Даго.
Штаб, 1-я—8-я роты 4-го Морского полка	Остров Даго.
1-я, 2-я и 4-я пулеметные ездящие батареи артиллерии сухопутного фронта морской крепости Императора Петра Великого . . .	Остров Эзель.
б) Артиллерия.	
1-я позиционная батарея, 1-я батарея отд. морского артиллер. дивизиона, 2-я легкая батарея отд. морск. артиллер. дивизиона, 3-я батарея отд. морск. артил. дивизиона, 1-й и 2-й тяжелые дивизионы артиллерии сухопутного фронта, легкая 10 см. батарея сводной роты 3-го полка артиллерии сухопутного фронта морской крепости Императора Петра Великого и 75 мм. батарея	Остров Эзель.
в) Аренсбургский пограничный конный дивизион.	
Штаб дивизиона	Гор. Аренсбург.
1-я сотня со штабом	Остров Даго.

2-я, 3-я и 4-я сотни со штабами и пулеметная команда дивизиона	Остров Эзель.
г) 107-я пехотная дивизия.	
Дивизионный лазарет	Остров Эзель.
425-й пех. Карпопольский полк.	
Штаб и команды полка: пулеметная и связи, 1-й, 2-й и 3-й батальоны и нестроевая команда .	Остров Эзель.
426-й пех. Повенецкий полк.	
Штаб, полковой лазарет, хлебопекарня и команды: пулеметная, нестроевая, связи, полицейская и музыкантская, 1-й, 2-й и 3-й баталионы	

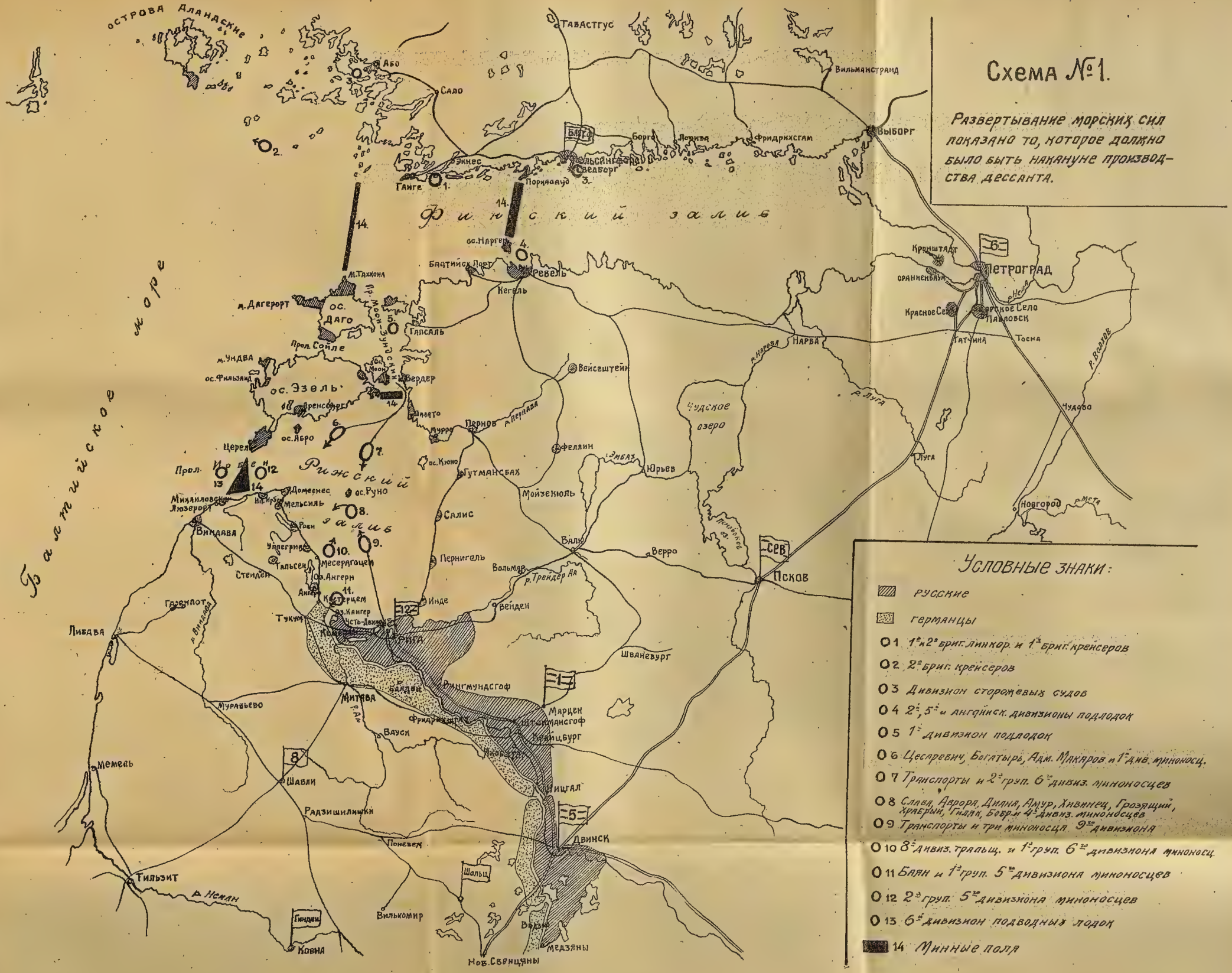
IV. Або-Оландская шхерная позиция.

Штаб начальника Або-Оландской шхерной позиции	Гор. Або.
Артиллерия приморского фронта позиции (6 рот и склад) . . .	На островах позиции.
Абосский флотский полуэкипаж . .	Гор. Або.
Стрелковый полк офицерской стрелковой школы	Остров Оланд.
Оландский морской баталион . . .	
4-я и 5-я батареи полевой бригады артиллерии сухопутного фронта морской крепости Императора Петра Великого	
Оландская автомобильная команда .	
Команды: Свеаборгской крепостной саперной роты и Свеаборгского креп. минного баталиона . .	Остров Оланд.
Жандармская команда позиции . .	Район Або-Оландской позиции.
Ковенская крепостная телеграфная рота	Гор. Або.

БИБЛИОТЕ

Схема №1.

Развертывание морских сил показано то, которое должно было быть накануне производства десанта.



Условные знаки:

- русские
- германцы
- 1 1-я и 2-я бриг. линкор. и 1-я бриг. крейсеров
- 2 2-я бриг. крейсеров
- 3 Дивизион сторожевых судов
- 4 2-я, 5-я и англ. дивизионы подлодок
- 5 1-я дивизион подлодок
- 6 Цесаревич, Богатырь, Адм. Макаров и 1-я див. миноносц.
- 7 Транспорты и 2-я груп. 6-й дивиз. миноносцев
- 8 Славн, Аврора, Диана, Амур, Хивинец, Грозящий, Храбрый, Гилак, Бобр и 4-я дивиз. миноносцев
- 9 Транспорты и три миноносца 9-го дивизиона
- 10 8-я дивиз. тральщ. и 1-я груп. 6-го дивизиона миноносц.
- 11 Баян и 1-я груп. 5-го дивизиона миноносцев
- 12 2-я груп. 5-го дивизиона миноносцев
- 13 6-я дивизион подводных лодок
- 14 Минные поля

ПРОФЕССУ

Схема №2

Район Роен-Туккум

Масштаб 30 вер. в дюйм.

Схема №3

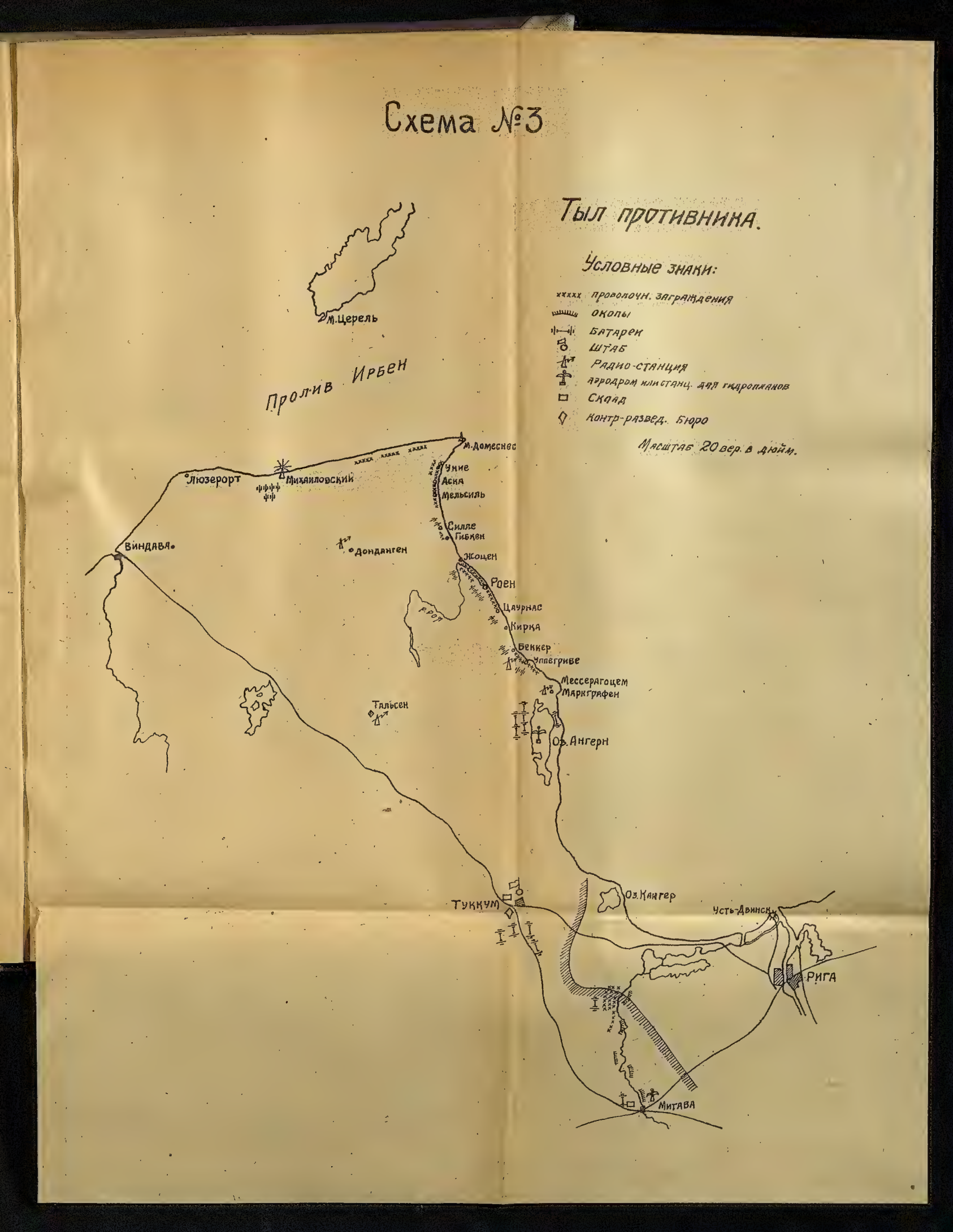

Тыл противника.
Условные знаки:
проволочн. заграждения
окопы
батареи
штаб
радио-станция
аэродром или станц. для гидропланов
склад
контр-развед. бюро
Масштаб 20 вер. в дюйм.
м. Церель
Пролив Ирбен
м. Домеснес
Люзерорт
Михайловский
Виндава
Донданген
Умие
Аска
Мельсиль
Силле
Гибкен
Жоцен
Роен
р. Роя
Цаурнас
Кирка
Беккер
Уппегриве
Мессерагоцем
Маркграфен
Оз. Ангерн
Тальсен
Туккум
Оз. Кангер
Усть-Двинск
Рига
Митава

Схема №4

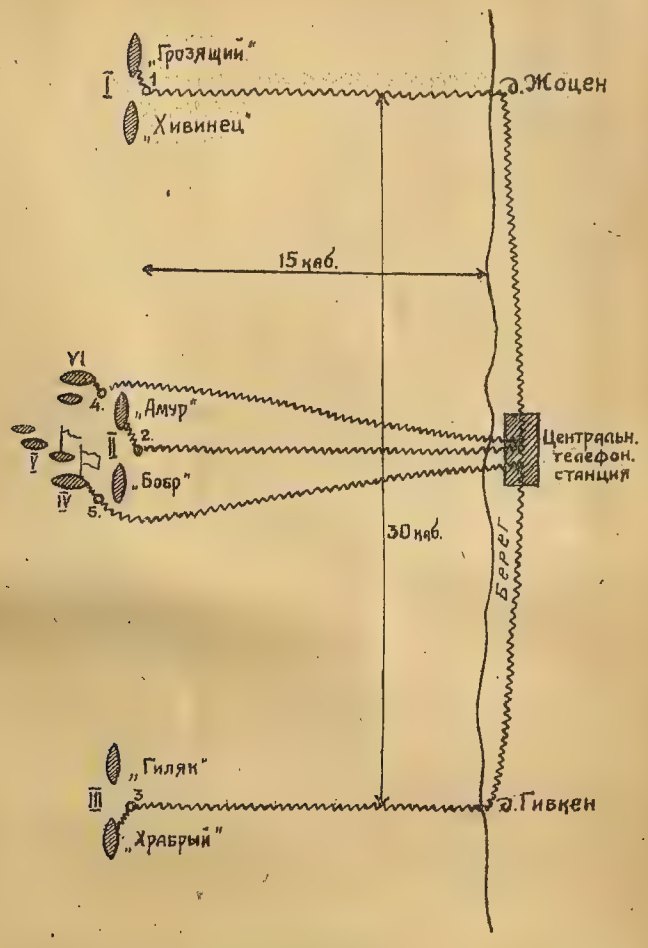


Схема связи
при диспозиции №3
(приложение к инструкции №165/оп.)

1,2,3,4,5 – мины с закрепленными на них кабелями

I, II, III – группы стреляющих судов

IV – „ Боре"

V – „Громящий" и 9-й дивизион

VI – Баржа с аэростатом и при ней миноносец.

Схема №5

Схема движения флотилии транспортов особого назначения.

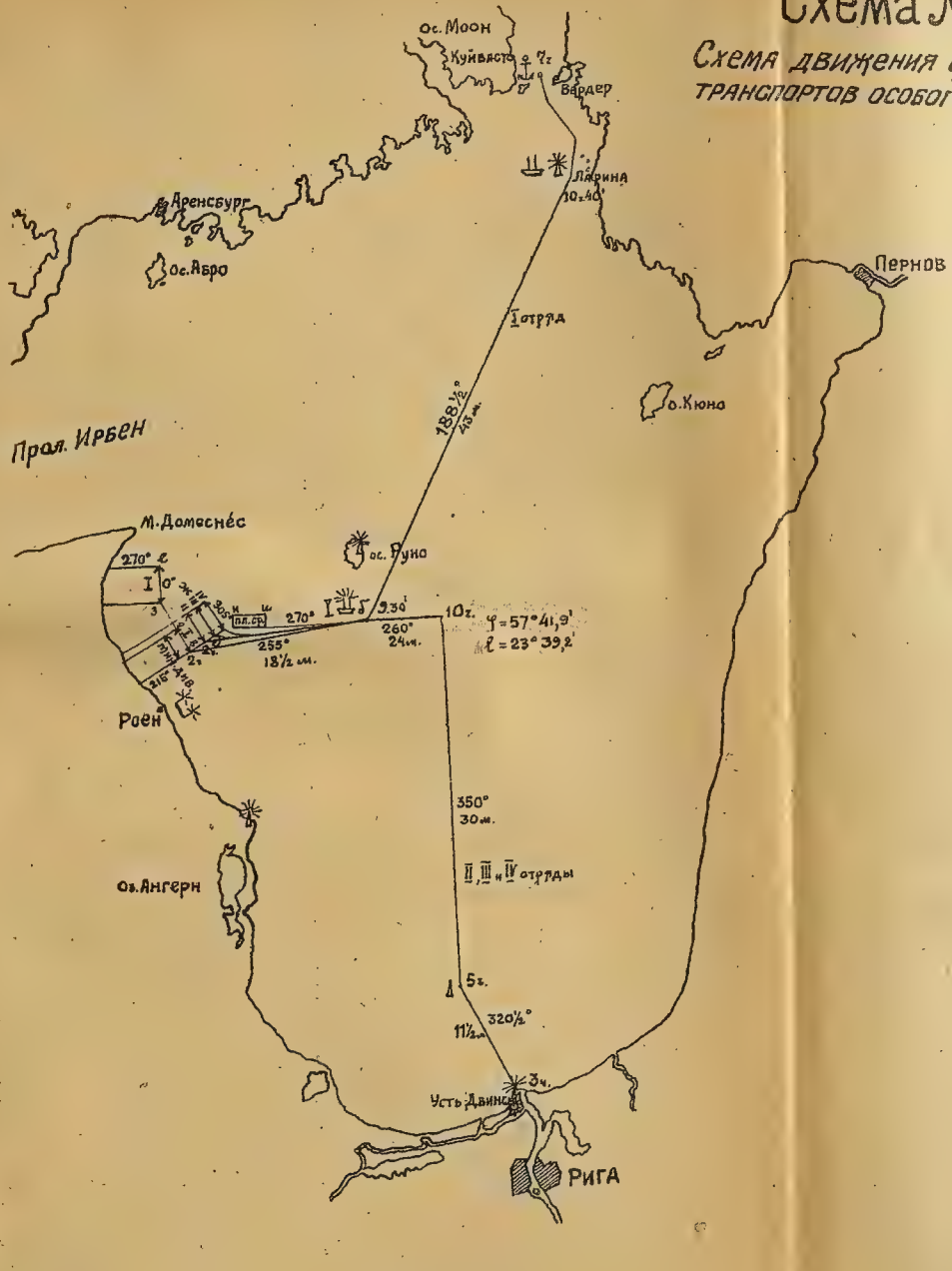
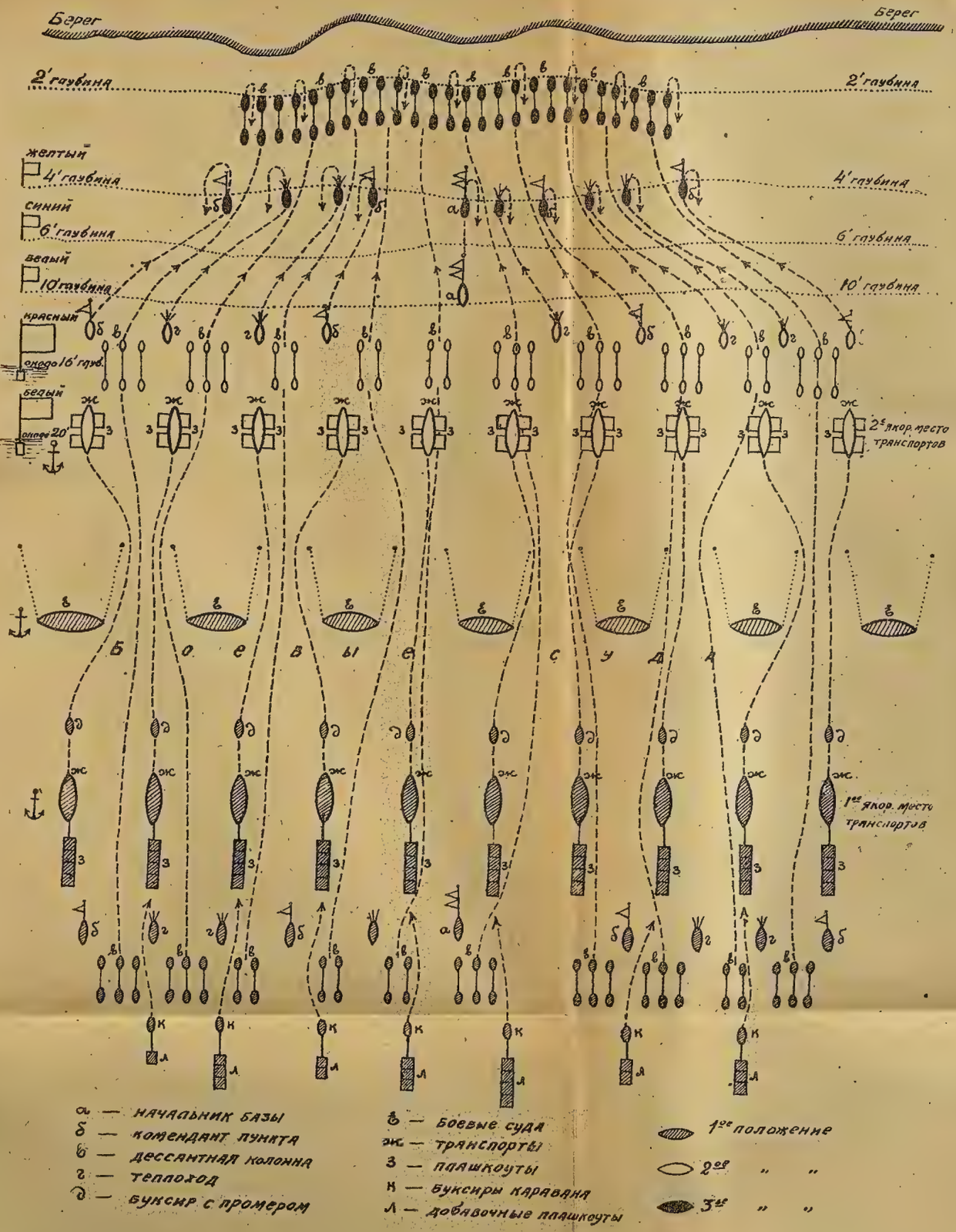


Схема №6

Схема высадки десанта с I-го отряда транспортов.



27737

Цена 2 р. 75 к.